РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА

УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ. БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII–XXI вв.

Материалы XIII Всероссийской научной конференции
Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.

Том 1

Екатеринбург
2018

ББК 63.3(2)+30Г
УДК 94 (470)
У 68

Рекомендован к печати
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Редакционная коллегия:
д.и.н. В.А. Аракчеев, д.и.н. В.В. Запарий, к.и.н. К.И. Зубков,
д.и.н. Г.Е. Корнилов, д.и.н. И.В. Побережников,
д.и.н. Е.Ю. Рукосуев (отв. редактор), д.и.н. А.В. Сперанский,
д.и.н. Н.В. Суржикова, д.и.н. А.В. Трофимов

Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х т. — Екатеринбург: УрО РАН, 2018. — Т. 1. — 488 с.

ISBN 978-5-7691-2504-1

В сборник вошли материалы докладов участников конференции, посвященные различным проблемам экономической, политической, социально-культурной истории России и Урала, а также вопросам истории науки и техники.
Книга предназначена историкам, экономистам, социологам, преподавателям вузов, студентам, магистрантам, аспирантам, учащимся средних специальных учебных заведений.

ISBN 978-5-7691-2504-1

Публикация осуществлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-20081

© УрО РАН, 2018
© ИИиА УрО РАН, 2018
© Авторы, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Протоиндустриальная модернизация России в XVIII — первой половине XIX века

Бакшаев А.А. Законодательное регулирование производства военной продукции на казенных горных заводах Урала в конце XVIII — начале XIX вв. 7

Богатырев Э.Д. Транспортная логистика казенной поташной промышленности России в условиях модернизационных процессов конца XVII — первой половины XVIII века 16

Бочкарева Е.С. Формирование рабочих кадров Златоустовского горнозаводского округа во второй половине XVIII в. 26

Гижевский Б.А., Зенкова Л.В. Уральские передельные заводы: Каменский Верхний завод 35

Киселев М.А. От Канцелярии горных дел к Сибирскому Вышнему горному начальству: трансформация названия органа управления в контексте политики Берг-коллегии в 1720–1722 гг. 43

Курлаев Е.А. Формирование центров производства военной и металлургической продукции на Урале в XVII — первой четверти XVIII в. 53

Мударисов Р.З. К вопросу о кризисе горнозаводской промышленности Южного Урала в первой половине XIX века 63

Нефедов С.А. Большие вызовы в истории России 73

Новиков И.А. «Неизвестные» металлургические заводы Южного Урала XVIII века 86

Побережников И.В. Проблемы в изучении российских модернизаций 93

Устинов А.Л. К вопросу об эффективности управления Каслинским и Кыштымским заводами во второй половине XVIII — начале XIX вв. 103

Секция 2. Экономическая модернизация России в конце XIX — начале XX века

Абрамов И.В. Константин Носилов и поиски золота на Северном Урале 114

Бармин А.В. Преобразование органов управления горнозаводской промышленностью Урала в 1880-е гг. 122

Бессолицын А.А. Деятельность Совета Съездов представителей промышленности и торговли по защите интересов предпринимательского сообщества после Февраля 1917 г. 133

Голикова С.В. Дореволюционные детские сады: возникновение правовой и экономической регуляции 144

Дашкевич Л.А. Вклад Н.А. Соковнина в развитие промышленного образования и кустарной промышленности на Урале 154

Еробкин И.Е., Калугина Г.В., Петухова И.В. Некоторые аспекты положения и занятости горнозаводских рабочих Урала на рубеже XIX–XX веков 161

Зубков К.И. Донецко-Криворожский прототип Урало-Кузнецкого проекта 167

Микитюк В.П. Роль екатеринбургских предпринимателей в развитии салотопенной отрасли Пермской губернии (конец XVIII — начало XX в.) 179

Неклюдов Е.Г. Торги на заводы Гороблагодатского округа в 1870-е гг. . 189

Петрушина Е.А. Развитие винокуренной промышленности в Симбирской губернии на рубеже XIX–XX вв. 200

Роднов М.И. Уфимское купечество середины XIX века: опыт реконструкции 207

Рябая С.А. О состоянии химической промышленности Вятской губернии в первые два десятилетия XX века 215

Сухих В.В. К истории концессии К.Д. Носилова — И.И. Эльпорта на постройку канала через Ямал (1914–1917 гг.) 224

Федосеев Р.В., Богатырев Э.Д. Основные направления развития дворянской промышленности Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века 236

Шкерин В.А. Горнозаводское углежжение в памяти потомков Южноуральских углежогов (по полевым материалам) 250

Шумкин Г.Н. Проблема качества чугунных орудий Каменского завода в середине XIX века 260

Яхно О.Н. Технологические инновации и повседневная жизнь горожан на рубеже XIX–XX веков 273

Секция 3. СССР и Россия в контексте модернизаций XX — начала XXI века: политические аспекты

Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Имперская Россия перед вызовами современности: прогресс и культура 282

Берсенёв В.Л. Приватизация как символ современной экономической реформы в России 295

Воробьев С.В. Коммунисты Екатеринбургской губернии: партийные старожилы и неофиты (по материалам партийной переписи 1922 г.) 306

Гафурова В.М. Уралпромбюро как результат поиска новых эффективных форм управления промышленностью Урала на завершающем этапе Гражданской войны 318

Демчик Е.В., Гряникова Г.А. «Индустрия дефицита» в советской экономике 1960-х — 1980-х гг. (на материалах Алтайского края) 326

Запарий В.В., Шуняков Д.В. Награды и наградная система: определения и характеристики 333

Зипунникова Н.Н. Опыт законодательства об образовании и науке на поворотах Российской истории: к проблеме юридической преемственности 346

Каплюков В.В., Яркова Е.И. Южный Урал 1920-х годов в информационных сводках ОГПУ 355

Клинова М.А. Борьба с хищениями социалистической собственности в Свердловской области в 1960-е — 1970-е гг. 370

Корнилов Г.Е. «Вредители» в военной промышленности СССР в 1930-е гг.: историографический и источниковый аспекты 379

Личман Б.В. Планирование развития индустрии на Урале (1965–1980 гг.) 393

Макарова Н.Н. Партийная организация Магнитогорска: численность и кадровый состав в 1930-е гг. 399

Мамяченков В.Н. …И все-таки застой был! 411

Мельников Н.Н. «Вредители» в Военпроме: развитие военной промышленности СССР на фоне борьбы с «вредительством» в конце 1920-х гг. 420

Сильченко И.С. Из истории формирования горно-приисково-промышленной милиции Екатеринбургской губернии 426

Сушков А.В. «Вы знаете, что это — преступление, граничащее с провокацией?» О некоторых аспектах «Ленинградского дела» 437

Тарасова Н.А. Управление мотивацией труда персонала промышленных предприятий в 1956–1986 гг. 457

Урожаева Т.П. Реформирование экономики Иркутской области и проблемы градообразующих предприятий в первой половине 1990-х гг. 470

Шишкин А.А. Тема социалистического труда в организации праздников на Урале в период позднего сталинизма (на примере городов Молотов и Свердловск) 478

СЕКЦИЯ 1
ПРОТОИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Бакшаев Александр Алексеевич
к.и.н., доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *alexandr.bakshaev@yandex.ru*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

УДК 94(470.5).072:351.82

В статье рассматриваются вопросы регламентации военного производства на казенных металлургических заводах Урала в законодательстве Российской империи. Отмечается, что с конца XVIII в., когда казенные предприятия становятся основными поставщиками металлов и изделий для армии и флота, принимаются нормативные акты, регулирующие порядок, сроки и объемы выполнения военных заказов, определявшие стоимость военных изделий.

Ключевые слова: *горнозаводская промышленность, Урал, Военное ведомство, военные наряды, горный округ, Морское ведомство, оружейные заводы*

Возникновение и развитие горнозаводской промышленности со времени правления Петра I было непосредственно связано потребностями государства в военной продукции. В начале XIX в. военная экономика превращается в многоотраслевое хозяйство, включавшее не только военные предприятия, но и все отрасли, которые обеспечивали армию и флот предметами вооружения. Наряду с оружейными заводами и арсеналами поставщиками изделий для военных нужд были и предприятия горнозаводской промышленности.

Необходимость увеличения производства военной продукции привела к строительству на Урале в начале XVIII в. казенных металлургических заводов. После периода нахождения в частных руках большинство из них возвращается в казну во второй половине XVIII в. В 1801 г. казенные предприятия были объединены под руководством трех горных начальств: Екатеринбургского, Гороблагодатского и Пермского. Новые группы частных заводов (Богословские и Златоустовские) перешли в казенное ведение в начале XIX в. Таким образом, с утверждением в 1806 г. Проекта Горного положения в регионе складывается самостоятельный казенный сектор горнозаводской промышленности, представленный пятью горными округами[1].

Казенные металлургические заводы Урала были объединены прочными хозяйственными связями в рамках выполнения военных заказов с оружейными предприятиями, арсеналами Военного и Морского ведомств. В начале XIX в. произведенные здесь металлы поступали на оружейные заводы (Ижевский, Сестрорецкий и Тульский), где использовались в производстве ружей. Тульский завод с XVIII в. был крупнейшим производителем огнестрельного оружия. Сестрорецкий завод занимался в основном ремонтом ружей. Основанный в 1807 г. Ижевский завод изготавливал в этот период около 10% российских ружей. Большая часть крепостной и осадной артиллерии отливалась на Александровском заводе в Карелии. В арсеналах Артиллерийского ведомства (Санкт-Петербургском, Брянском, Киевском, Казанском) отливались и ремонтировались полевые орудия[2].

В начале XIX в. оформилась специализация казенных округов на изготовлении определенных видов военной продукции. Предприятия Урала отправляли по нарядам как предметы вооружения (артиллерийские орудия и снаряды), так и металлы, которые в дальнейшем перерабатывались в военные изделия. Производство снарядов было сосредоточено на заводах Гороблагодатского и

[1] ПСЗ РИ-I. Т. 27. № 20112, 20160, 22208.

[2] Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 226–228; Он же. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 339; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 69.

Екатеринбургского округов. Они направлялись в арсеналы и морские порты различных районов Российской империи. Орудия отливались на Каменском заводе Екатеринбургского округа с 1811 г. (до этого момента здесь изготавливались снаряды). Опыты по отливке орудий с 1812 г. осуществлялись на Верхне-Туринском заводе Гороблагодатского округа, но завершились неудачей. На Златоустовских заводах, поступивших в казну в 1811 г., также изготавливались орудия и снаряды[3].

На нужды предприятий военной промышленности работали различные отрасли металлургического производства (чугунолитейное, железоделательное, медеплавильное). В частности, поставки чугуна Гороблагодатского, Екатеринбургского и Златоустовского округов обеспечивали потребности в сырье оружейных заводов (Ижевского, Луганского, Олонецких), а также направлялись по требованиям Черноморского и Санкт-Петербургского адмиралтейств. Кричное и сортовое железо поступало по нарядам на оружейные предприятия (Ижевский, Сестрорецкий, Тульские, Луганский), где перерабатывалось в военные изделия; а также Санкт-Петербургский и Киевский арсеналы, Санкт-Петербургское адмиралтейство и ряд российских портов (Архангельский, Астраханский и др.). Якоря, изготавливавшиеся в Камско-Воткинских и Гороблагодатских заводах, поставлялись по нарядам Морского ведомства для судов Балтийского и Черноморского флотов. Продукция медеплавильных заводов также шла на удовлетворение потребностей Тульского и Ижевского оружейных заводов, арсеналов Санкт-Петербурга, Киева и Брянска[4].

Государство регулировало порядок и сроки выполнения военных заказов, устанавливало цены на металлы и изделия казенных горных округов. До конца 1770-х гг. изготовлением военной продукции занимались как казенные, так и частные предприятия. В соответствии с императорским манифестом от 21 мая 1779 г. отменялась обязанность партикулярных заводов производить изделия для армии и флота. Казенные заводы становятся единственными

[3] Ляпин В.А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 103; Бескровный Л.Г. Отечественная война… С. 223; РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 147. Л. 3; Д. 157. Л. 1–3, 482.

[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4794. Л. 46об.–50об.; Д. 4796. Л. 25об.; Оп. 24. Д. 8155. Л. 20об.–21.

поставщиками орудий, снарядов, железа по заказам казны. Однако, в случае необходимости на частные заводы могли быть возложены поставки военной продукции. Военным и Морским ведомствами определялись ассортимент изделий, а также их размеры[5].

Цены на военную продукцию впервые были установлены сенатскими указами 1715 и 1728 г. В конце XVIII — начале XIX вв. были изданы новые законодательные акты, определявшие стоимость изделий казенных заводов. В частности, в связи с потребностью Адмиралтейства в листовом железе, Сенат в 1793 г. определил, что в случае появления подобных требований к «истинным» заводским ценам прибавлялось 10 %[6].

Порядок выполнения военных нарядов регулировался указом Сената от 20 августа 1801 г. Адмиралтейство, Артиллерийское ведомство и оружейные заводы (Тульский и Сестрорецкий) предоставляли сведения о количестве необходимой продукции в ведомостях, составленных по установленной форме. Казенные горные заводы должны были ежегодно поставлять 30 тыс. пудов железа (20 тыс. полосового и 10 тыс. сортового). В случае необходимости по чрезвычайным требованиям Военного и Морского ведомств могли назначаться дополнительные наряды. В документе регламентировался порядок расчетов за металлы и изделия. Так, половину суммы военные ведомства вносили в Берг-коллегию при поступлении наряда, другую — при доставке продукции и ее приеме в местах назначения. Тульский оружейный завод получал железо по ценам на 50 коп. за пуд меньше, чем для других потребителей. Кроме того, заводу отпускалось 25 тыс. пудов железа ежегодно по себестоимости[7].

В начале XIX в. предпринимались попытки упорядочить систему расчетов между различными ведомствами за продукцию, изготовленную для военных нужд. Согласно высочайше утвержденному докладу министра финансов от 20 февраля 1803 г. представители Военного и Морского ведомств выдавали квитанции при приеме металлов на заводах. По требованию министра военных сухопутных сил в случае утраты изделий казенные предприя-

[5] ПСЗ РИ-I. Т. 20. № 14878. С. 823; РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 155. Л. 11об.–12.
[6] РГИА. Ф. 37. Оп. 9. Д. 155. Л. 1–1об., 12–12об., 14–14об.
[7] ПСЗ РИ-I. Т. 26. № 19986.

тия должны были поставить такое же их количество. Продукцию, поступавшую по нарядам Морского ведомства, не следовало перевозить вместе с изделиями других потребителей[8].

Требования к размерам и качеству военной продукции были установлены в специальных правилах и инструкциях. В 1804 г. были утверждены правила пробы и приема артиллерийских орудий. В этом же году было разработано положение о приеме железа, якорей и артиллерийских снарядов. Отмечалось, что военные ведомства должны были получать изделия в том виде, «который для оного выгоден, удобен и нужен». В Положении устанавливались требования к размерам, свойствам железа разных сортов, весу и качеству якорей и артиллерийских снарядов, определялись сроки выполнения нарядов. Так, военные ведомства должны были предоставлять объемы необходимой продукции в начале года, на который давался наряд. Например, наряд на 1805 г. выполнялся в течение этого года и четырех месяцев 1806 г. и отправлялся в весеннем караване. На казенные заводы должны были направляться комиссионеры Артиллерийского и Морского ведомств, деятельность которых по приему металлов и изделий подробно регламентировалась[9].

Новые требования к размерам и качеству артиллерийский орудий были определены в инструкции, утвержденной 30 апреля 1808 г. Порядок приема артиллерийских снарядов, разрешения споров между военными приемщиками и горной администрацией регулировался в «Инструкции о приеме артиллерийских снарядов» от 18 августа 1808 г.[10]. В дальнейшем, когда казенные и частные заводы перестали справляться с возложенными на них нарядами, требования этих инструкций были снижены.

Важнейшим законодательным актом, регулирующим все стороны функционирования органов горного управления и металлургических предприятий, был Проект Горного положения, утвержденный 13 июля 1806 г. Выполнение военных нарядов объявлялось важнейшим направлением деятельности казенных

[8] Там же. Т. 27. № 20624. С. 465–466.
[9] Там же. Т. 28. № 21232, 21359.
[10] Там же. Т. 30. № 22986, 23233.

металлургических заводов. В документе устанавливался порядок выполнения нарядов. Пермское горное правление получало данные об объемах необходимой продукции от Военного и Морского ведомств и распределяло их по горным округам. Горный начальник передавал требования на предприятия округа, в зависимости от наличия соответствующего оборудования и производств. Руководители горных округов отчитывались о выполнении нарядов перед органами горного управления. В Проекте горного положения устанавливались постоянные цены на пять лет (1807–1812) для Гороблагодатских, Камских, Богословских и Пермских заводов[11]. Стоимость продукции Екатеринбургских заводов была определена в высочайше утвержденном докладе министра финансов от 10 ноября 1806 г.[12]

В совместном докладе министра финансов, военного министра и товарища министра морских сил, утвержденного 13 февраля 1807 г., констатировалось, что военные ведомства и оружейные заводы не в состоянии вносить плату за изделия сразу после их получения. По установленному в 1801 г. порядку половину денег Горное ведомство получало сразу же после назначения нарядов. Другую половину перечисляли после приемки военных изделий. Расчет за изготовленную казенными заводами продукцию осуществлялся по частям и растягивался на длительное время. Все это приводило к накоплению долгов на Артиллерийском департаменте, Военном министерстве и оружейных заводах. В итоге, порядок получения денег было решено оставить без изменений[13].

Одной из мер по развитию военного производства было создание нового оружейного завода на Урале. В 1807 г. начинается строительство Ижевского завода, порученное именным указом императора А.Ф. Дерябину. Уже в следующем году Ижевский оружейный и железоделательный заводы Гороблагодатского округа переходят в ведение Министерства военных сухопутных сил. В указе Александра I от 28 октября 1808 г. были изложены причины передачи: другие оружейные заводы России (Тульский и Олонецкий)

[11] Там же. Т. 29. № 22208. С. 446–453, 509–510, 556–558.
[12] Там же. № 22346. С. 838–843.
[13] Там же. № 22456. С. 1016–1018.

уже находились в ведении Военного ведомства. Ижевский завод получит новые технологии и квалифицированных мастеров с оружейных предприятий[14].

Изготовление военной продукции на казенных заводах Урала с 1804 г. было приостановлено для осуществления реконструкции производства. Но ведение военных действий с Турцией и Ираном и ожидание нападения Наполеоновской Франции вынудило возобновить производство продукции по военным нарядам[15]. Казенные заводы в соответствии с указом Сената от 22 сентября 1809 г. должны были производить продукцию только по нарядам Адмиралтейства, артиллерии и оружейных заводов. Останавливалось изготовление металлов для продажи частным лицам. Увеличивались объемы продукции, поступавшей по нарядам, по причине возрастающих потребностей армии и оружейных предприятий. Указ не распространялся на Николае-Павдинский завод Богословского округа, не производивший металлы для военных нужд[16].

С приходом на пост военного министра в январе 1810 г. вместо А.А. Аракчеева М.Б. Барклая-де-Толли начинается реализация программы увеличения производства артиллерийских орудий и снарядов, в которой участвовали уральские заводы. В результате объемы военных заказов для казенных заводов Урала значительно возросли. Военный министр отмечал, что наряды увеличивались «основываясь на прямой нужде государства» в связи с потребностями армии и не могут быть сокращены. Так, в наряд 1811 г. для Военного ведомства необходимо было изготовить в течение двух лет более 1,5 млн пудов орудий и снарядов. Для Адмиралтейства на 1812 г. требовалось поставить 33 600 пудов военной продукции. Артиллерийский департамент определил, что металлы и изделия должны доставляться в определенные пункты, откуда они могли развозиться по местам назначения: в Санкт-Петербург — для Финляндии, Ригу — для Лифляндии,

[14] ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 62. Л. 2; Ф. 25. Оп. 1. Д. 1515. Л. 1–1об.; ПСЗ РИ-I. Т. 30. № 23318.

[15] Ляпин В.А. Технико-экономическое состояние военного производства казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск, 1989. С. 14.

[16] ПСЗ РИ-I. Т. 29. № 23854. С. 1166.

Калугу — для Луганского оружейного завода и Киевского арсенала, Тобольск — для Сибирского департамента[17].

В ходе выполнения наряда казенные предприятия изготавливали продукцию с опозданием и не в полном объеме. В результате, 3 октября 1810 г. императором было утверждено мнение Государственного совета о возложении на частные заводы оставшейся части нарядов: в первый год они должны были приготовить до 350 тыс. пудов орудий и снарядов, в последующие годы объемы заказов могли быть уменьшены или увеличены. Частные заводы, добровольно приступившие к изготовлению военной продукции, могли получить двойную цену при сдаче их в военное ведомство. В этом же документе были определены меры по развитию производства орудий на казенных заводах. Для поддержки Каменского завода предписывалось предоставить дополнительное число работников. Так как завод не мог удовлетворить потребностей Военного ведомства, решено было провести опыты по отливке орудий на Гороблагодатских заводах[18].

Проблемы в расчетах за военные изделия между Министерством финансов и военными ведомствами продолжали приводить к накоплению долгов на последних. Для решения этого вопроса 20 декабря 1810 г. императором было утверждено мнение Государственного совета, обязывавшее с 1811 г. отпускать с казенных заводов для Адмиралтейства, сухопутной артиллерии и Тульского оружейного завода орудия, снаряды, металлы и др. изделия без оплаты. Стоимость продукции определялась только для возмещения утраченного количества из казны[19].

В Учреждении Министерства финансов от 25 июля 1811 г. определялись полномочия ведомства по управлению горнозаводской промышленностью. Министр финансов должен был «иметь особое попечение» о предприятиях, выполнявших заказы армии и флота. Основным направлением деятельности казенных горных заводов было снабжение металлами и изделиями военных потребителей. Министерство финансов должно было получать от воен-

[17] ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 63. Л. 15–17; Пугачев В.В. К вопросу о военно-экономической подготовке к войне 1812 г. // Ученые записки Пермского университета. 1955. Вып. 2. Т. 7. С. 164.

[18] ПСЗ РИ-I. Т. 31. № 24368.

[19] Там же. № 24473.

ных ведомств требования об объемах необходимой продукции и направлять их казенным предприятиям[20].

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX вв. на Урале формируется система казенных горных округов, которые становятся основными поставщиками металлов и изделий по требованиям армии и флота. В условиях увеличения военной опасности, подготовки к войне с Наполеоном принимаются меры по развитию военной промышленности. Создается нормативная база, регламентирующая порядок производства военной продукции, взаимодействия предприятий горнозаводской промышленности с военными ведомствами.

Библиографический список

Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

Ляпин В.А. Военное производство на Урале в XIX в. // Третьи Татищевские чтения: тез. докл. и сообщений. Екатеринбург, 2000. С. 196–197.

Ляпин В.А. Технико-экономическое состояние военного производства казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма. Свердловск, 1989. С. 13–27.

Пугачев В.В. К вопросу о военно-экономической подготовке к войне 1812 г. // Уч. записки Пермского университета. 1955. Т. 7. Вып. 2. С. 163–170.

Bakshayev A.A.

Legislative regulation of production of military products at the Caspian mining factories of the Urals at the end of the 18 — beginning of the 19th century

The article considers the regulation of military production at the state mining works of the Urals in the legislation of the Russian Empire. The author noted that from the end of the 18th century, when state enterprises become the main suppliers of metals and products for the army and navy, adopted regulatory acts determined the order, timing and amount of military orders, value of military products.

Keywords: *mining industry, the Urals, arms factories, military orders, mining district, Maritime administration, Military administration*

[20] Там же. № 24688.

Богатырев Эдуард Дмитриевич
д.и.н., профессор кафедры истории России, Мордовский государственный университет (Саранск, Россия)
E-mail: *edbog@mail.ru*

ТРАНСПОРТНАЯ ЛОГИСТИКА КАЗЕННОЙ ПОТАШНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

УДК 94:338(470+571)«17»

В статье рассматривается организация системы доставки поташа, произведенного на казенных предприятиях, с мест производства к пунктам продажи, обеспечивавшей своевременную и наименее затратную транспортировку. Определены факторы, обеспечивавшие выбор того или иного решения в отдельные временные отрезки; рассмотрены возникающие логистические проблемы и установлены пути их решения, что дает представление о приоритетах правительства в данной сфере.

Ключевые слова: *Россия, XVII–XVIII вв., казенная поташная промышленность, транспортная логистика*

Возникнув в конце XVII в., казенная поташная промышленность играла заметную роль в экономике России в первой половине XVIII в., являясь одним из важных источников поступления валюты в казну. Такое положение определялось рядом факторов: достаточно устойчивым спросом и высокой ценой на поташ на внешнем рынке; технологической простотой производства; наличием огромных запасов леса, служившего источником крайне дешевого сырья, а также людских ресурсов, находившихся в распоряжении государства. Поэтому для увеличения получаемой прибыли достаточно большое внимание уделялось вопросам организации производства и реализации поташа[1]. В то же время, изначально

[1] Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в конце XVII — первой половине XVIII века. Саранск, 2001; Богатырев Э.Д., Першин С.В. Приписное крестьянство мордовского края в контексте развития казенной поташной промышленности России // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 17–22; Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в

ориентируясь на экспорт поташа за рубеж, российское правительство должно было наладить систему доставки произведенной продукции с мест производства к пунктам продажи, обеспечивавшую своевременную и наименее затратную транспортировку.

Весь поташ поставлялся в западноевропейские страны, преимущественно в Англию и Голландию. В конце XVII в. в условиях отсутствия выхода к Балтийскому морю единственным портом, через который осуществлялась торговля с Западной Европой, являлся Архангельск. Именно туда следовало доставлять изготовленный на казенных гартах поташ. В условиях разветвленной гидросистемы в России наиболее дешевым видом транспорта являлись речные суда, но рек, напрямую связывающих Среднее Поволжье, где сформировался центр казенной поташной промышленности, с Архангельском, нет. Поэтому наиболее эффективной была признана доставка поташа по суше до Вологды, а далее он транспортировался до Архангельска по Северной Двине.

Плохое состояние дорог затрудняло перевозку грузов по суше в летний период. Предпочтительно было производить транспортировку зимой на санях. Дополнительным плюсом этого было то, что работы на гартах заканчивались поздно осенью, и зимой можно было забрать весь произведенный в течение сезона поташ. Кроме того, зимой крестьяне были гораздо менее загружены работой и можно было тем или иным способом привлекать их к перевозке поташа.

Именно такой порядок доставки поташа в Архангельск установило российское правительство в конце XVII в. В разные годы стоимость его провоза до Вологды была различной. Так, в 1680 г. провоз 466 бочек (весом без дерева 1 494 берковца 6 пудов) обошелся казне в 817 руб. 21 коп. Провоз одной бочки стоил, следовательно, 1 руб. 75 коп., одного берковца — 55 коп. В 1683 г. за провоз 858 бочек чистым весом 2 895 берковцев 4 пуда было заплачено 1 410 руб. 29 коп. (за бочку — 1 руб. 64 коп., за берковец — 48 коп.). В 1684 г.

условиях модернизационных процессов первой половины XVIII века: основные тенденции развития // Экономическая история. 2010. № 4. С. 27–36; Он же. Деятельность российского правительства в конкурентной борьбе на внешнем рынке в первой половине XVIII века (на примере экспорта казенного поташа) // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 45–51.

провоз одного берковца поташа стоил 50 коп.[2]. То, что ежегодно стоимость провоза единицы продукции различалась, свидетельствует о том, что в то время доставка поташа от гартов до Вологды осуществлялась подрядом: желающие предлагали свои условия, и с тем, чья цена была наиболее низкой, заключался договор.

Такой подход, судя по всему, действовал и в начале XVIII в., но затем после создания в 1707 г. Починковской поташной конторы он несколько изменился. Так, в 1708 г. отвоз поташа в Вологду осуществлялся дворцовыми крестьянами Вадской и Сергачской волостей с зачетом им в счет выплаты оброчных денег по два рубля за бочку[3] (средний вес бочки был более 30 пудов, поэтому для перевозки каждой бочки требовалась отдельная подвода). Всего в этом году с будных станов было отправлено 818 бочек поташа. В 1716 г. для вывоза поташа в Вологду были взяты 506 крестьянских подвод также с зачетом в счет оброчных денег по 2 руб. за подводу[4]. По сравнению с концом предыдущего столетия оплата провоза поташа возросла, но возложение обязанностей по его доставке на дворцовых крестьян говорит о том, что в то время рыночная стоимость этой услуги возросла еще больше. Объяснить такое решение можно лишь стремлением руководства поташной конторы сократить расходы на транспортировку путем принудительного использования труда приписных крестьян.

В 1721 г. из-за значительной удаленности Архангельска от Санкт-Петербурга, в котором располагалась Коммерц-коллегия, а также раннего завершения периода навигации на Белом море возникла затруднительная ситуация с продажей поташа. Для более оперативного решения возникающих вопросов между Коммерц-коллегией и купцами было решено с 1722 г. осуществлять продажу поташа за границу не через Архангельск, а через Санкт-Петербург[5].

Согласно указу, весь изготовленный в 1721 г. на починковских поташных заводах поташ — 593 бочки весом 1 891 берковец 5 пудов — был отправлен в начале 1722 г. в Санкт-Петербург[6].

[2] РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1084. Л. 18об., 21.
[3] Там же. Ф. 1091. Оп. 3. Д. 6. Л. 66.
[4] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1084. Л. 55.
[5] Там же. Д. 1065. Л. 316.
[6] Там же. Л. 232об.

Кроме того, в этом же году сюда было отправлено со Свияжского Меминского гарта еще 86 бочек поташа весом 2 733 пуда 34 фунта. По справке в Коммерц-коллегию, в 1726 г. «за провоз зделанного в 725 году поташа до Москвы зачтено в оброк починковских волостей крестьяном по 2 рубля по 90½ копеек, а от Москвы до Санкт-Питербурха по подрядной цене по 5 рублев по 40 копеек з бочки»[7]. Таким образом, транспортировка продукции с места производства до Санкт-Петербурга осуществлялась только по суше и соответственно обходилась казне гораздо дороже, чем до Архангельска, в результате чего увеличилась и себестоимость поташа. Так, если «истинная цена» берковца поташа, доставленного в 1721 г. в Архангельск, равнялась 3 руб. 60½ коп., то в 1722 г. в Санкт-Петербурге она составила 5 руб. 25½ коп.[8] В то же время принципы, на которых строилась доставка, остались прежними: до Москвы ее осуществляли в зачет оброка приписные к поташной конторе крестьяне, а дальше отвозили по подрядной цене (несмотря на то, что доставка силами приписных крестьян была дешевле, скорее всего, их длительная отлучка от мест жительства была признана нерациональной).

Повышение расходов на транспортировку снижало получаемую казной прибыль, поэтому в 1728 г. было принято решение возобновить продажу поташа через Архангельск. В этом году изготовлено было 990 бочек поташа весом 2 970 берковцев, весь он был отправлен для продажи через Вологду в Архангельск. Провоз до Вологды осуществлялся в это время подрядом и обошелся казне в 3 548 руб. 42½ коп.[9] (около 3 руб. 59 коп. за бочку). В следующем году было произведено 1 553 бочки поташа весом 4 659 берковцев, за доставку которого к Вологде подрядчикам было заплачено 4 978 руб. 29 коп.[10] — в среднем по 3 руб. 20 коп. за бочку. В 1730 г. произведено было 1 645 бочек поташа весом 4 935 берковцев, провоз которого до Вологды осуществлялся по-прежнему подрядчиками и обошелся казне в 4 133 руб. 81½ коп.[11] (одной бочки — 2 руб.

[7] Там же. Ф. 1091. Оп. 3. Д. 61. Л. 31–31об.
[8] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 225. Л. 245.
[9] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1084. Л. 63.
[10] Там же. Л. 68–69.
[11] Там же. Л. 71об.–72.

66 коп.). Доставка изготовленного в 1731 и 1732 гг. поташа в Вологду обошлась казне соответственно в 2 823 руб. 93¾ коп. и 2 893 руб. 89 коп.[12], одной бочки — 2 руб. 44½ коп. и 2 руб. 38 коп.

В 1733 г. в связи с резким увеличением объема производства, всего было изготовлено 2 030 бочек хорошего крупного поташа и 289 бочек мелкого (рума), поташ отправлялся для продажи в как в Архангельск, так и в Санкт-Петербург. Из общего числа поташа 1 015 бочек весом 3 045 берковцев было отвезено в Вологду, 1 035 бочек весом 3 105 берковцев — в Москву. За провоз его было зачтено крестьянам и заплачено подрядчикам: до Вологды — 2 280 руб. 46 коп. (в среднем по 2 руб. 24½ коп. за бочку), до Москвы — 2 267 руб. 36 коп. (в среднем 2 руб. 19 коп. за бочку)[13].

В следующем 1734 г., в связи с заключением пятилетнего договора на покупку с купцами Шифнером и Вульфом, поташ доставлялся только в Архангельск. В этом же году был изменен порядок оплаты доставки поташа до Вологды. Согласно указу Коммерц-коллегии велено было засчитывать «подрядчиком, и волостным, и приписным крестьяном в платеж четырегривенных денег» за провоз поташа «от поташных заводов до Вологды по деньге за версту за подводу»[14]. Всего же за доставку 2 193 бочек крупного поташа и 181 бочки рума общим весом 7 122 берковца было зачтено 6 067 руб. 70 коп.[15], в среднем за бочку — 2 руб. 55½ коп.

Подобный подход к оплате доставки поташа до Вологды действовал вплоть до свертывания крупномасштабного производства поташа в середине 1740-х гг. Но если при введении он сопровождался увеличением оплаты данной услуги (как было показано выше, стоимость доставки одной бочки подрядчиками в предыдущие годы была несколько ниже), то затем рыночная цена транспортировки значительно увеличилась. В представленном в Коммерц-коллегию в 1740-х гг. докладе отмечалось, что исходя из установленной указом 1734 г. цены в итоге стоимость доставки поташа в Вологду с дальних гартов равнялась трем с небольшим

[12] Там же. Л. 77, 81об.
[13] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1084. Л. 85–88.
[14] Там же. Л. 93.
[15] Там же.

рублям, в то время как вольный подрядчик взял бы за это не менее 5 руб. с ближних гартов, и 6–7 руб. с дальних[16]. Поскольку в связи с этим желающих получить подряд на отвоз поташа не стало, то эта обязанность опять была возложена на приписных к Починковской поташной конторе крестьян «в неволю».

Что же касается транспортировки поташа от Вологды до Архангельска, то мы не знаем, кем и по какой цене она осуществлялась до 1728 г., когда ею стала заниматься вдова голландского купца Екатерина Ивановна Гоутман, получая по 17 руб. 75 коп. с 1 000 пудов поташа[17]. На подобных условиях она доставляла поташ на речных судах в Архангельск (где они разбирались и продавались на дерево) достаточно долгое время. Последний заключенный с ней в 1737 г. контракт предусматривал, что на этих же условиях она будет осуществлять доставку поташа в Архангельск еще три года — с 1738 по 1740 г. Но 15 ноября 1739 г. вдова заявила, что после окончания этого контракта ей «впредь отвозить поташ дешевле, чем за 20 рублев с 1 000 пудов невозможно», так как, по ее утверждению, возросла плата рабочим, которых сманивали другие купцы[18]. А при условии заключения с ней контракта еще на четыре года она требовала кроме этой суммы надбавки в размере 100 руб.[19]

Коммерц-коллегию предложенные «Гоутманшей» условия не устроили, и по ее приказу в 1740 г. в Москве, Архангельске, Нижнем Новгороде и Ярославле трижды публиковались объявления о подряде на отвоз поташа в Архангельск. Однако желающих заключить договор не нашлось[20]. Тогда Коммерц-коллегия приказала «в Вологодскую правинциальную канцелярию послать указ, велеть помянутую вдову иноземку Гоутманшу… призвав, объявить ей, желает ли она тот поташ взять в провоз к городу Архангельскому по прежде требуемой от нея цене по 20 рублев с 1 000 пуд (без наддачи требуемых ныне 100 рублев), и буде желает, то с нею по той цене… контракт в той канцелярии заключить только

[16] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 225. Л. 32об.
[17] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1059А. Л. 1, 73.
[18] Там же. Л. 1–1об.
[19] Там же. Л. 1об.
[20] Там же. Л. 3.

на один предбудущий 741 год, и о провозе того поташа в предбудущих годех еще из оной канцелярии по силе камор-колежского регламента публиковать. И кто по публикациям явятся охотники и какую цену будут просить, о том писать в Коммерц-коллегию заблаговременно. Буде же оная вдова Гоутманша по означенной прежде требуемой цене… на будущей 741 год в провоз того поташа взять не пожелает, то оной канцелярии… учинить справку: не можно ль на провоз помянутого поташа сыскать или построить с принадлежащим такелажем казенные суда, и не дешевле ль строением и с наймом от Вологды до города Архангельского лоцманов и протчих принадлежащих к тому работников стать могут»[21].

Вологодская канцелярия, изучив вопрос о постройке казенных судов, пришла к выводу, что удобное время для этого уже упущено, а в данный период [летом. — *Э. Б.*] мастера сильно завышают цены[22]. Но тем не менее вологодский купец Михаил Данилович Носков изъявил желание заключить контракт на провоз поташа от Вологды до Архангельска на четыре года (с 1741 по 1744 г.) по 19 руб. 75 коп. с 1 000 пудов[23].

Тогда Гоутман, не желавшая упускать контракт, попыталась скомпрометировать Носкова, заявив, что за ним числится большая задолженность перед казной, и он не способен выполнять условия контракта, а предложил меньшую цену только из-за давней ссоры с ней. Ссылаясь на царский указ о том, что «хотя кто и дешевле в каком подряде требовать будет, а в том ему поверить не можно, то велено отдавать тем, кто хотя и выше требует, а надежнее», и на то, что она «близ 15 лет всегда провозила [поташ. — *Э. Б.*] исправно», Гоутман требовала отдать подряд ей на ее условиях[24]. При этом, впрочем, вдова соглашалась торговаться с другими купцами, но только если они «надежные»[25].

В ответ на обвинения Носков предъявил верительные грамоты от Вологодской ратуши и вологодских купцов 1-й гильдии, и 30 июля 1740 г. состоялся торг между ним и поверенным Гоутман

[21] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1059А. Л. 7об.–8.
[22] Там же. Л. 8.
[23] Там же. Л. 12.
[24] Там же. Л. 15–15об.
[25] Там же. Л. 15об.

Иваном Соловьевым. Купчиха предложила начальную цену в 19 руб. 70 коп. за 1 000 пудов. При торге Соловьев сбавил ее еще на три копейки, но Носков предложил 19 руб. 63 коп. и выиграл торг[26]. Спустя сутки после торга Гоутман объявила, что уступает еще по 1 руб. 80 коп. с каждой тысячи пудов[27], однако оказалось, что на ней самой числилась недоимка за 1731–1734 гг. в размере 157 руб. 50 коп.; кроме того, она еще не отчиталась перед казной за 1728–1730 и 1735 гг.[28], поэтому в итоге контракт все же был заключен с Носковым[29].

Таким образом, при доставке поташа от Вологды в Архангельск правительство стремилось осуществлять ее подрядчиками, что давало возможность выбрать наиболее выгодные условия. В то же время, стремясь минимизировать риск заключения контрактов с недобросовестными подрядчиками, оно отдавало предпочтение хорошо себя зарекомендовавшим предпринимателям. В кризисной ситуации для того, чтобы не допустить удорожания этой услуги, правительство было готово к строительству собственных судов и найму лоцманов, но рассматривало данную возможность лишь в качестве крайней меры.

Но существовала еще одна проблема, связанная с транспортировкой поташа. Она заключалась в том, что при перевозке его качество могло сильно ухудшиться. Особенно остро эта проблема встала в 1734 г., когда по настоянию купцов Шифнера и Вульфа выписали для приема и браковки поташа английского браковщика Осипа Иттона. Как только он приступил к работе, сразу же резко возросло количество забракованного поташа. Причина этого оказалась в том, что Иттон считал качественным только самый крупный поташ (он перевозился и хранился кусками), а весь мелкий и средний — бракованным[30]. Чтобы удовлетворить претензии английского браковщика, управитель Починковской поташной конторы асессор Алексей Красовский решил изменить порядок погрузки поташа в бочки. Если ранее в бочку сверху и снизу

[26] Там же. Л. 27об.–28.
[27] Там же. Л. 30.
[28] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1059А. Л. 73.
[29] Там же. Л. 80об.
[30] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 225. Л. 260об.

укладывали по два ушата крупного поташа, а в середину клали шесть ушатов мелкого, «что ныне называют румом и забракованным» (раньше он считался хорошим), «и потом весь же поташ для лутчей крепости, чтоб в дороге не терся и не крошился, убивали его гирями наплотно», то с 1734 г. было решено грузить поташ в бочки только большими кусками, не утрамбовывая (что бы не размельчать его)[31]. Привело это, как показало дальнейшее развитие событий, к обратному результату: «От того, что тот поташ укладен глыбами, а пестами неубитой, будучи в дороге глыба о глыбу трется и крошится в мелкие части и делается румом, а притом несколько бывает и самой уже золою»[32].

По предложению асессора Андрея Чикина, назначенного в 1740 г. управителем Починковских поташных заводов, для лучшей сохранности перевозимого поташа стали обшивать в два-три слоя рогожами — «чтоб воздух не проходил»; причем отправляли его теперь только в сопровождении надзирателя, который бы смотрел за сохранностью поташа, «ибо сей товар не другой, какой крепок, и не токмо от мокроты, но и от воздуху может портиться»[33]. При укладке поташа в бочки Чикин предлагал свой вариант решения проблемы рума (мелкого поташа): «А в бочки к отпуску тот поташ велеть накладывать не розбивая в них против прежнего обыкновения пестами, а гирями обить кругом бочки по всем сторонам, чтоб поташ плотнее ложился, а в мелкой бы не розбивался»[34]. Но эффект от этих нововведений не смог проявиться, поскольку Чикин за злоупотребления был снят с должности, а вскоре в связи с начавшимся кризисом казенной поташной промышленности крупномасштабное производство поташа было прекращено.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что при транспортировке поташа с мест производства к пунктам продажи правительство стремилось максимально удешевить стоимость перевозки, используя речной транспорт. Во многом именно это определило то, что даже после завоевания выхода к Балтийскому морю торговля поташом по-прежнему осуществлялась преиму-

[31] Там же. Л. 31.
[32] Там же. Л. 260об.
[33] Там же. Л. 17.
[34] Там же.

щественно через Архангельск. При перевозке по суше прибегали как к отвозу подрядом, так и к возложению этой обязанности на приписных к Починковской поташной конторе крестьян (в конце концов, предпочтение было отдано второму варианту). Так же при увеличении количества брака правительство пыталось принимать меры по недопущению ухудшения качества перевозимого поташа.

Библиографический список

Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в условиях модернизационных процессов первой половины XVIII века: основные тенденции развития // Экономическая история. 2010. № 4. С. 27–36.

Богатырев Э.Д. Деятельность российского правительства в конкурентной борьбе на внешнем рынке в первой половине XVIII века (на примере экспорта казенного поташа) // Экономическая история. 2013. № 3 (22). С. 45–51.

Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в конце XVII — первой половине XVIII века: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2001.

Богатырев Э.Д., Першин С.В. Приписное крестьянство мордовского края в контексте развития казенной поташной промышленности России // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 17–22.

Bogatyrev E.D.

TRANSPORTATION LOGISTICS OF THE RUSSIAN STATE POTASH INDUSTRY IN THE CONDITIONS OF MODERNIZING PROCESSES IN THE END OF THE 17 — FIRST HALF OF THE 18th CENTURY

The article deals with the organization of the delivery system of potash produced at state-owned enterprises, from production sites to points of sale, which provided timely and least expensive transportation. The factors providing choice of this or that decision in separate time intervals are determined; the emerging logistical problems are considered and the ways of their solution are established, which gives an idea of the priorities of the government in this area.

Keywords: *Russia, 17–18th centuries, state potash industry, transport logistics*

Бочкарева Елена Сергеевна
к.и.н., ассистент кафедры истории и социальных технологий,
Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *bochkareva07@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧИХ КАДРОВ ЗЛАТОУСТОВСКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

УДК 94(470).06

В статье рассмотрен процесс комплектования рабочих кадров заводов, входивших в состав Златоустовского округа во второй половине XVIII в. в период владения Лугининых. Основными источниками формирования рабочей силы был перевод на заводы крепостных и использование вольнонаемного труда.

Ключевые слова: *Урал, Лугинины, Златоустовские заводы, заводские рабочие, вольнонаемные*

Одной из насущных проблем металлургической промышленности Урала в XVIII в. была нехватка рабочих рук. Особенно остро она проявлялась на Южном Урале, поскольку металлургические заводы на этой территории строились позднее, и заводовладельцы региона не обладали той широтой привилегий и возможностями для пополнения своих заводов рабочей силой, которые были у промышленников Среднего Урала.

В конце 1760-х гг. Л.И. Лугинин приобрел Златоустовский и Саткинский заводы с 2 187 рев. душ., 83 % из которых сосредотачивались на Саткинском заводе. Это неудивительно, поскольку у графа А.С. Строганова, бывшего владельца завода, было больше возможностей перевести крепостных со своих вотчинных владений, в отличие от тульских оружейников Мосоловых — основателей Златоуста. Они попадали под действие указа от 29 марта 1762 г., постановившего «фабрикантам и заводчикам… к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться им вольнонаемными по паспортам за договорную плату людьми»[1].

[1] ПСЗ-I. Т. 15. № 11490.

Рабочая сила на Златоустовском и Саткинском заводах изначально была представлена только купленными вместе с заводами крепостными, а «пришлых и отданных по указу Правительствующего Сената… незаконно рожденных и непомнящих родства, приписных государственных крестьян при тех заводах совсем не имелось»[2].

Уже в отчете Оренбургскому горному начальству за первую половину 1770 г. появляется информация, что доменная печь на Златоустовском заводе совсем не работала «по малолюдству… работных людей за неприготовлением угля»[3]. Факт «малолюдства» неудивителен, поскольку в соответствии с нормативами (указы от 23 декабря 1734 г., 12 ноября 1735 г., 17 марта 1752 г.)[4] количество мастеровых и работных людей, необходимых для обслуживания заводского оборудования на двух заводах Л.И. Лугинина, должно было составлять около 4,5 тыс. ревизских душ, в то время как в наличии была лишь половина. Для заводчика оказались закрытыми два наиболее распространенных пути пополнения рабочих кадров: покупка к заводам крепостных и приписка государственных крестьян. Поэтому он воспользовался единственной доступной ему возможностью перевода на новый завод уже принадлежавших ему крепостных «Московской губернии из Алексинского уезду с полотняной фабрики крестьян мужского полу 236 душ»[5].

Еще одним решением проблемы стала покупка Чугунских заводов у П.А. Демидова и перевод приобретенных вместе с ними крепостных из Нижегородского уезда. В 1773 г. Л.И. Лугинин перевел оттуда 414 ревизских душ мастеровых и работных людей с семьями[6]. Эти люди обладали навыками работы в металлургическом производстве, что делало их особенно ценным приобретением. Практически все они обосновались на Златоустовском заводе. В результате этих переводов, в 1774 г. (накануне Пугачевского восстания) на Златоустовском заводе числилось 802 ревизские души.

---

[2] ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 250. Л. 23.
[3] Там же. Л. 27об.
[4] Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 52.
[5] ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 250. Л. 28.
[6] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 340. Л. 6.

На Саткинский завод владелец не переводил крепостных и там, по данным И.И. Лепехина, насчитывалось 1 682 ревизские души[7].

В ходе Пугачевского восстания на заводах погибли 509 и пропали без вести 490 чел., что составляло пятую часть от числа крепостных, числившихся при заводах накануне восстания[8]. Негативным фактором стало то, что из 509 погибших 134 чел. были мастерами и подмастерьями. Заводы лишились большого количества квалифицированных специалистов, что составляло дополнительные трудности для возобновления производства[9].

В процессе восстановления заводов Л.И. Лугинин поспешил перевести в Златоуст крепостных крестьян, доставшихся ему от В.М. Мосолова. По купчей, вместе со Златоустовским заводом ему отошли два села в Тульской провинции. «Половина деревни Крюковой, в которой было крестьянских шесть дворов, всего мужского пола — 23, женского — 32. Да приписано во владение в Орловском уезде сельцо Андреяново с крестьянами и землею»[10]. В разрешительном указе Берг-коллегии от 20 ноября 1777 г. перевод этих крепостных аргументировался так: «По нынешнему Златоустовского завода действию по силе 1753 г. Правительствующего Сената указа, потребно людей 3 600 душ, а, за исключением ныне из того наличных до 2 000 [осталось. — *Е. Б.*], не достает еще в указную препорцию 1 600 душ»[11].

Перевод крестьян должен был не только восполнить людские потери в ходе Пугачевского восстания, но и обеспечить рабочей силой новый завод — Миасский медеплавильный. В первую очередь на это предприятие были переведены все мастеровые и работные люди, задействованные в медеплавильном производстве на купленных предприятиях. Большая их часть была переведена с Саткинского завода. По данным IV ревизии 1782 г., на этом заводе

---

[7] Мартынов М.Н. Горнозаводской Урал накануне Крестьянской войны во главе с Емельяном Пугачевым. Л., 1967. С. 270.

[8] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1344. Л. 463.

[9] Вагина П.А. К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после Крестьянской войны 1773–1775 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. С. 53.

[10] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1373. Л. 204.

[11] ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–6.

осталось 877 мастеровых и работных людей, то есть за восемь лет их количество уменьшилось в два раза. Причинами этого были потери в ходе восстания (из 509 погибших 298 чел. принадлежали Саткинскому заводу)[12], частые побеги крепостных в строгановские вотчины и перевод части заводских крепостных на Миасский завод, на котором, по результатам той же ревизии, насчитывалось 409 ревизских душ мастеровых и работных людей[13].

К середине 1780-х гг. количество крепостного населения формирующегося Златоустовского округа составило 2,5 тыс. ревизских душ, то есть было фактически восстановлено. Однако в это время Л.И. Лугинин принял решение о строительстве еще двух заводов, которые необходимо было комплектовать рабочими кадрами. За счет естественного прироста населения за столь короткий срок этого невозможно было достичь.

Одним из способов решения проблемы стал перевод крепостных крестьян с других предприятий и поместий Лугининых. Самый крупный перевод крепостных был осуществлен с Покровской полотняной мануфактуры. Из Тульского наместничества Алексинского уезда на Южный Урал были переведены 1 216 ревизских душ крепостных работников[14].

В 1791 г. был осуществлен еще один перевод крестьян из Рождественского имения, расположенного в Ветлужском уезде Костромского наместничества. Оттуда было переселено 197 душ мужского и 182 души женского пола. В 1795 г. из этого имения перевели еще 233 мужчины и 229 женщин[15].

Всего с момента покупки Златоуста и Сатки в 1769 г. и до продажи округа Ассигнационному банку в конце XVIII в. из разных имений Лугининых на заводы было переведено 2 319 ревизских душ крепостных. Переводы совершались из центральных регионов России: Тульского и Костромского наместничеств, Нижегородской губернии. Пик переселений приходился на период строительства Артинского и Кусинского завода в 1785–1791 гг. В это время было переведено более 70 % всех переселенцев.

[12] Вагина П.А. Указ. соч. С. 53.
[13] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2551. Л. 373.
[14] ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.
[15] Архив ЗГО. Ф. И-66. Оп. 1. Д. 10. Л. 22, 31.

К середине 1790-х гг. горнозаводское население пяти Златоустовских заводов было сформировано, оно составляло 5 510 рев. душ[16], то есть удвоилось по сравнению с началом владения Л.И. Лугинина. По данным за 1799 г., трудоспособное мужское население округа составляло 49,3 %, в то время как средний уровень трудоспособности заводского населения Урала был 44 %. При этом количество детей в возрасте до 16 лет в этот же период составляло 30,1 %. Это свидетельствует о том, что естественный прирост не обеспечивал еще заводы достаточной рабочей силой[17]. Однако в связи с увеличением количества заводов в соответствии с нормативами увеличилось и количество мастеровых и работных людей, необходимых для обслуживания заводского оборудования на пяти заводах округа. Требовалось около 10 тыс. ревизских душ, то есть в два раза больше, чем было в наличии.

Недостаток собственных рабочих кадров на Златоустовских заводах компенсировался за счет вольного найма работников со стороны. При наличии в России дешевого крепостного труда, труд вольнонаемных не мог составить ему должной конкуренции, тем не менее, он использовался на многих металлургических предприятиях как дополнение к труду крепостных. Трудом вольнонаемных работников чаще всего пользовались представители купеческого сословия, не располагающие обширными вотчинами с крепостными крестьянами, и заводовладельцы, которые не пользовались таким пособием от государства, как труд приписных крестьян.

Вольнонаемные работники были заняты еще на строительстве Златоустовского завода. В заводской ведомости за 1757 г. указано, что при строящемся заводе «мастеровые и работные люди находились разных уездов и разных чинов по паспортам»[18]. В меньшей степени наемный труд использовался на Саткинском заводе графа А.С. Строганова, но полностью от него не отказывались даже

[16] Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв. Свердловск, 1956. С. 70, 71.

[17] Черкасова А.С. Демографическая характеристика мастеровых и работных людей Златоустовского и Миасского заводов Урала на рубеже XVIII–XIX вв. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 104, 105.

[18] ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.

там. Л.И. Лугинин продолжил эту практику. В середине 1770-х гг. приказчик Златоустовского завода сообщал в Берг-коллегию: «Но как же его [Л.И. Лугинина. — *Е. Б.*] заводы состоят в дальнем от российских жительств расстоянии, внутри башкирского обитания, к тому же по малоимению крепостных крестьян, большею частью в работе наймиты обращаются»[19].

Рынком рабочей силы для заводов Л.И. Лугинина, как и для других заводов Южного Урала, были Поволжье и Прикамье, точнее район междуречья Волги и Оки и район Нижнего и Среднего Прикамья. По словам заводского приказчика С. Моисеева, среди «задаточных людей» Златоустовского завода были чуваши и «другие люди разных уездов Казанской губернии». По сообщению академика П.-С. Палласа, на суда, отправлявшиеся с железом Саткинского завода, контора нанимала работников, которые «приходят с Камы и Вятки», то есть из пределов той же Казанской губернии[20].

По данным заводской отчетности, в 1770 г. на работах при Саткинском заводе числилось 1,2 тыс. вольнонаемных[21]. Описывая Златоустовский завод в июне 1770 г., П.-С. Паллас упоминал, что «все дело приносило бы весьма великую прибыль, если бы было при оном довольное число непременных и хороших работников… принуждены больше работать наемниками, кои ходят по кормежным, и коих сей год около 1 500 находилось»[22]. В 1772 г. в Златоусте их насчитывалось 900 чел.[23].

Данные о количестве вольнонаемных на Златоустовских заводах в 1774 г. становятся известны из отчета Л.И. Лугинина Берг-коллегии. По словам заводовладельца, их тогда насчитывалось всего 1,2 тыс. чел. Крепостных на Златоустовском и Саткинском заводах в тот же период было 2 484 ревизские души (на Саткинском — 1 682, на Златоустовском — 802). Таким образом, соотношение мастеровых и работных крепостных и наемных

---

[19] ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

[20] Мартынов М.Н. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева // Исторические записки. М., 1956. Вып. 58. С. 216.

[21] ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 250. Л. 247об.

[22] Паллас П.-С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Кн. 1. Ч. 2. С. 117.

[23] Вагина П.А. Указ. соч. С. 52.

работников было 2:1 соответственно. Эти показатели были средними для Урала. Известно, например, что на Воскресенском заводе И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова в период с 1756 по1762 г. количество вольнонаемных увеличилось с 25 % от общего числа рабочих людей до 45 %. На Каноникольском заводе И.П. Мосолова, Троицком и Усень-Ивановском заводах И.П. Осокина вольнонаемными, по данным на начало 1760-х гг., была половина заводских работников. В то же время трудом только вольнонаемных пользовались на Покровском заводе А.И. Шувалова, Илдинском заводе Г.П. Красильникова и Курганском — С.П. Ягужинского[24].

Со временем соотношение изменилось в сторону сокращения доли вольнонаемных работников. По данным И. Германа, в конце XVIII в. оно составляло на четырех заводах Златоустовского округа (за исключением Миасского) уже 5:1[25]. Это могло быть результатом как крупных переводов крепостных крестьян с вотчин Лугининых в 1790-е гг., которые снизили потребность в дополнительном найме посторонних работников, так и проявившихся тогда финансовых трудностей, повлекших за собой сокращение этой статьи расходов.

На Златоустовских заводах наемных работников систематически использовали лишь на вспомогательных работах: на рудниках, заготовке угля, подвозке сырья, доставке заводских изделий в города, строительных работах и т. п. Некоторые сферы заводского хозяйства полностью обеспечивались рабочей силой за счет найма людей со стороны. В частности, таковой была караванная операция. Караванные приказчики предпочитали привлекать каждый год одних и тех же работников, которые уже имели опыт сплава на коломенках. Поэтому в феврале–марте каждого года подбор работников производился в одних и тех же местах, где проживали или куда приходили наниматься эти люди.

Так, во всех ежегодных годовых отчетах Златоустовской заводской конторы главным местом найма караванных вольнонаемных значится село Каракулино, расположенное на берегу

[24] Редин Д.А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии). Екатеринбург, 1995. С. 219, 220.

[25] Герман И. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших. Екатеринбург, 1809.

Камы. Работников нанимали также из Уржумского, Налимского и Сарапульского округов Вятской и Казанской губерний, а также из Кукарской слободы[26]. Кроме лоцмана, функции которого выполняли заводские крепостные, на каждую коломенку нанимали еще 26 чел. Если учесть, что ежегодно в среднем отправлялось до 15 коломенок, то потребность в найме работников на караван составляла около 400 чел. в год.

По материалам заводской отчетности видно, что в середине 1780-х гг. 22 % работников, занятых на заготовке куренных дров, тоже были вольнонаемными. При добыче руды, напротив, использовались в основном заводские крепостные, а наемных со стороны было немного[27]. Сам Л.И. Лугинин негативно относился к необходимости найма людей на свои заводы, поскольку считал, что «исправный и достойный человек… ни за какие деньги в заводскую работу идти не согласится»[28]. Удавалось привлечь на вспомогательные работы лишь беднейших крестьян, страдавших от малоземелья и высоких налогов.

Таким образом, к концу XVIII в. сформировался основной состав рабочих округа, представленный крепостными, переведенными на заводы. Кроме того, сложилась устойчивая традиция использования вольнонаемного труда на работах не требующих специальной квалификации. Иные возможности для пополнения рабочей силы заводов ограничивало отсутствие дворянских привилегий у основателя округа — Л.И. Лугинина. Определяющим фактором стало и местоположение округа — низкая плотность населения и отсутствие русских поселений вынуждали заводовладельцев использовать наемный труд людей, проживающих далеко от заводов, что повышало риски финансовых потерь. Тем не менее, использование комбинации труда крепостных и вольнонаемных работников было распространено на заводах Южного Урала, в большей степени, в силу отсутствия альтернатив у заводовладельцев, чем по причине ее эффективности.

---

[26] АСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 838. Л. 24.

[27] ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 57. Л. 17.

[28] Павленко Н.И. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 47.

Библиографический список

Вагина П.А. К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после Крестьянской войны 1773–1775 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. С. 45–64.

Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII–XIX вв.: сб. документов и материалов. Свердловск, 1956.

Мартынов М.Н. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева // Исторические записки. М., 1956. Вып. 58. С. 208–254.

Мартынов М.Н. Горнозаводской Урал накануне крестьянской войны (1773–1775 гг.) во главе с Емельяном Пугачевым: дис. … канд. ист. наук. Л., 1967.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.

Герман И. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих. Екатеринбург, 1808.

Павленко Н.И. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 41–58.

Паллас П.-С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Кн. 1. Ч. 2.

Редин Д.А. Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии): дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

Черкасова А.С. Демографическая характеристика мастеровых и работных людей Златоустовского и Миасского заводов Урала на рубеже XVIII–XIX вв. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1990. С. 101–107.

Bochkareva E.S.

Formation of workers in Zlatoust mining district in the second half of the 18th century

The article considers the process of formation of workers of the factories that were part of the Zlatoust district in the second half of the 18th century during the period of ownership Luginins. The main sources of framing were to buy serfs to the plants and using of the wage-workers.

Keywords: *Ural, Luginins, Zlatoust factories, factory workers*

Гижевский Борис Александрович
к.ф.-м.н., с.н.с., Институт физики металлов УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *gizhevskii@imp.uran.ru*

Зенкова Любовь Васильевна
с.н.с., Краеведческий музей (Каменск-Уральский, Россия)
E-mail: *zenkova-kam44@mail.ru*

УРАЛЬСКИЕ ПЕРЕДЕЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ: КАМЕНСКИЙ ВЕРХНИЙ ЗАВОД

УДК 908(470.5)

В статье рассматривается деятельность и продукция Каменского Верхнего железоделательного завода — первого передельного завода на Урале.

Ключевые слова: *металлургия Урала, передельный завод*

Бурный рост горно-металлургической промышленности Урала в начале XVIII в. был основан на переходе к двухстадийному процессу получения черного метала, для чего на Урале имелись все необходимые условия: значительные запасы высококачественной руды, огромные лесные богатства, достаточные водные ресурсы, готовые к движению людские резервы. На место малопроизводительным сыродутным горнам, предназначенным для прямого восстановления руды, пришли домны, выпускавшие сотни пудов чугуна в сутки. Возникла необходимость переработки большого количества чугуна в железо и сталь, поскольку эти продукты черной металлургии являются наиболее востребованными в различных отраслях хозяйственной жизни страны, в частности, в военном деле, а также для производства механизмов и инструментов. Естественно, передел чугуна в железо был налажен на всех доменных заводах. С этой целью вместе с домнами создавались кричные фабрики с горнами, молотовые, кузницы[1]. Расширение передельного производства упиралось в недостаток гидравлической энергии — единственного в то время вида энергии, обеспечивающего

[1] Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М., 1937.

посредством плотин и водяных колес работу воздуходувных машин и молотов. Проблема решалась, как и в более позднюю индустриальную эпоху, путем специализации производства и рационального размещения производственных мощностей. Таким образом, развитие металлургических технологий и рост объемов продукции привели к выделению передельного дела в самостоятельное производство. Передельные (железоделательные) заводы не имели доменных печей и занимались только производством железа. Чугун для них поставлялся с основного доменного завода.

Первым примером такого подхода на Урале может служить Каменский Верхний завод (Верхнекаменский завод), основанный через два года после пуска в 1701 г. казенного Каменского (Нижнего) доменного завода на той же реке Каменке[2]. Он рассматривался как филиал, отдельный цех, основного завода и предназначался для переработки чугуна и различных отходов доменного, литейного и кузнечного производства в «дельное» железо и дальнейшего изготовления некоторых изделий и припасов. Этапы создания и его недолгой деятельности (1703–1723) будут рассмотрены ниже. В XVIII–XIX вв. специализированные передельные заводы, построенные иногда на значительном расстоянии от основного доменного производства и связанные с ним технологической цепочкой, появились при большинстве крупных доменных заводах. К концу первого периода интенсивного развертывания уральской металлургии, примерно к 1735 г., из 31 предприятия черной металлургии 15 заводов были передельными, предназначенными для переработки чугуна[3]. Некоторые из этих заводов имели также медное производство. После Каменского Верхнего завода следующими предельными заводами были Шуралинский и Быньговский, основанные, соответственно, в 1716 и 1718 гг. и предназначенные для переработки чугуна демидовских заводов. Во второй половине XVIII в. доля передельных заводов еще более возросла: в 1767 г. на 39 уральских доменных завода числилось 34 самостоятельных железоделательных завода[4]. Из обширного труда И. Германа можно подсчитать, что

[2] Там же.
[3] Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939.
[4] Там же.

на рубеже XVIII–XIX вв. на 51 завод с доменным производством приходилось 38 передельных завода[5]. Здесь следует отметить, что за время своего существования некоторые заводы меняли свой производственный профиль, а ряд заводов прекратил свое существование. Наконец, к концу XIX в. в связи с распространением паровых машин отпала необходимость строительства новых производственных мощностей только на реках; доля выделенных передельных производств уменьшилась. Из статистики за 1896 г., приведенной Д.И. Менделеевым, видно, что передельные заводы занимают одну треть от общего числа предприятий черной металлургии Урала: на 95 действующих «железных» заводов приходилось 31 передельное предприятие и 21 доменный завод; на остальных 43 заводах сочеталось доменное производство и выпуск стали[6]. Как видно, количество передельных заводов, выпускающих стальную продукцию, превышает число чисто доменных заводов. К такому положению дел привело дальнейшее развитие металлургических технологий и экономические запросы. В XIX в. стала распространяться технология пудлингования, а во второй половине этого века основными способами производства стали становятся мартеновский и бессемеровский. На Урале пудлингованием начали заниматься в 1826 г. на Нижнетагильском заводе, в 1837 г. Камско-Воткинский завод полностью перешел на новый способ производства железа. Одним из крупнейших заводов, который можно отнести к передельным, являлся Пермский пушечный завод. Кроме мартеновских печей на этом заводе было крупное производства тигельной стали. На таких заводах получение железа и стали сочеталось с металлообработкой и машиностроением. Чугун Пермский завод получал с Каменского, Саткинского и других казенных заводов. В это же время возрастает потребность в сплавах железа с улучшенными свойствами и новых продуктов металлургической промышленности, таких как рельсы, броневые листы, трубы и т.д. Все это является продукцией передельного производства. В силу вышесказанного представляет интерес проследить пути развития предельных заводов.

---

[5] Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810.

[6] Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. С. 40–41.

Первый передельный завод на Урале — Каменский Верхний завод — еще нельзя назвать полностью самостоятельным предприятием. Он находился в непосредственной близости от основного Каменского Нижнего завода, в пяти верстах верх по течению реки, часть его работников проживала в Каменской слободе там же, где находился Нижний завод, руководство обоих заводов было общим, производственная отчетность не разделялась. Строительство завода велось приписными крестьянами близлежащих селений. «А вышеписанными крестьяны построены, ноября с 15-го числа 703-го году да ноября ж по 21 число 1704 году, при бытии на Каменских заводех приказного Тобольского дворянина Ивана Аршинского по той же Каменке реке, вверх от прежних Каменских железных заводов за три версты. Плотина сланная, мерою чрез Каменку реку шестьдесят семь сажен, в ширину дватцать сажен, в вышину пять сажен, два аршина»[7]. Были построены также две молотовые фабрики, в каждой по 2 горна и по молоту, кузница, амбар, сарай да «семнатцать изб с сеньми для житья мастеровым людям». Срок строительства завода в один год с небольшим был типичным для возведения плотины и заводских построек на Урале в начале XVIII в. Нижний завод был построен и пущен в строй за 20 месяцев, причем, плотина на этом заводе длиною 50 сажен была короче, чем на Верхнем заводе, где она составляла 67 сажен.

О производственной деятельности Каменского Верхнего завода свидетельствуют архивные материалы[8]. В феврале 1705 г. на завод привезли первые 4 короба угля, в марте 431 короб, в апреле 40 коробов. Всего за год запасено 2 366 коробов. В феврале крестьяне Троицкого городка Каменской слободы свезли в молотовые кузницы Верхнего завода для дела дельного железа 620 пудов чугуна на 31 подводе. Всего в феврале-марте ушло в дело железа 214 пуда 32 фунта. Первое железо, сделанное на Верхнем заводе, отправлено в Москву уже в апреле месяце вместе с продукцией Нижнего завода. Это широкое железо 94 пуда 25 фунтов и четверогранное — 26 пудов.

Согласно данным, приведенным в отчете за 1705 г. Каменские заводы произвели 22 449 пудов чугуна и 5 688 пудов желе-

[7] Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и СССР. М., 1954. Т. 1.
[8] РГАДА. Ф. 151. Кн. 1434 (11). Л. 1122–1130.

за[9]. По архивным материалам можно подсчитать, что с февраля по декабрь 1705 г. на Верхнем заводе произведено различного железа 2 183 пуда 19 фунтов, что составляет почти 40 % от общего производства обоих заводов за этот год. За это время с Нижнего завода на Верхний было поставлено 2 985 пудов чугуна[10]. Большая часть чугуна уходила на литье пушек и военных припасов. На передел в железо шло 20–50 % чугуна, в отдельные годы больше 50 %. Каменские заводы выпускали различные виды железа. Так, например, в сентябре 1705 г. Верхний завод произвел: связного железа — 59 пудов 4 фунта, фузейного — 202 пуда 16 фунтов, четверогранного — 37 пудов, широкого — 120 пудов 14 фунтов, прутового — 116 пудов. Всего в сентябре получено 535 пудов железа. В этом месяце с Нижнего в молотовые нового завода было поставлено 810 пудов чугуна. По этим данным можно оценить угар чугуна, который составил 34 %. Эта величина соответствует норме угара чугуна, которую указывал В. Геннин при производстве полосового железа[11], однако угар доходил до половины и более от загруженного чугуна. Скорее всего, не учитывались чугунные обрезки и другие отходы, которые добавлялись в кричные горны при получении железа. Из такого железа, именуемого «дельным», на Верхнем заводе изготовлялись, например, рассекательные топоры весом каждый около пуда, тягальные и заварные клещи весом, соответственно, полпуда и 3 пуда, ломы в полтора пуда, шипы к валам. Изготовлялись кованные вещи: гвозди, сечки, клинья, крюки и пр. Производство уклада на Верхнем заводе в 1705 г. не упоминается; на Нижнем уклад брусчатый и клинчатый, а также сталь производились в небольших количествах. Часть этой продукции направлялась в Тобольск. Поставлялась железная продукция и в Далматовский монастырь. Уклад относился к ценным продуктам и использовался для наварки режущих инструментов. После 1724 г. уклад на Каменском заводе не производился. Металл Каменского Верхнего завода для своего времени обладал хорошим качеством. Металловедческое исследование показало, что содержание углерода

[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Геннин В.И. Указ. соч.

и твердость металла некоторых образцов продукции этого завода сравнимы с этими показателями современных сортов малоуглеродистой стали. Отличает старинный металл, который следует отнести к сварочному железу или стали, значительная неоднородность структуры и засоренность шлаковыми включениями.

По документам видно, что производство железа на Верхнем и на Нижнем заводах, как в течение года, так и по годам шло неравномерно. Это же относится и к выпуску чугуна. В мае 1705 г. на Верхнем заводе выковано 196 пудов железа, в июне получено только 11 пудов 30 фунтов, в июле сдали припасов на общий вес 67 пудов 25 фунтов, в августе всего сделано железа и припасов на общий вес 361 пуд 30 фунтов. Рекордным был месяц сентябрь, в котором было получено более 500 пудов железа. Неравномерность производства связана с неритмичностью поставок чугуна, а также с полевыми крестьянскими работами, сезонными трудностями и другими причинами. В апреле 1705 г., например, высокая вода сутки шла поверх плотины, повредив молотовые фабрики. Сильные наводнения, в результате которых происходила остановка завода, были и в другие годы: в 1714 и 1719. В 1709 г. оба завода, Верхний и Нижний, вынуждены были остановиться из-за нехватки рабочих рук и отсутствия сырья. По территории прокатилась волна так называемых «башкирских разорений». В июне 1709 г. выборные люди Камышевской и Багарякской слобод, Колчеданского и Катайского острогов подали заводскому управителю И. Астраханцеву «сказки», в которых сообщали о том, что прислать работников на завод не могут, потому что многие деревни разорены и много людей убито и в плен уведено. Крестьяне сидят «в осаде, стоят на карауле и из острогов выходить и скота выпушать не смеют». По словам каменского крестьянского старосты Харитона Иванова, «воинские люди-башкирцы около Каменского заводу подъезжают в близости верстах в десятке и ближе» и потому каменские крестьяне стоят все на карауле, сидят в осаде седьмую неделю. 15 октября 1709 г. башкирские отряды «многолюдством» подошли к Каменской слободе. Встали между Нижним и Верхним заводами. У Верхнего завода был бой, в котором погибли два каменских крестьянина и один их деревни Щербакова, а также четыре человека из близлежащей де-

ревни Позарихи[12]. Во времена башкирского восстания 1704–1711 гг. драгунские отряды, причисленные к Каменским заводам, не только охраняли заводы, отражали набеги мятежников на близлежащие деревни и слободы, но и выполняли задачу привода приписных крестьян на заводские отработки. С начала 1709 г. крестьяне перестали приходить в связи с тем, что «воровские воинские люди-башкирцы по дорогам их бьют и в полон берут». При Верхнем заводе числились 30 человек драгун. Такой же отряд был причислен к Нижнему заводу. В их числе было два пушкаря. Именные списки обоих отрядов сохранились. Оборонительная линия из драгунских постов и поселений вокруг Каменского завода начала формироваться начиная с 1700 г. В 1720 г. другое бедствие настигло жителей Верхнего завода: произошел пожар. А в 1723 г. вешняя вода уничтожила практически полностью плотину и заводские постройки, после чего производство не восстанавливалось, несмотря на то, что оставалась необходимость в переделе чугуна Нижнего завода.

Каменский Верхний завод был укомплектован мастерами и работниками. На заводе числились 13 молотовых мастера. К наиболее ответственным специалистам относились также плотинный мастер и кузнец. Кроме них насчитывалось 19 молотовых подмастерья и 28 молотовых работников и учеников[13]. По общему числу работников, 62 человека, Верхний завод немного уступал доменному Нижнему заводу, на котором числилось 80 работных людей, т. е., масштабы производства на обоих заводах были сравнимы. Поэтому Верхний завод нельзя называть всего лишь вспомогательным, второстепенным. Он выпускал ценную продукцию с высокой добавленной стоимостью — кованое железо. Дельное железо в 1716 г. на Каменских заводах стоило 31½ коп. за пуд, чугун обходился в 8 коп. за пуд. Производство на Верхнем заводе могло быть еще более значительным, если на нем было бы налажены отрезка «прибылей» (избыток металла) и сверление стволов чугунных пушек, отливаемых на Нижнем заводе. В «прибыль» после литья пушек уходило около 10 % чугуна. Такой план был предложен В.Н. Татищевым в 1721 г. Однако о работе этого производства сведения отсутствуют.

[12] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 277–277об.
[13] Струмилин С.Г. Указ. соч.

Примечательно, что на Верхнем заводе число молотовых работников было больше, чем на Нижнем. На Верхнем заводе их число составляет 60 человек, в то время как на Нижнем всего 37 человек. При этом на Верхнем заводе действовало 2 молота, а на Нижнем всего 1. Большее число работников на Нижнем заводе связано, конечно, с доменным производством. Отсутствие укладных мастеров на Верхнем заводе указывает, что производство уклада на нем не было развито. По Ревизии 1719 г. мастеровых (без семей) числилось в Верхнем заводе — 40 человек, крестьян-домохозяев — 28, драгун — 31; на Нижнем мастеровых — 72, крестьян — 91, драгун — 33. Число душ всех семей мастеровых в Верхнем заводе насчитывалось 274, крестьянских душ — 168[14].

После разрушения Верхнего завода половодьем в 1723 г. уцелевшие припасы были перевезены на Нижний завод, который тоже пострадал от наводнения. Мастеровые были переведены на Нижний и другие заводы, драгуны перешли в статус разночинцев. Никакие промышленные предприятия на этом месте больше не строились. Деревня Новый Завод, основанная вместе с Каменским Верхним заводом, существует и в настоящее время. В заключении можно сказать, что Каменский Верхний завод, несмотря на кратковременность своего существования, был полноценным и успешно действующим металлургическим предприятием — первым специализированным передельным заводом на Урале.

Библиографический список

Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М., 1937.
Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939.
Струмилин С.Г. Черная металлургия в России и СССР. М., 1954. Т. 1.

Gizhevskii B.A., Zenkova L.V.

Urals iron-making plants: Kamensk Upper plant

The article discusses the activities and products of Kamensk Upper plant — the first iron-making plant in the Urals.

Keywords: *metallurgy of the Urals, iron-making plant*

[14] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 75.

Киселев Михаил Александрович
к.и.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *strategic-mk@yandex.ru*

ОТ КАНЦЕЛЯРИИ ГОРНЫХ ДЕЛ К СИБИРСКОМУ ВЫШНЕМУ ГОРНОМУ НАЧАЛЬСТВУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЗВАНИЯ ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ БЕРГ-КОЛЛЕГИИ В 1720–1722 гг.[1]

УДК 94(470.5)“18”

В статье рассматривается логика изменений названия Канцелярии горных дел на Урале в 1720–1722 гг. в контексте планов Берг-коллегии по созданию региональных органов управления горнозаводской промышленностью.

Ключевые слова: *В.Н. Татищев, реформы Петра I, история уральской металлургии, промышленная политика*

История горнозаводской администрации на Урале в первой четверти XVIII в. имеет солидную традицию изучения. Однако у исследователей есть ответы далеко не на все вопросы. Как отмечает Е.А. Курлаев, возникший в 1720 г. на Урале «местный орган российского горного ведомства, подчиненный Берг-коллегии», за первые годы своего существования несколько раз менял название, «что было, несомненно, следствием каких-то реформ: Канцелярия горных дел, Сибирское горное начальство, Канцелярия Сибирского Вышнего горного начальства… Причины переименований не рассматривались, а лишь констатировался сам факт»[2]. Соответственно, в данной работе мы планируем рассмотреть логику изменений названия этого органа в контексте промышленной политики начала 1720-х гг.

[1] Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-5210.2018.6.

[2] Курлаев Е.А. К вопросу о формировании системы управления горнометаллургической промышленностью России и Урала в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 139–140.

Когда в марте 1720 г. В.Н. Татищев и И.Ф. Блиер были отправлены из Петербурга на Урал, они не имели точных предписаний от Берг-коллегии, должна ли быть институционализирована их деятельность в рамках какого-либо учреждения. Им был только обозначен ряд задач, за исполнение которых они несли личную ответственность, так что указы из столицы адресовались Татищеву и Блиеру, а не какому-либо органу. По коллежским инструкциям они были равноправными руководителями экспедиции, хотя для них и предусматривалась специализация: первый был ответственен, прежде всего, за техническую часть, а второй — за административное сопровождение и материальное обеспечение. При этом, как показал Л.Д. Голендухин, «от роли помощника, обязанного заботиться о казне, В.Н. Татищев, в ходе подготовки поездки, все явственнее переходит к роли основного ее руководителя. В его руках все более сосредоточиваются нити управления»[3]. Да и сам Блиер не желал брать на себя большой ответственности при принятии управленческих решений. Так, в конце 1722 г. Татищев замечал, что «многия указы и дела, решения и исполнения стребующия, лежат и исполнять некому», в том числе из-за того, что Блиер «опасается, яко чужеземец, дабы неведением не впасть в погрешение»[4]. Сам Блиер в 1728 г. признавал: «Хотя я и многократно в Сибирь принужден был ездить, то однако же в тех делах такого успеху иметь не мог, как я желал», так как «никогда… достаточной инструкции не имел, ибо горной завод в состояние привести многих людей времени и казны требует»[5]. И если он отсутствие «достаточной инструкции» истолковывал в рестриктивном духе, то Татищев это же обстоятельство интерпретировал в расширительном духе, как отсутствие жестких ограничений для принятия самостоятельных решений.

По прибытии 31 июля 1720 г. в Кунгур Татищев и Блиер создали учреждение, которое в делопроизводстве экспедиции с августа по

[3] Голендухин Л.Д. Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века. К вопросу о назначении В.Н. Татищева на Урал в 1720 году // Материалы к биографии В.Н. Татищева. Свердловск, 1964. С. 65–66.
[4] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 296.
[5] Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9. С. 129.

декабрь именовалось «Кунгурская горных дел канцелярия»[6]. При этом они даже не сообщили о ее учреждении в Берг-коллегию. Это было ситуативным шагом, который, впрочем, указывал на направление их размышлений об управлении горным делом на Урале: они могли рассматривать свою экспедицию как первый шаг в создании регулярно действующих местных органов Берг-коллегии на Урале.

Заметим, что между 18 августа и 12 декабря 1720 г. в Берг-коллегии были составлены новые штаты, одним из ключевых разработчиков которых, возможно, был барон А.Х. фон Люберас[7]. Этот документ предусматривал создание трех обер-берг-амтов: в Московской, Казанской и Сибирской губерниях. При этом под властью Сибирского обер-берг-амта в Тобольске предполагалось учредить «ундер-берг-амт в Кунгуре»[8]. Итак, действия Татищева и Блиера в целом вписывались в коллежские планы, хотя, судя по всему, они о них не были извещены, так как в момент их разработки были далеко от столицы.

Малое количество квалифицированных специалистов, бывших в распоряжении Татищева и Блиера, существенно ограничивало их действия. 13 сентября 1720 г. они подготовили доношение в Берг-коллегию, где, говоря о промышленной плавке меди в Кунгурском уезде, прямо заявили: «Без мастеров не можем ничего знатного начинать». В связи с тем, что они получили известия о богатых медных рудах в Томском уезде, Татищев и Блиер писали: «Мы просим вашего повеления, дабы от нас одному туда ехать, кого изволите определить, а другому остаться здесь, дабы и здесь дела не остановились, ибо в Томской скоряя года съездить не надеемся, а здесь кому дела вручить никого надежного не имеем, ибо берг-шрейбер [И.Ф. Патрушев. — *М. К.*] весьма скорбен»[9]. Получалось, что если бы не болезнь Патрушева, то Татищев с Блиером покинули бы Урал и отправились в Томский уезд.

---

[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1, 13, 31, 33, 34, 47.

[7] Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 450–451.

[8] Курлаев Е.А. Указ. соч. С. 140; Киселев М.А. Создание Берг-Мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. №4 (31). С. 44, 41.

[9] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3. Л. 62об.–63, 60об.

Однако они решили остаться на Урале. Это было связано с передачей под их ведение указом от 24 марта 1720 г. Уктусского и, как позднее выяснилось, Алапаевского заводов. Накануне отъезда на Уктус 24 декабря ими была утверждена инструкция об управлении горными делами в Кунгуре, адресованная берг-шрейберу Патрушеву. В ее преамбуле заявлялось: «Понеже мы ныне отъезжаем на Уктуские заводы и вскоре возврату не надеемся, того ради оставляем господина капитана Берлина, тебя, да для помощи в ваших делах школьника Калачева, для письма — подьячего Костромина, у щета денег — пушкаря Романа Самойлова». Затем первым пунктом предписывалось «во всех рудокопных делех советовать тебе с капитаном Берлиным, и что со общего совета за благо изобретете… оное исполнять, а к нам писать». Не было забыто и делопроизводство[10].

Итак, в Кунгуре после отъезда Татищева и Блиера оставался постоянный орган управления горными делами с определенным штатом и письменно регламентированной деятельностью, на факт функционирования которого, помимо прочего, указывают протоколы за 1721 г. за подписью Берлина и Патрушева[11]. В исходящих документах 1721 г., подписываемых последними, учреждение продолжало именоваться как Кунгурская горных дел канцелярия[12].

Выехав 25 декабря, 29 числа Татищев и Блиер прибыли на Уктус, и с этого времени можно говорить о пребывании Канцелярии горных дел на Уктусском заводе. В этом случае речь не шла о создании нового органа. Как показывают протоколы учреждения, данная канцелярия просто переместилась из Кунгура на Уктус[13], так что реально новым учреждением была канцелярия в Кунгуре во главе с Патрушевым и Берлиным.

Татищев и Блиер высоко оценили положение Уктусского завода с позиции управления и развития уральской металлургии. Они отмечали, что «здешнее место стало посредине всех заводов, и размножать строением вновь места удобные, и дел довольно», и в

[10] Порунов М.В. В.Н. Татищев и организация делопроизводства на казенных заводах Урала в 1720–1722 гг.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 367–369.
[11] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 15. Л. 237–245.
[12] Там же. Л. 195об., 206об.
[13] Там же. Д. 5. Л. 20–26.

доношении от 6 февраля 1721 г. просили Берг-коллегию перенести их постоянное местопребывание из Кунгура на Уктус[14]. Фактически же они сделали это еще до коллежского разрешения. Уже 25 февраля Татищев принял решение отправить от своего имени в Берг-коллегию предложение: «Понеже видимо, что Государственная коллегия о моем достоинстве или другом чему имеет сумнения, что я на мои доношения в полгода указа получить не могу, того ради просить, дабы повелели прислать сюда кого иного с полною мочью и учинить Горное начальство»[15]. Эту идею он в развернутом виде изложил в доношении от 28 февраля, где в 10 пунктах описал функции и полномочия предлагаемого к учреждению Горного начальства[16].

Берг-коллегия это предложение напрямую не отвергла, хотя и не поддержала, лишь констатировав в указе от 20 июля, что на Урал «для горных дел в помочь к вам» был отправлен берг-советник М. Михайлис. Однако она сочла все же возможным рассмотреть пункты Татищева о Горном начальстве. Последний в 10 пункте предлагал следующее: «Горному начальству повсягодно потребно освидетельствовать подлинно, кому по чему железа или иная какая материя может стать, и определит всем общую цену». Берг-коллегия ответила так: «Горному начальству только на государевых заводах потребно освидетельствовать повсягодно, по чему медь и железо… может ценою стать… А у промышленников о оном требовать, так всем общую цену товару до указу класть не надлежит»[17].

Указ Берг-коллегии от 20 июля был получен Татищевым 4 сентября. И именно с этого момента вместо Канцелярии горных дел на Уктусе начинает фигурировать Канцелярия Горного начальства[18]. На наш взгляд, отсутствие прямого запрета на учреждение Горного начальства, а также процитированная выше формулировка Берг-коллегии с упоминанием «Горного начальства», позволили Татищеву решить, что теперь он с Блиером является этим самым Горным начальством и, соответственно, переименовать Канцелярию горных дел в Канцелярию Горного начальства.

---

[14] Там же. Д. 6. Л. 33об.; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 62об.
[15] Там же. Л. 47об.
[16] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 76–77об.
[17] Там же. Л. 88, 90об.
[18] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 307, 331, 337об.

В конце 1721 г. в Кунгур приехал берг-советник Михайлис, а в начале января 1722 г. — Блиер и Татищев, и 9 января состоялось совещание о горных делах, в котором помимо этих трех персон участвовал Берлин[19]. Возможно, что во время этого «конференца» Михайлис рассказал о новых штатах коллегии, по которым в Сибирской губернии должны были быть созданы обер-берг-амт (вышнее горное начальство) и ундер-берг-амт (нижнее горное начальство), что не могло не понравиться Татищеву с учетом ранее высказанных им идей. И, скорее всего, не без влияния обсуждений, состоявшихся 9 числа, к 11 января Татищев написал «Представление Сибирскому горному начальству о делех усмотрениям и разсуждениям решения требующих, яко на Кунгуре, тако и Уктусе», где сформулировал вопросы как о «Вышнем горном начальстве», так и о «нижнем горном начальстве»[20].

В Кунгуре по итогам нескольких совещаний не было принято значимых решений, и Татищев окончательно утвердился в своей мысли отправиться в столицу, чтобы добиться решений волновавших его проблем. Он прибыл в Москву в начале февраля и подал в Берг-коллегию доношения, где 7 марта по ним был оформлен ряд решений. В указе коллегии на доношение Татищева от 12 декабря 1721 г. упоминалось только «Сибирское горное начальство»[21]. Схожим образом в указе на доношение Татищева и Блиера из Кунгура от 12 января 1722 г. фигурировало только «Горное начальство»[22]. Вместе с тем 6 марта в Берг-коллегии был подписан указ, адресованный «в Сибирскую губернию к Горному начальству»[23]. Однако в другом указе от 7 марта, принятом по итогам рассмотрения упомянутого татищевского «Представления», речь шла уже о «Сибирском вышнем горном начальстве»[24]! И это не было случайностью. Так, Татищев в «Представлении», писал: «Печати государевой мы не имеем, а собственными явные письма и другие

[19] Там же. Д. 15. Л. 358об.
[20] Юхт А.И. Деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки. М., 1976. Т. 97. С. 182, 185, 188, 189.
[21] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 155, 156, 156об.
[22] Там же. Л. 166об.
[23] Там же. Л. 133.
[24] Там же. Л. 174.

потребности печатать не пристойно, понеже в России учреждение, чтоб всякое письмо особно записано было при печати… Того ради надлежит требовать от коллегии определения, каким повелят быть в вышнем и нижнем горном начальстве печатям»[25]. Сам он полагал, «дабы в вышнем начальстве был Сибирской, а в нижних — тех правинцей гербы, с некоторыми горными знаки, яко кирка, молоток или тому подобное»[26]. В ответ на это коллегия постановила: «Быть по мнению капитана Татищева, и у оной печати подписать кругом: печать его императорского величества всероссийскаго Сибирского вышнего горнаго начальства, — и оную велеть немедленно зделать на денежном дворе и отдать ему капитану с роспискою, в нижние же горные начальства зделать, когда оные учинены будут»[27].

Получалось, что если в первых указах речь шла только о признании факта наличия «Сибирского горного начальства», то затем эту позицию пересмотрели, и Берг-коллегия повысила его статус до Вышнего. Скорее всего, здесь не обошлось без непосредственного влияния Татищева, который в Москве мог уже лично отстаивать свои инициативы. Конечно, их направление в целом вписывалось в логику упомянутых штатов Берг-коллегии, в соответствии с которым планировалось создание таких региональных отраслевых органов управления горнозаводской промышленностью, и это должно способствовать татищевскому успеху. В то же время отмеченные терминологические расхождения в указах от одного числа свидетельствуют, что Берг-коллегия еще подробно не прорабатывала вопроса о создании Сибирского обер-берг-амта и действовала реактивно, отвечая на запросы Татищева.

Факт упоминания в указах от 7 марта как «Сибирского горного начальства», так и «Сибирского Вышнего горного начальства» на первых порах приводил в смущение чиновников на Урале. Так, 1 мая была отправлена промемория в Сибирскую губернскую канцелярию из «Сибирского горного начальства». В ней сообщалось, что 21 апреля был «прислан к нам в Горное начальство» указ из Берг-коллегии от 7 марта, по которому следовало

[25] Юхт А.И. Указ. соч. С. 189.
[26] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Л. 194об.–195.
[27] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 121; Корепанов Н.С. За семью печатями. Екатеринбург, 1998. С. 8.

«о железных Каменских заводех объявить… похочет ли кто взять в собственной промысел… и те б люди явились с требованием в горном начальстве». Однако в первоначальном варианте промемория отправлялась из «Сибирского горного вышнего начальства» и, соответственно, желающим следовало являться в «Горном вышнем начальстве»[28]. В то же время с 21 апреля во внутренней документации наименование «Сибирское Вышнее горное начальство» начинает использоваться регулярно. Сомнения о собственном наименовании окончательно исчезли во второй половине 1722 г., когда Берг-коллегия стала писать не Михайлису, Татищеву и Блиеру, а «в Сибирскую губернию Вышнему горному начальству»[29].

С позиции Берг-коллегии история появления Сибирского Вышнего горного начальства была такова: с лета 1720 г. по 7 марта 1722 г. на Урале действовала коллежская экспедиция под руководством Татищева и Блиера, к которым позднее добавился Михайлис, а 7 марта Берг-коллегия в соответствии с существовавшими штатами учредила Сибирское вышнее горное начальство. С позиции событий, происходивших на Урале, картина будет иной: с 31 июля по 25 декабря существовала Канцелярия горных дел в Кунгуре во главе с Татищевым и Блиером. По их отбытии из Кунгура учреждение с таким названием продолжило работу, будучи уже подчиненным другому органу — Канцелярии горных дел на Уктусе, переведенной туда 29 декабря. Эти две канцелярии были созданы не по распоряжению Берг-коллегии, а по инициативе Татищева и Блиера, т. е. фактически являлись самопровозглашенными государственными органами. Затем Канцелярия горных дел на Уктусе 4 сентября 1721 г. на основании вольного истолкования распоряжений Берг-коллегии была переименована в Канцелярию Горного начальства, став уже полусамопровозглашенным учреждением. 7 марта 1722 г. в Москве распоряжениями Берг-коллегии этот орган был признан, а статус его был повышен до Вышнего, новость о чем на Уктус пришла 21 апреля.

[28] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.
[29] Там же. Д. 10. Л. 73.

Ключевая причина этой цепочки переименований — борьба Татищева за создание на Урале сильного регионального органа Берг-коллегии и официального утверждения его статуса. Это было тесно связано с его представлениями о большом промышленном потенциале Уральского региона, развитие которого в логике его меркантилистских взглядов требовало активного вмешательства государства.

Инициативы Татищева в итоге вписались в коллежские планы. Однако без его идей и дерзких действий, балансировавших на грани допустимого, их реализация могла растянуться на неопределенное время. Так, хотя коллежские штаты предусматривали учреждение обер-берг-амта в Казани, он так и не был создан. В итоге Татищев сыграл ключевую роль в появлении Сибирского Вышнего горного начальства в 1722 г.[30]. Таким образом, для воплощения планов центральных государственных органов было недостаточно наличия только самих планов, для этого было необходимо иметь понимание тех практических шагов на местах, которые бы могли привести к их воплощению в жизнь, а также соответствующим образом подготовленные кадры. В случае же их отсутствия приходилось полагаться на волю случая. Там, где оказывался такой исполнитель как Татищев, ход преобразований мог превзойти столичные ожидания и даже опередить их. Однако в целом отсутствие продуманных практических шагов и подготовленных кадров грозило обернуться банкротством самых замечательных планов и идей.

Библиографический список

Голендухин Л.Д. Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века. К вопросу о назначении В.Н. Татищева на Урал в 1720 году // Материалы к биографии В.Н. Татищева. Свердловск, 1964. С. 39–67.

Киселев М.А. Создание Берг-Мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. № 4 (31). С. 39–47.

[30] Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 266.

Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. №9. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2016_9/Content/Publication6_6434/Default.aspx (дата обращения: 19.02.2018).

Корепанов Н.С. За семью печатями. Екатеринбург, 1998.

Курлаев Е.А. К вопросу о формировании системы управления горнометаллургической промышленностью России и Урала в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 136–142.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

Порунов М.В. В.Н. Татищев и организация делопроизводства на казенных заводах Урала в 1720–1722 гг.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 358–378.

Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Юхт А.И. Деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Исторические записки. М., 1976. Т. 97. С. 124–139.

Kiselev M.A.

From the office of mining to Siberian extreme mining organization: transformation of the name of the governing body in the context of the policy of the Berg-collegy in 1720–1722

The article considers the logic of renaming of the of Mining Chancery in the Urals in 1720–1722 in context of the plans of Berg-collegium for setting up regional government bodies for the metallurgy.

Keywords: *V.N. Tatischev, reforms of Peter I, metallurgy, history of Ural, industrial policy*

Курлаев Евгений Анатольевич
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *kurlae@e1.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРОВ ПРОИЗВОДСТВА ВОЕННОЙ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ НА УРАЛЕ В XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.[1]

УДК 63.3(470.5)

Условия для расцвета уральской промышленности в XVIII в. были подготовлены предшествующим столетием промышленного освоения края. Намеченное указом Петра I строительство на Урале «большого» завода по изготовлению чугуна, железа, пушек и создание оружейного производства в итоге было осуществлено. Военное производство, изначально планировавшееся «для обороны Сибирского царства», с началом Северной войны было полностью переориентировано на поставки продукции в Центральную Россию. Уральские пушки и тобольские ружья не сыграли существенной роли в Северной войне. Однако Тобольский оружейный завод вместе с первыми уральскими железоделательными заводами положил начало формированию облика Урала, как одного из крупнейших металлургических и военно-промышленных центров страны. Наиболее весомый вклад Урала в победу заключался в поставках высококачественного железа.

Ключевые слова: *Урал, горнозаводская промышленность, XVIII век, военное производство*

Приступая к реализации проекта «Динамика горнозаводской промышленности Урала в XVIII — начале XX в.: факторы роста, рыночная конъюнктура и модели развития» мы решили первым делом определить круг предприятий, сведения о которых нам предстоит изучать. Данные о первых заводах скупы, а о некоторых из них встречаются впервые.

Промышленный сектор Урала длительное время был представлен исключительно горно-металлургической отраслью, получившей

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 18-09-00611а.

существенное развитие еще в XVII в. Интенсивное развитие горно-металлургической промышленности шло за счет внедрения передовых европейских достижений в геологоразведочной и горнодобывающей отраслях, черной и цветной металлургии, военном деле. Дорогостоящие геологоразведочные экспедиции с обязательным участием иностранных специалистов занимались поиском промышленных залежей золотых, серебряных и медных руд[2].

Медь содержалась в медистых песчаниках, состоящих из малахита, лазурита и других минералов. Эти месторождения образовались в Западном Приуралье вследствие длительного разрушения толщ коренных пород в пермский геологический период много миллионов лет назад. Они сформировались в виде прослоек, гнезд и линз от нескольких километров до нескольких метров в поперечнике, которые залегали на глубине от 3 до 40 и даже 90 метров от поверхности.

В XVII в. промышленные залежи медистых песчаников обнаружили в Поволжье и Приуралье. В России становление горного дела и выплавки меди по немецким канонам началось на Пыскорском медеплавильном заводе в 1634 г. Саксонцы во главе с А. Петцольтом организовали разработку рудных залежей, занимались пуском завода и обучением русских мастеров. Первый российский медеплавильный завод стал сосредоточением зарубежных нововведений в гидроэнергетике, выплавке меди, горном деле и углежжении. Другим центром выплавки меди в России в середине XVII в. был государственный Казанский медеплавильный завод, упоминавшийся с 1640-х гг. Известно, что в 1652–1665 гг. в Казани действовал медеплавильный завод, где выплавляли около 350 пудов в год. Казанская медь шла не только на изготовление медной монеты, но и на пушки. В 1697 г. выплавка меди в Казанском уезде вновь возобновилась.

Казань была старейшим центром производства военной продукции в восточных регионах России[3]. На заводе работал пушеч-

[2] Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Участие иностранных специалистов в развитии горнорудного дела России в XVII в. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 49–62.
[3] Курлаев Е.А. Казань как центр металлургического и военного производства в XVII — первой четверти XVIII в. // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 11–16.

ный литейный мастер Андреас Нейдгардт и его сын рудознатец и литейный мастер Лаврентий. В фондах ВИМАИВиВС хранится несколько артиллерийских орудий, изготовленных в Казани. Это — стволы полупудовой гаубицы и трехфунтовой пушки, отлитой в 1711 г. Удалось установить, что литье пушек не было единичным событием, а в Казани находился артиллерийский двор с многочисленным штатом мастеров. В 1721 г. в списке работников двора упомянуты имена девяти «казанской артиллерии медной руды плавильщиков» и «обрубешной» мастер И. Федоров. Однако в отечественной литературе среди известных и малоизвестных центров изготовления бронзовых пушек Казань не упоминается. Отмечены только пушечные дворы в Москве, Новгороде, Пскове, малые пушечные дворы в Туле, Кашире, Вологде, Устюге, Тобольске.

Не упоминается Казань и среди основных центров производства огнестрельного, холодного оружия и пороха. В то же время, среди работников артиллерийского двора есть «казанские артиллерии оружейной палаты» целовальник Иван Матфеев, «зелейных выходов» целовальник Петр Алферов, участвовавшие в приемке готовой продукции, а также кузнецы, слесари, другие производственные профессии, характерные для крупной, специализированной оружейной мануфактуры. По всей видимости, военное производство в Казани было значительным и имело давние традиции. В частности, сделанные в казанской оружейной палате ружья, поставляли в Сибирь еще в XVII в. Так, в 1642 г. вышеупомянутый стрелец М. Вискунов привез в Тобольск «казанского дела 198 самопалов новых». В Казани с XVII в. изготовляли и порох.

Таким образом, в Казани еще в XVII в. возник и действовал многопрофильный центр военного производства. Он включал развитую инфраструктуру по добыче медной руды, завод по выплавке меди, артиллерийский двор с литейными ямами и оборудованием для медно-пушечного литья, оружейную палату с производственными мастерскими и разветвленное пороховое производство. Для непрерывного обеспечения заводов рудой при них работали группы поисковиков-рудознатцев, открывших крупные месторождения меди в Приуралье. Оглашение Берг-привилегии в

1719 г. стало знаковым событием к появлению по обеим сторонам Урала небольших медеплавильных заводов, основанных на деньги частных заводчиков.

Освоение края в XVII в. подвело к открытию промышленных залежей железной руды на Среднем Урале. В 1696 г. в Москве стало известно о наличии на Урале гигантских запасов железной руды. После ее тщательного испытания и экономических подсчетов последовал знаменитый указ Петра I от 10 июня 1697 г. об основании металлургических заводов на Урале, в котором была обозначена главная цель строительства: «…на тех заводах лить пушки и гранаты, и всякое ружье для обороны Сибирского царства от всяких иноземцев и для привозу того ружья к Москве и в иные понизовые и верховые (сибирские) города, где по нашему великого государя указу понадобится»[4]. По расчетам правительства, изобилие уральских ресурсов позволяло одновременно вооружать как сибирские гарнизоны, так и Москву, и другие города. Следует отметить, что ключевая роль в появлении этого указа и его реализации принадлежала главе Сибирского приказа А.А. Виниусу. Новые заводы должны были изготовлять весь ассортимент вооружений того времени: пушки, боеприпасы и «всякое ружье» т. е. огнестрельное и холодное оружие. Следует отметить, что все эти мероприятия в меньшей степени были связаны с военными событиями на западных рубежах России. Именно необходимостью обеспечения оружием Сибири было продиктовано создание центра военного производства за Уралом и строительство первого металлургического и оружейного заводов на рубеже XVII–XVIII вв.

В Тобольске организовали оружейное и пороховое производство. Указ о производстве оружия в Сибири появился 19 января 1700 г. Для его практической реализации у суздальских помещиков Казимировых были взяты крестьяне, являвшиеся и оружейными мастерами, во главе с Н.И. Пиленком. Первоначально оружейное производство предполагалось разместить у Каменского железоделательного завода, построив для этого специальную оружейную слободу, но из-за нехватки рабочей силы воевода перенес строительство в Тобольск.

[4] ПСЗРИ-1. Т. 3. № 1588.

Вторично возведение оружейного завода началось только через год, весной-летом 1701 г., сразу в двух местах. В самом Тобольске строился «деловой двор», а в 10 верстах от города на р. Аремзянке под надзором воеводы пашенные крестьяне возводили плотину и два амбара с механизмами, предназначенными сверлить и «оттачивать» стволы. 8 марта 1702 г. вместе с пушками Каменского завода в Москву прислали первую продукцию из Тобольска — 6 фузей и 6 мушкетов[5]. Произошло историческое событие, не отмеченное исследователями: в 1702 г. в Тобольске заработал первый в России специализированный государственный оружейный завод, созданный по типу централизованной мануфактуры. В Туле аналогичный завод начали строить в 1712 г., в Сестрорецке — в 1721 г.

В Тобольске создавалась централизованная мануфактура с пооперационным разделением труда. Один производственный центр находился у вододействующих механизмов на р. Аремзянке, где строили три оружейных мельницы, две из которых входили в казенную мануфактуру. Все оружие, за исключением отдельных случаев, доставляли в Москву для оснащения войск, действовавших против шведов. А.А. Виниус требовал делать по 100 фузей в неделю или по 5–6 тыс. в год. Но до 1707 г. производительность завода не превысила 1 650 ружей в год. Помимо огнестрельного оружия на Тобольском оружейном заводе начали изготовлять и холодное оружие. В 1702 г. туда отправили булатных мастеров А. Калтыкеева и М. Гаврилова. В 1703 г. поступил первый крупный заказ на изготовление 1 000 тесаков, 1 000 шпаг и 1 000 палашей «против немецкого образца». Оружейный завод в Тобольске проработал почти весь XVIII в.

С находкой промышленных запасов селитры началось строительство пороховой мануфактуры. Неподалеку от Тобольска на р. Подувалке [современное название р. Сузгунка. — *Е. К.*] поставили пороховую мельницу, а в самом городе построили зелейный (пороховой) двор. Из Москвы прислали зелейных мастеров Д. Лукьянова и А. Сергеева, а для обучения пороховому делу набрали местных жителей.

---

[5] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 48. Л. 305об.

Следствием царского указа от 10 июня 1697 г. стали продолжительные подготовительные работы и строительство первого металлургического Федьковского (Невьянского) завода в 1697–1699 гг. Каменский завод начинали строить в 1700 г. в уже изменившейся геополитической обстановке и войнами на южных границах. Об этом ярко свидетельствует указ 1700 г. тобольским воеводам М.Я. и П.М. Черкасским. Новый завод на Каменке (Каменский) был необходим «не только для прибылей, что из таких заводов впредь постоянно могут быть, но и для посылки железных пушек и гранат, и бомбов к Москве, в Астрахань и на Царицын для отпору и обороны против всяких наступающих неприятелей…»

Литье пушек, ядер, гранат было главной целью строительства уральских металлургических заводов, поэтому первые домны строились из расчета изготовления чугуна для литья пушек. Как писал бургомистр Амстердама Н. Витсен, медные пушки были лучше чугунных во многом. Они были легче, их не так быстро разрывало[6]. Но дешевизна и возможность массового выпуска чугунных пушек перекрывали эти преимущества. После первых неудачных сражений Северной войны потребность в артиллерии была настолько велика, что в 1702 г. первые орудия с Каменского завода отправили в Москву на подводах, до наступления весенней навигации. На Каменском, Невьянском и Алапаевском заводах, одна из двух домен строилась для литья пушек. Перед домной устраивали «чан», куда устанавливали пушечные формы, поблизости находилась «вертельня» для сверления стволов. На Уктусском заводе стволы не лили.

Первую крупную партию орудий отправили в Москву весной 1703 г. Но, даже собрав лучших мастеров на Урале, администрации так и не удалось достичь достаточного качества изделий. Причина свертывания пушечного производства была прямо названа в царском послании от 19 января 1705 г.: «…по имянному великого государя указу в Сибири на Каменских и верхотурских железных заводах чугунных пушек, мартиров, гоубиц лить не указал, для того, что по опыту прошлого 1704 г. присланные сибирские пушки явились зело плохи, и к стрельбе негодны. А велено на тех сибирских заводах делать прутовое доброе железо, а из

[6] Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1280. Л. 69.

самого плохова, которое в ковку негодно, лить бомбы и гранаты всяких рук и прислать к Москве в приказ Артиллерии…»[7].

Несмотря на трудное для России время правительство вынуждено было прекратить массовое артиллерийское производство на Урале. Ставка на развитие уральского пушечного производства не оправдалась, пушечных мастеров «наскоро» отправляли на строящиеся Олонецкие заводы и в Москву, так как «пушки на тобольских и верхотурских заводах лить не велели»[8]. В 1710 г. было запрещено и производство боеприпасов. Главная причина первого неудачного опыта чугунно-пушечного литья была выявлена позже. Она не зависела от мастерства литейщиков, а крылась в добавках магнитного железняка в шихту, усиливавших хрупкость металла. Другая причина — спешка при изготовлении орудий: «А вышеписанные пушки и мортиры и гаубицы за скоростию и поспешением не осматриваны и стрельбою не опытываны»[9].

По нашей оценке, в первое двадцатилетие XVIII в. уральская артиллерия так и не получила массового развития. Практически, с первых лет работы завода было запрещено производство 3-х фунтовых пушек, а вскоре и остальных калибров. 1703 г. стал переломным в судьбе уральской артиллерии, тогда во время форсированного заводского строительства не удалось адаптировать в крае ряда новых технологий и видов продукции. После указа 1705 г. поставки пушек в Москву не возобновлялись. В 1710 г. было запрещено и производство боеприпасов. Уральские пушки и тобольские ружья не сыграли существенной роли в Северной войне. Наиболее весомый вклад Урала в победу заключался в поставках высококачественного железа.

Задуманный для снабжения сибирских гарнизонов, оружейный завод с началом Северной войны переключился на поставки оружия в Москву. Комплекс причин не позволил достигнуть запланированной годовой производительности и внести сколько-нибудь существенный вклад в победу в Северной войне. В то же время, это предприятие вместе с первыми уральскими железоделательными

---

[7] Там же. Д. 1348. Л. 37.
[8] Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 218об.
[9] Там же. Д. 49. Л. 98–103.

заводами положило начало формированию облика Урала, как одного из крупнейших металлургических и военно-промышленных центров страны.

Только с приездом на Урал В.И. Геннина и приглашением европейских высококвалифицированных специалистов, удалось внедрить в медеплавильное производство эффективные технологии выплавки меди из «шиферных» руд. Под его контролем и руководством на казенных и частных заводах были внедрены, по крайней мере, два новых этапа в выплавке меди, без которых на Урале было немыслимо получение этого металла в промышленных количествах на протяжении всего XVIII в. Это — переплавка черной меди с отделением железа и последующая очистка металла в гармахерских горнах. Совершенствование технологии выплавки меди в Европе дало возможность начать эффективную выплавку металла при месторождениях, которые были открыты на Урале еще в первые десятилетия XVII в. За счет решения технологических проблем количество выплавленной уральской меди за несколько лет увеличилось в десятки раз.

Таблица 1

Перечень металлургических заводов, возникших на Урале в XVII — первой четверти XVIII вв.

№	Название завода	Период действия	Вид пр-ва*	Кол-во домен	Кол-во молотов	Кол-во печей	Основатель владелец
1	Алапаевский Нижний	1704–1826	д., м., мп.	2	2	2	Казна
2	Быньговский	1718–1863	м.		12		Н. Демидов
3	Верхне-Тагильский	1720–1917	д., м.	2	14		Н. Демидов
4	Выйский малый	1715	мп.			25 р.	Н. Демидов
5	Выйский верхний	1722–1916	мп.			10	Н. Демидов
6	Выйский нижний	1722–1916	д.	2	5		Н. Демидов
7	Давыдовский	1725–1734	мп.			2	И. Тряпицын
8	Егошихинский	1724–1788	мп.			6	Казна

№	Название завода	Период действия	Вид пр-ва*	Кол-во домен	Кол-во молотов	Кол-во печей	Основатель владелец
9	Екатерин-бургский	1723–1808	д., м., мп.	2	22	6	Казна
10	Казанский (Алатский)	1640–1700	мп.			?	Казна
11	Каменский верхний	1704–1723	м.		4		Казна
12	Каменский нижний	1701–	д., м.	2	6		Казна
13	Кунгурский	1712–1718	мп.			2	Казна
14	Лайский нижний	1723–1909	м.		4		Н. Демидов
15	Лобвенский	1726–1730-е	мп.			1	Т. Замойщиков
16	Лялинский	1723–1779	мп.			12	Казна
17	Мазуевский	1704–1743	мп.		1		Ф. Молодой
	Мазуевский	1707	м.			2	Ф. Молодой
18	Мазуевский	1711–1712	мп.	1		4	Ф. Молодой, казна
19	Невьянский	1701–?	д., м., мп.	2	16	4	Казна, Н. Демидов
20	Полевской	1724–1930	мп.	2		9	Казна
21	Пыскорский	1634–1657	мп.			2	Казна, Тумашевы
	Пыскорский	1723–1829	мп.			8	Казна
	Романовский	1716–1718	мп.			1	Казна
	Саралинский	1697–1730	мп.			3	Казна, с 1714 г. В. Калугин
22	Толмачев-ский верхн.	1716–1720-е	м.		1		Казна
23	Толмачев-ский нижн.	1716–1720-е	м.		1		Казна
	Уктусский нижний	1704–1750	д., м., мп.	2	4	14	Казна
24	Шувакиш-ский	1706–1716	м.		1		Л. Мясников
25	Шуралин-ский	1716–1890	м.		4		Н. Демидов
26	неизвестно	1714	мп.			1	Скрипицын

* д. — доменный; м. — молотовый; мп — медеплавильный

Библиографический список

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Участие иностранных специалистов в развитии горнорудного дела России в XVII в. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 49–62.

Курлаев Е.А. Казань как центр металлургического и военного производства в XVII — первой четверти XVIII в. // Российский научный журнал. 2015. № 2 (45). С. 11–16.

Kurlaev E.A.

Formation of the centers of production of military and metallurgical products in the Urals in the 17 — first quarter of the 18th century

Conditions for the flourishing of the Urals industry in the 18th century were prepared by the previous century of industrial development of the region. The construction of a "large" plant for the manufacture of pig iron, iron, guns and the creation of weapons production planned by Peter the Great in the Urals resulted in the completion of the project. The military production, originally planned for "defense of the Siberian kingdom", with the onset of the Northern War was completely reoriented for the supply of products to Central Russia. The Ural guns and Tobolsk guns did not play a significant role in the Northern War. However, the Tobolsk Arms Plant, together with the first Ural iron-making plants, initiated the formation of the Urals, as one of the largest metallurgical and military-industrial centers of the country. The most significant contribution of the Urals to the victory was the supply of high-quality iron.

Keywords: *Urals, mining industry, the 18th century, military production*

Мударисов Рамиль Зуфарович
д.и.н., профессор, Уфимский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфа, Россия)
E-mail: *mudarisov_ramil@mail.ru*

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

УДК 63.3(470.5)

Статья посвящена изучению архивных и опубликованных источники о производительности заводов Южного Урала в первой половине XIX в., которые дают возможность проследить по годам и пятилетиям выплавку чугуна, меди, железа как на частных, так и на казенных заводах в 1801–1861 гг. и ответить на вопрос о глубине и продолжительности кризиса на горных заводах края.

Ключевые слова: *металлургические заводы, чугун, медь, железо, динамика производства, рынок, места сбыта железа*

В изучении развития горнозаводской промышленности первой половины XIX в. возникают определенные трудности, связанные с несовершенством статистики, отрывочностью и противоречивостью приводимых в ней сведений. На это неоднократно указывали исследователи. Однако до настоящего времени ими не представлены полные цифровые данные о производительности заводов черной металлургии в дореформенное время как по Уралу в целом, так и по отдельным его районам. Это негативно влияло на решение вопроса о начале кризиса уральской горнозаводской промышленности и ее развитии в первой половине XIX в. Среди исследователей нет единого мнения по данному вопросу.

С.Г. Струмилин относил кризис черной металлургии к 1802–1834 гг.[1] Этот период он подразделяет на два этапа. Первый (1802–1816) — годы падения производства и второй (1817–1834) — годы его восстановления. Последующие годы (1834–1860), по его мнению, являются особыми в развитии черной металлургии — временем нового и очень значительного ее подъема.

[1] Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 368, 374.

В.К. Яцунский считал, что в течение всей первой половины XIX в. производство металла на Урале росло, хотя и медленными темпами, причем в первой четверти XIX в. прирост был незначительным и лишь со второй половины 1840-х гг. производство стало заметно увеличиваться[2].

По мнению Ф.С. Горового, в рассматриваемое время на Урале происходил медленный рост производства металлов, первые же симптомы кризиса становятся заметны в производстве и сбыте продукции горных заводов «лишь в 30-х годах XIX в.»[3].

Отсутствие единой точки зрения на развитие уральской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. ставит перед исследователями задачу выявления и введения в научный оборот новых источников по горнозаводской статистике. Фонды центральных и местных архивов сохранили богатейший статистический материал, который не введен в научный оборот.

Имеющиеся архивные и опубликованные источники о производительности заводов Южного Урала в первой половине XIX в. дают возможность проследить по годам и пятилетиям выплавку чугуна, меди, железа как на частных, так и на казенных заводах в 1801–1861 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика выплавки металлов на частных заводах Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (по пятилетиям, *пуд.*[4])

Годы	Выплавка чугуна	Индекс произв. к 1801–1805 гг., %	Выделано железа	Индекс произв. к 1801–1808 гг., %	Выплавка меди	Индекс произв. к 1801–1805 гг., %
1801–1805	4 619 283	100	2 962 746	100	358 686	100
1806–1810	4 617 422	100	3 126 062	106	436 462	122
1811–1815	4 346 921	94	2 875 764	97	284 229	79

[2] Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973. С. 101.

[3] Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 31, 41.

[4] Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа, 2003. С. 88.

Годы	Выплавка чугуна	Индекс произв. к 1801–1805 гг., %	Выделано железа	Индекс произв. к 1801–1808 гг., %	Выплавка меди	Индекс произв. к 1801–1805 гг., %
1816–1820	4 604 582	100	3 111 976	105	285 990	80
1821–1825	5 129 379	111	3 284 441	111	301 367	84
1826–1830	5 668 082	123	3 462 016	117	374 577	104
1831–1835	5 267 474	114	3 294 733	111	329 760	92
1836–1840	5 666 957	123	3 610 630	122	439 169	122
1841–1845	6 716 291	145	4 147 660	140	475 725	139
1846–1850	6 493 730	141	4 772 487	161	523 321	146
1851–1855	7 548 690	163	5 636 505	190	517 909	144
1856–1860	8 042 945	174	5 755 920	194	512 348	143

Данные таблицы не демонстрируют полный застой и упадок производства на частных металлургических заводах Южного Урала даже в первой четверти XIX в., на которую пришлись наибольшие трудности в развитии горнозаводского производства. За 60 лет только в 1811–1815 гг. выплавка чугуна была ниже на 6 %, железа — на 3 % уровня 1801–1805 гг. В остальные годы их выплавка по пятилетиям неуклонно повышалась, особенно с начала 1840-х гг., что было связано с повышением спроса на металл внутри страны в связи с начавшимся промышленным переворотом.

Частные медеплавильные заводы, увеличившие в первом десятилетии XIX в. выплавку меди на 22 %, в следующем десятилетии вступили в полосу кризиса, сократив производство на 21 % по сравнению с началом века. Кризис на них протекал более остро и длительно по сравнению с заводами черной металлургии. В конце XVIII — начале XIX в. правительство отказалось от неумеренной чеканки медной монеты, заменив ее бумажными деньгами — ассигнациями. Один миллион пудов меди, накопленный государством от сбора десятины и обязательных поставок, был выброшен на внутренний и внешний рынок. «Цена меди резко упала. Частные заводчики понесли серьезные потери, они просто не смогли составить казне конкуренцию». Выплавка меди достигла уровня начала века лишь в 1826 г., то есть через 15 лет после начала кризиса. Стабилизации положения помогла отмена правительством в 1824 г. всех податей с заводов, кроме десятины.

Во второй четверти XIX в. выплавка меди, хотя с временными колебаниями и перерывами, продолжала расти и достигла наивысшего подъема в 1846–1850 гг., затем она стала уменьшаться, а с 1856 г. медеплавильная промышленность Южного Урала вступает в полосу длительного кризиса[5]. Это было связано с появлением в 1850-х гг. на мировом рынке дешевой североамериканской и чилийской меди, выплавляемой из богатой руды. В результате уже в 1859 г. продажная цена русской меди по сравнению с 1854 г. упала на 50 %. Прогресс артиллерийского дела, выразившийся в переходе от медных пушек к чугунным и стальным, а также замена в военно-морском ведомстве деревянных судов железными без медной обивки привели к уменьшению потребности меди и внутри страны. Особенно пагубное влияние на медное производство оказал тариф 1857 г., по которому взимаемая с заводовладельцев подать в 2,5 раза превышала таможенную пошлину на ввозимую медь.

В целом в первой половине XIX в. на частных заводах Южного Урала производство чугуна выросло на 74 %, железа — 94 %, меди — на 46 %. Но рост этот не был равномерным. В развитии черной металлургии в рассматриваемое время можно выделить три периода: первые два десятилетия (точнее до 1818 г.) — период застоя и сокращения производства; второй период (1819–1840) — годы стабилизации и роста производства; третий (1841–1860) — годы быстрого роста производства. В медеплавлении выделяются три периода: первый (1801–1810) — годы роста производства; второй (1811–1835) — годы падения и восстановления производства; третий (1835–1860) — годы подъема.

Причины застоя и экономических трудностей на частных горных заводах в первой половине XIX в. рассматривались в исторической литературе. Одна из главных причин, наряду с господством феодально-крепостнических отношений, состояла в том, что в первой половине XIX в. резко сократился экспорт металла в Англию из-за начавшейся там промышленной революции. Внутренний же рынок России в это время еще не был в состоянии поглотить всю продукцию металлургических заводов, которая до конца XVIII в. шла в основном в Англию. Негативное влияние, обострившее эко-

[5] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 947. Л. 19об.–25.

номические трудности в горнозаводской промышленности, оказали континентальная блокада Англии в 1807–1810 гг. и война 1812 г. Отсутствие традиционно широких экономических связей с Англией в годы блокады истощило государственную казну. В связи с этим государство, нуждавшееся в деньгах, увеличило подати с выплавленных металлов, что подрывало рентабельность заводов. Захват армией Наполеона значительной территории страны сократил и без того незначительный внутренний рынок. Кроме того, многочисленные рекрутские наборы лишали заводы наиболее трудоспособного населения[6]. Значительный урон горнозаводскому производству нанес выпуск большого количества бумажных денег, что привело к уменьшению продажной цены металла. Инфляция вызвала рост цен на продукты питания, предметы первой необходимости, соответственно увеличились производственные издержки и общая себестоимость выплавки металла. Горнозаводская промышленность стала работать вхолостую, заводчики получали или минимум прибыли, или даже недосчитывались собственных денег за каждый пуд выплавленного металла. Отсутствие денежных средств вынуждало горнозаводчиков сокращать выплавку металла или вовсе закрывать заводы на некоторое время. Так, пермский Берг-инспектор в рапорте горному правлению писал, что Каноникольский медеплавильный завод с 8 января 1812 г. стоит без действия, заводские рабочие уволены по билетам в ближайшие селения для своего прокормления. По его словам, причина закрытия завода состояла в том, что «продажа металлов почти вовсе остановилась... и заводы не имеют денег для своего производства»[7]. Заводская контора Благовещенского завода 2 января 1813 г. доносила горному правлению, что она, не получая денег от владелицы завода, «более трети года прекратила действие завода». В это время остановили производство Воскресенский и Верхоторский заводы[8].

Учитывая резкое сокращение доходности частных чугуноплавильных и железоделательных заводов, правительство указом от

[6] Шилов А.В. К вопросу о влиянии войн начала XIX века на положение горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 85–88.

[7] РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 45. Л. 9, 11.

[8] Там же. Л. 6, 8.

22 сентября 1809 г. ограничило ежегодное производство чугуна и железа на казенных заводах Урала до уровня, необходимого для выполнения заказов военного ведомства. Горному начальству предписывалось «выплавку железа на вольную продажу отныне совершенно прекратить», и соответственно с этим составить новые штаты, определяющие объем производства по каждому заводу[9].

Как видно из табл. 1, производство металлов на Южном Урале в предреформенный период росло, что является характерным показателем технического прогресса, происходившего на горных заводах Урала в это время. Однако на фоне мирового развития металлургии технический прогресс уральской был замедленным. Так, если в 1800 г. выплавка чугуна на одну домну на Урале составляла в среднем 91,6 тыс. пудов, в 1860 г. — 137 тыс. пудов, то в Англии эти показатели соответственно составляли 65,5 тыс. и 426 тыс. пудов[10].

Заводы выпускали различные сорта железа. Широкополосное и полосовое железо шло на выделку стали, узкополосное, полуполосное, шинное железо — на производство разных оков, шин для экипажных колес и т. п. Из брусчатого и круглого железа толстых размеров готовили экипажные оси и другие изделия, требующие тщательной обработки. Брусчатое, резное и круглое железо тонких размеров шло на изготовление болтов, гвоздей, проволоки, подков и т. д. Заводы также выпускали различные изделия домашнего обихода: европейскую и азиатскую посуду, замки, лопаты, косы, топоры, петли и многое другое[11].

Частные горные заводы Южного Урала в первой половине XIX в. работали в основном на вольный рынок. Их продукция шла во многие районы страны и продавалась на ярмарках в Нижнем Новгороде, Москве, Петербурге, Казани, Рыбинске и других городах[12]. Основным внутренним рынком сбыта горнозаводской продукции в XVIII — начале XIX вв. была Макарьевская ярмарка.

---

[9] Там же. Ф. 37. Оп. 13. Д. 40. Л. 1–2.
[10] Горовой Ф.С. Указ. соч. С. 38.
[11] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 448. Л. 130.
[12] Там же. Оп. 64. Д. 283. Л. 262.

В 1816 г. она была переведена в Нижний Новгород как наиболее удобно расположенный географический пункт[13].

Высококачественный металл южноуральских заводов успешно конкурировал с продукцией других заводов не только на внутренних, но и на внешних рынках сбыта. Так, в 1840-е гг. заводы Катав-Ивановского округа ежегодно доставляли в Петербург от 100 до 160 тыс. пудов, Юрюзань-Ивановского — от 10 до 100 тыс. пудов железа высокого качества. Оно вывозилось в Англию, где из него делали литую сталь[14].

После указа 1807 г., разрешавшего отпуск меди за границу, заметно увеличивается ее экспорт. Он происходил за счет запасов меди, накопившихся в стране в течение XVIII в., и был связан с проводившейся в стране реформой денежной системы. Манифестом от 29 августа 1810 г. медная монета объявлялась разменной и должна была чеканиться по 24 руб. из пуда. Вследствие этого в стране оказался огромный запас лишней медной монеты, выпускавшейся в течение большей части XVIII в. по 16 руб. из пуда. Оставление ее в обращении было невыгодным. Поэтому большое количество медной монеты старого чекана было переплавлено для продажи за границу, где за медь платили значительно дороже. Так, в начале века в России пуд меди стоил 8 руб. сер., а в Англии — 10 руб. сер. Все это способствовало увеличению ее вывоза. Если в 1791–1800 гг. Россия вывезла за границу 8 675 пудов меди, то уже в 1801–1810 гг. — 75 712, в 1811–1826 гг. — 590 440, в 1821–1830 гг. — 2 432 883, в 1831–1840 гг. — 747 340, в 1841–1850 гг. — 262 288, в 1851–1860 гг. — 510 614 пудов. В рассматриваемое время Россия являлась одним из главных поставщиков высококачественной чистой меди на европейские рынки. Медь вывозилась преимущественно через Петербургский порт и шла в большей своей части во Францию, Голландию, Англию.

В рассматриваемое время средняя цена меди на Нижегородской ярмарке была от 11 до 14 руб. сер. за пуд. Заводам же пуд меди обходился в 5–6 руб. сер.[15]

---

[13] Спасский П.Х. История торговли и промышленности в России. СПб., 1910. Т. 1. С. 75.

[14] РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 1895. Л. 3, 129

[15] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 448. Л. 137об.

Повышению цен на металлы в 1840-х гг. способствовала и покровительственная политика правительства, запрещавшая ввоз из-за границы морем чугуна, сортового и полосового железа. За ввоз их через сухопутную границу устанавливались большие пошлины. Так, по тарифу 1841 г. при ввозе железа через сухопутную границу взималось 1 руб. 38 коп. сер. пошлины с пуда полосового и сортового и 3 руб. 60 коп. с пуда листового железа[16]. В исторически сложившихся условиях покровительственная политика правительства в отношении отечественной промышленности являлась обязательным условием для укрепления ее позиций.

Монопольное положение заводчиков приносило им огромные доходы. Так, администрация Симского округа показала перед реформой размер прибыли на капитал 31 коп. на рубль[17]. Продажная цена заводской продукции по округу была выше себестоимости на 134 %. В конце 1830-х гг. железоделательные заводы Южного Урала приносили своим владельцам чистой прибыли 982 080 руб., т. е. 38,5 % с валового дохода. Медеплавильные заводы давали чистой прибыли 715 977 руб., или 25,4 % с валового дохода[18].

Горнозаводчики тратили свои колоссальные доходы в основном на потребительские цели и делали это так широко, что зачастую этих доходов не хватало и они начинали проживать заводские оборотные капиталы. Это приводило к частым задержкам заработной платы рабочим. Недостаток денег на покрытие текущих заводских расходов вел к уменьшению производства и расстройству недвижимого капитала.

Академик В.М. Безобразов писал об уральских заводчиках дореформенного периода: «Большая часть заводовладельцев жила в столицах и за границей в полном отчуждении от своих заводов, находившихся в распоряжении управляющих. Многие владельцы знали относительно положения дел на заводах только цифры получаемых с них доходов, и даже эти цифры изменялись сообразно с

[16] Кеппен А.П. Материалы для истории и статистики железной промышленности России: Внешняя торговля и тариф. СПб., 1896. С. 11.
[17] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 266.
[18] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 25–25об.

их потребностями, а не по способам завода»[19]. Так, П.П. Демидов, родившийся за границей, за всю жизнь был на своих уральских заводах всего два раза. Миллионные же доходы, получаемые с заводов, «летели из демидовского кармана, отнюдь не на заводы, а в центральные города и за границу, без всякого разбора, направо и налево, десятками и сотнями тысяч»[20].

Испытывая острый недостаток средств из-за непомерных непроизводственных расходов, заводчики часто обращались к займам под залог будущих заводских изделий или же полностью закладывали заводы. Отнять же завод за долги никто не мог, ибо в 1809 г. было запрещено продавать за долги владельца действующие заводы, а велено брать их в опеку и уплачивать долги из их доходов[21]. Кроме того, в 1824 г. правительство учредило Государственный заемный банк, по уставу которого размер ссуды под залог горнозаводских имений был установлен в 50 руб. на ревизскую душу, т. е. больше, чем для остальных помещичьих имений.

По сведениям 1849 г., в залоге Государственного заемного банка состояли Каноникольский, Белорецкий, Воскресенский, Троицкий, Благовещенский, Юрюзань-Ивановский горнозаводские округа. Они были заложены на сумму в 1 106 995 руб. сер. В 1851 г. правительство разрешило перезалог Белорецкого округа, а 1852 г. в частные руки был заложен Преображенский завод на сумму 300 тыс. руб. сер., с обязательством уплаты состоящего на нем долга заемному банку[22].

Опираясь на поддержку государства, уральские заводчики продолжали основывать свое господство не на капиталистической конкуренции, а на монополии. Урал, по-прежнему оставаясь главным центром горнозаводской промышленности, мог выйти на путь дальнейшего развития лишь в результате ломки феодально-крепостнических порядков в России, технического прогресса и победы капиталистических отношений.

---

[19] Безобразов В.М. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869. С. 320.

[20] Мамин-Сибиряк Д.Н. Один из анекдотических людей // Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 404, 413.

[21] ПСЗ-I. Т. 29. № 22430; Т. 30. № 23662; Т. 31. № 24114; Т. 33. № 22111.

[22] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 4. Л. 201–202.

Библиографический список

Безобразов В.М. Уральское горное хозяйство и вопрос о продаже казенных горных заводов. СПб., 1869.

Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

Кеппен А.П. Материалы для истории и статистики железной промышленности России: Внешняя торговля и тариф. СПб., 1896.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Один из анекдотических людей // Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 403–414.

Мударисов Р.З. Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа, 2003.

Спасский П.Х. История торговли и промышленности в России. СПб., 1910. Т. 1.

Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1.

Шилов А.В. К вопросу о влиянии войн начала XIX века на положение горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории Урала. Пермь, 1966. С. 82–91.

Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973.

Mudarisov R.Z.

On the question of the crisis of the mining-zavod industry of the South Ural in the first half of the 19th century

The Article is devoted to the study of archival and published sources about the performance of the factories of the southern Urals in the first half of the 19th century, which give the opportunity to trace and anniversaries smelting of iron, copper, iron both private and state-owned factories in 1801–1861. and to answer the question about the depth and duration of the crisis in the mining plants of the region.

Keywords: *steel plants, cast iron, copper, iron, production dynamics, market, places of sale of iron, the causes of the crisis*

Нефедов Сергей Александрович
д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *hist1@yandex.ru*

БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ В ИСТОРИИ РОССИИ[1]

УДК 94(470.5)

«Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» оперирует концептом больших вызовов, которые ставит перед Россией всемирный процесс технологического и экономического развития. В статье предлагается типология «вызовов», встававших перед Российской империей на протяжении ее двухвекового существования.

Ключевые слова: *большие вызовы, технологические инновации, военные инновации, импорт технологий, реформы, традиционалистская реакция*

В «Стратегии научно-технического развития Российской Федерации» подчеркивается, что «научно-техническое развитие определяется комплексом внешних и внутренних факторов, формирующих систему больших вызовов». Далее перечисляются конкретные вызовы, среди которых выделяются такие первостепенные проблемы, как «исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов», «потребность в обеспечении продовольственной безопасности», «военные угрозы» и т. д. Среди возможных ответов на эти вызовы упоминается импорт технологий и создание новых технологий — технологическое лидерство.

Очевидно, что большие вызовы такого рода — также, как и ответы на них — не являются чем-то новым, специфическим для XXI в.; такие вызовы вставали перед Россией и в предыдущие столетия и стране приходилось давать на них ответы. В этой связи возникает задача анализа исторического опыта, анализа тех

[1] Статья выполнена по проекту «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления» выполняемого в рамках программы УрО РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества».

больших вызовов, которым на протяжении последних веков противостояло российское общество — и осмысления тех ответов, которые оно давало на эти вызовы.

Прежде всего, необходимо разработать типологию больших вызовов и выявить связь их связь с развитием технологий — поскольку «Стратегия научно-технического развития» делает акцент как на технологической природе вызовов, так и на возможности технологического ответа на эти вызовы.

Первый тип вызовов, в которым влияние технологии проявляется наиболее явно — это военные вызовы. На протяжении своей истории Россия не раз сталкивалась с военными вызовами. В 1700 г. русская армия потерпела тяжелое поражение в сражении под Нарвой, и возникла опасность шведского вторжения в Россию. Поражение было обусловлено, в основном, технологическими причинами. Шведская армия была наиболее передовой армией Европы, обученной сражаться в линейных порядках, а линейная тактика, в свою очередь была результатом адаптации к достижениям военной техники — к появлению облегченного снабженного штыком мушкета, «фузеи». Применение усовершенствованного кремниевого замка увеличило скорострельность фузеи, которая превратилась в комбинированное стреляющее и колющее оружие. Это позволило отказаться от использования пикинеров, пехота теперь строилась в 4–5 шеренг; первая шеренга, выстрелив, становилась на колено и перезаряжала ружья; затем это проделывала вторая шеренга и т. д.

Еще одним техническим преимуществом шведской армии была многочисленная легкая полковая артиллерия: в каждом полку было несколько 3-фунтовых пушек, которые солдаты катили по полю боя и которые обладали большой скорострельностью. Русская армия не обладала столь сильной артиллерией, а солдаты-новобранцы были плохо обучены; ими командовали не говорившие по-русски иноземные офицеры[2].

Таким образом, вызов имел технический характер, и естественным ответом на него был импорт технологий. Прежде всего,

[2] Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994. С. 70, 155; Разин Е.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 3. С. 490.

нужно было организовать масштабное производство фузей и полковых пушек, а также различной амуниции. Это подразумевало создание военной промышленности; за время правления Петра было построено около полусотни металлургических и оружейных заводов и производство чугуна возросло со 150 до 800 тыс. пудов. Были наняты сотни иностранных специалистов, которые помогли осуществить импорт технологий не только в военной, но и в промышленной сфере. Кроме того, требовалось укомплектовать и обучить новую многочисленную армию, ввести рекрутскую систему набора, организовать офицерские школы. Поскольку реформы требовали больших затрат, то была преобразована податная система и увеличены налоги. Для управления новой промышленностью и новыми финансами требовалось создать новую военно-бюрократическую систему, на вершине которой — как утверждает теория «военной революции» — должен был стоять абсолютный монарх[3]. Важно отметить, что утверждение абсолютизма и военно-борократической системы происходило в значительной степени под шведским влиянием; в частности, система коллегий была заимствована из Швеции. Таким образом, из страны, бросившей вызов, импортировались не только технологии, но и общественные институты. Правда, это заимствование было частичным и не отменяло всех традиционных институтов.

На примере реформ Петра I мы видим, что ответ на военно-технологический вызов приводит в первую очередь, к импорту военных технологий, затем заимствования распространяются на инфраструктуру, и, в частности, на экономическую сферу, и в конечном счете приводят к импорту социальных институтов, к социальным реформам[4].

Однако этот же пример показывает, что реформы встречают сопротивление различных слоев общества. На первом этапе это было сопротивление со стороны боярской элиты, которое удалось подавить лишь переходом к абсолютизму. Сопротивление со стороны

[3] Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 74–78.

[4] Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. М., 2008; Он же. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 43–50.

низших слов проявилось в астраханском восстании и в восстании Булавина. После смерти Петра Великого мы наблюдаем традиционалистскую реакцию. Часть нововведений (в частности, в провинциальной администрации) отменяется; строительство Петербурга остановилось, столица на время вернулась в Москву.

Насколько другие случаи вызовов и ответов соответствуют этой общей схеме? Следующим военным вызовом, на который предстояло дать ответ России, были победы Наполеона. Этот вызов также имел технологический характер: он был следствием появления мобильной артиллерии и тактики колонн. Ранее пушки отливались вместе с каналом ствола; при этом канал получался негладким и зачастую — с кавернами; стенки орудия приходилось делась толстыми, а между стенками и ядром полагался зазор примерно в полсантиметра. В 1734 г. работавший во Франции швейцарский мастер Жан Мариц изобрел горизонтальный сверлильный стан – мощную сверлильную машину с приводом от водяного колеса. Высверленный канал получался гладким, без каверн, что обеспечивало его прочность на разрыв и позволяло уменьшить зазор между стенками и ядром. Если обточить ядро и сделать его идеально круглым, то оно могло входить в канал ствола, как поршень. Стало возможным, сохраняя мощь орудия, значительно уменьшить пороховой заряд; это означало, что можно делать стенки ствола более тонкими. В 1770-х гг. под руководством генерала Ж.-Б. Грибоваля было налажено производство орудий нового типа. В итоге, мощные 6-фунтовые пушки стали более мобильными; батареи теперь могли маневрировать на поле боя и перебрасываться к намеченному участку прорыва. Знаменитый военный инженер Лазар Карно дополнил артиллерийский маневр тактикой колонн: после шквального обстрела на прорыв шла сомкнутая колонна, которая пробивала линии противника своей массой[5].

Новая военная технология обеспечила победы Наполеона и заставила его противников заимствовать французские образцы. Разгромленная Пруссия сразу же приняла тактику колонн, ввела у себя всеобщую воинскую повинность и открыла доступ в офице-

[5] Дживелегов А.К. Армия Великой французской революции и ее вожди. М., 1923. С. 68.

ры недворянам. Французские победы заставляли модернизировать по французскому образцу не только военную, но и общественную систему. Важной реформой, проведенной под влиянием Франции, было освобождение крестьян. Более того, прусский король Фридрих-Вильгельм III обещал своему народу ввести конституцию — но забыл о своем обещании после поражения Наполеона[6].

В России, прежде всего, под руководством А.А. Аракчеева была реформирована артиллерия и было налажено производство пушек системы Грибоваля. Новый пехотный устав ориентировал офицеров на использование тактики колонн. В 1808–1810 гг. русские пехотные батальоны получили организацию и ружья французского образца. Форма также стала похожа на французскую, солдаты стали носить кивера. Выходцы из простолюдинов стали допускаться в число офицеров — во всем этом можно видеть результат французского влияния[7].

Как обычно, заимствования в военной сфере вскоре повлекли заимствования в сфере политической и социальной. Эти заимствования проявились, прежде всего, в созданном ближайшим помощником Александра статс-секретарем М.М. Сперанским проекте конституции (введение Государственного совета, разделение властей, иерархия выборных местных дум и др.). «Он хотел насадить на русской почве те же порядки, которые, по его представлению, превратили Францию в первую страну в мире», — писал Е.В. Тарле о Сперанском[8]. Наиболее важным обстоятельством было то, что конституция предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, — свидетельствует Д.П. Рунич, — теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право»[9].

Оппозиция преобразованиям, как и раньше, вызвала традиционалистскую реакцию — в первую очередь, со стороны дворянской элиты. В правление Александра слухи о заговорах, угрозы

---

[6] Германская история. М., 1970. Т. 1. С. 186–187.

[7] Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. Т. 2. С. 148.

[8] Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992. С. 244.

[9] Цит. по: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 30, 31.

и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением. Поэтому, пишет М.М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям[10]. В конечном счете традиционалистская реакция привела к отставке Сперанского; Александр I обвинил своего помощника в том, что «он жертвует благом государства из привязанности к своей французской системе»[11].

Характеризуя в целом ответ России на «большой вызов» Наполеона, нужно отметить, что в данном случае реформы ограничились импортом военных технологий; попытки более глубоких преобразований были блокированы традиционалистской реакцией. Причины такого развития событий можно видеть в том, что давление страны, бросившей вызов, оказалось недостаточным: оно компенсировалось помощью союзников; как известно, в битве при Лейпциге против Наполеона сражалась вся Европа.

Следующим вызовом, который Запад бросил России, была Крымская война. Крымская война была первым военным столкновением России с новой промышленной цивилизацией Запада. Техническое превосходство Англии и Франции долгое время не находило должного отражения в военной сфере, и в Европе сохранялся миф о могуществе России. Однако в середине XIX в. — незадолго до начала войны — положение резко изменилось: промышленная цивилизация достигла решающего превосходства в военной технике. На морях появились линейные корабли-пароходы, намного превосходившие своими боевыми качествами парусные суда. Усовершенствование металлургического процесса позволило получать ствольную сталь и в массовых масштабах наладить производство нарезных ружей («штуцеров»). Новые штуцеры стреляли расширяющейся пулей Минье, благодаря чему их было легко заряжать и их скорострельность не уступала скорострельности гладкоствольных ружей. В 1853 г. на вооружение английской армии был принят капсульный штуцер «Энфилд» с прицельной дальностью 1 300 шагов; большое количество штуцеров имелось

[10] Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 243.
[11] Цит. по: Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. М., 1989. С. 100.

и во французской армии. Между тем, вооружение русских войск оставалось практически тем же, что и во времена Наполеона; гладкоствольные ружья русских солдат стреляли лишь на 350 шагов[12]. Страны, запаздывавшие с модернизацией, оказались перед лицом превосходящей военной мощи; новая промышленная цивилизация готовилась перейти к широкомасштабной военной экспансии.

Страной, бросившей вызов, в данном случае была Англия, и ответом был широкомасштабный импорт английских промышленных технологий. Прежде всего, было освоено производство штуцеров, для чего понадобилось решить сложную техническую задачу: наладить производство литой стали[13]. Другим аспектом проблемы модернизации было создание сети стратегических железных дорог. «Крымская война доказала, — писал позже министр финансов М.Х. Рейтерн, — что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных границах»[14]. В вопросе о железных дорогах военные реформы соприкасались с экономическими и социальными. Обеспечив мобильность армии, железные дороги должны были вместе с тем открыть внутренние районы России для мировой торговли. Следующий шаг состоял в распространении модернизации на социальную сферу: на повестку дня ставился вопрос о социальных реформах, о ликвидации крепостного права, о политических свободах и о конституции. Освобождение крестьян было необходимо с военной точки зрения, поскольку крепостное право препятствовало введению всеобщей воинской повинности. Но помимо военных соображений, большое значение имело то обстоятельство, что вызов Запада в данном случае был настолько сильным, что импорт технологий распространился на импорт институтов. Это подразумевало также и ликвидацию самых архаических институтов традиционного общества.

Как и в предыдущих случаях, реформы середины XIX в. столкнулись с традиционалистской реакцией — прежде всего со стороны дворянской элиты. Это сопротивление вызвало конфликт

[12] Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 194, 203–205, 241.
[13] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 298, 299, 304.
[14] Цит. по: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 31.

между монархией и элитой, который привел к усилению абсолютизма. Таким образом, исторический опыт говорит о том, что для проведения глубоких реформ часто требуется абсолютная власть.

Анализируя ответ России на вызов Крымской войны, необходимо отметить, что в данном случае вызов был не только военным, но и экономическим. Экономические вызовы — это появление новых технологий, которые не имеют непосредственного приложения в военной сфере. Среди важнейших технологий этого рода нужно, прежде всего, выделить группу технологий, обеспечивающих прирост производства пищи. Это технологии производства минеральных удобрений, селекция, позволяющая получить более урожайные сорта зерновых, средства борьбы с вредителями растений и т. д. В основном, это технологии, появившиеся уже в XX в.; их появление рассматривается как благо, и они распространяются, не встречая каких-либо препятствий. Это технологии ответа общества на экологические и демографические вызовы.

Вторая группа технологий — это технологии, обеспечивающие повышение качества жизни в других, не связанных с пищевым потреблением, сферах. Сюда относятся технологии производства одежды, обуви, стройматериалов, производство предметов роскоши и т. д.

Третья группа технологий — это транспортные технологии, помимо военного аспекта, их совершенствование облегчает освоение новых территорий и создает условия для обмена одних товаров на другие. Иными словами, транспортные технологии создают Мировой рынок, на котором обмениваются товары, произведенные с помощью технологий первой и второй групп. Этот аспект настолько важен, что экономические вызовы часто отождествляются с вызовом Мирового рынка: с появлением на рынке спроса на какие-то товары данной страны и предложения других товаров, дефицитных в данной стране. Появление на рынке более дешевых импортных товаров угнетает местное производство, с другой стороны, развивается — часто при помощи капиталов извне — экспортное производство тех товаров, которые в этой стране дешевле, чем на Мировом рынке.

Анализ влияния экономических вызовов удобно начать с того момента, когда в Россию пришел Мировой рынок. Появление

Мирового рынка было связано с появлением новых транспортных технологий, с созданием нового типа океанских кораблей, голландского «флейта», и с освоением в Голландии механизированного судостроения, в частности, с появлением лесопилок с приводом от ветряных мельниц. Это привело к созданию огромного голландского торгового флота, голландцам принадлежали 15 тыс. кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам.

Результаты появления Мирового рынка проанализированы в фундаментальных трудах Ф. Броделя и И. Валлерстайна[15]. В Америке эти результаты выразились в становлении рабовладельческой экономики, в распространении плантационных хозяйств, в которых выращивали экспортные культуры, и которые были основаны на эксплуатации рабов. Таково было действие Мирового рынка на все страны, в которых при наличии экспортного потенциала существовал недостаток рабочей силы, которую можно было бы привлечь для его использования. Такая ситуация, в частности, складывалась в странах Балтии, где становление экспортного производства зерна породило «второе издание крепостничества». В Данциг ежегодно прибывало примерно полторы тысячи кораблей, голландские купцы предлагали за зерно всю роскошь Запада и Востока — и польские паны расширяли свои фольварки, гнали крестьян на барщину, вводили порядки, близко напоминавшие плантационное рабство. Золото, которое получали паны, увеличивало их экономическую силу — поэтому в Польше постепенно восторжествовали олигархические порядки[16].

В Россию Мировой Рынок пришел сравнительно поздно — после того, как Петр I прорубил «окно в Европу». За время правления Екатерины II ввоз увеличился почти в пять раз: с 9,3 млн руб. в 1763–1765 гг. до 41,9 млн руб. в 1796 г. Первое место среди ввозимых товаров занимал сахар, затем шли тонкие сукна, хлопчатобумажные ткани, шелка, вина, фрукты и т. п. «Ввоз носил исключительно потребительский характер для удовлетворения потребностей высших классов», — отмечал П.И. Лященко[17].

[15] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. М., 1992. Т. 3; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. М., 2015. Т. 1.
[16] Бродель Ф. Указ. соч. С. 459; Валлерстайн И. Указ. соч. С. 117–120.
[17] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1. С. 407.

Ф. Бродель, акцентируя этот аспект проблемы, цитирует памятную записку неизвестного русского автора, поданную в правительство в 1765 г. Автор записки рекомендовал по примеру Китая закрыть страну для ввоза иностранных предметов роскоши. Если такой роскоши суждено продолжаться, предупреждал автор, то она станет причиной «разорения землепашества»[18]. А. Кахан приблизительно подсчитал цену, которую платило русское дворянство за западную роскошь, а также за западный стиль жизни, путешествия в Европу и за образование, сводившееся по преимуществу к изучению французского языка. По оценке американского исследователя эти расходы в 1793–1795 гг. в среднем составляли ежегодно не менее 18 млн руб. и отнимали более 35 % дохода помещичьих хозяйств; такие расходы были непосильны более чем для половины помещиков. Отсюда следует, заключает А. Кахан, что стремление к западной роскоши было мощным стимулом, заставлявшим помещиков искать пути увеличения своих доходов[19]. Помещики выходили из положения, увеличивая оброки и барщину, однако транспортные условия не позволяли в то время организовать масштабный экспорт зерна из богатых хлебом областей Центрального Черноземья. Зерно Черноземья поступало в центральные районы страны, где ощущался недостаток хлеба, и где производили лен, пеньку, полотно и некоторые другие товары, которые обменивали на западную роскошь в балтийских портах. Тем не менее, эта система косвенного включения в Мировой Рынок в конечном счете, привела к тем же последствиям, что и в Польше — к отягчению крепостного права до уровня, близкого к настоящему рабству.

Реальное включение Черноземья в Мировой Рынок было результатом нового экономического вызова Запада, результатом появления паровых машин и железных дорог. В 1868 г. в район Орла пришла первая железная дорога, связавшая Черноземье с Ригой. За этим последовал бум хлебного экспорта. Россия стала крупнейшим в мире экспортером хлеба. Вывоз хлеба давал 56 % всей стоимости экспорта, в 1880-х гг. вывозилось 23 % от чистого сбо-

[18] Бродель Ф. Указ. соч. С. 477.

[19] Kahan A. The Costs of “Westernisation” in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 46.

ра зерновых[20]. Цены в Европе были примерно вдвое выше, чем в России, поэтому для владельцев излишков хлеба (помещиков и зажиточных крестьяне) было выгодно продавать хлеб торговцам, вывозившим хлеб за границу. Помещикам принадлежала примерно треть земель Центрального Черноземья, и значительная часть хлеба с этих земель уходила за пределы региона в то время, как население увеличивалось и крестьяне не могли прокормиться на своих маленьких наделах. Результатом были постоянные голодовки и в особенности катастрофический голод 1891–1892 гг.

При этом, как и прежде, экспорт совершался в интересах элиты, которая приобретала на полученные деньги импортные предметы роскоши, или проводила время за границей. Так, например, в 1907 г. было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов на 180 млн руб. и 150–200 млн руб. составили расходы «русских путешественников» за границей (многие представители русской знати постоянно жили во Франции). Для сравнения, в том же году, было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники — на 18 млн руб.[21] Таким образом, на нужды индустриализации шла лишь небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта.

В конечном счете, «голодный экспорт» создавал почву для крестьянских восстаний и для революции, которая проходила под лозунгом земельного передела. В результате революции экспорт хлеба сократился в 12 раз и продовольственное потребление крестьян Центрального Черноземья увеличилось на 30–50 %[22].

До революции правительство не принимало мер к уменьшению хлебного экспорта, рассматривая его как положительный аспект включения страны в Мировой Рынок. Однако оно признавало наличие других, негативных аспектов. Речь шла, прежде всего, о том, что Мировой Рынок угнетал развитие русской промышленности; русские промышленные товары были дороже

[20] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 250.
[21] Там же. С. 251.
[22] Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 110, 151–152.

европейских, поэтому русская промышленность могла развиваться лишь под защитой протекционистских пошлин. В 1892 г. сумма таможенных пошлин составляла 32,7 % от стоимости импортируемых товаров[23]. Эта таможенная защита создавала ситуацию, когда русские промышленники, импортируя западные технологии, могли получать высокие прибыли. Возможность получения высоких прибылей на русском рынке, в свою очередь, привлекала западные капиталы. В конечном счете, протекционистская политика способствовала быстрому развитию русской промышленности.

В целом исторический опыт показывает, что экономический вызов, оставленный без ответа, может привести к падению уровня жизни населения и к социальному кризису. Естественный ответ на экономический вызов — это протекционистское регулирование в сочетании с импортом технологий. Политика свободной торговли, как указывал Ф. Лист, — это политика стран, достигших технологического лидерства. Характерно, что в XIX в. страны-лидеры открывали другие государства для торговли военным путем, то есть трансформировали *экономический* вызов в *военный* вызов. Соответственно, в этом случае начинали работать описанные выше механизмы выработки ответа на военную угрозу.

Библиографический список

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII веках. М., 1992. Т. 3.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. М., 2015. Т. 1.

Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960.

Дживелегов А.К. Армия Великой французской революции и ее вожди. М., 1923.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1.

Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб., 1994.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

[23] Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ... С. 294.

Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009.

Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.

Нефедов С.А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 4. С. 43–50.

Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. М., 2008.

Разин Е.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 3.

Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. Т. 2.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1992.

Чибиряев С.А. Великий русский реформатор. М., 1989.

Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1991.

Kahan A. The cost of Westernisation in Russia: the Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 1. P. 40–46.

Nefedov S.A.

Big challenges in the history of Russia

"The Strategy of Scientific and Technical Development of the Russian Federation" uses the concept of big challenges, which the global process of technological and economic development poses to Russia. The article proposes a typology of "challenges" that faced the Russian empire during its two centuries of existence.

Keywords: *big challenges, technological innovations, military innovations, technology import, reforms, traditionalist reaction*

Новиков Игорь Александрович
к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и права, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия)
E-mail: *novikovia69@mail.ru*

«НЕИЗВЕСТНЫЕ» МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ ЮЖНОГО УРАЛА XVIII ВЕКА

УДК 94(470)

Рассмотрена малоизученная тема в истории металлургической промышленности Южного Урала. На основе архивных документов доказано строительство пяти заводов, в том числе «Челябинского» медеплавильного завода. Приведены причины, приведшие к незавершению их строительства или отказу от этого. Обосновывается необходимость дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: *Южный Урал, Миасс, металлургическая промышленность, «Челябинский» завод, Азяш-Уфимский завод*

Несмотря на все трудности, металлургическая промышленность сохраняет свое доминирующее влияние на экономический потенциал современной Челябинской области. Вместе с тем южноуральский металлургический район — старопромышленный, основы которого были заложены в середине XVIII в. Несмотря на заметные современные успехи в изучении данной темы, например, в работах Е.С. Бочкаревой, Н.М. Кулбахтина, Е.А. Курлаева, В.П. Микитюка, Р.З. Мударисова, И.А. Новикова, Г.Х. Самигулова[1] и др., в истории

[1] Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). С. 109–115; Она же. Формирование Златоустовского горнозаводского округа в период владения рода Лугининых (1769–1799 гг.). Екатеринбург, 2017; Кулбахтин Н.М., Чингизов Ф.Ф. Начало горнозаводского предпринимательства Масаловых на Южном Урале // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 339–344; Курлаев Е.А. В поисках серебряной горы. Как государевой казне «тщета и гибель учинились» // Родина. 1999. № 11. С. 39–41; Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005; Микитюк В.П. Род Злоказовых. Екатеринбург, 2017; Мударисов Р.З. Исторический опыт промышленной политики на Южном Урале в XVIII веке // Вестник Тульского филиала

горнозаводской (металлургической) промышленности Южного Урала, по нашему мнению, еще достаточно неизученных сюжетов или требующих современной оценки.

До сих пор точно не известно сколько на Южном Урале было построено или строилось заводов во второй половине XVIII в., какой труд использовался на заводах, когда открылась первая горнозаводская школа и горнозаводской госпиталь, о строительстве усадеб заводовладельцев и т. д. — перечисление малоисследованных исторических лакун можно продолжать. Сказывается недостаточность источниковой базы по истории металлургической промышленности Южного Урала XVIII в. Во-первых, по начальному периоду с середины 1740-х до середины 1750-х гг. отсутствуют документы Оренбургской губернской канцелярии, а, во-вторых, документы заводских канцелярий погибли в огне пугачевского восстания. Несмотря на введение в научный оборот большого пласта документов российских архивов, они пока не дают полного ответа на многие интересующие вопросы, но «открытия» могут быть, пример Е.А. Курлаева с «Новоуральским острожком» и Г.Х. Самигулова с «открытием» Азяш-Уфимского завода, доказывают это.

Металлургическая промышленность Южного Урала возникла не на пустом месте. Еще с конца IV тыс. до н. э. в эпоху бронзы начинают разрабатываться древними металлургами первые рудные месторождения[2]. Сотни горных выработок — «чудские копи» — заметно облегчили рудознатцам XVIII в. поиск месторождений железной и медной руды. В 1669–1673 гг. на Южный Урал была отправлена экспедиция для поиска серебряных руд. Основным местом ее базирования стал район Малого Таганая на территории современного

Финансового университета. 2014. № 1. С. 313–315; Новиков И.А. Горнозаводская империя Твердышевых и Мясникова на Южном Урале во второй половине XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2015. С. 184–189; Он же. Зарождение горнозаводской (металлургической) промышленности Южного Урала // Южный Урал в судьбе России (К 70-летию Челябинской области). Челябинск, 2003. С. 65–68; Он же. Металлургическая промышленность Южного Урала в истории Российской государственности XVIII–XXI веков // Преподавание истории в школе. 2012. № 9. С. 25–29; Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск, 2007; Южный Урал: от колесницы до мирного атома. Челябинск, 2017. С. 24–31.

[2] Южный Урал: от колесницы до мирного атома. С. 4.

Златоуста Челябинской области, где они возвели «Новый уральский острожек». Однако найти удалось только железную руду, в связи с чем поиск прекратили, а городок в 1673 г. сожгли[3]. Спустя полвека, в 1741 г., в верховья рек Ай, Миасс и Уфа была отправлена геологическая экспедиция шихтмейстера Ф.И. Санникова и маркшейдерского ученика А.И. Кичигина, которая нанесла на карту и точно определила место, удобное к строительству завода «на 6 верст и ниже устья реки Тасмы усмотрено, что место к строению плотины на реке Аю угодно есть»[4]. Использовали ли эти данные Мосоловы при строительстве Златоустовского завода неизвестно.

В XVIII в. на Урале по данным «Истории Урала в период феодализма» было построено 170 заводов, из них действовало в конце века 133 (17 принадлежали казне и 116 — частным лицам), на Южном Урале — 17 заводов[5]. Лидерами в строительстве заводов на Южном Урале в пределах современной Челябинской области выступили симбирские купцы Твердышевы Иван и Яков Борисович и И.С. Мясников. Поэтому в 2016 г. они по праву вошли в список «10» предпринимателей в истории Челябинской области. В 2012 г. в честь 250-летия на предзаводской площади Белорецкого металлургического комбината был установлен памятник Ивану Борисовичу Твердышеву. Однако не меньшее число заводов было построено стараниями тульских купцов Мосоловых (есть разные варианты написания фамилии, но мы придерживаемся «о») и Л.И. Лугинина, и тайного советника, дворянина Н.Н. Демидова.

Одной из недостаточно исследованных страниц южноуральской горнозаводской истории является, по нашему мнению, история строительства пяти заводов: Азяш-Уфимского, Киалимского, Косотурского, «Миасского Челябинского» и «Миасского Аргазинского». Если, благодаря полевым и архивным изысканиям, существование Азяш-Уфимского завода доказано[6], тем более что в РГАДА сохранились картографические материалы завода: как «план новостроющемуся Азяш Уфимскому дворянина Никиты Никитина сына Демидова железного делаемому заводу», так и

[3] Курлаев Е.А. Указ. соч. С. 39–41.
[4] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 867. Л. 683об.
[5] История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 572–578.
[6] Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Указ. соч.

«раззоренному и созженному лесопиленному и вновь строющемуся доменному Азяш Уфимскому заводу»[7], а в отношении Киалимского завода в архивах сохранились разнообразные тяжебные дела между Мосоловыми, Лугиниными с Н.Н. Демидовым и его наследниками о «О спорном Киалимском месте»[8], то в отношении трех других на основе имеющихся на настоящий момент архивных материалов делаем вывод, который требует для окончательного доказательства продолжить поиск документов.

Определенный как «Миасский Челябинский завод» «Миасский Аргазинский завод» топонимически названы нами, хотя на одном из планов один из них и назван «Миясский железоделательный завод»[9], чтобы не путать с Миасским медеплавильным заводом Л.И. Лугинина. В документах первый значится как «в Ысецкой правинцыи близ Челябинской крепости между речкой Зюзелькой и озерком Карагай (Карагами) на месте называемом Ключике на отводной Челябинской крепости казачьей земле удобное место на завождение медиплавиленнаго заводу»[10] и второй «близ озера Аргазей на речке Миясе»[11] в картографических материалах РГАДА за 1760 г.: «Карта реки Мияс» и аналогичный, но цветной план «Карта реки Мияс (Миясский железоделательный завод князя Репнина)»[12]. Впервые документы о предполагаемом строительстве двух заводов на реке Миасс были опубликованы в 1956 г. во второй части четвертого тома «Материалов по истории Башкирской АССР», но по какой-то причине до сих пор не привлекли внимание историков и краеведов[13].

Тяжба в строительстве «Челябинского» завода продолжалась более одиннадцати лет (июнь 1758 — август 1769). Предполагаемый владелец влиятельный вельможа камергер, будущий генерал-аншеф и обершталмейстер Петр Иванович Репнин. Его поверенным выступил основатель Каслинского завода Я.Р. Коробков, благодаря

---

[7] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 453, 517, 1023.
[8] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1176. Л. 240–263; Оп. 1. Ч. 3. Д. 2230. Л. 189–198об.; ОГАЧО. Ф. И–227. Оп. 1. Д. 3. Л. 100об.; Д. 10. Л. 55.
[9] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 882.
[10] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1161. Л. 613.
[11] Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. 4. Ч. 2. С. 158.
[12] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 503, 882.
[13] Материалы по истории Башкирской АССР. С. 155–163.

стараниям которого было найдено 27 медных рудников и медных признаков. Завод предполагалось построить на 4 или 6 печей[14]. Причина в его непуске определяется П.И. Репниным из-за отсутствия «в тамошних местах для построения и действительного содержания того заводу волных работников ни на какую цену достать не можно, и тот завод без отводу надлежащих лесов, земель и протчих угодьев в действии содержать нельзя»[15], что и предопределило как долгую тяжбу в строительстве, а смерть Я.Р. Коробкова и конечную неудачу несостоявшегося вельможного южноуральского заводовладельца П.И. Репнина и не появление близ Челябинска медеплавильного завода.

Не постройка доменного и железоделательного «Миасского Аргазинского» завода скорее всего произошла по причине, что против строительства выступило местное башкирское население Каратабынской волости: «...к свидетельству на речке Миясе под завод места и рудников по согласию ево с командою башкирцы недопущают да и впредь никогда не допустят, а если без них будут свидетельствовать то произойдет от них великая ссора… команда старшины Курманая приезжали сотники, выборные и башкирцы немалое число и объявили, что они их, Титова и Чернышева, до того свидетельства не допустят, а егда они поедут, то башкирцы хотят учинить ссору и их прогнать, и при том собрании сына ево Мансура Сызгенской волости, команды старшины Каракачюка башкирец Ултюра Зеилеева бранил и бил, и разодрал на нем платье»[16]. Начали ли строиться «Челябинский» и «Аргазинский» заводы и сопутствующие им заведения сказать трудно. По нашему мнению, выбор для постройки был выбран неудачно, даже не из-за сопротивления местного населения и в отказе приписки крестьян Теченской и Пещанской слободы, Калмацкого Брода и села Кундравинского, а из-за отсутствия достаточного количества лесной базы и наложения отводимых лесных угодий с Н.Н. Демидовым, что видно на отводном чертеже.

Также много вопросов возникает при обращении к начальному периоду истории Златоустовского (Косотурского) завода или

[14] РГАДА. Ф. 271. Оп. 3. Д. 503, 882.
[15] Там же. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1161. Л. 613–613об.
[16] Там же. Л. 669об.

Златоустовского и Косотурского заводов. Связано это и с двумя заключенными контрактами в 1751 и 1754 гг., и в связи с переносом строительства завода при впадении речки Тесьма в Ай. В исторической и краеведческой литературе Златоустовский и Косотурской завод соединяют в один, что, по нашему мнению, не совсем соответствует действительности. Также было определено еще место под строительство Нижнего Троицко-Саткинского завода[17], а кроме того указом было разрешено строительство Шемахинского завода[18], который был продан в 1809 г. Л.И. Расторгуеву[19].

Таким образом, во второй половине XVIII в. на Южном Урале в пределах современной Челябинской области было определено или разрешено строительство 23 заводов, из которых к концу века действовало 16, которые выпускали разнообразную металлургическую продукцию, но практически все заводы требовали «перезагрузки», так как находились на пороге кризиса, связанного с исчерпанием основных ее базисных составляющих: категории работающих, отдалением рудных месторождений, лесных угодий и обмелением водных ресурсов. В горнозаводской истории Южного Урала XVIII в. еще немало неисследованных тем, которые требуют дальнейшего изучения историками и краеведами на основе обнаружения как новых письменных источников, так и материальных.

Библиографический список

Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). С. 109–115.

Бочкарева Е.С. Формирование Златоустовского горнозаводского округа в период владения рода Лугининых (1769–1799 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017.

Кулбахтин Н.М., Чингизов Ф.Ф. Начало горнозаводского предпринимательства Масаловых на Южном Урале // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 339–344.

---

[17] ОГАЧО. Ф. И–227. Оп. 1. Д. 6. Л. 127.

[18] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1176. Л. 278.

[19] Линник О.В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003. С. 26.

Курлаев Е.А. В поисках серебряной горы. Как государевой казне «тщета и гибель учинились» // Родина. 1999. № 11. С. 39–41.

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

Линник О.В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003.

Микитюк В.П. Род Злоказовых. Екатеринбург, 2017.

Мударисов Р.З. Исторический опыт промышленной политики на Южном Урале в XVIII веке // Вестник Тульского филиала Финансового университета. 2014. № 1. С. 313–315.

Новиков И.А. Горнозаводская империя Твердышевых и Мясникова на Южном Урале во второй половине XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015.

Новиков И.А. Зарождение горнозаводской (металлургической) промышленности Южного Урала // Южный Урал в судьбе России (К 70-летию Челябинской области): материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 2003. С. 65–68.

Новиков И.А. Металлургическая промышленность Южного Урала в истории Российской государственности XVIII–XXI веков // Преподавание истории в школе. 2012. № 9. С. 25–29.

Свистунов В.М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск, 2007.

Novikov I.A.

"Unknown" metallurgical plants of the South Ural of the 18th century

The article is devoted to a little-studied topic in the history of the metallurgical industry of the South Urals. Based on archival documents, the construction of five plants, including the Chelyabinsk copper smelter, was proved. The reasons that led to the non-completion of their construction or the refusal to do so are given. The need for further study of this topic is substantiated.

Keywords: *South Ural, Chelyabinsk region, Miass, metal industry, "Chelyabinsk" plant, Azyash-Ufa plant*

Побережников Игорь Васильевич
д.и.н., директор, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *pober1871@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

УДК 930.2(2)

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы изучения российских модернизаций: их характера, своеобразия, хронологических рамок. Предлагается выделение различных этапов модернизации: предмодернизация до петровских преобразований; протоиндустриальная модернизация начиная с петровских реформ; углубление модернизации с постепенным переходом от протоиндустриальной к раннеиндустриальной фазе в XIX — начале XX в. Аргументируется возможность включения советского периода в контекст модернизационных преобразований.

Ключевые слова: *модернизация, Россия, империя, СССР, хронологические рамки, регион, акторы*

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизации.

Были сформулированы различные концептуальные интерпретации отечественной истории в контексте модернизационной парадигмы. По мнению Б.Н. Миронова, историю России можно трактовать как своеобразное повторение истории Запада, но с некоторым опозданием — на 2–3 столетия[1]. В целом российский путь модернизации Б.Н. Миронов оценивает как вполне благополучный и эффективный, ведший к утверждению в стране институтов

[1] Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2; Т. 3.

и ценностей европейской цивилизации. Подчеркивая «включенность» России в круг европейской цивилизации, Б.Н. Миронов обращает внимание и на страновые особенности, обусловленные географическими, этноконфессиональными, социокультурными и институционально-политическими различиями, которые, тем не менее, как считает автор, не приводили к деформации в целом западной модели развития. Специфика развития России, по мнению Б.Н. Миронова, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания; в росте в российском обществе в течение XVIII–XIX вв. социальной и культурной фрагментации вследствие колонизации и асимметричной вестернизации, в то время как западноевропейские страны развивались в направлении нивелирования местных, региональных, сословных особенностей, интеграции и централизации политического, правового и культурного пространства в единое национальное пространство; в асинхронности социальных изменений, происходивших в России и других европейских странах в XVIII — начале XX вв.; в вариативности глубины охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами.

Согласно другой версии, история России трактуется как своеобразная, кардинально отличная от западной модели развития, как контр- или псевдомодернизация, или «околомодернизация», т. е. как альтернативный путь развития по незападному образцу. Так, например, по мнению В.Г. Хороса, главными целями модернизации были поддержка военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире. В.Г. Хорос определяет подобную модель модернизации, утвердившуюся в эпоху Петра I, как «имперскую»[2]. Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность институционально-политических и социальных институтов, социокуль-

[2] Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 109.

турный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения. Псевдо-модернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к российской истории, приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни большинства населения, усилению немодерных черт российского общества.

Включение цивилизационно-культурного измерения позволяет рассматривать модернизационные модели как результаты воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития. В рамках данного подхода исследователь делает акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, неизменяемого во времени или в очень слабой степени подверженного изменениям, которое и характеризует культурную и даже цивилизационную специфику России. Так, например, академик В.В. Алексеев выделяет такие фундаментальные особенности российской цивилизации, которые, по его мнению, оказывали существенное воздействие на характер модернизации, как важное геостратегическое положение между Востоком и Западом; географическое и климатическое тяготение к Северу; трудные условия воспроизводства основ человеческого существования; отсутствие естественной защищенности рубежей; самобытность, оригинальность культуры и традиций; общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность народов; политическая самостоятельность; экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм; мобилизационный тип развития[3]. Цивилизационные «инварианты» несомненно оказывали воздействие на ход исторического процесса, однако они не могли оградить Россию от вируса развития. Несомненно, однако, и то, что под их влиянием само развитие приобретало очень своеобразный национальный облик.

Значимость пространственных измерений истории оправдывает подход, сфокусированный на региональный уровень изучения. Пограничное месторасположение страны между различными цивилизационными мирами, колоссальное пространство России,

[3] Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 6–10.

разнообразие ее природно-климатических условий оказывали существенное влияние на темы и характер исторической динамики страны в целом и отдельных ее регионов. В рамках одного из регион-ориентированных подходов был подчеркнут фронтирный характер российских модернизаций, выражавшийся в освоенческом синдроме, постоянной потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов фронтирных зон, повышенной роли транспортного фактора, дифференциации пространства на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам (при этом граница между ядром и периферией была подвижной); разновекторной диффузии (традиционной и модерной) в условиях освоения новых территорий[4].

В рамках классической модернизационной парадигмы исследователи редко обращались к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния социальных коалиций или, наоборот, противостояний на ход и характер модернизации. Между тем подобный подход дает новое видение модернизации как резюме противоборства различных социальных и политических группировок, столкновения мнений и стратегий. Подобный подход присутствует в коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век», вышедшей под редакцией профессора В.В. Шелохаева[5]. Монография, подготовленная видными учеными-историками, посвящена комплексному анализу содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте модернизационного процесса в пореформенный период: консервативная, либеральная, народническая и анархистская, социал-демократистская модели.

К числу спорных принадлежит вопрос о хронологических рамках российских модернизаций. Наибольшее распространение получили точка зрения, согласно которой начало российских

[4] Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.
[5] Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

модернизаций относится к эпохе петровских преобразований[6]. Действительно, в петровский период предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, пускай, скорее в их поздней части. Далее, преобразования явно сопровождались вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов, — т. е. протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте.

Согласно другой точке зрения, старт модернизации следует отнести к XVII и даже к XVI в.[7] Сторонники «ранней» модернизации обыкновенно указывают на зарождение многих явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур-«заводов» (т.е. по сути начало протоиндустриализации, пускай анклавное), еще в допетровский период.

Ряд исследователей склонен относить начало российских модернизаций к различным вехам XIX в. (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется, скорее, как эпоха продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России). Это может быть и эпоха Великих реформ[8], и рубеж XIX–XX вв.[9] Действительно, подобный подход имеет серьезные основания. Именно в XIX в. про-

---

[6] Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 1999; Он же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; и др.

[7] Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia. London, 2004; Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.

[8] The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861. Cambridge, 1960.

[9] Бородкин Л.И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 202.

являются со всей очевидностью такие модернизационные субпроцессы как индустриализация (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг.[10]; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины 1880-х гг.[11]); переход от широкого использования принудительного труда и сохранения института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда после «великих реформ»; трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификационной имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.; нарастание черт взаимозависимости и интеграции в области культурных и прочих взаимодействий с Западной Европой с начала XIX в. Подобное разнообразие мнений отражает, вероятно, разновременность усложнения и интенсификации реальных модернизационных процессов. В этой связи перспективны размышления о выделении различных этапов модернизации: с нашей точки зрения, правильнее было бы начинать российскую модернизацию (протоиндустриальную) все-таки с петровских преобразований; в этом случае предшествующая эпоха может быть квалифицирована как время подготовки предпосылок для модернизации (предмодернизация), а последующая (в XIX в.) — как углубление модернизации с постепенным переходом от протоиндустриальной к раннеиндустриальной.

К числу дискуссионных относится и вопрос о возможности включения в модернизационный контекст советского опыта преобразований в СССР. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей: авторитарное государство (некоторые

[10] Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 16–17.
[11] Грегори П. Экономический рост Российской империи. М., 2003.

исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа. С другой же стороны, принимая концепцию множественности модернов[12], а также признавая отсутствие жесткой связи между индустриализацией и демократизацией[13], можно рассматривать советский вариант развития как один из путей включения в модерн. Так, сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации осуществляется П. Бергером[14]. Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. Германский историк Ш. Мерль довольно убедительно демонстрирует включенность России и в имперский, и в советский периоды в «трансатлантический» проект модернизации, в основе которого лежали идеи и ценности Просвещения: вера в прогресс, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать более совершенный мир; актуальность веры в прогресс для политического устройства государства, нацеленность политических концептов на преобразование социально-экономических структур; представление о том, что прогресс достижим и научно планируем и существует безграничная возможность изменять мир, опираясь на субъективную волю человека[15]. Социолог и историк Й. Арнасон считает невозможным игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы, продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации. Он доказывает,

---

[12] Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations. Boston, 2002; Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

[13] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

[14] Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

[15] Мерль Ш. Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23.

что механизм структурно-функциональной дифференциации (в свое время обоснованный Н. Смелзером в качестве одного из ключевых механизмов модернизации), хотя и в очень преображенном виде, действовал и в СССР: при этом механизмы социальной интеграции явно превалировали над механизмами дифференциации; экономическая, политическая и идеологическая власти концентрировались в руках аппарата управления, стремившегося контролировать все проявления общественной жизни; однако существовали и определенные формы социальной дифференциации, поскольку в советской системе в каждой из основных социальных сфер действовала особая логика[16]. Таким образом, имеются серьезные аргументы для рассмотрения истории XX в. в России/СССР также в русле модернизационной парадигмы.

Таким образом, модернизационный подход создает предпосылки для формулирования существенно отличных концептуальных интерпретаций истории российских модернизаций имперского периода, результатом применения которых становятся дифференцированные историографические образы страны: нормально развивающаяся — по универсальным законам — страна; страна, динамика развития которой обнаруживает очевидные (при этом патологические) отличия от «магистрального» пути; своеобразный цивилизационно-страновой вариант модернизации как норма; страна как совокупность региональных вариантов модернизации; результат конкуренции различных социально-политических проектов.

Между прочим, возможность различных, даже — полярно противоположных, интерпретаций истории России в контексте модернизационного подхода, порой становится поводом критических замечаний, упреков в несостоятельности самого подхода, видимо, не способного, с точки зрения оппонентов, обеспечить стандартных и согласованных конечных результатов[17]. Но на самом деле мы имеем дело с обычной в научной практике ситуацией: результат является следствием теоретико-эмпирического

[16] Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 21–24.

[17] Бокарев Ю.П. О «модернизационной парадигме», или новой идеологизации истории // Экономическая история. 2007. № 5. С. 9–10.

исследования, он не запрограммирован теорией, не содержится в ней априорно (было бы гораздо удивительнее, если бы все сторонники модернизационного подхода предлагали тождественные интерпретации).

Библиографический список

Алексеев В.В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 4–14.

Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.

Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М., 1994.

Бокарев Ю.П. О «модернизационной парадигме», или новой идеологизации истории // Экономическая история. 2007. № 5. С. 8–11.

Бородкин Л.И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 201–214.

Грегори П. Экономический рост Российской империи. М., 2003.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999.

Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.

Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.

Мерль Ш. Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2, 3.

Миронов Б.Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 16–24.

Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегодник. С. 246–274.

Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 99–111.

Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century. London, 2004.

Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations. Boston, 2002.

The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861. Cambridge, 1960.

Poberezhnikov I.V.

Problems of investigation of Russian modernizations

The article deals with some controversial issues of Russian modernizations: character, specific, chronological framework. The author suggests allocation of the various stages of modernization: premodernity until the Petrine reforms; protoindustrial modernization starting with Peter's reforms; the deepening of the modernization, with a gradual transition from protoindustrial to the early industrial phase in the 19 — early 20th century. The author argues for the possible inclusion of the Soviet period in the context of modernization reforms,

Keywords: *modernization, Russia, empire, USSR, chronological framework, region, actors*

Устинов Андрей Леонидович
старший преподаватель кафедры истории, экономики и правоведения, Уральский государственный медицинский университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *andrey.ustinoff2011@yandex.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КАСЛИНСКИМ И КЫШТЫМСКИМ ЗАВОДАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв.

УДК 94(470)

В статье рассмотрены вопросы организации управления на Каслинском и Кыштымском заводах в демидовский период. Автор акцентирует внимание на социально-производственных и социальных вопросах, поднимает проблему эффективности организации управления с точки зрения социальной защищенности заводского населения. Главная проблема работы — проблема взаимоотношения между основными участниками производственных отношений.

Ключевые слова: *управление, заводы, эффективность, социальное обеспечение, Южный Урал*

Вопросы эффективного управления не новы. Нашему обществу, государству, власти на разных уровнях приходилось сталкиваться с ними всегда. Не потеряли своей актуальности эти вопросы и сегодня. Задачи эффективной организации производства и управления, такой организации, которая бы обеспечила и высокое (или, по крайней мере, приемлемое) качество выпускаемой продукции, и ее гарантированный, а главное выгодный с точки зрения цены сбыт, и минимальные затраты, и, что, наверно, самое главное, достойный уровень жизни людей, создавших эту продукцию, нельзя не согласиться, не решены до сих пор. В этой связи обращение к прошлому опыту решения управленческих, кадровых и производственных вопросов может представлять существенный научный интерес.

Целью нашего исследования является комплексный и всесторонний анализ тех форм и приемов управления и организации производства, которые применялись на заводах Южного Урала (в нашем случае, Касли и Кыштым) во второй половине XVIII — начале

XIX вв., причем не просто анализ, а анализ с позиции их эффективности как для самого производства, так и для обеспечения социального мира и благополучия в столь неспокойном и с социальной, и с этнической позиции регионе.

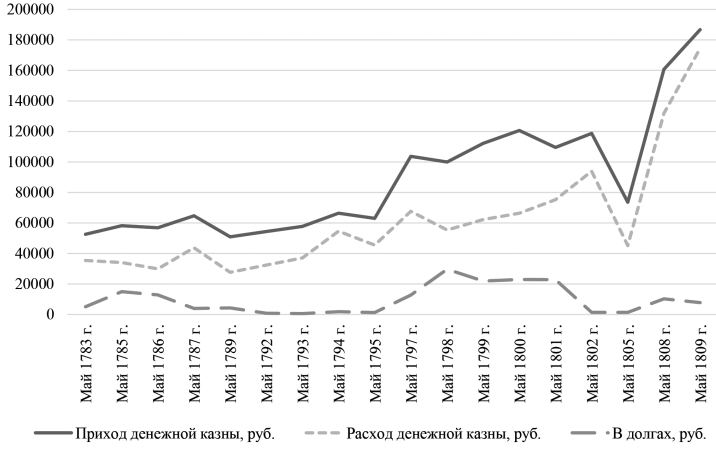
Для достижения поставленной цели обратимся к четырехнедельным и седьмичным рапортам и донесениям заводских приказчиков Н.Н. Демидову о состоянии и действии заводов по годам. Эти рапорты нам дают двоякую картину:

1. Информация о финансовом состоянии и благополучии Каслинского и Кыштымских заводов по данным четырехнедельных рапортов и годовых отчетов (как правило, с мая по май — от последнего отправления каравана в Сорокинскую пристань и начала сельскохозяйственных работ, когда заводские работы останавливались до следующей страды);

2. Информация о заводском производстве и продовольственном обеспечении заводского населения по данным седьмичных рапортов и доношений (составляемых на календарный год).

Диаграмма 1

Изменение основных показателей финансовой деятельности Кыштымской заводской канторы за 1786–1809 гг. (по данным на конец отчетного периода)*

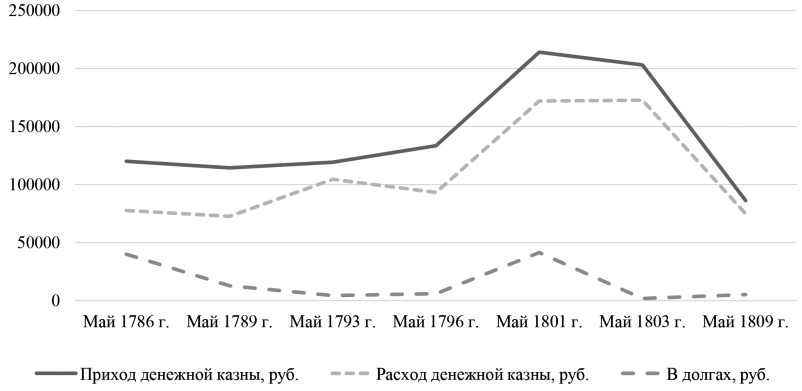


*Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 58, 66, 75, 89, 115, 122, 146.

Как мы видим из диаграмм, наименее благоприятная картина наблюдается на обоих Кыштымских заводах — здесь наивысшие показатели финансового благополучия достигаются к 1801 г., а затем стремительно начинают падать, опускаясь к 1809 г. (году продажи заводов) ниже самого неблагоприятного 1789 г. (см. диаграмма 1). Однако даже здесь ситуация оказывалась далекой от критической. Показатели долговых по заводам оставались относительно низкими, и уж тем более были на порядок ниже данных и за 1786 г., и даже за наиболее удачный в финансовом плане 1801 г.

Диаграмма 2

Изменение основных показателей финансовой деятельности Каслинской заводской канторы за 1783–1809 гг. (по данным на конец отчетного периода)*



* Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 53, 56, 59, 62, 67, 73, 76, 84, 87, 93, 98, 101, 114, 117, 126, 129, 140, 147.

Несколько иная картина вырисовывается на Каслинских заводах (см. диаграмма 2). Несмотря на существенные искривления данных графика по приходу и расходу денежной казны, явно вырисовывается кривая средних данных, показывающая объективный рост и доходной части, и расходной части денежной казны заводской канторы, а в 1809 г. эти показатели были самыми высокими за весь период наблюдений. Что же касается данных по

долговым, то наиболее низкие показатели наблюдаются в 1789–1795 и в 1802–1805 гг., а наиболее высокие — в 1786 и в 1801 гг. (то же, что и на Кыштымых!) В любом случае, к году продажи заводов Расторгуевым и по Кыштымам, и по Каслям показатели долговых были далеко не самыми высокими, а расход денежной казны никогда не только не превышал доход, но и был ниже его, что позволяло сохранять определенный запас прочности, и разница между доходом и расходом никогда не была ниже долговых (см. диаграммы 1 и 2).

Посмотрим на показатели производственно-потребительской картины Каслинского и Кыштымских заводов за аналогичный период.

Таблица 1

Изменение основных производственных показателей Кыштымских и Каслинского заводов за период 1783–1809 гг.*

Дата[1]	**Действие домен**[2]	**Число горнов**[3]	**Выковка железа,** *пуд.*	**Из него отпущено в Сорокино,** *пуд.*
Март 1783	2 из 3	50	270 993,00	195 574,18
Март 1789	1 из 3	10	150 838,00	147 564,31
Март 1791	2 из 3	4	168 143,00	137 919,37
Март 1792	3 из 3	36	262 640,00	252 494,09
Март 1793	2 из 3	38	320 000,00	285 821,05
Март 1794	2 из 3	24	176 986,00	164 892,17
Март 1795	2 из 3	30	282 473,00	251 419,01
Март 1796	2 из 3	4	77 250,00	71 051,23
Март 1797	2 из 3	55	320 969,00	304 900,00
Март 1798	3 из 3	55	225 022,06	203 057,12
Апрель 1799	3 из 3	57	331 482,00	307 978,32
Апрель 1800	3 из 3	57	265 322,21	264 809,32
Апрель 1801	3 из 3	57	405 808,17 ½	381 354,21
Апрель 1802	3 из 3	45	330 588,13	316 374,09
Апрель 1803	1 из 3	26	239 376,26	237 675,33
Апрель 1804	2 из 3	16	189 832,25	182 945,03
Апрель 1805	2 из 3	17	223 295,12 ½	221 249,01
Апрель 1807	1 из 3	22	258 792,35 ½	248 009,35

Дата[1]	**Действие домен**[2]	**Число горнов**[3]	**Выковка железа,** *пуд.*	**Из него отпущено в Сорокино,** *пуд.*
Апрель 1808	1 из 3	14	208 517,21	206 828,16
Апрель 1809	3 из 3	13	195 622,22	195 150,25

* Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 54, 61, 68, 74, 77, 85, 88, 90, 94, 99, 102, 106, 116, 118,123, 125, 130, 131, 138, 145, 152.

Примечания:

[1] Указан месяц, в котором, по данным седьмичных рапортов, наблюдался последний перед страдой отпуск металла в Сорокинскую пристань, и, соответственно, максимальный объем выковки за отчетный период.

[2] Всего при заводах было три домны — одна Каслинская и две Кыштымские. Указаны данные о действии домен в дату, данную в колонке 2. В принципе, никогда не допускалась ситуация, чтобы ни одна домна не действовала, а действие лишь одной домны было весьма редким. Чаще всего действовали две-три домны.

[3] Указано общее число горнов, действующих и при Каслинском, и при Кыштымских заводах на дату, данную в колонке 2. Следует при этом иметь в виду, что в период страды горны чаще всего вообще не действовали, находясь в просушке, а в иные периоды число горнов могло доходить до 57.

Таблица 2

Изменение основных показателей продовольственной ситуации на Кыштымских и Каслинском заводах за период 1783–1809 гг.*

Год	**Цены в магазинах,** ***руб. за пуд***[1]						**Кол-во недель в году, в которые возникали перебои с продажей**		
	Мука пшеничная	Мука ржаная	Овес	Рыба	Говядина	Свинина	Муки	Овса	Харчевых[2]
1783	0,45–0,50	0,24–0,25	0,16–0,17	0,45–0,95	0,55–0,60	0,80–1,20	17	24	15
1789	0,70–0,75	0,46–0,48	0,42–0,43	0,50–0,60	0,55–0,60	0,80–0,90	23	30	25
1791	0,29–0,34	0,13–0,14	0,15–0,16	0,45–0,95	0,55–0,60	0,90–0,95	4	22	18
1792	0,25–0,27	0,11–0,12	0,11–0,12	0,40–1,20	0,50–0,60	0,70–0,80	3	17	15
1793	0,45–0,50	0,24–0,25	0,16–0,17	0,40–0,80	0,45–0,50	0,70–0,80	10	29	17
1794	0,60–0,65	0,43–0,45	0,25–0,26	0,30–0,80	0,60–0,80	0,80–2,40	10	23	14

Год	Цены в магазинах, *руб. за пуд*[1]						Кол-во недель в году, в которые возникали перебои с продажей		
	Мука пшеничная	Мука ржаная	Овес	Рыба	Говядина	Свинина	Муки	Овса	Харчевых[2]
1795	0,47–0,50	0,31–0,35	0,23–0,24	0,40–1,00	0,80–0,90	1,20–1,30	20	30	29
1796	1,00–1,05	1,00–1,05	0,60–0,70	0,40–0,80	0,70–0,80	1,10–1,20	10	32	14
1797	1,05–1,15	0,85–0,87	0,68–0,70	0,45–1,20	0,80–1,20	2,40–2,80	11	35	21
1798	0,80–1,00	0,45–0,50	0,45–0,50	0,80–1,20	1,10–1,20	2,40[3]	14	33	23
1799	0,40–0,43	0,22–0,23	0,20–0,22	0,60–1,20[4]	0,90–1,00	1,30–1,40[5]	5	23	31
1800	0,55–0,60	0,25–0,28	0,20–0,22	–	0,70–0,80	0,85–0,90	6	25	45
1801	0,45–0,50	0,22–0,25	0,20–0,22	–	0,80–0,90	1,00–1,20	7	32	36
1802	0,35–0,37	0,22–0,24	0,20–0,23	–	0,60–0,70	1,00–1,20	10	31	36
1803	0,70–0,80	0,45–0,48	0,43–0,48	–	0,50–0,55	0,60–0,75	14	33	40
1804	0,70–0,80	0,45–0,48	0,28–0,34	0,80–1,10	0,65–0,70	–	11	32	35
1805	0,55–0,65	0,43–0,45	0,20–0,22	0,60–1,20[6]	1,20–1,40[7]	–	12	26	41
1807	0,38–0,45	0,30–0,35	0,18–0,21	–	0,90–1,10	1,10–1,20	12	28	39
1808	0,48–0,53	0,35–0,38	0,27–0,28	–	0,80–1,00	1,10–1,20	7	20	42
1809	0,65–0,70	0,45–0,48	0,26–0,27	0,30–0,90	0,60–0,90	0,90–2,40	8	17	13

* Сост. по: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 54, 61, 68, 74, 77, 85, 88, 90, 94, 99, 102, 106, 116, 118, 123, 125, 130, 131, 138, 145, 152.

Примечания:

[1] Цены указаны по данным на начало календарного года.

[2] Следует иметь в виду, что перебои с поставками мяса часто были вызваны наступлением поста, и не всегда означали ухудшение продовольственной ситуации на заводах.

[3] Цена указана на май. В продаже имелась только три недели в году.

[4] Цена указана на конец февраля. В продаже имелась только один раз в году.
[5] В продаже имелась только в первую и последнюю недели года.
[6] Цена указана на начало декабря. В продаже имелось только 3 недели в году.
[7] Цена указана на сентябрь. До сентября не продавалось.

Данные таблицы демонстрируют, что, хотя на протяжении всего изучаемого периода и наблюдались отдельные моменты спада и роста производства, к моменту продажи заводов Демидовым Расторгуеву ситуация была далекой от критической. Производство оставалось относительно стабильным, металл регулярно препровождался в Сорокинскую пристань в караван, а если в более ранние периоды в страду выковка металла и прекращалась[1], то в 1809 г. она действовала круглый год[2]. Да и продовольственная ситуация хотя и далека была от благоприятной, все же оставалась стабильной. Поэтому говорить об истощении ресурсов в силу неэффективной организации производства на заводах не представляется целесообразным.

Что же тогда можно сказать об эффективности управления?

Эта проблема весьма показательно раскрывается по материалам переписки Н.Н. Демидова с приказчиками.

В переписке с приказчиками Н.Н. Демидова-мл. даже с лингвистической стороны можно найти много интересного. Сам язык писем заводовладельца приказчикам — отражение некоей особой культуры переписки. Письма, исполненные гнева заводчика на нерадение приказчиков и их стремление «набить собственные карманы» в ущерб интересам заводовладельца, мы находим довольно часто: «А протчия все Ваши резоны в нынешнем писме о выходах доменных уголных и в молотовых в железе, и якобы не можно 300 000 пу[дов] наделать, и оныя яко, самыя проклятейшия и безстыдныя, бросил все в дермо и потоптал ногами. Цыц о всем так не токмо думать, но и мыслить, как и прежде подтверждал, а то зело, зело и зело худо и весма зло Вам будет. Проснутца, воры, и чинить Вам, безтиям нетерпимым, о всем оном выше писанном непременно, точно и верно сходно во всем, как я об оном неоднократно и подтверждал, даже инаго и не мыслить верно, ибо сам я все оное верно

[1] ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 74. Л. 95–96об.
[2] Там же. Д. 152. Л. 1–121об.

знаю, как свои руки, што можно так во всем делать, как и на перед сего у нас бывало, и писалъ о возможном, а не о невозможном»[3].

Можно было бы подобный стиль письма отнести к чисто субъективному фактору: дескать, заводчик не обладал высокой культурой речи, и мог себе позволить в отношении подчиненных подобные письма писать, да и имел на это право, ибо они были крепостными по статусу. Однако думается, что не все здесь так просто.

Вот еще одно письмо — от 28 июля 1775 г.: «В Кыштымском последнем при щете репорте под № 5-м внизу значитъ за разсходом з долговыми в остатке д[е]н[е]г 16 364 ру[бля] 80½ ко[пейки], што и в первом после щету репорте под № 1-м оному ж числу д[е]н[е]г в приходе должно показану быть. Однако ж в новом после щету репорте под № 1-м в приходе д[е]н[е]г значит толко 13 364 ру[бля] 80½ ко[пейки], што явно видно не дописано в оном под № 1-м в приходе три тысячи рублев ровна, ибо должно в приходе быть 16 364 ру[бля] 80½ ко[пейки] в оном репорте под № 1-м. Почему и внизу под расходом с ошибкою ж в оном репорте под № 1-м показано у Вас в остатке денег якобы 12 782 ру[бля] 38 ко[пеек], а должно быть внизу в оном репорте под № 1-м в остатке 15 782 ру[бля] 38 ко[пеек], а не так, как Вы, плутцы, мараитя и нелепость показаваитя. И явно по вышеписанному 3 000 ру[блей] прописали или не дописали, разве хотитя проглотить, так подавитесь. А паче чего ты, варишка, сукин с[ы]н, Блиненок, смотриш, оное и слепой увидел бы, а не коле зрячей»[4]. Но и наказание, которое заводчик накладывает на своих подчиненных более чем смешное: «За што в последней раз наказания Вам всем упускаю, а толко на Блиненке 5 ру[блей] в штраф доправить в скорости, и записав в приход, и в первом репорте в приходе показать и репортовать ко мне, которую ошибку я в репорте под № 1-м подправил по вышеписанному точно»[5].

Вдумаемся же в смысл сказанного! Заводчик недоволен, что «видна… не прилежность к лутчему смотрению и очевидное нерадение к господскому добру!» Приказчики «прописали и не дописали» деньги, обворовывая своего господина. Иными словами,

[3] Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 65. Л. 32об.
[4] ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 27. Л. 41.
[5] Там же.

речь идет о том, что приказчики просто «набивают свои карманы» в ущерб хозяйству своего господина, а заплатить столь мизерный штраф при таких сверхприбылях не представляется большой проблемой. Вот откуда берутся деньги! Если это действительно так.

А так ли это? Не является ли это следствием ложных доносов, или простой мнительности Демидова? Да и каким образом, собственно говоря, Никита Никитич, находясь в далеком Петербурге, узнает о подобных махинациях своих приказчиков?

Весьма интересный документ — «Подробное объяснение против каждого пункта с клятвенным извинением на показание господину Никите Никитичу Ефима Широкова» января 1786 г. мы находим в фондах Челябинского областного архива. Ефим Широков — один из служителей Кыштымского завода, отправил донос Демидову, на который впоследствии его «коллеги» были вынуждены писать оправдание, отмечая, что «Широкой толко путал враницу»[6]. Получается, что деятельность самих заводских служителей была не согласована, существовали некие «группировки», которые могли «набивать свои карманы», утаивая от господина и продавая часть железа, но была и некая группа «обиженных», которые не получили свой «кусок» от общего «пирога» и писали жалобы заводчику. Ведь и сами «обиженные» были не чисты на руку: в последующих письмах уже Широкову перепадает от господина[7].

В этом же объяснении от января 1786 г. приказчики пытаются оправдаться. Дескать, и «дом Блинова, после бунту ж поправленной и частию пристроенной, з домовыми обыкновенно потребами и в приличных местах высланной тесом, некоторым само малейшим числом слободскими приписными крестьянами, а более кое-какими заводскими людми, *за собственную прикащичью плату*» [курсив автора. — *А. У.*][8]. Вот только вопрос — откуда у приказчика деньги-то на это взялись собственные?

А дальше — больше. Оправдываясь перед господином, Блинов с товарищами вещает на великом и могучем: «Что ж лежит до прохладов и других притом неугодностей, и битья в барабаны с

[6] ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.
[7] Там же. Д. 54. Л. 45.
[8] Там же. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.

товарыщи, то оного нам не толко, милостивый государь, ныне делать, а носа по таким величайшим делам взбить некогда, кроме надлежащих приезжающих по разным делам господ капитанов исправников и других надобных людей угощений. И естли сие счесть соизволите по-глупому Широкова доносу за прохлады, то уже нам лутче ни к какому приезжему по Вашим делам не должно показыватца, а бегать, оставляя бес плода все дела, куды глаза глядят, так оное неизвестно на што будет похожо»[9].

Со временем, правда, пыл заводчика ослабевает, и на рубеже XVIII–XIX вв. мы уже не находим столь резких выпадов Никиты Демидова, а в последствии и Петра Демидова на приказчиков, да и доносы тоже не обнаруживаются. Что же произошло? Приказчики и служители заводов смогли найти общий язык и «поделить пирог»? Или уже достаточно наворовали, и больше не нуждаются в этом? Или заводчик, наконец, научился контролировать своих подчиненных? А может он просто устал и смирился?

Анализ документов показывает, что скорее система контроля на заводах более не позволяла так открыто и в наглую воровать (что, конечно, не исключает мелких злоупотреблений, на которые действительно можно было закрыть глаза, если приказчики могли обеспечить своему господину достаточную прибыль). Не следует забывать, что и наивысших показателей финансового благополучия заводы достигают именно на рубеже веков (см. диаграммы 1 и 2), да и максимальное производство и потребление наблюдается к концу XVIII в. (см. табл. 1 и 2).

Управленческие проблемы ведь были далеко не новы — заводчик находился далеко, в Петербурге, и не имел возможности всегда эффективно контролировать деятельность своих приказчиков, ограничиваясь лишь письменными угрозами и небольшими штрафами. Эти проблемы существовали на протяжении всего Демидовского периода функционирования заводов, и, тем не менее, не становились причиной их разорения. А значит, может, и разорения не было, и верна оказывается первая высказанная нами ранее гипотеза о преувеличении потомками Расторгуева масштабов бедственного положения заводов?

[9] Там же. Л. 8об.–9.

Настало время подвести итоги.

Южный Урал как особая географическая и социально-политическая единица и в производственных возможностях, и в человеческом ресурсе, а отсюда и в количестве заводов, разумеется, всегда уступал Среднему. Однако говорить о том, что к началу XIX в. этот регион себя исчерпал, и наступил системный кризис, не приходится. Да, разумеется, формы труда — а это в основном крепостнический и приписной труд — определяются теми социальными возможностями, которыми обладал регион. Однако в целом и система производства, и система управления, и даже этносоциальная сфера (особенно с четвертой четверти века, после пугачевского восстания) оставались довольно стабильными и при имеющихся социально-производственных возможностях эффективными.

Ustitnov A.L.

To the question of the efficiency of management of the Kaslin and Kyshtym plant in the second half of 18 — the beginning of the 19th century

The article considers the issues of management, Kaslin and Kyshtym factories in Demidov's period. The author focuses on the social production and social issues, raises the issue of efficiency of organization management from the point of view of social protection of population of the plant. The main problem is the problem of the relationship between the major participants in industrial relations.

Keywords: *management, plants, efficiency, social welfare, Southern Urals*

СЕКЦИЯ 2
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Абрамов Илья Викторович
м.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *ilya_abramov@list.ru*

КОНСТАНТИН НОСИЛОВ И ПОИСКИ ЗОЛОТА НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ

УДК 94(470.5.)«18/19»

Константин Дмитриевич Носилов (1858–1923) вошел в историю как разносторонний исследователь и публицист. Сын священника, он в 1877 г. закончил пермскую семинарию и быстро переквалифицировался в естествоиспытателя, вошел в научные общества, а в 1883 г. отправился на Северную Сосьву по одобренному Русским географическим обществом проекту. Статья описывает малоизвестный период 1885–1886 гг., связанный с поисками и добычей золота Носиловым на Северном Урале, по рекам Северная Сосьва и Печора. Золотая лихорадка на Урале стимулировала освоение северных территорий — Носилов стал частью этого движения.

Ключевые слова: *Константин Носилов, Северная Сосьва, биография, золотоискатель*

Золотодобыча на Северном Урале испытывала подъем после объявления в 1861 г. свободы для частных приисков в северных уездах Пермской губернии. Богословский горный округ — самый северный в Верхотурском уезде, был известен золотыми россыпями с конца XVIII в., первый прииск был открыт в 1824 г., а к 1843 г. при самой поверхностной разработке было намыто 159 пудов золота на сумму более миллиона рублей[1]. С месторождений снима-

[1] Словцов И.Я. Природа и люди Северного Урала. Екатеринбург, 1897. С. 8.

лись «сливки» примитивными способами, и старатели устремлялись дальше на север по золотоносной полосе восточного Урала.

Самое раннее сообщение о поисках золота в Северном Зауралье связано с именем пермского купца Верходанова, снарядившего отряд в Югру в 1828–1830 гг. Было разведано 62 перспективных места, пять приисков заявлено к разработке[2]. В 1830 г. Уральским горным департаментом была организована Северная Экспедиция чтобы «привести в известность» территорию между Уралом и Обью. Значительных месторождений по Северной Сосьве не было найдено и экспедицию по итогам 1835 г. закрыли: «…можно сказать решительно, что золотоносность и даже металлоносность вообще, противу Богословского округа, свойственна ей в несравненно меньшей степени»[3]. Полвека спустя, в 1883 г. была организована Вторая Северная Экспедиция, чтобы снова оценить рудный потенциал земель к северу от Никито-Ивделя. Казну интересовало прежде всего золото и на его поиски был снаряжен отдельный отряд. Приступив к работе, геолог Е.С. Федоров в 1884 г. констатировал, что эта область Урала не только не изучена, но почти вовсе неизвестна[4]. Другое его важное замечание состояло в том, что «единственное полезное ископаемое, от добычи которого зависит развитие и заселение местности, есть золото»[5].

Лозьвинско-Сосьвинский водораздел выступал фронтиром, за которым открывалась страна возможностей, населенная инородцами, которые «не любят никаких совместников в обладании богатыми и обширными лесами своими; зная же деятельность и неутомимость Богословских звероловов, тем более боятся населения сих мест»[6]. Но не вогулы, а труднопроходимые болота и туманные перспективы обогащения, делали этот фронтир малоподвижным

[2] Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. 1857. № 12. С. 414.
[3] Пестерев Г. Краткий отчет о действиях Северной экспедиции со времени учреждения оной по 1839 год // Горный журнал. 1839. Т. 4. № 10. С. 19.
[4] Федоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале // Известия ИРГО. 1886. Т. 22. С. 255–298.
[5] Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1884–1886 годах. СПб., 1890. С. 17.
[6] Описание Северного Урала за пределами населения, исследованного Горной экспедицией в 1831 году, под командою маркшейдера Протасова // Горный журнал. 1833. Т. 2. № 6. С. 299.

в пространстве и времени. Вторая Северная экспедиция после четырех лет изысканий «за пределами населения» подтвердила прежний вывод о незначительности рудопроявлений в «болотной» стороне. Косвенным подтверждением скудности северных недр было отсутствие частных приисков в бассейне Северной Сосьвы, в то время как на смежной Лозьве выше Никито-Ивделя в 1880–1910-х гг. было отведено более 80 золотоносных участков[7]. Чиновники, дворяне, купцы, мещане, их жены и просто мастеровые люди столбили землю в надежде разбогатеть.

Единственным, кто оформил прииски на сосьвинской стороне, был К.Д. Носилов, известный в будущем путешественник, в то время — двадцатипятилетний исследователь. В 1883 г. он начал гидрографическое исследование Северной Сосьвы при поддержке Русского географического общества. Помимо бусольной съемки берегов он занимался поиском полезных ископаемых, метеонаблюдениями и этнографией, то есть был типичным исследователем-натуралистом того времени с широким спектром задач. Перед отбытием на Северную Сосьву он вступил в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) в Екатеринбурге. Именно в письме основателю этого общества — О.Е. Клеру, он впервые упомянет золото. Осенью 1883 г. К.Д. Носилов закончил первый полевой сезон на Северной Сосьве, обнаружив на речке Хозья (район Саранпауля) хорошие проявления золота. Он обращается к Клеру с просьбой: «Если найдется кто желающий работать, то я с удовольствием передам свое право на добычу, выданное мне на 2 года из Горного департамента, по нему я имею право добывать и разрабатывать без отвода площади, по одной заявке и столбам и точной съемке местности. <…> У Вас, вероятно, есть хорошие знакомцы, и я надеюсь, что вы не забудете когда-нибудь порекомендовать Хозью и меня для организации промышленности на Полярном Урале»[8]. Далее приводится содержание золота в пробах и выражается готовность составить смету на прииск.

Весь 1884 г. К.Д. Носилов был занят обследованием перевалов с Оби на Печору в приполярной части Урала — от Щугора

[7] ГАСО. Ф. 59. Оп. 9.

[8] Письмо К.Д. Носилова О.Е. Клеру // ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 19. Л. 184–185.

до Войкара, а в 1885 г. с привлеченными компаньонами производит обширную разведку на золото по горным притокам Северной Сосьвы. Отчетов и публикаций по этому сезону нет, но детали экспедиции проступают из его записных книжек и бумаг Уральского горного правления. Имеется также сводка результатов разведочных партий Базилевского, Носилова и Фильберта 1885 г. Не указывая источника, А.А. Дунин-Горкавич приводит данные о местах шурфовок и содержании золота в пробах. На Носилова с Базилевским пришлось 10 разведанных мест в верховьях Северной Сосьвы, на Фильберта — два по Щекурье. Всего пробито 30 шурфов, вынуто 1 168 пудов песка, который после промывки дал 717 долей золота, что составляет в среднем 61 долю золота на 100 пудов песка[9]. Без привлечения сторонних капиталов Носилов вряд ли мог обойтись: с момента первого шага — получения в полиции разрешения на разведку золота до момента получения прибыли, если таковая случалась, уходило не менее двух лет[10]. Есть все основания считать действительного статского советника Ф.И. Базилевского главным инвестором разведочных работ Носилова. Свел их, вероятно, Клер, по просьбе последнего.

В итоге, на четырех отведенных приисках («Холоси-Сос», «Вайгач», «Тельпос», «Печорский») Носилов записан «доверенным по розыскам золота» Базилевского, а на двух («Вангер-Нёль» и «Тамрат») — собственником[11]. Господин Фильберт, вероятно, также опробовал выявленные Носиловым по Щекурье залежи, но приступил ли он к их отведению и разработке неизвестно. Четыре из пяти зауральских прииска расположены компактно близ впадения Маньи в Северную Сосьву, пятый, «Тамрат» — в самых истоках Большой Сосьвы, шестой, «Печорский», за Уралом, в истоках Печоры. Несмотря на принадлежность сосьвинских приисков Березовскому уезду Тобольской губернии, их оформлением занималось Уральское горное правление. Эти шесть приисков — единственные, что были отведены севернее истоков Лозьвы в 1880–1918 гг. (рис. 1).

---

[9] Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1. С. 23–24.
[10] Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897–1919. Екатеринбург, 1997. С. 17–18.
[11] ГАСО. Ф. 59. Оп. 9. Д. 112–116, 2507.

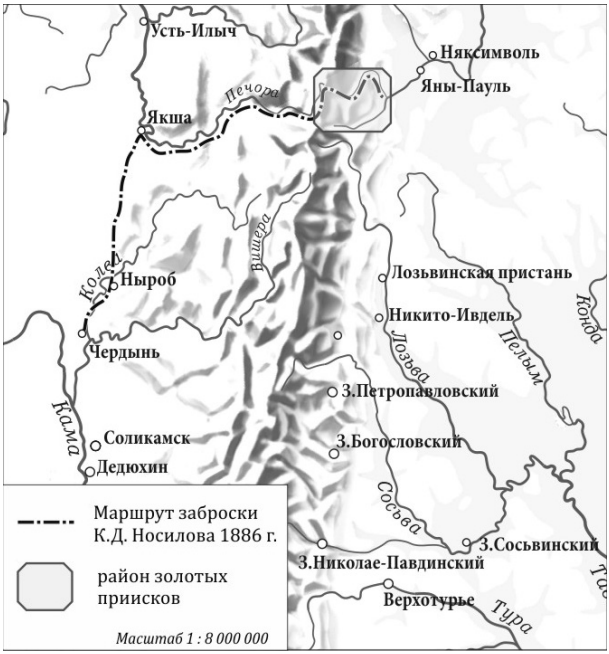


Рис. 1. Район приисковой деятельности К.Д. Носилова в 1886 г.

В марте 1886 г. ревизор золотых промыслов Пермской губернии согласовал заявки Носилова, а с 2 апреля по 12 мая 1886 г. землемер размежевал. По датам можно представить маршрут последнего и усомниться в реальности приезда. 2 апреля был якобы отведен «Печорский» прииск, непосредственно прилегающий к осевой части Уральского хребта. Это крайне труднодоступный уголок горной тайги, в поясе максимального снегонакопления, где к апрелю снежный покров достигает пяти метров, скрывая не только неровности рельефа, но и заявочные столбы-пеньки, которые рубят летом. На плане же зарисована подробная летняя ситуация: с растительностью, лесом, изгибами ручья, заявочными столбами. Отмечены даже деревянные строения и отвалы прежних лет, что ставит под сомнение первооткрытие россыпи Носиловым. Возможно, землемер просто забыл, что «ездил» вес-

ной. Даты задним числом придали делу правильный процессуальный порядок, землемер же прибыл летом 1886 г., когда прииск уже действовал. Понятыми везде выступили неграмотные Федор Сметанин, Герман Конев и Петр Собянин, «и по их личной просьбе самоедин Колвинской волости Василий Герасимов Валеев руку приложил»[12]. По всей видимости, это нанятые на Печоре рабочие.

Носилов с компаньонами, вероятно, использовал колвинско-печорский путь (с Прикамья) для заброски на прииски, а не лозьвинско-сосьвинский (от Никито-Ивделя). В блокноте Носилова запись о крупных закупках провизии и промыслового оборудования в Чердыни (грохот, листы железа, клепальная машина, тиски и пр.) соседствует с записью, что на Илыче (приток Печоры) надо купить три лошади с уздами и нанять провожатых[13]. Так же присутствует красноречивая запись «вес золота к 18 августа» — единственное известное свидетельство работы прииска[14]. В целом, блокнот использовался не для учета, а для быстрых черновых заметок.

Прииски Носилова и Базилевского в 1886–1887 гг. оказалась в зоне обследования Второй Северной экспедиции[15]. В итоговом отчете начальник разведочного отряда Л.А. Лебедзинский обозначил реку Манью как самую перспективную по золоту в изученной части Сосьвинского Урала — не заметить там прииски (или следы горных работ) было невозможно, так же, как не знать, кто там работает[16]. Однако ни в одном из отчетов Северной экспедиции нет упоминаний Носилова и приисков; они не обозначены на детальной карте изысканий. Либо северо-сосьвинские прииски не стали разрабатывать, в отличие от «Печорского», либо Северная экспедиция предпочла о них умолчать, что странно при упоминании лозьвинских. Лебедзинский как и Носилов был членом УОЛЕ, и оба привозили в музей общества этнографические предметы от вогулов. В отряде Лебедзинского работал Г.О. Де-Кампо Сципио, в будущем — заведующий коммерческой частью Богословского

[12] ГАСО. Ф. 59. Оп. 9. Д. 113. Л. 3–2.
[13] Записная книжка К.Д. Носилова // ОМПУ. Ф. 0. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–44.
[14] Там же. Л. 6.
[15] Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1887–1889 годах.
[16] Лебедзинский Л.А. Исследования Северного Урала за пределами населенности // Горный журнал. 1888. Т. 4. № 12. С. 436.

горного округа. Он фигурирует у Носилова в блокноте как получатель 360 руб. под отчет, как раз в промежутке 1885–1886 гг.[17]. Так что возможны разные варианты…

Насколько был успешен Носилов как золотопромышленник сложно судить. Из данных, которые приводит А.А. Дунин–Горкавич о разведке 1885 г., складывается впечатление многообещающего предприятия, но реальность могла оказаться иной, учитывая значительные траты, связанные с организацией работ на отдаленных приисках. Как бы то ни было, окончив полевой сезон 1886 г., Носилов в ноябре отправился в длительное заранее запланированное путешествие в Палестину и Египет, откуда вернулся весной. В июне 1887 г. он отплыл колонизировать Новую Землю, проведя на полярном архипелаге несколько лет. На Северную Сосьву в эти годы он не возвращался, что означало либо передачу дел компаньонам, либо свертывание работ.

Базилевский также оставил золотодобычу и больше не упоминается в качестве собственника приисков. В январе 1891 г. все северо-сосьвинские прииски были выставлены на конкурс и в апреле 1908 г. отданы дворянину А.А. Каплуновскому «для переработки отвалов и эфелей»[18]. Снова прииски меняют хозяина в 1912 г. с той же формулировкой, что бы она ни значила. Других участков на Северной Сосьве никто не заявлял. Снова к разведке золота в тех местах приступят в 1920-е гг., но сколь-нибудь серьезной добычи, по сравнению с Горнозаводским Уралом, здесь не развернется. О добыче золота на Урале Носилов не распространялся, только в 1915 г. выпустил небольшую книжицу «Золотые речки. Очерк золотопромышленности», где в предельно общих чертах описал промысел без ссылок на собственный опыт, лишь сообщив читателю, что познакомился на Северном Урале с настоящими золотоискателями. В то же время, поиски золота и прочих руд Носилов после Северной Сосьвы не прекратил. На Новой земле он пробовал мыть золото в ручьях, но это было крайне затруднительно из-за мерзлых грунтов[19].

---

[17] Записная книжка К.Д. Носилова // ОМПУ. Ф. 0. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[18] ГАСО. Ф. 59. Оп. 9. Д. 113. Л. 1.
[19] Носилов К.Д. Минеральные богатства Новой Земли // Новое время. 1911. 15 (28) авг.

Библиографический список

Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки РГО. 1857. № 12. С. 329–448.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М., 1995. Т. 1.

Лебедзинский Л.А. Исследования Северного Урала за пределами населенности // Горный журнал. 1888. Т. 4. № 12. С. 432–436.

Носилов К.Д. Минеральные богатства Новой Земли // Новое время. 1911. 15 (28) августа.

Пестерев Г. Краткий отчет о действиях Северной экспедиции со времени учреждения оной по 1839 год // Горный журнал. 1839. Т. 4. № 10. С. 1–21.

Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А. Съезды золото- и платинопромышленников Урала. 1897–1919. Екатеринбург, 1997.

Словцов И.Я. Природа и люди Северного Урала. Екатеринбург, 1897.

Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1884–1886 годах. СПб., 1890.

Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1887–1889 годах. СПб., 1898.

Федоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале (с картой) // Известия ИРГО. 1886. Т. 22. С. 255–298.

Abramov I.V.

Constantine Nosilov and searching for gold in the North Urals

Konstantin Dmitrievich Nosilov (1858–1923) became known as a versatile researcher and writer. The son of a priest, he graduated from the Perm seminary in 1877 and quickly became a naturalist, got in academic society, established multiple contacts and in 1883 went to the Severnaya Sosva basin according to the Russian Geographical Society project. The article describes a little-known period of 1885–1886, related to the search and mining of gold by Nosilov in the North Urals, along the rivers Severnaya Sosva and Pechora. Gold rush in the Urals stimulated the northern territory development — Nosilov became part of this stream.

Keywords: *Konstantin Nosilov, Severnaya Sosva, biography, gold-digge*

Бармин Александр Вячеславович
доцент кафедры истории и социальных технологий, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *allo-barmin@mail.ru*

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ УРАЛА В 1880-е гг.

УДК 94(470.5.)«18»

В работе рассматривается проблема преобразования органов управления горнозаводской промышленностью на Урале в начальный период правления императора Александра III. В статье раскрываются причины преобразований, их основные направления и мероприятия. В частности с этой целью на Урал регулярно отправлялись экспедиции министерства государственных имуществ, а затем проводилось обсуждение их результатов на совещаниях высших органов.

Ключевые слова: *уральская горнозаводская промышленность, министерство государственных имуществ, горная администрация, Уральское горное правление, Уральская горная область, горнозаводское производство, казенные заводы, частные заводы*

Система органов управления уральской горнозаводской промышленностью складывалась в течение всего времени с момента пуска первого завода в крае. При этом необходимо учитывать, что система управления горнозаводской промышленностью Урала с одной стороны являлась составной частью (подсистемой) всей системы управления промышленностью в Российской империи, а с другой стороны она сама включала в себя различные взаимодействующие структурные элементы (подсистемы), как по вертикали, так и по горизонтали. Первоначальное разделение системы органов управления горнозаводской промышленностью региона может быть представлено управленческими институтами казенных и частных заводов.

В отчете министра государственных имуществ, действительного тайного советника, статс-секретаря, члена Государственного Совета Михаила Николаевича Островского (1827–1901, в должности с 1 мая

1881 г. по 1 января 1893 г.)[1] относительно положения в горнозаводской отрасли Урала за 1881 г. отмечалось: «Местная на Урале горная администрация, как по управлению казенными заводами, так и по надзору за заводами частными, требует коренного преобразования»[2].

М.Н. Островский в своем отчете императору Александру III, анализируя деятельность административных органов и их полномочия, указывал, что «как главный начальник заводов хребта Уральского, так и горное при нем правление, под влиянием последнего ряда узаконений по горному делу, несут лишь часть тех обязанностей, которые первоначально были на них возложены. Вследствие же коллегиального устройства Уральского горного правления, замечается такая медленность в производстве дел и так часто, по неясности и неполноте самого закона, происходят столкновения между главным начальником и местными на заводах начальствами, что упразднение этой излишней инстанции и более точное разграничение круга обязанностей горных начальников, с одной стороны, и главного уральского управления, с другой стороны, представляется делом не только полезным, но и необходимым[3].

В отчете говорилось о необходимости увеличения заработной платы («содержания») техническим кадрам («служащим на заводах»), непосредственно влияющим на успех казенного горного производства, так как их существующая зарплата не соответствовала ни их техническому образованию, ни стоимости их труда, ни «успеху дела». Также был поставлен вопрос о необходимости предоставления заводоуправлениям «более широких права в делах внутреннего хозяйства и распоряжения личным составом» и выработки «более простых, нежели существующие ныне, формы и правила отчетности и делопроизводства»[4].

Министр государственных имуществ М.Н. Островский в своем отчете обратил внимание на необходимость «преобразования и

---

[1] Список высшим чинам центрального и местных управлений государственными имуществами, 1837–1887 // Историческое обозрение 50-летней деятельности министерства государственных имуществ, 1837–1887. СПб., 1888. Ч. 1.

[2] Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ по горной части за 1881 год // Горный журнал. 1883. № 2. С. 368.

[3] Там же. С. 368.

[4] Там же.

той части горной на Урале администрации, на обязанности которой лежит надзор за частными горными заводами, в том числе и за посессионными, а равно за золотопромышленностью»[5]. На основе данного отчета в министерстве с целью преобразования главного управления горной частью на Урале был подготовлен проект временного положения об управлении, в котором в частности предполагалась отмена «медленного коллегиального порядка рассмотрения дел»[6].

В 1884 г. М.Н. Островский совершил поездку с целью осмотра уральских горных заводов. По результатам этой поездки в феврале 1886 г. в Общем Собрании Государственного Совета под руководством великого князя Михаила Николаевича Романова (1832–1909; в должности Председателя ГС в 1881–1905) было рассмотрено представление министра государственных имуществ М.Н. Островского «об устройстве управления горной частью на Урале, а также надзора за уральскими частными горными заводами и промыслами и за посессионными лесами»[7]. Было предложено упразднить Уральское горное правление, «существовавшее с 1806 г. на основаниях, положенных еще Татищевым при Петре Великом, и имевшее коллегиальное устройство»[8], находящееся в Екатеринбурге с 1831 г. Также упразднению подлежали Канцелярия главного горного начальника Уральских горных заводов, должности заводских исправников и окружных ревизоров с помощниками, окружное управление Екатеринбургскими заводами вместе с чертежной[9]. Исключение составили горное училище и чины корпуса лесничих.

В Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета 10 марта 1886 г. говорилось: «Для заведывания горнопромышленностью в области Уральского хребта учредить: а) управление горною частью на Урале и б) должности окружных инженеров с письмоводителями при тех из них, подведомственные которым округа входят в состав золотопромышленной полосы и в) должности лес-

[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Официальный отдел // Горный журнал. 1886. № 6. С. I.
[8] Очерк деятельности министерства государственных имуществ по заведыванию горною частью, 1874–1887 гг. // Горный журнал. 1888. Т. 1. № 1. С. 6.
[9] Официальный отдел… С. I.

ных ревизоров и лесных кондукторов, согласно особому штату»[10]. Заведывание всеми казенными и частными горными заводами, входящими в состав Уральской горной области, с приписанными к ним рудниками и лесами, а также рудниками и копями частных промышленников и частными золотыми промыслами — относилось к ведомству Управления горной частью на Урале[11]. Управление горной частью на Урале осуществлялось «под единоличным руководством главного начальника уральских заводов и его помощника, состояло их трех отделений: казенных горных заводов, частных заводов и промыслов и частных золотых промыслов»[12].

С целью управления горными заводами, рудниками, золотыми промыслами и технического надзора за ними 10 марта 1886 г. была создана Область Уральского хребта (Уральская горная область) с центром в Екатеринбурге, которая административно включала губернии: Пермскую, Вятскую, Оренбургскую, Уфимскую; уезды: Никольский, Соль-Вычегодский, Яренский и Усть-Сысольский Вологодской губернии; области: Тургайскую и Уральскую без Гурьевского и Эмбенского уездов. Уральская горная область разделялась на семь горных округов во главе с окружными инженерами: Вятский, Восточно-Екатеринбургский, Западно-Екатеринбургский, Пермский, Верхотурский, Оренбургский, Уфимский и четыре горнозаводских округа: Гороблагодатский, Златоустовский, Камско-Воткинский и Пермских пушечных заводов. 3 мая 1886 г. министром государственных имуществ было утверждено распределение уральских частных заводов и золотых промыслов по горным округам.

Вятский горный округ с местопребыванием окружного инженера в Вятке охватывал Слободской, Глазовский, Уржумский, Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии; Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии и часть Соликамского уезда Пермской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Омутнинские, Пудемский, Кирсинский и Песковский Н.П. Пастухова; Холуницкий и другие А.Ф. Поклевского-Козелл;

[10] ПСЗ-3. Т. 6. № 3569.

[11] Инструкция Управлению горной частью на Урале, составленная на основании п. 1-го, ст. XIV Высочайше утвержденного, в 10 день марта 1886 г., мнения Государственного Совета // Горный журнал. 1886. № 6. С. VII.

[12] Очерк деятельности министерства… С. 6.

Кажимский И.П. Пастухова; Нючпасский и Нювчимский Д.Е. Бенардаки; Бемышевский А.А. Лебедева; Мешинский К.И. Яхонтова и Кувинский графа С.Г. Строганова.

Пермский горный округ с местопребыванием окружного инженера с письмоводителем в Перми охватывал часть Пермского, часть Соликамского, Чердынский и Оханский уезды Пермской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Добрянский, Кыновский и Очерские графа С.С. Строганова; Средне-Рождественский наследников Г.М. Пермикина; Кизеловский, Чермозский и другие княгини Е.Х. Абамелек-Лазаревой; Пожевской и другие наследников А.В. Всеволожского; Никитинский и Александровский П.П. Демидова князя Сан-Донато и его наследников; Юго-Камский графа А.П. Шувалова и его наследников; Лысвенский, Кусье-Александровский, Бисерский, Теплогорский и Крестовоздвиженские промыслы графа П.П. Шувалова и его наследников; Нытвенский, Чусовской и Архангело-Пашийский князей А.М. и С.М. Голицыных (в аренде Камского акционерного общества железо- и сталеделательных заводов). Кроме того, Луньевские каменноугольные копи П.П. Демидова князя Сан-Донато, каменноугольные копи на землях князей Всеволожских и Лазаревых (в разных арендах), золотые промыслы и рудники в Чердынском уезде.

Западно-Екатеринбургский горный округ с местопребыванием окружного инженера с письмоводителем в Екатеринбурге охватывал часть Екатеринбургского, Красноуфимский, Кунгурский, часть Пермского и Осинский уезды Пермской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Ревдинский, Мариинский и Бисертский наследников Г.М. Пермикина; Шайтанский наследников П.В. Берга; Билимбаевские графа С.С. Строганова; Сергинско-Уфалейские акционерной компании (Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов), Кыштымские наследников Л.И. Расторгуева; Михайловский М.Г. Белинькова; Суксунские Суксунского товарищества; Кнауфские заводы.

Уфимский горный округ с местопребыванием окружного инженера в Уфе или в Катавском заводе находился в границах Белебеевского, Бирского, Мензелинского, Уфимского и части Златоустовского уездовУфимской губернии; Стерлитамакского и Оренбургского уездов

Оренбургской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Благовещенский Е.В. Дашковой и ее наследников; Воскресенский и Преображенский компании Великобританских подданных; Богоявленский и Верхотурский В.А. Пашкова и его наследников; Архангельский графини А.И. Коссаковской; Юрюзанские К.Э. Белосельской-Белозерской; Белорецкие и Кагинские акционерного общества Белорецких заводов (В.А. Пашкова); Авзянопетровские Д.Е. Бенардаки и Ивано-Павловский И.П. Белякова и его наследников, а также Каргалинские медные рудники.

Верхотурский горный округ с местопребыванием окружного инженера с письмоводителем в Нижнетагильском заводе находился в границах Верхотурского и части Кунгурского уездов Пермской губернии и Березовского уезда Тобольской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Нижнетагильские П.П. Демидова и его наследников; Павдинский Пастуховых; Сосьвинский Х.Я. фон-Таля; Богословский Н.М. Половцевой. Кроме того, частные золотые промыслы на землях Гороблагодатского казенного округа, Вагранской, Лялинской Северной и Южной Заозерских дач, Северной экспедиции и в Березовском уезде Тобольской губернии.

Восточно-Екатеринбургский горный округ с местопребыванием окружного инженера с письмоводителем в Екатеринбурге охватывал часть Екатеринбургского, Камышловский, Шадринский и Ирбитский уезды Пермской губернии. К нему были отнесены частные горные заводы: Верхисетские графини Н.А. Стенбок-Фермор; Сысертские П.Д. и Д.П. Соломирских и наследников А.Ф. Турчанинова; Невьянские наследников П.С. Яковлева; Алапаевские наследников С.С. Яковлева. Кроме того, рудники и золотые промыслы на землях горного округа.

Оренбургский горный округ с местопребыванием окружного инженера с письмоводителем в Миасском заводе. К нему были отнесены Миасские золотые промыслы и частные золотые промыслы в Челябинском, Троицком, Верхнеуральском и Орском уездах Оренбургской губернии и в Златоустовском уезде Уфимской губернии[13].

[13] Распределение Уральских частных горных заводов и золотых промыслов на округа, по числу учрежденных окружных инженеров // Горный журнал. 1886. № 6. С. XXIII–XXVI.

11 августа 1889 г. министр государственных имуществ представил в Правительствующий Сенат информацию об изменениях, произошедших в инструкциях по управлению горной частью на Урале от 10 марта 1886 г. и от 18 января 1888 г.[14] В пункте «а» «Сведений» сравнение этих инструкций показывает, что при сохранении структуры делопроизводства в Управлении произошло уточнение формулировок отдельных параграфов, касающихся его содержания. В частности наиболее значимым было изменение текста § 12 инструкции 1888 г., где по сравнению с 1886 г. удалено предложение о том, кто «заведывал» тремя делопроизводствами, на которые подразделяется Управление: делопроизводством по делам казенных горных заводов и личного состава «заведывал» помощник главного начальника, а делопроизводством по делам частных горных заводов и промыслов и делопроизводством по делам частных золотых промыслов «заведывали» делопроизводители[15]. Также изменился тест § 16. В инструкции 1886 г. указывалось, что «помощник главного начальника, кроме заведывания в качестве делопроизводителя делами, относящимися к казенным горным заводам, содействует главному начальнику в разрешении всех дел по управлению», а в инструкции 1888 г. в обязанности помощника была включена формулировка о содействии «главному начальнику в разрешении всех дел по управлению»[16]. Часть обязанностей по делопроизводству по инструкции 1888 г. возлагалась на окружных инженеров, которые должны были вести «записки» о взрывчатых материалах для горных работ в книгах, шнуровать их и проводить ревизию (проверку) как взрывчатых материалов, так и записей в книгах, а также «наблюдать за исполнением изданных, на основании Высочайше утвержденного 22 февраля 1880 г. положения Комитета министров,

[14] Сведения о последовавших изменениях в инструкциях горным управлениям, а также в распределениях подведомственных сим управлениям территорий на горные округа, изданных на основании высочайше утвержденных 10 марта 1886 г., 3 февраля 1887 г. и 18 января 1888 г. мнений Государственного Совета // Горный журнал. 1889. № 11–12. С. III.

[15] Об изменениях в инструкциях горным управлениям, а также в распределениях подведомственных сим управлениям территорий на горные округа // Горный журнал. 1889. № 11–12. С. II–VI.

[16] Там же. С. IV.

правил об употреблении взрывчатых материалов и доставлять отчетные сведения»[17].

В пункте «б» «Сведений» по Пермскому округу в инструкции 1888 г. по сравнению с инструкцией 1886 г. перечислялись не только частные горные заводы, но и солеваренные казенные и частные (казенный Дедюхинский, состоящий в аренде, и частные: Усольские и Ленвенские — графа Строганова, наследников графа Шувалова, князя Голицына и княгини Абамалек-Лазаревой, Березниковские — Любимова и Соликамские — Рязанцева и наследников Дубровина); по Верхотурскому округу указывалось, что местопребывания окружного инженера изменилось с Нижнетагильского завода (1886) на Кушвинский завод (1888)[18].

В «Инструкции по надзору за частной горной промышленностью в горных округах Европейской России, Урала и Кавказа», утвержденной 2 июля 1888 г. в пункте «б» при перечислении горных округов Управления горной частью на Урале были внесены изменения (уточнения) относительно Мнения Государственного Совета, утвержденного 10 марта 1886 г. В частности, местопребывание окружного инженера в Верхотурском округе указано с. Кушва, а не Нижнетагильский завод; местопребывание окружного инженера Оренбургского округа — с. Миас, а не Миасский завод (селение Миасово)[19].

По решению Государственного Совета к задачам Управления горной частью на Урале были отнесены функции упраздняемых горного правления, канцелярии главного начальника Уральских горных заводов и главной конторы Екатеринбургского округа, кроме надзора за частными горными промыслами и надзора за частной золотопромышленностью. Эти функции были включены в обязанности окружных инженеров, возглавивших вновь образованные горные округа. Кроме того, к их обязанностям были отнесены надзор за деятельностью посессионных горных заводов и выдача «горнозаводчикам свидетельств на металлы, закладываемые

[17] Там же. С. IV–V.

[18] Там же. С. V.

[19] Об инструкции по надзору за частной горной промышленностью в горных округах Европейской России, Урала и Кавказа // Горный журнал. 1888. № 12. С. XII.

в Екатеринбургском отделении Государственного банка и отправляемые для продажи»[20], которые раньше были обязанностями заводских исправников. Обязанности заводских исправников по надзору за лесами были возложены на лесных ревизоров и лесных кондукторов. Окружные инженеры, лесные ревизоры и кондукторы были подчинены начальнику Уральских горных заводов.

В штате Управления горной частью на Урале, надзора за Уральскими частными заводами и промыслами и посессионными лесами учреждались должности: Главный начальник Уральских горных заводов, помощник Главного начальника, два делопроизводителя с тремя помощниками каждому, юрисконсульт, старший и младший чиновники по особым поручениям, бухгалтер, два помощника бухгалтера, комиссар (он же казначей), журналист, архивариус, старший маркшейдер (он же управляющий чертежной), два маркшейдера, три старших и четыре младших горных землемеров-отводчиков, управляющий лабораторией и золотосплавочной, лаборант (он же библиотекарь), помощник лаборанта, семь окружных инженеров и пять письмоводителей при них, два лесных ревизора, шесть лесных кондукторов. Всего 52 чина.

«Условия службы по горному ведомству урегулированы распространением на горных инженеров общих правил о сроках, с которых назначаются пенсии, общих правил о пособиях при отправлении к должностям и командировкам и прекращением всякого довольствия инженерам, состоящим на частной службе. Положение об эмеритальной кассе горных инженеров изменено и дополнено в 1883 и 1886 гг.»[21].

В соответствии с п. 1 ст. XIV Высочайше утвержденного мнения Государственного совета 10 марта 1886 г. Министром государственных имуществ была разработана Инструкция, определяющая обязанности и порядок делопроизводства в управлении горной частью на Урале[22].

Общие обязанности Управления горной частью на Урале можно представить по сферам деятельности:

---

[20] Список высшим чинам… С. II.
[21] Очерк деятельности министерства… С. 7.
[22] ПСЗ-3. Т. 6. № 3569.

а) в сфере управления производством — «наблюдения за точным исполнением законов и распоряжений Правительства по всем частям управления», «равномерное, сообразно со средствами заводов и потребностями Правительства, распределение казенных нарядов и надзор за успешным их выполнением и доброкачественностью изделий, заводами приготовляемых», «надзор за всеми действиями Горных начальников, разрешение их представлений и направление всех служащих к прямой цели службы», «возможное покровительство частных горных заводов и промыслов и горного промысла вообще», «собрание сведений об истинном положении заводов и рудников, о производительности их, нововведениях, усовершенствованиях и новых открытиях»;

б) в сфере производственной деятельности — «поддержание на казенных заводах правильного хозяйства и возможно лучшей степени технического производства», «попечение о развитии и улучшении рудничного и заводского производства и приискание к тому новых способов»;

в) в сфере безопасности труда — «соблюдение на заводах должного порядка в отношении безопасности рабочих при горнозаводских работах, а также правил для работ женщин и малолетних», «наблюдение за исполнением правил о взрывчатых веществах, выдача и ревизия книг на записку их»;

г) в экологической сфере: «наблюдение за правильной вырубкой лесов, приписанных к казенным и посессионным горным заводам и вообще за правильным заготовлением лесных материалов из заводских дач и принятие зависящих от Управления мер к сбережению лесов от пожаров и самовольных порубок» и т. д.[23]

Достаточно подробно в Инструкции определен «Порядок делопроизводства в Управлении»[24] и указано «Распределение занятий между чинами Управления и обязанности их»[25].

10 января 1889 г. Председатель Государственного Совета, великий князь М.Н. Романов подписал Мнение Государственного Совета, подготовленное на основе представления Министерства

[23] Инструкция Управлению горной частью на Урале… С. VIII–IX.
[24] Там же. С. IX–X.
[25] Там же. С. XI–XXIII.

государственных имуществ о дополнительных преобразованиях по горному управлению на Урале. В данном узаконении говорилось, что с 1 января 1889 г. два подразделения Управления горной частью на Урале — Управление лесами казенных горных заводов и Учреждение по надзору за посессионными лесами — преобразовывались в Управление уральскими казенными горнозаводскими лесами[26].

В 1880-е гг. был проведен ряд преобразований в системе органов управления уральской горнозаводской промышленностью, характеризующихся централизацией управления и упорядочением делопроизводства на казенных и частных заводах Урала.

Barmin A.V.

The transformation of the management bodies by the mining industry of the Urals in the 1880s

In this paper we consider the problem of converting the management bodies by the mining industry in the Urals during the initial period of the reign of Emperor Alexander III. The article reveals the causes of changes, their main destinations and activities. In particular with this purpose, the Urals were regularly dispatched expeditions of the Ministry of state property, and then discussing their results at meetings of the higher bodies.

Keywords: *Ural mining and metallurgical industry, the Ministry of state property, mountain property, the Ural mountain Board, the Ural mountain range, mining production, state-owned factories, private factories*

[26] О дополнительных преобразованиях по горному управлению на Урале // Горный журнал. 1889. № 3. С. VIII.

Бессолицын Александр Алексеевич
д.э.н., в.н.с. Центра экономической истории, Институт Российской истории РАН; профессор Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия)
E-mail: *A_Bessolitsyn@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА СЪЕЗДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ ПО ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 г.

УДК 338.1; 061.2

В статье анализируется деятельность Совета съездов представителей промышленности и торговли и его комитетов по защите интересов предпринимательского сообщества в короткий период существования Временного правительства. В условиях нарастания полномасштабного экономического кризиса, охватившего страну после свержения монархии, положение в промышленности резко обостряется, что приводит к нарастанию забастовочного движения, активизации рабочего контроля на предприятиях, к явочному введению восьмичасового рабочего дня и общей дезорганизации управления. В данной ситуации Совет съездов пытался выстроить новые правила взаимоотношений между «трудом и капиталом». Значительно активизировалась деятельность различных комитетов Совета и его комиссий, направленная на разработку адекватных законодательных положений и норм. Однако в условиях радикализации общественных настроений и при бездействии Временного правительства решить поставленную задачу не удалось.

Ключевые слова: *Совет съездов, Временное правительство, комитеты Совета съездов, экономический кризис, промышленность, рабочий контроль*

Новым этапом в развитии отраслевых съездов предпринимателей стало формирование Общих съездов представителей промышленности и торговли, которые начали свою деятельность в 1906 г. Согласно Положению, Высочайше утвержденному 14 апреля 1906 г.,

главной целью съездов являлось объединение интересов промышленности и торговли вообще и отдельных отраслей перед правительственными и общественными учреждениями.

Кроме того, они должны были:

— способствовать возникновению местных общественных и профессиональных учреждений по промышленности и торговле;

— способствовать упорядочению отношений между трудом и капиталом;

— собирать статистические сведения, издавать по вопросам промышленности и торговли исследования, периодические органы и пр.[1]

Всего за период с 1906 по 1915 гг. состоялось девять очередных съездов представителей промышленности и торговли. Несмотря на то, что в условиях продолжающейся войны сами съезды перестали собираться, Совет съездов продолжил активно работать. Также регулярно дважды в месяц (вплоть до конца 1917 г.) издавался печатный орган Совета съездов — журнал «Промышленность и торговля».

Особенно активизируется работа Совета после свержения монархии в феврале 1917 г., когда ситуация в стране резко меняется. Общее расстройство промышленности, а особенно появление на предприятиях рабочего контроля, деятели которого начинают активно вмешиваться в управление производством, рост забастовочного движения и как итог — неконтролируемое увеличение заработной платы и явочное введение восьмичасового рабочего дня при катастрофическом снижении производительности труда, приводят экономику на грань катастрофы. В этих условиях Совет главное внимание в своей деятельности переносит на разработку юридических норм и правил, которые институционально могли бы обеспечить взаимодействие между «трудом и капиталом» в переходный период.

Уже весной 1917 г. становится очевидным, что страна сползает в полномасштабный экономический кризис. В специальной справке, подготовленной на имя Министра торговли и промышленности на основании донесений фабричных инспекторов о Положении на

[1] Положение о съездах представителей промышленности и торговли. СПб., 1906. С. 1–2.

промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, датированной маем 1917 г., были перечислены факты, свидетельствующие о нарастании этого глобального экономического кризиса. Так, в донесении старшего фабричного инспектора Херсонской губернии отмечалось, что среди промышленников в настоящее время замечается растерянность вследствие сильно повышенных требований рабочих. Эти требования являются результатом все увеличивающейся дороговизны предметов первой необходимости, а также доминирующей позиции, занятой рабочими. В донесении старшего фабричного инспектора Тверской губернии отмечалось, что, хотя все фабрики и заводы работают, но производительность их уменьшилась до 40 % вместо ожидаемого уменьшения на 20 %. Это произошло вследствие перехода с 9-ти и 10-ти часового рабочего дня на восьмичасовой. Особенно сложная ситуация складывалась в Петрограде и Петроградской губернии. По сведениям старшего фабричного инспектора, на многих предприятиях Петрограда продолжают замечаться предъявления со стороны рабочих повышенных требований об увеличении заработка. В том числе: на писчебумажной фабрике Российского акционерного общества, на предприятии Акционерного общества «Сименс и Гальске», на литейном заводе Боровского, на Красносельской фабрике «Акционерного общества Российских паровых красильных фабрик», на пороховом заводе Акционерного общества Виннер и др.[2]

В апрельском номере журнала «Промышленность и торговля» отмечалось, что рабочий класс, оказывая давление на государственную власть и на промышленность, пытается создать для себя льготные условия труда: одновременно с требованием о сокращении рабочего дня до 8-ми часов, им отстаивается повышение заработной платы, доходящее по отдельным предприятиям до 100 %[3].

На заседании Комитета Совета съездов (29 мая 1917 г.) были обсуждены итоги конференции представителей рабочих и предпринимателей, состоявшейся в Харькове 27 апреля — 2 мая 1917 г.,

[2] РГИА. Ф. 23. Оп. 19. Д. 349. Л. 10–18.

[3] Промышленность и торговля. 1917. № 12–13. С. 241.

где обсуждалась ситуация, сложившаяся в промышленности при Временном правительстве. На этой конференции был заслушан доклад председателя Совета съездов горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмара «О положении промышленности на юге России». В докладе отмечалось, что горнопромышленники Донбасса представили Временному правительству докладную записку об угрожающем положении промышленности Донецкого бассейна и дали оценку экономической ситуации в случае продолжения рабочих выступлений[4].

В ходе обсуждения этого вопроса на Комитете Совета съездов в Петрограде председатель Н.В. Кутлер указал на критическое положение промышленности, вызванное непомерными требованиями рабочих, а также политикой Временного правительства, и на необходимость выполнить экономическую программу Правительства.

Н.В. Кутлер сформулировал ряд вопросов, адресованных правительству, а именно:

1. Предполагает ли оно осуществить социализацию промышленности или сохранить капиталистические отношения. Кроме того, необходимо принять меры к урегулированию заработной платы рабочих и служащих промышленных предприятий. Только таким путем можно достигнуть уменьшения цен изделий. Для этой цели следует создать промышленные суды, решения коих были бы обязательными как для промышленников, так и для рабочих. Дальнейшим средством облегчения положения было бы создание синдикатов.

2. По вопросу о заработной плате. Комитет остановился на вопросе о прекращении работ предприятий ввиду невозможности вести их при создавшихся условиях и высказался за необходимость не прекращать работу фабрик и заводов до крайней необходимости[5].

В ходе обсуждения также был высказан ряд предложений, адресованных не только правительству, но и самим предпринимателям. В частности, представитель Костромского комитета Торговли

[4] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Документы и материалы. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 175.
[5] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 28. Л. 100.

и мануфактур С.Н. Третьяков заявил, что настоятельно необходимо приступить к созданию единой всероссийской организации для защиты как промышленности, так и торговли, ибо в настоящее время нельзя рассчитывать на поддержку правительства, а потому промышленность и торговля должны образовать новый единый Всероссийский орган.

По мнению управляющего делами Совета съездов Е.Л. Любовича, есть трудности в создании единой организации. Следует различать три типа промышленных организаций, а именно: союзы предпринимателей, имеющих целью оказывать промышленникам помощь по вопросам труда. В таких вопросах участие представителей промышленности является не только лишним, но и не желательным. Второй формой является организация крупной промышленности и торговли в целях совместной работы по общим, интересующим эти крупные отрасли, вопросам и, наконец, третьей формой является объединение промышленных и торговых кругов для работы в сфере политической. Одной организации, заменяющей все эти виды деятельности создать нельзя[6].

Летом 1917 г. были предприняты усилия по активизации деятельности Совета съезда. С этой целью Совет был значительно расширен и при нем были организованы новые отделы: Отдел труда; Налоговый отдел; Финансово-экономический.

Кроме того, были значительно усилены отделы железнодорожный, промышленности и внешней торговли. Всего в Совете съездов работало 10 отделов (канцелярия, статистика, юридический, налоговый, труда, промышленности, торговли, железнодорожный, финансово-экономический, журнал Промышленность и торговля)[7].

В заседании Комитета Совета съезда 9 июня 1917 г. был заслушан доклад представителя от съезда Бакинских нефтепромышленников А.И. Манчо о работах Комиссии по вопросам труда. В результате принято следующее постановление:

1. Организовать постоянное представительство от промышленности в Министерстве труда по соглашению с Всероссийскими

[6] Там же. Л. 100.
[7] Там же. Д. 66. Л. 1–7.

организациями отдельных отраслей промышленности, которые не входят в состав Совета, увеличив число представителей с 8 до 12-ти.

2. Комитетом подверглись обсуждению законопроекты Министерства о свободе коалиций (стачек) и о примирительных камерах. Проект закона в редакции представителей промышленности расходится с проектом Министерства по существу по следующим вопросам[8].

Представители промышленности в своем проекте в качестве основополагающего принципа выставили Положение о необходимости полного соблюдения равноправия перед законом. Проект Министерства, устанавливал полную свободу рабочих коалиций, а свободу коалиций предпринимателей ограничивал словами «…поскольку они не нарушают прав рабочих, установленных положением»[9].

Кроме того, проект Министерства включал специальную ст. 2, которая предусматривала уголовную санкцию за нарушение прав одних только рабочих. Такая постановка вопроса противоречила принципу равноправия сторон. Поэтому представители промышленности в своем законопроекте, исключив ст. 2 проекта Министерства, ст. 1 соответственно изменили.

Следующее разногласие касалось ограничения свободы забастовок, как главного орудия коалиционной борьбы. Принципиальное несогласие здесь вызывал вопрос о санкциях за неподчинение решениям примирительных учреждений. Проект Министерства, устанавливая санкции, по сути их декларировал, так как не предусматривал необходимость денежных штрафов, которые должны взыскиваться в пользу казны[10].

По поводу установления восьмичасового рабочего дня Совет съездов в июньском номере журнала «Промышленность и торговля» высказался достаточно определенно: «Что касается вопроса об установлении восьмичасового рабочего дня в полном объеме, как вопрос, имеющий общегосударственное значение, должен

[8] Там же. Д. 28. Л. 106–107.
[9] Там же. Л. 108.
[10] Там же. Л. 108, 110.

быть разрешен только волею народа, Учредительным собранием или правильно организованным народным представительством»[11].

Совет заявил о необходимости более тесного объединения предпринимателей по отдельным отраслям промышленности. С этой целью был образован Особый комитет защиты промышленности в составе представителей:

1. Совет съездов представителей промышленности и торговли.
2. Совет съездов акционерных банков.
3. Совет съездов представителей металлообрабатывающей промышленности.
4. Совет съездов горнопромышленников Юга России.
5. Совет съездов горнопромышленников Урала.
6. Совет съездов Бакинских нефтепромышленников.
7. Всероссийское общество сахарозаводчиков.
8. Совет съездов лесной промышленности и др. (Всего 13 организаций)[12].

На заседании Комитета Совета съездов, состоявшегося 21 июля 1917 г. был заслушан доклад тов. Председателя Совета Н.Ф. фон Дитмара «О положении работ в Учредительном съезде Комитета снабжения Петроградского района». Докладчик указал на то, что состав районного съезда определяется на следующих основаниях:

1. Представители революционной демократии — половина съезда;
2. Представители промышленности — ¼ состава;
3. Представители Государственных учреждений и городских органов местного самоуправления — ¼ состава.

Именно на таких основаниях было предложено образовать Комитет снабжения Петроградского района и других. Однако такой подход обеспечивает постоянное большинство голосов группе революционной демократии, что ведет к сосредоточению власти в этой группе. По мнению фон Дитмара: «Комитеты призваны объединять существующие уже органы снабжения разного рода топливом, продовольствием, отдельными видами сырья и т. д., то

[11] Промышленность и торговля. 1917. № 20–21. С. 381.
[12] Там же. С. 388.

есть призваны к делу, в котором торгово-промышленный класс является наиболее компетентным. Образование Комитетов на основаниях, предусмотренных проектом, разработанным организационным Бюро, ведет к сосредоточению власти в руках революционной демократии, совершенно не подготовленной, а потому не ответственной в специальных вопросах народного хозяйства. Поэтому промышленность должна настаивать на приоритете трех групп»[13].

Далее фон Дитмар указал на поспешность, с которой был созван съезд и на невозможность основательного обсуждения внесенных на съезд вопросов (съезд состоялся в Харькове). Он также полагает, что промышленности следует добиваться утверждения новой организации Временным правительством.

В результате Комитет постановил: «Предложить съезду избрать Комиссию для разработки положений об организации районных комитетов снабжения и предъявить требование о предоставлении представителям промышленности одной трети голосов наравне с революционной демократией и представителями государственных учреждений и городских органов»[14].

На заседании Комитета 12 сентября 1917 г. был заслушан доклад инженера путей сообщения А.С. Кенигшац о работе Всероссийского съезда районных организаций снабжения, состоявшегося в Петрограде 6–9 сентября. Съезд был созван Главным экономическим комитетом, образованным при Временном правительстве летом 1917 г. и состоял из представителей Комитетов снабжения, также образовавшихся в последнее время в крупных центрах России. Промышленные и торговые организации не были приглашены на съезд и участия нем не принимали. Присутствовали лишь отдельные лица из торгово-промышленной среды в качестве членов Экономического совета, приглашенных с правом совещательного голоса. Проект положения, предложенный Экономическим комитетом, предусматривал участие представителей промышленности в Комитетах снабжения наравне с представителями демократии. Съезд, однако, единогласно изменил это

[13] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 28. Л. 113.
[14] Там же. Л. 114.

Положение и принял паритет: ½ от революционной демократии и ¼ от промышленности и ¼ от общественных учреждений.

По предложению Н.Н. Кутлера, Комитет постановил выразить свой протест перед Главным Экономическим Советом против не приглашения промышленных организаций к участию в Съезде Комитетов Снабжения и против принятого на съезде паритета[15].

Заведующий Отделом труда при Совете съездов И.Я. Леонов доложил Комитету о ходе работ законодательной комиссии при Министерстве труда: «В настоящее время окончена в спешном порядке разработка закона о страховании от безработицы, к которому отношение промышленников весьма отрицательное. Один из параграфов закона гласит: «Безработным считается лицо, не нашедшее подходящего занятия на подходящих условиях». Поэтому Комитетом, по предложению Кутлера, был принято решение: «Обратить внимание Министерства труда, промышленности и торговли на всю несостоятельность законопроекта о страховании от безработицы и выразить протест против спешности, с которой проводится разработка рабочих законопроектов»[16].

В октябре 1917 г. в Особом совещании по обороне Совета съездов рассматривался вопрос о финансовом положении Путиловского завода. Выяснилось, что завод не столько работает на оборону, сколько является благотворительным учреждением.

Общая задолженность завода казне превышает 200 млн руб. Производство на заводе пошло на убыль. Тем не менее, число рабочих с 26 тыс. (1916 г.) возросло до 31 тыс. Правление лишено возможности препятствовать приему новых рабочих, т. к. этим ведают рабочие организации. Лишних рабочих оказывается свыше 11 тыс. Между тем заработная плата выросла в среднем до 10 руб. Ежемесячный расход казны в связи с этим составляет 1 250 млн руб. или 15 млн в год[17].

В связи с этим, в Особом совещании было принято решение об упорядочении деятельности всех заводов, работающих на оборону. Отмечалось, что многие важные предприятия часто закрываются

[15] Там же. Л. 116.
[16] Там же. Л. 117.
[17] Биржа. 1917. № 24. С. 1–2.

вследствие израсходования оборотных средств или же благодаря невозможности продолжать дело из-за полной дезорганизации. Совещание нашло необходимым государственное вмешательство во всех случаях предполагаемого закрытия предприятий, поскольку не может допустить, чтобы судьба работающих на оборону заводов была предоставлена естественному течению событий, свободной игре кассовых интересов и политических страстей[18].

Последнее заседание Комитета Совета съезда состоялось уже после прихода к власти большевиков 1 декабря 1917 г. и было посвящено аресту Председателя Совета Н.Н. Кутлера.

Заместитель председателя Совета съездов Н.Н. Изнар доложил Комитету все подробности ареста и ранения Н.Н. Кутлера. По итогам обсуждения было принято постановление, в котором Совет от имени 65 крупнейших Всероссийских организаций по торговле и промышленности выразил свое возмущение лишением свободы учиненным над избранным в Учредительное Собрание Председателем Совета съездов, а также выразил протест от имени всего торгово-промышленного класса[19].

Таким образом, Совет съездов представителей промышленности и торговли и его многочисленные комитеты после Февраля 1917 г. активизировали работу по поддержке предпринимательского сообщества в его противостоянии с трудовыми коллективами на предприятиях.

Главным направлением деятельности Совета была попытка юридическим путем через формирование новых институтов взаимодействия решать конфликтные ситуации, возникающие между «трудом и капиталом». Однако быстрое ухудшение экономического положения в стране на фоне бездействия Временного правительства не позволили выполнить поставленные задачи, а Октябрьский переворот 1917 г. сделал деятельность Совета съездов невозможной.

[18] Там же. С. 2.
[19] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 28. Л. 139–140.

Bessolitsyn A.A.

The activity of the Council of congresses of the representatives of industry and trade to the protection interests of the entrepreneurial society after February 1917

The author of the article analyses the activity of the Council of congresses of the representatives of industry and trade and its committees related to the protection of the interests of the entrepreneurial society during the short period of existence of the Temporary government. During the fast growth of the full-scale economic crisis which embraced the country after the fall of the monarchy the situation in industry escalates severely, which leads to the growth of the strike movement, activity of the labor control on the enterprises, formal introduction of the eight-hour working day and overall disorganization of management. In this situation the Council of congresses tried to set the new rules of interaction between “the labor and the capital”. The activity of various committees of the Council and its commissions aimed to the development of adequate legislative norms and provisions has increased significantly. However during the radicalization of the public mood and lack of activity of the Temporary government it was not possible to solve this problem.

Keywords: *Council of congresses, Temporary government, committees of the Council of congresses, economic crisis, industry, labor control*

Голикова Светлана Викторовна
д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *avokilog@mail.ru*

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ САДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРАВОВОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ

УДК 94(470)«18/19»

В статье рассматривается социокультурный контекст разработки и принятия законопроекта о детских садах, внесенного в 1908 г. депутатами Государственной думы Российской империи

Ключевые слова: *детский сад, Государственная дума Российской империи, законотворчество, Министерство народного просвещения, уставы общественных организаций*

Известно, что индустриальное развитие рубежа XIX–XX вв. потребовало изменения социокультурной сферы — замену сословной структуры российского общества на профессиональную, приход женщин на производство и т. п. «Освобождение» тружениц от части семейных обязанностей с неизбежностью ставило вопрос о системе коллективного воспитания детей и появления таких хорошо известных учреждений, как детские сады. Киевский журнал «Дошкольное воспитание» в 1913 г. опубликовал выступление работницы Губковой. «Наши дети вырастают без призора, без воспитания. У них нет матери. — Утверждала женщина и призывала: — Снимите с работниц-матерей тяжелые двойные обязанности»; «Надо дать детям рабочих общественное воспитание. Необходимо учредить детские сады!»[1].

Государство долгое время предпочитало не брать на себя подобные обязательства, перекладывая их на общественность, которой даже при самых благих намерениях удалось сделать немного. Тем более что задача нормативного закрепления детских дошкольных учреждений всецело являлась прерогативой власти. Проблема

[1] Из речи работницы // Дошкольное воспитание. 1913. № 8. Ст. 520.

сдвинулась с места с появлением российского парламента. 20 мая 1908 г. в него за подписью 32 членов Государственной думы поступило «законодательное предположение об учебно-воспитательных учреждениях для детей дошкольного возраста (детских садах)». Ведущий заседание уведомил, что, согласно протоколу, «заявление это будет отпечатано, роздано членам Государственной думы, сообщено подлежащим министрам и по истечении месячного срока будет поставлено на обсуждение по вопросу о желательности»[2]. Причиной составления законопроекта послужил следующий парадокс: несмотря на то, что первые детские сады стали открывать в столице империи уже вначале 1870-х гг.[3], однако все это время они существовали «на птичьих правах».

Далекое от политики и непривычное уху народного представителя словосочетание «детский сад» звучало с трибуны высокого собрания не впервые. Еще 24 апреля 1908 г. Евграф Петрович Ковалевский — чиновник особых поручений при министре народного просвещения и товарищ председателя комиссии Государственной думы по народному образованию, ходатайствуя перед депутатами о субсидии столичному Фребелевскому обществу, анонсировал скорое внесение законопроекта о детских «учебно-воспитательных учреждениях» и подробно остановился на необходимости его принятия. Знакомя собравшихся с мировым опытом дошкольного воспитания, докладчик сказал: «Значение этих учреждений уже давно выяснилось заграницей, и они занимают совершенно определенное положение в системе государственных и общественных учебных учреждений». Они не просто готовили ребенка к поступлению в начальные училища. «Задачи этих учреждений, когда они бесплатны, — воспитывать детей беднейших классов до поступления их в школу, в условиях которые благоприятны для их умственного, нравственного и физического развития», — убеждал аудиторию Ковалевский. Организовать заведения для малышей у России был и собственный резон — в начальную школу здесь поступали поздно — в возрасте 7–8 лет. «В таких

[2] Государственная дума. Третий созыв. Сессия I. Заседание 70. 20 мая 1908 г.: Стенографический отчет. СПб., 1908. Ст. 1026.

[3] Пропущенный юбилей (50 лет первого русского журнала по дошкольному воспитанию) // Дошкольное воспитание. 1917. № 1–2. Ст. 1–7.

случаях, — считал чиновник, — детские сады могут быть прекрасным подсобным учреждением, иметь самостоятельное и воспитательное значение». Особенно важны они были для городского рабочего населения. Оратор не рассчитывал на казенные средства — страна осуществляла переход к начальному всеобучу. «Нам приходится встать на другой путь, — говорил он, — на путь энергичной и последовательной помощи местным учреждениям и помощь эта может быть двух родов: с одной стороны изданием соответствующих узаконений, а с другой стороны денежными субсидиями отдельным обществам и отдельным учреждениям». Депутат посетовал на то, что «до сего времени ни общая администрация, ни учебная не удосужились выработать такие правила или узаконения, которые бы обеспечили возможность беспрепятственно открывать детские сады». Законодательная лакуна превращала такое намерение в «лотерею, к сожалению, не беспроигрышную для просителей». Это недоразумение и должна была, по его мнению, устранить дума, тем более что «детские сады являются низшей ступенью в системе воспитательных учреждений, и мы, приступая к законодательному строительству, должны начинать снизу, а не сверху, с фундамента, а не с крыши»[4].

У Ковалевского нашлись сторонники — в прениях взял слово депутат от Области войска Донского В.А. Харламов. Заявив, что дело дошкольного образования «было у нас в пренебрежении», он прибегнул к убийственному аргументу: «…у нас в России втрое меньше детских садов, чем в маленькой нашей недавней сопернице Японии». В заключении выступающий перешел к призывам: «Долг Государственной думы, долг народного представительства обратить внимание на этот насущный народный вопрос и прийти этому делу на помощь»[5]. Обсуждение парламентариями проблем дошкольного воспитания вызвало резонанс в провинции. Газета «Пермская земская неделя» в обзоре деятельности Государственной думы посвятила выступлениям Ковалевского и Харламова большой абзац, следующим образом интерпретировав воззрения по-

[4] Государственная дума. Третий созыв. Сессия I. Заседание 50. 24 апреля 1908 г.: Стенографический отчет. СПб., 1908. Ст. 1859–1862.
[5] Там же. Ст. 1865.

следнего: «Донской депутат… воспользовался представившимся случаем, чтобы обратить внимание народных представителей на полное отсутствие у нас дошкольного воспитания и на его особенную важность в настоящее время, накануне введения всеобщего обучения…»[6].

В том же году для разъяснения положений законопроекта Ковалевский сделал публикацию в «Журнале Министерства народного просвещения», в которой снова подчеркнул, что «в законодательстве не существует статей, на основании которых можно было открывать детские сады и даже само это название совершенно отсутствует». Обычно желающие открыть детский сад преодолевали брешь в законе, «испрашивая особое разрешение» у директора народных училищ или губернатора. При наличии у этих должностных лиц «доброй воли» они обращались к документу «О частных учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» (помещенного в первой части XI тома Свода законов) и пытались «подвести детские сады под тип третьеразрядного учебного заведения». Попытки выглядели неуклюже, поскольку в тексте этого закона не имелось «хотя бы описательного» определения детского сада, он не имел действия на территории всей империи (например, в Степном генерал-губернаторстве), а его предписания приходили «в полное несоответствие» с назначением детского дошкольного учреждения. Требования: определить обязательный состав изучаемых предметов, употребление учебников и пособий, одобренных для казенных учебных заведений, проведение в конце года «испытаний», ведение делопроизводства в виде ведомостей и журналов, — были ориентированы на школу и не исполнимы для занятий с малышами[7].

Статистика свидетельствовала, что порядок открытия детских дошкольных учреждений не способствовал их распространению. По сведениям Ковалевского, в России насчитывалось около сотни частных детских садов (четверть из них в Прибалтийском крае), как правило, для «детей интеллигентных родителей» и чуть более десятка «народных» детских садов (главным признаком которых

[6] О Государственной думе // Пермская земская неделя. 1908. № 19. Ст. 5–6.

[7] Ковалевский Е.П. Учебно-воспитательные учреждения для детей дошкольного возраста («детские сады») // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. № 16. С. 205−206.

была бесплатность). Депутаты, подписавшие законопроект, считали применение закона «О частных учебных заведениях…» по отношению к детским дошкольным учреждениям «очевидным неудобством». Разрешение открывать детские сады при сибирских женских гимназиях, а также наличие такого права в уставах некоторых кружков и обществ их также мало устраивало. Необходим был особый закон: «отсутствие прочной почвы под ногами устроителей, определенных требований и отношений администрации к подобным учреждениям тормозят развитие такого полезного общественного начинания». Разработчики текста проекта пока ограничивались легитимацией детского учреждения (определения его задач и внутреннего устройства) под эгидой Министерства народного просвещения, поскольку в законе «О частных учебных заведениях…» находились «статьи почти не применимые к детским садам» и отсутствовало «многого того, что необходимо определить законом, вводя детские сады в систему народного образования»[8].

Однако больше их волновал вопрос законодательного регулирования процесса открытия детских учреждений. Существующий вариант был сопряжен с «величайшими трудностями»: нужно было испросить предварительное разрешение и предъявить свидетельство на звание домашнего учителя. В противном случае учредителей ожидало «преследование по суду». «Было бы правильнее всего предоставить каждому, кто располагает подходящим помещением и может пригласить лицо, умеющее вести классы малолетних, открывать детский сад», — уверял Ковалевский. Выдачу разрешения он рекомендовал свести к простой формальности: «вполне достаточно местному инспектору проверить по заявлении об открытии детского сада, отвечает ли он педагогическим и санитарным требованиям». При таких условиях «городские и земские учреждения могут широко воспользоваться новым правом и, идя навстречу выяснившейся потребности, открыть целый ряд детских садов при существующих начальных школах или независимо от них»[9].

Высокопоставленный министерский чиновник специально указал, что законопроект подготавливался при ближайшем уча-

[8] Там же. С. 206.
[9] Там же. С. 207.

стии заинтересованных общественный организаций: петербургского Фребелевского общества, столичных Общества устройства народных детских садов под председательством Е.П. Калачевой и Общества содействия дошкольному воспитанию детей, а также киевского Общества детских народных садов. Их члены считали детские сады «учреждением, безусловно, не только полезным, но крайне необходимым» для России, указывая на «самые неблагоприятные» условия существования ребенка в «первые годы восприимчивого детства», особенно «в простом быту, где дети растут, как трава в поле, без призора и ухода». Между тем воспитание в этом возрасте имело «решающее значение для всего остального развития личности»[10]. Ковалевский предлагал при распространении дошкольных учреждений «во всех отдельных случаях… идти навстречу частной инициативе». При существующих затруднениях с открытием детских учреждений Министерство народного просвещения стало активнее использовать альтернативное правовое средство — утверждать уставные документы общественных организаций, желающих создавать ясли, детские сады, площадки и клубы. Еще в 1908 г. был принят устав петербургского Общества устройства народных детских садов, в котором ему было предоставлено право «с разрешения подлежащей власти и соблюдением действующих узаконений открывать народные детские сады, детские столовые, приюты, ясли и тому подобные учреждения»[11]. Активно такие общества создавались в малороссийских губерниях. Там они учреждались даже в уездных городах. В 1910 г. был принят устав Общества детских садов в городе Переяславле Полтавской губернии. Ему позволялось «устраивает детские игры, учреждать и содержать с разрешения подлежащей власти детские сады, приюты и начальные школы»[12]. Подобные учреждения существовали даже для работников отдельного предприятия: в 1911 г. был принят устав общественной организации «Детский сад», в которую входили служащие, мастеровые и рабочие харьковского завода «Русского

[10] Там же. С. 201, 206.
[11] Устав Общества устройства народных детских садов в С.-Петербурге. СПб., 1908. С. 3.
[12] Устав Переяславского общества детских садов. Переяслав., 1910. С. 1.

паровозостроительного и механического общества»[13]. По мнению известного общественного деятеля Н.В. Чехова, «всего естественней» было возложить учреждение детских садов на обязанности городских управлений, но если они не пожелают, то можно привлечь частные просветительные или педагогические общества, наконец, специальные общества народных детских садов[14].

Хотя Ковалевский сетовал, что «до сих пор мысль о пользе детского сада… далека была от сознания русских — правительства и общества», подобные общественные почины возникали по всей России, в том числе и на Урале. В 1905 г. был организован семейно-педагогический кружок в Екатеринбурге, направлением работы которого стало устройство детских садов. Аналогичные цели ставило перед собой возникшее в Челябинске общество дошкольного воспитания. Часть детей посещала учрежденный им общедоступный детский сад бесплатно, остальные платили от 50 коп. до 3 руб. в месяц. В Кургане из кружка помощи голодающим в декабре 1912 г. было образовано Общество внешкольного образования, которое достаточно быстро открыло народный детский сад на 60 детей при двух садовницах. Дети «оставались в саду до сумерек, получали 3–4 раза в день горячую пищу». Из родительского кружка Перми выросла «симпатичная» организация «Светлая юность», устроившая платный детский сад «как показательное воспитательное учреждение». Однако даже заведение для детей обеспеченных родителей здесь окупало себя «с трудом», для народного же — организация «очень затруднялась изысканием материальных средств». Городское и земское самоуправление «туго поддавались новым начинаниям», были «мало знакомы с задачами и значением детских садов», и «частной инициативе» было трудно работать без материальной поддержки этих учреждений. Жители Уфы пошли другим путем, создав при Обществе народного университета секцию детского сада. Об открытии воспитательного учреждения для детей (в связке с уже действующи-

[13] Устав общества «Детский сад» служащих, мастеровых и рабочих харьковского завода Русского паровозостроительного и механического общества в городе Харькове. Харьков, 1911.

[14] Чехов Н.В. Увеличение казенных ассигновок на дошкольное воспитание в России // Дошкольное воспитание. 1912. № 1. Ст. 17–18.

ми яслями) мечтал Уральский отдел «Союза для борьбы с детской смертностью». Однако выяснилось, что «устройство образцового детского сада было бы, конечно, слишком дорого для общества». В 1907 г. Отдел вернулся к данному вопросу, однако детский сад у него так и не появился[15].

Очевидно, что деятельность общественных организаций сильно тормозил недостаток финансовых средств. Поэтому признанный лидер дошкольного воспитания — киевское Общество детских народных садов начало добиваться от Министерства народного просвещения казенных субсидий. Благодаря его усилиям в 1909 г. впервые в министерскую смету был внесен кредит в размере 24 027 рублей на «занятие с детьми дошкольного возраста»[16]. В дальнейшем ассигнования на эти нужды ежегодно увеличивались. В смете 1913 г. они составили 36 027 руб.[17] В 1912 г. киевляне предложили назначать учреждению, которое примет на себя хлопоты по устройству комплекта народного детского сада, рассчитанного на 50 питомцев (при одной руководительнице и одной помощнице), пособие в тысячу рублей. Однако даже примерная смета на содержание такого числа малышей была больше: руководительнице — 600 руб., помощнице — 360, квартира 300–480, учебные пособия и материалы — 50, прислуга и хозяйственные расходы — 100, итого 1 540 руб. Разница, по их мнению, должна была покрываться из средств самого учреждения. Для начала, считали они, было бы желательным внесение в смету по тысячу рублей на каждую губернию, чтобы в каждом губернском городе было по одному примерному народному детскому саду. Вскоре членами этого общества вместе с земскими и городскими деятелями по народному образованию был разработан «проект сети детских садов для Европейской России и Кавказа»[18].

По мнению Государственной думы, кредиты на развитие дошкольного воспитания и образования следовало увеличить, в связи

---

[15] Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 388, 394–396.

[16] К.М. Киевское общество народных детских садов как рассадник идей дошкольного воспитания. (1907–1917 г.) // Дошкольное воспитание. 1917. № 1–2. Ст. 9.

[17] В Киевском обществе народных детских садов // Там же. 1912. № 6. Ст. 380.

[18] Там же. Ст. 379–380.

с назревшими потребностями[19]. В «Записке к смете… на 1912 г.» Министерство народного просвещения вынуждено было признать, что «в настоящее время в больших центрах России, где женщины привлекаются к фабрично-заводской деятельности и таким образом должны нести двойную тягость — зарабатывать хлеб и воспитывать детей, учреждение детских садов или материнских школ представляется необходимым», но Россия сравнительно с Западной Европой «занимает… последнее место и по отношению к числу таких “садов” и их питомцев к общему количеству народонаселения и по абсолютному их числу»[20]. Однако чиновники удовлетворяли лишь неотложные нужды дошкольного образования, «отлагая широкую постановку этого дела до окончания работ по составлению особого законопроекта по вопросам внешкольного образования и рассмотрения его законодательными учреждениями»[21].

Библиографический список

Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII — начале XX в.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург, 2013.

К.М. Киевское общество народных детских садов как рассадник идей дошкольного воспитания. (1907–1917 г.) // Дошкольное воспитание. 1917. № 1–2.

Ковалевский Е.П. Учебно-воспитательные учреждения для детей дошкольного возраста («детские сады») // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Новая серия. № 16.

Р.Ш. О казенном кредите на дошкольное воспитание // Дошкольное воспитание. 1913. № 2.

Чехов Н.В. Увеличение казенных ассигновок на дошкольное воспитание в России // Дошкольное воспитание. 1912. № 1.

[19] Р.Ш. О казенном кредите на дошкольное воспитание // Дошкольное воспитание. 1913. № 2. Ст. 121.

[20] Дошкольное воспитание. 1912. № 1. Ст. 53–54.

[21] Р.Ш. Указ. соч. Ст. 121.

Golikova S.V.

Pre-revolutionary kindergartens: the emergence of legal and economic regulation

The paper considers socio-cultural context of development and adoption of the bill on kindergartens, introduced in 1908 by deputies of State Duma of Russian Empire.

Keywords: *kindergarten, lawmaking, State Duma of Russian Empire, Ministry of Education, regulations of public organizations*

Дашкевич Людмила Александровна
д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *ldash54@mail.ru*

ВКЛАД Н.А. СОКОВНИНА В РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ

УДК 94(470.5.)“18/19”

В статье анализируется вклад в развитие промышленного образования и кустарной промышленности Урала директора Красноуфимского реального училища Николая Александровича Соковнина. В 1880-е гг. Соковнин возглавлял Комитет по улучшению экономического состояния населения Красноуфимского уезда, главной задачей которого было развитие на местах мелкой промышленности. Соковнин создал при реальном училище опытно-учебную ферму и мастерскую для производства простейших сельскохозяйственных машин, а также сельскохозяйственный совет, который руководил работой агрономических смотрителей.

Ключевые слова: *Урал конца XIX в., экономика, кустарная промышленность, интеллигенция*

Среди уральской интеллигенции было немало ярких талантливых деятелей, выдвигавших проекты совершенствования различных сфер жизни общества, технического и технологического переустройства промышленности. Одним из них был Николай Александрович Соковнин. Идеи и инициатива этого энергичного человека дали начало многим направлениям культурно-просветительной и экономической деятельности местного земства и муниципальных органов власти.

Н.А. Соковнин получил образование на физико-математическом факультете Киевского университета. Служебную карьеру он начал с должности преподавателя естествознания в Николаевской гимназии. В 1870 г. Соковнина назначили инспектором народных училищ во Владимирскую губернию, а позднее — окружным инспектором в Москву. Пост окружного инспектора Н.А. Соковнин

оставил, выйдя в отставку. Он решил заняться производством и распространением учебных пособий и открыл первую в России фабрику глобусов. В 1889 г. его вновь пригласили на педагогическую службу, предложив занять пост директора Красноуфимского реального училища. В небольшом уральском уездном городе Красноуфимске Н.А. Соковнин прожил почти десять лет, с 1880 по 1889 гг.[1]

Очутившись в аграрном Красноуфимском уезде, Н.А. Соковнин увидел свою главную задачу в развитии среди крестьян сельскохозяйственных знаний. По инициативе директора в 1880 г. при Красноуфимском реальном училище была создана особая учебно-опытная ферма для обучения воспитанников сельскохозяйственного отделения практическим работам[2]. В Сборнике Пермского земства за 1884 г. приводится заметка председателя Красноуфимской земской управы И. Шевелина, в которой он обобщил сведения о работе этого учебного заведения. Шевелин пришел к выводу, что именно практика работы опытно-учебной фермы Красноуфимского реального училища привлекла внимание крестьян к проблемам усовершенствования земледелия. Он сообщил, что еще задолго до открытия фермы Красноуфимское земское собрание ассигновало в распоряжение управы 2 тыс. руб. для закупки и распространения среди крестьян сельскохозяйственных машин. На эти деньги были выписаны и проданы в крестьянские хозяйства две жатвенные машины. Вскоре, однако, машины возвратились от крестьян обратно «за неумением пользоваться». Управа вынуждена была продать их помещикам. В дальнейшем, несмотря на кредиты и убеждения земства, крестьяне машин не покупали, не видя в них никакой пользы.

Ситуация изменилась после открытия Н.А. Соковниным опытно-учебной фермы. Ферма обзавелась полной коллекцией машин и орудий по всем отраслям сельскохозяйственных операций. Учителя постарались ознакомить с ними не только воспитанников училища, но и крестьян. Например, после сбора урожая работни-

[1] Н.А. Соковнин (некролог) // Техническое образование. 1893. № 3. С. 86.

[2] Краткий отчет распространения сельскохозяйственных орудий и машин среди крестьянского населения Красноуфимского уезда // Сборник Пермского земства. 1884. № 23. С. 493.

ки фермы установили молотилки рядом с дорогой, по которой народ ездил на базар. «Любопытных зрителей обыкновенно бывало очень много, — пишет И. Шевелин, — молотьба шла безукоризненно чисто и скоро, и казалось, ферма производила благотворное и желательное впечатление»[3]. В 1881 г. крестьянам показали работу конной сеялки Эккерта и других сельскохозяйственных машин. Все это постепенно изменило отношение крестьян к машинам, они стали приобретать сеялки, пароконные плуги Ронсона, бороны Рандаля, конные грабли, кочкорезы и прочие приспособления.

В 1883 г., после доклада на очередном уездном земском собрании, Н.А. Соковнин получил из запасного земского капитала одну тысячу рублей на организацию при учебной ферме небольшой мастерской для производства простейших сельскохозяйственных машин. 1 ноября 1883 г. она открыла свою работу. Успешный опыт мастерской привлек новые инвестиции. Владельцы Сергинских заводов пожертвовали ей паровую машину, которая стала приводить в движение самоточки, долбежные и сверлильные машины. В мастерской изготавливались различные приспособления для сельскохозяйственных работ. Только в течение первого года работы там удалось изготовить и продать или временно передать в крестьянские хозяйства более сотни различных изделий (молотилок, сеялок, сенокосилок, одноконных топчаков, пароконных плугов, жатвенных машин и пр.). Председатель Красноуфимской земской управы отмечал: «Эта масса перечисленных орудий и машин, отпускавшихся нередко в долг, с рассрочкой, принесших столько пользы населению своим появлением и распространением, конечно, менее всего обязана земской тысяче рублей, а более всего той энергии, с которой взялся за это дело г. директор Красноуфимского реального училища, который в виду невозможности удовлетворить спрос, имея в руках только 1 000 рублей, вынужден был затратить в добавок не только вой ничем не вознаграждаемый труд, но и свои деньги и даже прибегнуть к любезным и обязательным кредитам заводов Тагильского и Шайтанского под личную свою ответственность»[4].

[3] Там же. С. 494.
[4] Там же. С. 498.

Опыт и знания воспитанников сельскохозяйственного отделения Красноуфимского реального училища достаточно высоко ценились. После окончания обучения они имели право продолжить образование в Петровской академии[5]. Н.А. Соковнин не ограничился совершенствованием среднего сельскохозяйственного образования. В 1884 г. он подготовил предложение об открытии при Красноуфимском реальном училище русско-башкирской низшей сельскохозяйственной школы. Школа была открыта 3 февраля 1887 г. Она состояла из приготовительного и трех основных классов. Главной задачей школы была подготовка опытных рабочих и мастеров по изготовлению земледельческих орудий и тех отраслей технических производств, которые имеют тесную связь с сельским хозяйством, таких, например, как маслоделие, сыроварение, крахмальное, паточное, мыловаренное, кожевенное производство[6].

Н.А. Соковнин был убежден в необходимости обучения крестьян основам переработки сельскохозяйственных продуктов. Об этом он не раз говорил на первом Съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Например, в прениях по докладу К.А. Энгельгардта Соковнин заметил, что познакомился с экспонатами, представленными на выставке работ учащихся технических училищ и удивился тому, что лишь несколько училищ на этой выставке представили работы по мыловарению, сыроварению, маслоделию, кожевенному искусству и гончарному делу. «Останавливая ваше внимание на этих предметах, я не могу обойти молчанием о поразившем меня на выставке, резко бросающемся в глаза, однообразии экспонатов наших ремесленных и так называемых технических училищ. Если не считать Лодзинскую и Красноуфимскую школу, то все остальные выставили произведения столяров, слесарей и чертежников, как будто у нас для переработки только и есть материала, что в дереве и железе, как будто наша промышленность только и нуждается, что в столярах да слесарях»[7].

---

[5] Программа приемных экзаменов Красноуфимского реального училища // Сборник Пермского земства. 1884. № 13. С. 251.

[6] Объявление от Красноуфимской русско-башкирской сельскохозяйственной школы // Сборник Пермского земства. 1889. № 11. С. 162.

[7] Энгельгардт К.А. Участие начальной общеобразовательной школы в деле распространения сельскохозяйственных знаний // Съезд русских деятелей по

В прениях по докладам Колюбакина и Высотского он еще раз подчеркнул, что необходимо выстраивать обучение технологии переработки сельскохозяйственных продуктов. Образцом организации подобного обучения он считал низшую сельскохозяйственную школу при Красноуфимском реальном училище, «где обучение идет рука об руку с обучением предметам сельскохозяйственной технологии, где ученики, производя все полевые работы собственноручно, в то же время делаются умелыми мыловарами, сыроварами, кожевниками, гончарами и пр.»[8].

Н.А. Соковнин был уверен, что знания о переработке сельскохозяйственных продуктов будут востребованы в крестьянской среде, они помогут развитию кустарных промыслов в деревне и, соответственно, улучшению материального положения крестьян. В прениях по докладу А.В. Дамского Соковнин рассказал об удачном опыте обучения основам технической переработки продукции животноводства в Красноуфимском училище, куда, по распоряжению губернатора Тургайской области, были прикомандированы казахские юноши из числа воспитанников Орской учительской школы. После обучения теории и практике кожевенного производства один из этих молодых людей нашел средства для создания довольно солидного завода, который мог перерабатывать до 4 000 кож в год[9].

Деятельность Н.А. Соковнина в Красноуфимске не ограничивалась служебными обязанностями. Он, как и многие представители прогрессивной интеллигенции, занимался общественной работой. В 1880-е гг. Соковнин возглавлял сельскохозяйственный совет при Красноуфимском реальном училище, на который земство возложило функцию управления работой агрономических смотрителей[10]. В литературе уже не раз отмечалась большая роль

техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды III Отделения. Сельскохозяйственное образование. СПб., 1890. С. 59.

[8] Прения по докладам гг. Колюбакина и Высотскаго // Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды III Отделения. Сельскохозяйственное образование. СПб., 1890. С. 316.

[9] Прения по докладу А.В. Дамского // Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды II Отделения. Технические и ремесленные учебные заведения. СПб., 1890. С. 317.

[10] Деятельность сельскохозяйственного совета при Красноуфимском реальном училище // Сборник Пермского земства. 1887. № 20. С. 319.

института агрономических смотрителей в развитии сельского хозяйства Урала. Результативность их деятельности, несомненно, зависела и от уровня руководства земскими агрономами. Агрономы постоянно посещали крестьянские хозяйства, вели беседы с крестьянами, демонстрировали им улучшенные земледельческие машины и сельскохозяйственные орудия. Агрономическая помощь включала также работу на опытных полях и земских фермах, которые были открыты для любого заинтересованного земледельца.

В 1887 г. Н.А. Соковнин возглавил работу Комитета по улучшению экономического состояния населения Красноуфимского уезда. Комитет был создан по решению Красноуфимского уездного земского собрания. Главной его задачей было развитие на местах мелкой промышленности[11]. Автор «Очерка пятнадцатилетней деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за период с 1894 по 1909 г.» отмечает, что Комитет по улучшению экономического состояния населения Красноуфимского уезда проводил довольно серьезную экономическую работу. Он «входил с ходатайством к различным правительственным учреждениям об облегчении способов получения кустарями сырых материалов, об открытии им кредита; также имел сношения с различными торговыми домами в Сибири о сбыте через эти дома местных кустарных изделий; кроме того устроил склад означенных изделий, вагранку для производства разного чугунного литья, в котором особенно нуждаются местные кустари, устроил передвижной музей для ознакомления кустарей с хорошими образцами изделий и т. д.»[12]. Н.А. Соковнин, впрочем, руководил деятельностью Комитета недолго. В 1889 г. он уехал из Красноуфимска, приняв приглашение возглавить Чижовские училища в Костромской губернии.

Библиографический список

Энгельгардт К.А. Участие начальной общеобразовательной школы в деле распространения сельскохозяйственных знаний // Съезд русских

[11] Деятельность сельскохозяйственного совета при Красноуфимском реальном училище. Заседания 27 сентября, 8 и 24 октября 1887 г. // Сборник Пермского земства. 1887. № 24. С. 407.

[12] Очерк пятнадцатилетней деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за период с 1894 по 1909 г. Пермь, 1909. С. 16.

деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды III Отделения. Сельскохозяйственное образование. СПб., 1890. С. 55–59.

Н.А. Соковнин (некролог) // Техническое образование. 1893. № 3. С. 86.

Очерк пятнадцатилетней деятельности кустарно-промышленного банка Пермского губернского земства за период с 1894 по 1909 г. Пермь, 1909.

Dashkevich L.A.

Contribution N.A. Sokovnina in development of industrial education and business industry in the Urals

The article analyzes the contribution to the development of industrial education and the handicraft industry of the Urals by the director of the Krasnoufimsky real school Nikolai Aleksandrovich Sokovnin. In the 1880s. Sokovnin headed the Committee for the Improvement of the Economic Status of the Population of Krasnoufimsk Uyezd, whose main task was the development of small-scale industry in the regions. Sokovnin created an experimental-training farm and a workshop for the production of the simplest agricultural machines at a real school, as well as an agricultural council, which supervised the work of agronomic caretakers.

Keywords: *Ural of the late nineteenth century, economy, handicraft industry, intelligentsia*

Еробкин Илья Евгеньевич
к.и.н., доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *erobkin-red@mail.ru*

Калугина Галина Всеволодовна
к.и.н., доцент (Екатеринбург, Россия)

Петухова Ирина Валерьевна
доцент кафедры истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *Irina_petuhova@bk.ru*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛОЖЕНИЯ И ЗАНЯТОСТИ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

УДК 94(470.5.)“18/19”

В статье затрагиваются некоторые проблемы социально-экономического положения горнозаводских рабочих, особенности формирования их социально-политического мировоззрения и специфика положения рабочих на Урале.

Ключевые слова: *развитие капитализма, горнозаводские рабочие, горнозаводская промышленность, социально-экономические требования, гулевое время*

На протяжении более чем столетия проблемы развития горнозаводского Урала, особенности положения рабочих вызывают большой интерес ученых-историков, становятся основой дискуссий и споров, темой новых и новых исследований. Истоки исследований уходят корнями в работы представителей марксистской школы, которые занимались проблемами развития капитализма в России, изучения особенностей развития регионов, в том числе горнозаводского Урала. В 1960-х гг. развернулась широкая научная дискуссия, касавшаяся вопросов развития капитализма на Урале и особенностях положения пролетариата в нашем регионе. Неравномерность капиталистического развития Урала, его отдельных горнозаводских

округов, которые начали формироваться еще во времена Петра I, концентрация рабочей силы в округах и заводских поселках и множество других явлений наложили отпечаток на особенности социального развития региона. В первую очередь, это влияло на процесс формирования, развития рабочего класса Урала и его социально-экономический и политический облик.

По мнению ряда исследователей, уральская промышленность переживала кризис, тем не менее, на рубеже веков создаются новые предприятия, такие как Надеждинский, Ново-Златоустовский, Балашевский и другие заводы, проводится техническое переоборудование старых — Камское и Богословское акционерные общества, заводы Демидова. Большое внимание уделяется железнодорожной сфере, тем самым укрепляется связь между Уралом и Центром. Самый большой отряд работников этого региона — горнозаводские рабочие. Однако в значительной мере сохранялась замкнутость и разобщенность округов, связи между отрядами рабочего класса были ограниченными. Большинство населения этого региона — коренные горнозаводские жители, проживающие в крупных поселках при заводах, например, при Златоустовском, Надеждинском, Алапаевском. Многие имели дома, огороды, сенокосы. Их связь с землей была больше и устойчивей, чем в других регионах, сохранялись поземельные отношения, которые связывали рабочих не с помещиками, а с владельцами заводов.

Остановимся несколько подробнее на вопросе о связи горнозаводских рабочих с землей. Эти отношения были свойственны для многих районов страны и представляли особую форму взаимоотношений городского рабочего с деревней и своим бывшим помещиком, где и капиталист и помещик эксплуатируют работника независимо друг от друга. На Урале заводовладелец и помещик чаще были объединены в одном лице, а для рабочего большую роль играл не столько размер надела, сколько наличие своего дома, усадебного участка, выгона. Дифференциация населения зависела и от прикрепления к тем или иным группам заводов — казенных, посессионных, частных, а также от принадлежности заводов к различным округам. В связи с этими многочисленными факторами землевладение и землепользование населения было

неоднородным. Представляется возможным выделить одну из групп рабочих, для которых земледелие было основным занятием, и, следовательно, заводские заработки не были для них основным средством к существованию. Следующая группа — это рабочие, для которых заводской труд обеспечивал основной источник доходов, но при этом связь с землей они терять не хотели. Значительный круг представляли работники, использующие земледелие и скотоводство как подсобный заработок к работе на заводе. Их связь с землей была достаточно устойчивой.

Специфику положения и борьбы горнорабочих Урала на рубеже XIX–XX вв. отражают требования разрешения аграрного вопроса. Эти требования различны по своему характеру, содержанию и форме. Это прошения, жалобы, ходатайства рабочих о выделении им земельных наделов, особенно тех работников, которые имели свое подсобное хозяйство и лошадей, необходимых для ряда заводских работ, передачи в безвозмездное пользование росчистей, просьбы об освобождении от работы с заводов на время летней страды, обращения за разрешением пользоваться сенокосными угодьями и изготавливать на заводах сельскохозяйственный инвентарь.

Интересным феноменом, характеризующим особенность положения горнозаводских рабочих на наш взгляд, является «гулевое» время. «Гулевое» время — это специфическое интереснейшее явление на горных заводах, связанное с переизбытком рабочей силы в регионе, инициированное для преодоления явной угрозы безработицы и ее последствий. Источники и средства существования горнорабочих включали в себя заводские заработки, как показывает статистика, достаточно низкие, натуральную оплату труда (продуктовые карточки) и, конечно же, урожаи с земельного надела. Но при этом, была проработана заводчиками и широко использовалась обширная система вычетов: это традиционные штрафы, повышенные цены в лавках. На снижение уровня заработной платы и положение рабочих серьезно влияло «гулевое» время. Потребности производства в рабочей силе в некоторых округах были превышены в 2–3 раза, имела место безработица (Чусовской, Режевской, Синячихинский, Сысертский заводы). Для преодоления проблемы в процесс производства включались

чередующиеся группы рабочих с цикличностью через определенное число «гулевых» дней и недель, нерабочих дней в пределах одного месяца. Нередко эта практика сокращала месячную работу до двух-трех недель, укорачивала рабочий год (например, вместо 290 официальных дней, трудились 210–230 дней в году). Владельцы заводов были заинтересованы и в том, чтобы в период между рабочими сменами и неделями рабочие не могли самостоятельно распоряжаться своим свободным временем. Эта самостоятельность противоречила интересам завода, ослабляла связь рабочих с заводом. Поэтому администрация стремилась ограничить свободу рабочего в использовании «гулевого» времени. На некоторых заводах она обязывала всех рабочих (независимо от того, была ли его очередь работать или нет) являться на раскомандировку каждое утро. Этот порядок был крайне неудобен рабочим, что вызывало их протесты. Так, мастеровые Мариинского завода жаловались на управителя П.Ф. Федорова, несправедливо распределявшего их на работы и запрещавшего отлучаться на «гулевой» неделе. Таким образом, требование возобновления или увеличения работ на заводах, жалобы на значительное количество «гулевого» времени — явление, характерное только для рабочих части заводов Урала, где практиковалась эта форма «занятости» рабочих.

Продолжительность рабочего года напрямую зависела и от сезонов. Так, в летнее время закрывались некоторые заводы, например, Алапаевский, Кыштымский и др., на 5–8 недель. Причины были разные, чаще всего летняя страда. Кроме того, особым вопросом на предприятиях была продолжительность рабочего дня: причем не только долгий рабочий день — 10–12–14 часов, но и укороченный — 4–6 часов.

Влияние кризиса начала 1900-х гг. сказалось на масштабах и на формах рабочего движения. Большинство выступлений горнорабочих носили оборонительный характер. Забастовки и конфликты — это ответ рабочих на понижение заработной платы, увеличение норм выработки и т. п. Обращает на себя внимание и то, что уральские рабочие стремились придать своим выступлениям «законный» характер. Оставляя работу, они, как правило, обращались с жалобами к горному начальству или гражданским властям. Эти

жалобы нельзя рассматривать как признаки, свидетельствующие только о слабости движения. Поскольку в борьбу включились в это время рабочие мелких заводов, уровень революционного движения несколько понизился. Однако к оборонительной тактике должны были прибегать и рабочие крупных заводов. Если требования о повышении заработной платы не расходились с требованиями рабочих центральных районов России, то по вопросу относительно рабочего времени на Урале дело обстояло гораздо сложнее. По сравнению с другими требованиями уральских рабочих, требований изменения рабочего времени было очень незначительное число.

Причем требования сокращения рабочего дня характерны главным образом для рабочих новых, крупных предприятий (Мотовилиха, Златоуст) и части старых заводов, где рабочий день превышал 8 час. Так, рабочие Невьянского, Ревдинского, Шайтанского, Кусинского заводов работали более 9–10 часов в смену. На этих заводах рабочие выдвигали требование сокращения рабочего дня до 8 часов. С этими требованиями в 1897 г. выступили рабочие Златоустовского, в 1901 г. — Пермских пушечных и Кусинского заводов, в 1903 г. — Юрезанского завода. Но на большинстве заводов Урала рабочие или совсем не выдвигали требования сокращения рабочего времени, или даже жаловались на незначительную продолжительность рабочих смен.

Низкий уровень заработной платы, недостаток работ и организация труда, продолжительность рабочего дня были основными причинами стачечного движения горнозаводских рабочих. Лозунги изменить эту ситуацию дополнялись требованиями решения аграрного вопроса. Центрами рабочего движения на Урале чаще всего были не города, а заводские поселки и горнозаводские округа, истоки движение берет в цехах и на заводах, становясь более организованным на крупных предприятиях. Выступления имеют различные формы — это не только волнения и забастовки, но и маевки, демонстрации, стачки протеста и солидарности. Многие конфликты происходили без остановки работ, подавались коллективные прошения и требования местному начальству и в высшие государственные инстанции; велись многолетние тяжбы рабочих с заводоуправлениями.

Библиографический список

Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256.

Буранов Ю.А. Хозяйственно-экономическое положение Богословского горного округа в конце XIX — начале XX вв. (1895–1906) // Ученые записки УрГУ. Сер.: Историческая. 1966. № 59. С. 135–148.

Железкин В.Г. Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1991. С. 109–125.

Запарий В.В. Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2001.

Калугина Г.В. Условия труда рабочих горнозаводской промышленности Урала конца XIX — начала XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1990.

Коробков Ю.Д. Отношения уральских рабочих к власти в конце XIX — начале XX вв. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 386–396.

Сапоговская Л.В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX — начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34.

Yerobkin I.E., Kalugina G.V., Petuhova I.V.

Some aspects of the situation and employment of mining workers in the Urals at the turn of the 19–20th centuries

The article touches upon some problems of the socio-economic situation of the mining workers, the specific features of the formation of their socio-political outlook and the specific situation of workers in the Urals.

Keywords: *development of capitalism, mining workers, mining industry, social and economic requirements, gulley time*

Зубков Константин Иванович
к.и.н., заведующий сектором методологии и историографии,
Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *zubkov.konstantin@gmail.com*

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКИЙ ПРОТОТИП УРАЛО-КУЗНЕЦКОГО ПРОЕКТА

УДК 94(470.5.)“17/19”

В статье рассматриваются обстоятельства и последствия создания на юге России в 1870-х–1880-х гг. первого в истории угольно-металлургического «комбината», базирующегося на соединении донецких углей и криворожских железных руд посредством «маятниковых» перевозок по Екатерининской железной дороге. Реализованный по инициативе российских и французских предпринимателей, Донецко-Криворожский проект отразил передовые для своего времени идеи новой пространственной организации индустриальной экономики и ее базисной отрасли — черной металлургии.

Ключевые слова: *Россия, Франция, черная металлургия, каменный уголь, железная руда, железная дорога, Донбасс, Кривой Рог*

На протяжении периода второй промышленной революции для индустриального развития ведущих мировых держав были характерны не только крупные технико-технологические сдвиги, но и кардинальные изменения в существующих моделях размещения производства. Решающим фактором этих изменений явилась транспортная «революция», связанная с развитием магистрального железнодорожного транспорта.

В предшествующий период размещение определяющих базис индустриальной экономики отраслей тяжелой промышленности (прежде всего, предприятий черной металлургии) определяли редко встречающиеся естественные комбинации богатых залежей железных руд и запасов металлургического топлива, сосредоточенных в одном месте[1]. Именно с таким благоприятным сочетанием

[1] Татарченко Дм.М. Металлургия чугуна, железа и стали в общедоступном изложении. М.; Л., 1932. С. 279.

основных факторов металлургического производства — богатых железных руд, запасов водной силы и древесного топлива — была связана лидирующая роль Урала в XVIII в. в мировой выплавке чугуна и производстве железа. Затем мировое лидерство переходит к Англии, впервые широко использовавшей в черной металлургии комбинацию железной руды с коксующимся каменным углем. На подобной основе — в отдельно взятых, изолированных очагах сосредоточения ресурсов — развились затем металлургические центры в Германии, Бельгии, США.

Железнодорожный транспорт, преодолевая зависимость сообщений от погодно-климатических факторов (как это наблюдалось, например, при сезонных речных сообщениях или примитивных гужевых перевозках), впервые создал условия для регулярных и массовых перевозок на дальние расстояния — причем не только готовых товаров, традиционно образующих движение торговли, но и грузов, составляющих отдельные слагаемые процесса производства (сырье, топливо, орудия производства и т. п.). Иначе говоря, регулярный, много выигрывающий в смысле надежности сообщений транспорт все больше начинает играть роль технологического средства комбинирования производства в крупных пространственных масштабах, превращается в нечто вроде «транспортной промышленности», а не просто вспомогательного средства обращения. Становясь одним из значимых факторов организации производства, а, следовательно, экономической функцией, зависимой от калькуляции затрат и результатов, транспорт, с одной стороны, подчиняется в своем развитии общему пределу рентабельности данного типа производства, а с другой, — заставляет осуществлять выбор наиболее экономичных, оптимальных пространственных схем соединения производственных факторов. Достигаемая этим пространственная мобильность факторов производства, безусловно, усложняет задачу оптимизации затрат, но в то же время создает условия, при которых экономический выигрыш, связанный с расширением ареалов промышленного производства, возможностью организации крупных производств со значительной экономией масштаба, может существенно перекрывать дополнительные затраты на транспорт. При этом значительным фактором их снижения становится эффек-

тивность использования транспорта за счет его магистрализации и концентрации грузооборота. В черной металлургии, в частности, это достигается наилучшим образом при организации «маятниковых», перекрестных перевозок железной руды и угля, что позволяет организовать полный цикл металлургического производства сразу, как минимум, на двух разделенных расстояниями площадках.

Наиболее крупным известным в истории индустриально-транспортным проектом такого рода, как известно, стал Урало-Кузнецкий проект, реализованный в СССР в годы первых пятилеток. Борьба вокруг этого проекта и, в частности, оппозиция ему со стороны украинских экономистов во главе с Я.Б. Диманштейном, настаивавших на инерционном характере базисных условий формирования «оптимальных» металлургических районов, заслонила собой тот факт, что к «феерическому расцвету промышленности Донбасса»[2] и формированию Приднепровско-Донецкого угольно-металлургического комплекса в свое время как раз привели новации, которые так же, как и в случае Урало-Кузнецкого проекта, отводили транспортной составляющей решающую роль. В отечественной исторической литературе, посвященной Урало-Кузбассу, не обращалось внимания на то, что первый в истории проект по организации «маятниковых» транспортных перевозок железной руды и каменного угля был реализован на Юге России в 1880-х гг. совместными усилиями российских и французских предпринимателей при поддержке царского правительства. Известный же историк экономики Р. Кэмерон называет реализованный проект железнодорожного соединения богатых железорудных месторождений Кривого Рога с коксующимися углями Донбасса решающим событием в становлении металлургии Юга России и важной вехой в индустриальной истории мира. Он не без оснований считает его прямым прототипом позднейшего Урало-Кузнецкого проекта[3].

У истоков реализации Донецко-Криворожского проекта стояли два неординарных, энергичных человека — российский земско-

[2] Диманштейн Я.Б. О районировании металлургического производства СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 247, 256–257.

[3] Cameron R.E. A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York, 1993. P. 269; Idem. France and the Economic Development of Europe, 1800–1914. London; New York, 2000. P. 96–97.

общественный деятель и предприниматель, археолог-любитель, меценат, состоятельный помещик Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, статский советник Александр Николаевич Поль (1832–1890) и французский финансист, предприниматель и государственный деятель Полен Франсуа Талябо (1788–1885). А.Н. Полю, с именем которого связано возникновение и развитие горнодобывающей и горнозаводской промышленности в Екатеринославской губернии, принадлежит главная заслуга если не в открытии криворожских железных руд (сведения о них известны с конца XVIII в.), то в доведении результатов геологических исследований до стадии промышленной эксплуатации[4]. Обнаружив в 1866 г., во время одной из экскурсий по родному краю, признаки богатых рудных залежей, Поль настойчиво приглашал геологов и специалистов по горному делу к проведению более детального изучения месторождений. Хотя большинство из них (включая известного горного инженера проф. Н.П. Барбот-де-Марни) дали малоблагоприятные отзывы о запасах и качестве руд, Поль, не теряя оптимизма, упорно стремился привлечь внимание правительства и частного капитала к идее разработки рудных залежей Криворожья. Затратив на упорную борьбу за индустриальное будущее своего края большую часть личного состояния и массу труда и энергии, Поль в поисках капитала, необходимого для разработки рудных месторождений и постройки железной дороги к Донбассу, предпринял смелый шаг — обратился в 1880 г. за содействием к французским банкирам[5].

Проект А.Н. Поля привлек внимание П.Ф. Талябо, предприимчивого промышленника и финансиста, который проявлял неподдельный интерес к передовым для своего времени идеям. Выпускник парижской Политехнической школы, инженер-путеец по образованию, Талябо до 1830 г. был занят на государственной службе, а в дальнейшем, являясь большим энтузиастом железнодорожного дела, занимался развитием сети железных дорог на юго-востоке Франции и организацией добычи каменного угля в департаменте Гар. Одной из вершин его

[4] А.Н. Поль (Некролог) // Горный журнал. 1890. Т. 4. № 10. С. 161–162.

[5] Ден В.Э. Каменноугольная и железоделательная промышленность. СПб., 1907. С. 123–124.

карьеры был пост генерального директора компании железной дороги Париж — Лион — Марсель[6], который принес ему славу железнодорожного «короля». Одновременно Талябо принял активное участие в создании — при содействии парижских Ротшильдов — банка Сосьете Женераль в 1864 г. и являлся одним из главных акционеров созданного А. Жерменом в 1863 г. банка Креди Лионнэ. Именно под влиянием Талябо оба финансовых учреждения начинали свою деятельность как инвестиционные банки, хотя, как показали дальнейшие события, все индустриальные проекты, в которых Талябо использовал финансовые ресурсы банков (позднее преобразованных в коммерческие), окупались с большим трудом и лишь через длительное время[7].

П.Ф. Талябо относился к числу тех, по словам Ф. Энгельса, «всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца»[8]. Он одним из первых понял необходимость перехода промышленности Франции и других европейских стран на высококачественное привозное сырье и, как следствие, на новую пространственную организацию производства, в которой транспорту должна была принадлежать решающая роль. Именно это определило интерес Талябо к разработкам богатых железных руд Алжира и вопросам организации их доставки во Францию. В 1865 г. он занял пост генерального директора созданной им «Компании магнитной железной руды Мокта-эль-Хадид» и в короткие сроки организовал транспортировку руды (с содержанием железа около 70 %) в Европу. С этой целью Талябо принял деятельное участие в модернизации грузовых доков в порту Марселя, распорядился проложить 20-мильную железную дорогу от рудника Ализи Мокра до алжирского порта Бона. В замыслы Талябо входило создание на юге Франции на базе подконтрольного

[6] Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains, contenant toutes les personnes notables de la France et des pays etrangers. Paris, 1870. Vol. 2. P. 1722.

[7] Kleeberg J.M. The Disconto-Gesellschaft and German Industrialization: A Critical Examination of the Career of a German Universal Bank. 1851–1914: PhD Diss. Oxford, 1988. P. 88–89.

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 308.

ему «Общества металлургических заводов и портовых складов Средиземноморья» нового крупного центра черной металлургии, использующего коксующиеся угли департамента Гар и привозную алжирскую руду. Однако, оппозиция со стороны крупнейших французских металлургических магнатов, владельцев заводов в Ле Крезо Шнейдеров не дала развернуться этому проекту, но Талябо удалось в результате переговоров достичь компромиссного результата — переключить металлургическую «империю» Шнейдеров на потребление алжирской руды с большой выгодой для обеих договаривающихся сторон[9]. Уже к 1872 г. «Мокта-эль-Хадид» ежегодно добывала и отправляла во Францию и другие страны Западной Европы более 330 тыс. т железной руды. Талябо стремился не только создать надежный железнодорожно-морской «мост» для масштабной доставки алжирской железной руды во Францию, но и предпринимал попытки организовать плавку руды на месте ее добычи. Из-за недостатка на месте древесного топлива такие опыты были начаты с использованием каменного угля, который пароходы в виде балласта доставляли из Марселя[10].

В предложении А.Н. Поля проницательный П.Ф. Талябо увидел возможность полноценной реализации схемы перекрестных перевозок железной руды и угля, что при правильной организации дела сулило солидную прибыльность всему проекту. Первыми крупными металлургическими предприятиями в Донбассе стали завод основанного в конце 1860-х гг. англичанином Джоном Юзом «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» (произвел первую успешную плавку чугуна в январе 1872 г.) и возникший примерно в это же время Сулинский завод Д.А. Пастухова. Однако на Юзовском заводе, вынужденном использовать бедную местную руду, поддерживать производство удавалось только благодаря энергии и предприимчивости Дж. Юза, а Сулинский завод, поставленный в похожую ситуацию, вплоть до 1887 г. работал с большими перерывами.[11] Отсутствие на месте достаточных запасов железной руды стало

[9] Ernouf A.-A. Paulin Talabot, sa vie et son oeuvre (1799–1885). P., 1885. P. 184, 190.
[10] Форбс Г.Д. Об успехах железной и стальной промышленности в иностранных государствах // Горный журнал. 1873. Т. 4. № 11. С. 281.
[11] Ден В.Э. Указ. соч. С. 122, 123.

основным лимитирующим фактором, сдерживавшим рост южнорусской металлургии, и Талябо увидел в разработках железных руд Криворожья то решающее звено, включив которое в общую схему производственных связей можно было радикально изменить эту ситуацию.

В январе 1881 г. в Париже было подписано соглашение о создании «Анонимного общества Криворожских железных рудников» с капиталом в 5 млн франков. В том же году Талябо послал на юг России для обследования будущего поля деятельности своего доверенного сотрудника, опытного горного инженера Жана-Адольфа-Альфонса Паррана (1826–1903), который с 1864 г. являлся главным руководителем горных работ на алжирских рудниках. Парран оценил криворожскую железную руду как достаточно богатую, но одновременно указал на транспортную недоступность месторождений как на главное препятствие для рентабельной работы рудников. Криворожские месторождения находились в 50 км от ближайшей железнодорожной станции (ст. Казанка Николаевской железной дороги), а от Донецкого угольного бассейна их отделяли около 500 км[12]. Используя технико-технологический опыт разработки алжирских рудников, Криворожское общество под руководством Паррана развернуло работы по строительству рудников и добыче железной руды. Деятельность общества тормозилась некоторыми рассогласованиями между акционерами, в частности, нерешенностью вопроса о земельном отводе. Владельческие права А.Н. Поля, составившие его акционерный пай, оказались на поверку юридически не бесспорными и потребовали дополнительных урегулирований. Однако, несмотря на трудности, в 1884–1885 гг. обществом были добыты первые 28 тыс. т руды, из которых 11 500 были отправлены на донецкие заводы (в основном гужевым транспортом)[13].

Одновременно, с самого начала развертывания горных работ, акционеры стали настойчиво ходатайствовать перед русским правительством о скорейшей постройке железной дороги от

[12] Aguillon L.C.M. Notice sur M.A. Parran ingenieur en chef des mines // Annales des mines. 1904. 10 série, vol. 5. P. 243–244.
[13] Ibid. P. 245.

Криворожского месторождения в направлении Донбасса. В начале 1881 г. было принято решение о начале строительства Криворожской железной дороги на средства казны под непосредственным руководством министра путей сообщения. Несмотря на многочисленные затруднения с организацией подрядных работ, эта дорога длиной 471 км была открыта для движения уже в мае 1884 г. В 1882 г. Криворожская железная дорога была официально переименована в Екатерининскую — в честь Екатерины II, в правление которой состоялось присоединение к России Новороссийского края. Благодаря стремительному росту грузооборота, Екатерининская магистраль стала одной из самых доходных железных дорог в России: через 5 лет после ее открытия ее годовая доходность превысила 2 млн руб. и в дальнейшем устойчиво росла[14].

Екатерининская железная дорога, обеспечив транспорт криворожской железной руды и донецкого угля в обоих направлениях, произвела настоящий переворот в условиях развития черной металлургии на Юге России. После ее открытия для регулярного движения металлургические заводы стали возводиться там и наращивать производство необычайно быстрыми темпами. Производство чугуна на криворожской руде и донецком угле увеличилось с 33 тыс. т в 1884 г. до 1,36 млн т в 1899 г., вдвое превысив количество чугуна, производимого на Урале. Производство же криворожской железной руды достигло к 1913 г. 6,5 млн т[15]. Именно благодаря организации железнодорожного производственного «маятника», закрепилось и стало бесспорным лидерство Юга в российской черной металлургии. Эти позитивные тенденции, прежде всего, отразились на деятельности самого «Анонимного общества Криворожских железных рудников». Помимо снабжения рудой многочисленных потребителей, общество приобрело собственные угольные копи в Донбассе, а в 1892 г. построило первую домну основанного вблизи Кривого

[14] Тестов В.Н. Важнейшие проблемы строительства и эксплуатации Екатерининской железной дороги в 80-х–90-х гг. XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2009. № 1. С. 72, 74, 75.

[15] Cameron R.E. France and the Economic Development of Europe… P. 97.

Рога Гданцевского завода, где переплавлялись более бедные руды (с содержанием железа ниже 50 %), не окупающие стоимости их перевозки в другие места[16]. В 1893–1894 гг. на заводе была возведена вторая домна, а в 1897–1898 гг. — третья. В 1900 г. собственное производство Криворожского общества составило 473 тыс. т железной руды, 47 тыс. т чугуна и 145 тыс. т каменного угля[17]. Предпринимательская инициатива Поля и Талябо, однако, не свелась к созданию прибыльного предприятия, обеспечивавшего рост доходов акционеров. Она, по существу, преследуя частные интересы, выполнила и важнейшую общественную функцию, создав современную инфраструктуру для быстрого подъема целой ведущей отрасли производства. Это, действительно, был первый пример создания межрегионального угольно-металлургического комбината, хотя и уступавшего по масштабам позднейшему Урало-Кузбассу.

В этой связи необходимо отметить, что исторические условия, сделавшие жизненной идею Урало-Кузнецкого комбината, нельзя связывать только с переходом к такой институциональной новации, как централизованное государственное планирование. Новые ориентиры развития не обязательно предполагали полный переход управления экономикой в руки государства. Во-первых, стратегическая важность ряда базисных индустриальных производств уже в дореволюционное время обусловливала усиление регулирующей роли государства в организации обслуживающего их транспорта. Так, быстрый рост грузовых перевозок (на 6–7 % в год) в период перед Первой мировой войной вызвал к жизни такую правительственную меру, как учреждение порайонных комитетов по регулированию перевозок на казенных железных дорогах (1906). Что характерно, твердые помесячные планы перевозок, предусмотренные этой мерой, внедрить повсеместно не удалось, но они неукоснительно соблюдались при транспортировке угольных и горнозаводских грузов из Донбасса и Криворожья и нефти из Баку[18]. Во-вторых, возникшее на рубеже XIX–XX вв.

---

[16] Ден В.Э. Указ. соч. С. 124.
[17] Aguillon L.C.M. Op. cit. P. 246.
[18] Васильев Н.Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 188.

осознание необходимости прогрессивной перестройки металлургического производства на Урале за счет использования ресурсов коксующегося угля Кузбасса и Экибастуза, как и активизация строительства подъездных железных дорог к Транссибу в связи с ростом угледобычи в Кузбассе, свидетельствовали о высокой степени координации экономической деятельности между Уралом и Западной Сибирью даже на уровне долгосрочных интересов крупного корпоративного капитала. В обстоятельном исследовании Е.Ю. Рукосуева в качестве формы такой координации и перспективного проектирования раскрыта роль представительных организаций крупного капитала — Съездов горнопромышленников Урала. В повестке съездов в начале XX в. (особенно XVII съезда, прошедшего в марте 1912 г.) вопросы транспортно-экономических связей Урала с Экибастузом и Кузнецким бассейном посредством железных дорог (Южно-Сибирская магистраль) и водной системы Обского бассейна занимали важнейшее место[19]. В этом же направлении развивались и практические начинания. Добыча угля в Кузбассе за 1900–1913 гг. выросла в 9,5 раз, составив в 1913 г. 774 тыс. т. С организацией в 1912 г. «Акционерного общества кузнецких каменноугольных копей» («Копикуз») началась прокладка ширококолейной железнодорожной линии от ст. Юрга до Кольчугина (ныне Ленинск-Кузнецкий) для вывоза угля и кокса на трассу Транссиба и дальнейшего их сбыта на заводы Среднего Урала. Примечательно, что отдельные угольные участки в Кузбассе приобретались в этот период крупнейшими уральскими заводоуправлениями (Богословским, Алапаевским, Верх-Исетским). В военном 1916 г. заводами и железными дорогами Урала уже было потреблено почти 87 млн пудов сибирского угля[20]. В этом отношении в решении критических проблем развития металлургического производства на предреволюционном Урале намечались те же тенденции, что и на Юге России.

---

[19] Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015. С. 210–212, 218, 228.

[20] Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 38–39.

Библиографический список

А.Н. Поль (Некролог) // Горный журнал. 1890. Т. 4. № 10. С. 161–162.

Васильев Н.Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939.

Ден В.Э. Каменноугольная и железоделательная промышленность: Из курса Экономической географии, читанного в Санкт-Петербургском политехническом институте. СПб., 1907.

Диманштейн Я. О районировании металлургического производства СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 247–261.

Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002.

Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015.

Татарченко Дм.М. Металлургия чугуна, железа и стали в общедоступном изложении. М.; Л., 1932.

Тестов В.Н. Важнейшие проблемы строительства и эксплуатации Екатерининской железной дороги в 80-х–90-х гг. XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2009. № 1. С. 71–78.

Форбс Г.Д. Об успехах железной и стальной промышленности в иностранных государствах // Горный журнал. 1873. Т. 4. № 11. С. 281–312.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20. С. 1–338.

Aguillon L.Ch.M. Notice sur M. A. Parran ingenieur en chef des mines // Annales des mines ou recueil de mémoires sur l’exploitation des mines et sur les sciences et les arts qui s’y rattachent. 1904. 10 série, vol. 5. P. 220–259.

Cameron R.E. A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York, 1993.

Cameron R.E. France and the Economic Development of Europe, 1800–1914. London; New York, 2000.

Ernouf A.-A. Paulin Talabot, sa vie et son oeuvre (1799–1885). Paris, 1885.

Kleeberg J.M. The Disconto-Gesellschaft and German Industrialization: A Critical Examination of the Career of a German Universal Bank. 1851–1914: PhD Dissertation. Oxford, 1988. URL: https://books.google.ru/books?id=N-QgGAHGMdCQC (accessed: 19.02.2018).

Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains, contenant toutes les personnes notables de la France et des pays etrangers. Paris, 1870. Vol. 2.

Zubkov K.I.

Donetsko-Krivorozh prototype of Ural-Kuznetsk project

The article considers the circumstances and consequences of creation in Russia's South in the 1870s–1880s of the first in the world history coal-metallurgical "combine" based on the junction of the Donetsk coal and Krivoy Rog iron ores by means of cross-haul transportation by the Catherine railway. Realized on the initiative of the Russian and French entrepreneurs, the Donetsk — Krivoy Rog project has reflected the advanced ideas of a new spatial organization for the industrial economy and its basic industry — ferrous metals production.

Keywords: *Russia, France, ferrous metallurgy, coal, iron ore, railway, project, Donbass, Krivoy Rog*

Микитюк Владимир Петрович
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *vmikitjuk@mail.ru*

РОЛЬ ЕКАТЕРИНБУРГСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ САЛОТОПЕННОЙ ОТРАСЛИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX в.)

УДК 94(470.5.)“17/19”

Статья посвящена изучению вклада екатеринбургских предпринимателей в развитие салотопенной промышленности Пермской губернии в конце XVIII — начале XX в., проанализированы факторы, вызвавшие интерес предпринимателей к производству сала и торговле им.

Ключевые слова: *предпринимательство, салотопенные заводы, сало, полуфабрикат, Екатеринбург, Пермская губерния*

История возникновения салотопенного производства в Екатеринбурге, равно как и во всей губернии, окутана дымкой таинственности. Х. Мозель, автор капитального труда о Пермской губернии, появившегося в 1864 г., о времени рождения отрасли высказался так: «Салотопенное производство существует в Пермской губернии... с давних пор, но, когда ему положено начало, неизвестно»[1].

В трудах дореволюционных авторах есть и более конкретные сведения. Автор «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н.С. Попов утверждал, что временем основания первой салотопни в Екатеринбурге был 1776 г. Он же перечислил наиболее крупные салотопни и их владельцев: «1. На заводе купца Резанова вытапливается сала на 122 000 руб. и более. 2. У купцов Казанцовых вытапливается сала и продается вместе с прикупаемым на 76 000 руб. 3. В заводе купца Толстикова на 75 000 руб. 4. У купцов Гилевых на салотопенном и кожевенном заводе вырабатывается всех товаров

[1] Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2. С. 150.

на 60 000. 5. У купцов Коробковых на 75 000. 6. На заводе купца Кумова на 20 000»[2].

Несколько иное время зарождения салотопенного дела в Екатеринбурге назвал казанский профессор К.Ф. Фукс, по мнению которого, это произошло около 1770 г. В принципе, расхождение данных Попова и Фукса не слишком значительное. Гораздо интереснее их расхождение в другом вопросе. Попов предпосылками зарождения салотопенного дела в Екатеринбурге в частности, и в Пермской губернии в целом, считал успешное развитие скотоводства, растущий спрос на изделия салотопен со стороны горнозаводского комплекса и городского населения, наличие у предпринимателей Екатеринбурга немалых капиталов и деловой хватки.

Фукс не отрицал этих факторов, но полагал, что инициатива появления салотопен в Екатеринбурге принадлежит управителю Златоустовских заводов Федоту Ахматову, который, видя тенденцию повышения спроса на сало, возымел намерение поставить под свой контроль его сбыт, не желая при этом лично заниматься салотопенным делом. Фукс писал, что Ахматов, «...желая весь прибыток, получаемый от продажи сала, присвоить себе, всячески старался подкрепить трудолюбивый дух екатеринбургских граждан, не токмо заблаговременной покупкой, но и выдачей им денег вперед»[3]. Таким образом, Ахматов обеспечил екатеринбуржцев кредитом, а также гарантировал салотопенным заводчикам, прозванным в народе «сальниками», сбыт их продукции. В сущности, подобный подход действительно мог стимулировать екатеринбуржцев к сооружению салотопенных заводов.

Но, скорее всего, действия Ахматова являются лишь одним из факторов, повлиявшим на зарождение салотопенной промышленности. Возможно, что на протяжении незначительного отрезка времени он мог играть роль главного скупщика сала, но продолжаться долго это не могло из-за быстрого увеличения спроса на этот товар, следствием чего стал рост объема производства у екатеринбургских

[2] Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. СПб., 1813. Ч. 3. С. 260.

[3] Фукс К.Ф. Нечто о торговле города Екатеринбурга // Казанский вестник. 1824. Ч. 10. Кн. 1. С. 88.

«сальников» и повышение привлекательности салотопенного дела в глазах других предпринимателей. По сведениям того же К. Фукса, если в первое время салотопни Екатеринбурга вместе производили не так уж много продукции (в 1785 г. было приготовлено до 25 тыс. пуд сала), то уже спустя четыре-пять лет годовой объем производства на этих предприятиях возрос до 60 тыс. пуд. Фукс признавал, что рост объема производства был обусловлен появлением новых покупателей сала, в т. ч. из числа московского купечества[4].

Исследования современных историков, изучающих деятельность екатеринбургских предпринимателей, дают возможность для корректировки сведений дореволюционных авторов. Это касается и времени зарождения салотопенной отрасли, и места возникновения салотопен. По данным В.И. Байдина, еще в 1763 г. Антипа и Родион Прокопьевичи Казанцевы получили от канцелярии главного начальника заводов отвод в размере 56 десятин земли для постройки кожевенных, салотопенных и мыловаренных заведений. Салотопня была построена близ Екатеринбурга, в д. Шарташ: к концу XVIII в. она принадлежала наследникам Р.П. Казанцева[5]. Появились в этой деревне и другие салотопни. Одна из них принадлежала Меркурию Степановичу Рязанову[6].

Исходя из этих сведений, можно сделать вывод, что уже в 1760-е гг. в окрестностях Екатеринбурга началось сооружение салотопен. Инициатива их постройки исходила от предпринимателей, проживавших в деревнях Шарташ и Становая и игравших заметную роль в торговле скотом. К концу XVIII в. наиболее зажиточные деревенские жители перебрались в Екатеринбург.

Таким образом, небольшая группа екатеринбургских предпринимателей (Гилевы, Казанцевы, Коробковы, Кумовы, Рязановы, Толстиковы) смогла внести важный вклад в зарождение салотопенной отрасли в Пермской губернии. На первых порах эта группа играла решающую роль в ее развитии. Екатеринбургские «сальники» первыми отладили процесс закупки скота и его доставки к

---

[4] Там же.

[5] Байдин В.И. Иван Родионович Казанцев // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 53.

[6] Корепанов Н.С. Меркурий Степанович Рязанов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга. С. 44.

заводам, они же разработали механизм сбыта готовой продукции. Сначала «сальники» покупали скот (быков и баранов) у местных жителей и на границе с современным Казахстаном. С увеличением объема производства нарастала и закупка скота, в основном у казахских скотоводов. Скот приобретался как у непосредственных продавцов, так и у перекупщиков. Схожим образом менялась ситуация и в сфере сбыта готовой продукции. Если на первых порах преобладали местные покупатели, прежде всего, городское население и горнозаводские предприятия, то в дальнейшем росло число покупателей из других регионов России, а также из-за границы, прежде всего из Великобритании. Последнее обстоятельство было одним из главных факторов, стимулировавших развитие салотопенного дела.

Екатеринбургские «сальники» сыграли важную роль и в выборе типа салотопенного заведения и технологии обработки сала-сырца. Стоит отметить, что «велосипеда» они не изобретали, соорудив свои заведения по типу тех, которые имелись в других регионах. При этом они использовали технологию «мокрого салотопления», т. е. топления сала с водой, апробированную на многих других предприятиях.

Салотопенные заведения имели относительно простое устройство, не менявшееся в течение длительного времени. Чаще всего они размещались в деревянных помещениях, лишь «сальники» из Екатеринбурга и Кунгура пошли на сооружение каменных заводских зданий. В помещении возводилось определенное количество печей, в которые встраивались чугунные и железные котлы, закрываемые деревянными колпаками. Кроме того, на салотопнях в обязательном порядке устраивались холодильники, из которых застывшее сало перекладывалось в бочки. В качестве основных инструментов использовались металлические ковши, деревянные весла и лопаты. Как правило, салотопни отличались друг от друга лишь количеством печей с котлами. Как заметил Х. Мозель, «...достаточно описать один завод, чтобы дать полное понятие обо всех»[7].

Какое-то время екатеринбургским «сальникам» удавалось удерживать лидирующие позиции в салотопенной отрасли Пермской губернии. В 1819 г. в губернии насчитывалось девять

[7] Мозель Х. Указ. соч. С. 151.

салотопенных заведений, причем восемь из них находились в Екатеринбурге, а одно в Перми[8]. Однако, успехи в области скотоводства, быстрый рост спроса на сало и относительно небольшие затраты на устройство салотопен стали причиной того, что у екатеринбуржцев начали появляться серьезные конкуренты.

В 1828 г. в Пермской губернии действовало десять салотопенных заводов. Одно предприятие имелось в Кунгуре, три завода располагались в Шадринске, остальные шесть салотопен дислоцировались в Екатеринбурге. В этот период екатеринбургские салотопни не отличались ни большим объемом производства, ни значительной концентрацией рабочей силы. На каждой салотопне имелось по два-три вольнонаемных работника. Самые крупные заводы купца Семена Черепанова и мещанки Федосьи Коробковой производили по 20 тыс. пуд сала каждый. Остальные салотопни были крайне маломощными. Так, завод купца Назара Скорнякова выдавал 1 500 пуд сала, салотопня купца Парфена Коурова — 1 000 пуд, мещанин Иван Потапов производил 800 пуд, а завод мещанина Ивана Козьмина изготавливал лишь 100 пуд сала. Иными словами, к 1828 г. екатеринбургские «сальники» по объему производства занимали очень скромное место в салотопенной отрасли Пермской губернии. Десять салотопен совокупно производили 200,4 тыс. пуд сала, из которых на долю екатеринбургских заводов приходилось 43,4 тыс. пуд, т. е. менее четверти. Отрыв от лидера по этому показателю также был большим: завод шадринского купца Ф.И. Фетисова производил более 100 тыс. пуд сала, т. е. больше, чем все екатеринбургские салотопни вместе взятые[9].

Развитие салотопенной отрасли в Пермской губернии было подвержено сильным колебаниям. Причинами серьезного снижения объема производства нередко становились суровый климат, вызывавший падеж скота, частые эпизоотии, обмеление рек и другие явления, затруднявшие судоходство, появление новых российских или заграничных конкурентов, снижение спроса на

[8] Шилов А.В. Купеческий капитал в обрабатывающей промышленности Пермской губернии в первой половине XIX в. // Грибушинские чтения–2009. Музей в пространстве и времени. Кунгур, 2009. С. 97.

[9] Состояние фабрик и заводов в Пермской губернии в 1828 году // Журнал мануфактур и торговли. 1830. № 8. С. 79–80.

сало в Англии и т. д. На состоянии отрасли непосредственно в Екатеринбурге сказывалась и диверсификация торгово-промышленной деятельности многих местных предпринимателей. Уже в конце 1820-х гг. екатеринбуржцы начали проявлять интерес к золотодобыче. Увлекшись поиском и разработкой месторождений золота, многие предприниматели отказались и от торговых операций, и от эксплуатации разных предприятий, в т. ч. салотопен.

Впрочем, со временем екатеринбургские предприниматели пересмотрели свое отношение к салотопенному делу и ряду смежных отраслей, в т. ч. свечной и мыловаренной. В основе такого поворота и провалы в сфере добычи золота, и периодический подъем спроса на сало, и появление в Екатеринбурге новых предпринимателей, делавших ставку на торговлю скотом, салом-сырцом и топленым салом, салотопенное, свечное и другие производства. В конце первой половине XIX в. в Екатеринбурге появились арзамасские купцы Подсосовы и Фадеевы, ростовские купцы Плешановы, петербургские предприниматели Губбарды, отставной гвардии поручик Д.А. Арсеньев и другие.

Готовая продукция салотопен (топленое масло) одновременно являлась полуфабрикатом для мыловаренных и свечных заводов, использовавших сало для изготовления сальных и стеариновых свеч. Ряд новых предпринимателей намеревался заняться переработкой изделий местных салотопенных заводов, полагая, что это более прибыльное дело.

В 1844 г. желание построить завод для производства стеариновых свеч «по коммерческим соображениям» высказал Д.А. Арсеньев, но его ходатайство было отклонено министром финансов Е.Ф. Канкриным, который не хотел появления в Екатеринбурге заведения, основанного «на огненном действии». Позиция министра крайне удивила отставного поручика, не преминувшего указать, что в городе уже есть 20 заводов (и среди них 10 салотопен), основанных на «огненном действии», т. е. отапливаемых дровами. Повторное ходатайство предпринимателя было уважено[10].

Вслед за Арсеньевым появились в Екатеринбурге и другие иногородние предприниматели. Правда, они не столько строили

[10] ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2378. Л. 14об.

новые заводы, сколько скупали их у неудачливых коллег. Так, Д.А. Арсеньев к концу 1840-х гг. покинул Екатеринбург, а его предприятие перешло к компании купцов Рязановых и Подсосовых[11]. В 1855 г. этот завод стал собственностью И.И. Фадеева, а затем его сына — А.И. Фадеева. Схожим образом обстояло дело и с рядом других салотопенных, мыловаренных и свечных заводов, много раз переходивших из рук в руки. Благодаря иногородним предпринимателям, осевшим в Екатеринбурге, часть топленого сала стала перерабатываться на месте. Это обстоятельство увеличило интерес деловых людей к салотопенному производству.

К началу 1860-х гг. владельцы екатеринбургских салотопен уверено занимали лидирующие позиции в салотопенной отрасли Пермской губернии, опережая главных конкурентов, шадринских и кунгурских «сальников», по некоторым количественным показателям. Так, екатеринбургские салотопни лидировали по общей численности рабочих и совокупному объему производства. При 120 рабочих, шесть салотопен екатеринбургских «сальников» производили продукции на 1 262 592 руб. Семь салотопенных заводов шадринских предпринимателей при 69 рабочих давали готовых изделий на 739 813 руб. Объем производства двух кунгурских салотопен при 47 рабочих был равен 613,6 тыс. руб.[12].

Помимо кунгурских и шадринских сальников интерес к салотопенному производству проявляли и другие предприниматели. К 1860 г. в Пермской губернии действовало 44 салотопенных завода, из которых 21 предприятие находилось в уездных городах. Остальные 23 завода располагались в сельской местности или на территории горнозаводских поселков. Они были крайне маломощными: 23 салотопни в общем производили продукции на 51 816 руб. Подобное характерно и для заводов, принадлежавших ирбитским и камышловским предпринимателям. Две салотопни в Ирбите при 10 рабочих давали продукции на 12 тыс. руб., три камышловских салотопни при 46 рабочих производили сала на 12 835 руб.[13]

---

[11] Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1883б. Л. 59.
[12] Мозель Х. Указ. соч. С. 150.
[13] Там же.

Таким образом, екатеринбургские сальники продемонстрировали явное стремление к наращиванию объемов производства и достигли на этом поприще немалых успехов. В 1860 г. все 44 салотопни Пермской губернии дали продукции на 2 693 701 руб., а шесть екатеринбургских заводов — на 1 262 592 руб., т. е. более 40 %[14].

Желание увеличить производительность своих заводов некоторые предприниматели демонстрировали и в конце 1860-х — начале 1870-х гг. Крайне последовательно в этом направлении действовал купец 1-й гильдии Михаил Ананьевич Нуров. Его салотопенное заведение производило сало очищенное и сало свечное, которое сбывалось в Петербург и Лондон. К концу 1860-х гг. при 80 рабочих нуровское заведение производило до 130 тыс. пуд разного сала и коровьего масла общей стоимостью в 650 тыс. руб.[15] Нечто подобное демонстрировали и другие «сальники» — Жиряковы, Казанцевы, Ошурковы и другие. Впрочем, спустя пару десятилетий ситуация изменилась, причем весьма радикальным образом.

В последней четверти XIX в. спрос на сало и изделия из него существенно снизился. Значительное влияние на этот процесс оказало распространение электрического освещения, благодаря чему сальные и стеариновые свечи стали постепенно уходить на второй план. Быстрыми темпами нарастало применение электричества в Соединенном Королевстве, главном потребителе российского сала. Снижение спроса повлекло за собой резкое уменьшение прибыльности салотопенного дела и торговли салом, и как следствие — падение интереса деловых людей к этому виду предпринимательства. Подобное было характерно для всей Российской империи, не исключая и Урал.

Впрочем, в регионе имелся и свой отрицательный факт, сильно ударивший по салотопенному делу и торговле салом. Речь идет о введении санитарных кордонов, на которых проверялось здоровье скота, закупленного для салотопен. Процедура санитарного осмотра была длительной, из-за чего скототорговцы не успевали своевременно пригнать скот на ярмарки или заводы. Это повлекло за

[14] Там же. С. 150.

[15] Указатель всероссийской мануфактурной выставки 1870 года в Санкт-Петербурге. СПб., 1870. С. 190.

собой расстройство привычного порядка. Если раньше все операции (закупка скота, его доставка на заводы, забой и изготовление готовой продукции), укладывались в один операционный год, то в новых условиях требовался уже двухгодичный срок.

В результате предприниматели стали постепенно отказываться от поставок сала в Санкт-Петербург и Таганрог. Многие торговцы салом и салотопенные заводчики переориентировались на другие виды деятельности. Благодаря этому значение салотопенной отрасли Пермской губернии снизилось. Она потеряла не только всероссийскую значимость, но и ведущие позиции в губернской промышленности. В 1890 г. в Пермской губернии действовало 13 салотопен, на которых трудилось 40 рабочих. В денежном выражении совокупный объем производства оценивался в 356 396 руб. Салотопни были маломощными предприятиями, за исключением заведения екатеринбуржца Г.Г. Щербакова, который в том же 1890 г. произвел продукции на 305 215 руб.[16]

В последующие годы ситуация менялась незначительно. Салотопенная отрасль, представленная небольшим количеством маломощных предприятий, играла скромную роль в губернской экономике. В основном, салотопни были сконцентрированы на поставке полуфабрикатов для мыловаренных и свечных заводов, также маломощных. Интерес екатеринбургских предпринимателей к салотопенному делу в конце XIX — начале XX в. имел единичный характер.

Екатеринбургские предприниматели сыграли важную роль в становлении и развитии салотопенной отрасли губернской промышленности, а в отдельные периоды их вклад в развитие производства сала имел решающий характер. Вложив средства в сооружение салотопен, екатеринбуржцы пробудили интерес к отрасли среди предпринимателей Пермской губернии, а также оказали существенное влияние на развитие межрегиональных связей в сфере торговли скотом и салом. Кроме того, они содействовали развитию отраслей, связанных с переработкой продукции салотопенных заводов.

---

[16] Фабрики и заводы Пермской губернии в 1890 году // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1892 год. Пермь, 1891. С. 77, 81.

Библиографический список

Байдин В.И. Иван Родионович Казанцев // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 53.

Корепанов Н.С. Меркурий Степанович Рязанов // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. Екатеринбург, 2008. С. 44.

Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. 2.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. СПб., 1813. Ч. 3.

Фукс К.Ф. Нечто о торговле города Екатеринбурга // Казанский вестник. 1824. Ч. 10. Кн. 1. С. 88.

Шилов А.В. Купеческий капитал в обрабатывающей промышленности Пермской губернии в первой половине XIX в. // Грибушинские чтения–2009. Музей в пространстве и времени. Кунгур, 2009. С. 96–98.

Mikityuk V.P.

The role of the Ekaterinburg entrepreneurs in the development of salatino industry of the Perm province (the end of 18 — beginning of 20th century)

The article is devoted to the study of the contribution of the Ekaterinburg businessmen in the development salatino industry of the Perm province in the end of 18 — beginning of 20th century, analyzed the factors that caused the interest of entrepreneurs to produce fat and trade them.

Keywords: *entrepreneurship, salatini plants, bacon, prefabricated, Ekaterinburg, Perm province*

Неклюдов Евгений Георгиевич
д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *ntplant9@mail.ru*

ТОРГИ НА ЗАВОДЫ ГОРОБЛАГОДАТСКОГО ОКРУГА В 1870-е гг.

УДК 94(470.5)“18”

На основе архивных материалов представлена история организации торгов на металлургические предприятия казенного Гороблагодатского округа в 1877–1880 гг. Прослежено участие в торгах купцов А.И. Гоберга, А.А. Ломача и М.И. Любимова, а также подполковника П.В. Берга. Событие показано в контексте кампании по отчуждению казенных заводов и золотых промыслов, которая была составной частью горной реформы в России второй половины XIX в.

Ключевые слова: *горная реформа, казенные заводы, приватизация, Гороблагодатский округ*

Одной из структурных частей горной реформы, подготавливавшейся в Министерстве финансов в 1860-е гг., стало «отчуждение в частные руки» заводов и золотых промыслов, принадлежавших казне. Программу отчуждения в 1866–1868 гг. подготовила действовавшая при этом Министерстве Комиссия для пересмотра системы податей и сборов. Ее участники определили базовые принципы отчуждения, предусматривавшие продажу заводов, продукция которых не являлась оборонной, разработали Правила этой продажи на публичных торгах и определили перечень заводов и промыслов, подлежащих отчуждению (Александр II утвердил эти акты 18 октября 1871 г.)[1]. После долгих споров к продаже назначили 10 уральских предприятий, включая и один из шести заводов Гороблагодатского горнозаводского округа. Этот крупнейший казенный округ в середине XIX в. «служил для приготовления доброкачественного чугуна и других сырых материалов

[1] Неклюдов Е.Г. Забытая горная реформа 1860-х гг.: замысел и реализация // Российская история. 2018. № 1. С. 59–68.

для заводов, занимавшихся окончательной выделкой военных изделий», и вследствие этого был признан необходимым для государства. Однако одно из предприятий его заводского комплекса — Серебрянский железоделательный завод — располагалось вдали от остальных и специализировалось на изготовлении кровельного железа на продажу, что и дало основание для включения его в перечень приватизируемого казенного имущества.

В 1875 г. у горных властей появилась возможность реализовать свое намерение, когда уполномоченный демидовского Нижнетагильского округа П.Н. Шиленков обратился с просьбой «об уступке Серебрянского завода с его дачей на объявленных условиях». Однако эта сделка не состоялась, видимо, из-за того, что представители П.П. Демидова и министр государственных имуществ П.А. Валуев во время его поездки на Урал не сошлись в определении «безобидной для обеих сторон цены». В последующие годы обсуждался лишь вопрос о продаже части Серебрянской и смежной Илимской лесных дач Гороблагодатского округа нуждавшимся в древесном топливе Нижнетагильским заводам. Но и эта сделка была признана «нежелательной в интересах казны»[2]. Оказалось, что в Министерстве государственных имуществ, с 1874 г. отвечавшем за развитие горной отрасли, рассматривалось тогда другое, показавшееся более привлекательным предложение.

Новый эпизод приватизации заводов Гороблагодатского округа начался с того, что 8 октября 1877 г. П.А. Валуев получил прошение рижского купца первой гильдии А.И. Гоберга. «Желая споспешествовать развитию отечественной промышленности, — писал предприниматель, — я намерен учредить обширное горнозаводское производство на Урале, главнейше выделку рельсов из бессемеровской стали». Купец просил отчуждения в полную свою собственность Верхнетуринского чугуноплавильного и Нижнетуринского железоделательного заводов с упраздненной Николаевской оружейной фабрикой, Баранчинского чугуноплавильного и Верхнебаранчинского железоделательного, а также Серебрянского заводов «со всеми лесами, землями, уго-

[2] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 1169. Л. 5–9, 18–19; Оп. 5. Д. 887. Л. 1–8, 10, 19, 22; Д. 1891. Л. 1–11об., 18–21.

дьями, устройствами и строениями» и с половиной Илимской лесной дачи по течению реки Чусовой. Он также просил передать ему в аренду «не менее как на 99 лет такие участки горы Благодать, из которых возможно было бы добывать ежегодно не менее 5 млн пуд. железной руды», и согласен был платить подать по ¼ коп. за пуд или же предлагал продавать ему ежегодно те же 5 млн пуд. гороблагодатской руды, за которую обязывался платить «сверх стоимости ее казне еще ¼ коп. с пуда арендной платы». За все это имущество казне обещалось 1 245 тыс. руб., с тем чтобы «производить платежи на точном основании Правил 18 октября 1871 г.»[3].

Пока в Министерстве государственных имуществ обдумывали столь неожиданное предложение купить чуть ли не весь Гороблагодатский округ (А.И. Гоберг не просил только Кушвинский завод), 10 ноября от того же адресанта пришло «дополнение», в котором излагались еще более выгодные для казны условия. Купец предлагал при подписании купчей сразу уплатить не 1/6 часть суммы (т.е. 207,5 тыс. руб.), как того требовали Правила, а 300 тыс. руб., оставшуюся же сумму рассрочить не на 37 лет, а всего на 16 с половиной с ежегодным начислением 5 %. Он также отказывался от части Илимской дачи и просил только отвести удобное место на Чусовой для устройства пристани с правом пользоваться лесом из той дачи для постройки судов. Изменилось и прежнее предложение о поставке руды: казна продавала бы купцу четыре участка Гороблагодатского рудника, а «для улучшения качества литейного чугуна» еще и Балашинский рудник, по его сведениям, открытый в 1805 г. пермским купцом Валуевым «за деревней Лайской по дороге в Тагил, около 30 верст от Кушвинского завода». Столь детальные знания уральской топографии, скорее всего, свидетельствовали о том, что у рижского купца был хорошо осведомленный информатор.

В Горном департаменте тогда подсчитали, что за более чем 470 тыс. дес. земли в заводских дачах, могущих отойти просителю за вычетом крестьянских наделов, можно было получить хорошую цену в 2,65 руб. за десятину. Но в январе 1878 г. А.И. Гоберг

[3] Там же. Оп. 5. Д. 1003. Л. 1–3.

сделал новое предложение. «Желая по возможности ускорить и облегчить продажу», он просил отдать ему только металлургические предприятия с рудниками за 475 тыс. руб., из которых 100 тыс. вносилось наличными деньгами, а остаток рассрочивался на 15 лет «по банковским правилам». В таком случае казна должна была бы отпускать ежегодно до 150 тыс. куб. саженей леса «за попенные деньги, согласно лесной таксы», и разрешала бы пользоваться лесными материалами из Илимской дачи для постройки барок[4].

Однако и эти условия оказались не последним предложением предприимчивого покупателя. Осенью того же года поступило новое его прошение, сориентированное уже на проведенную к тому времени оценку предприятий. Теперь купец просил отдать ему только Серебрянский и Нижнетуринский заводы с принадлежавшими им землями, которые в сентябре 1878 г. осмотрела и описала комиссия во главе с вице-инспектором Корпуса лесничих Новицким. Первый завод был оценен тогда в 133 тыс. руб., второй — в 255 550 руб. Отведенные к заводам части лесных дач общей площадью 236 тыс. дес. планировалось продавать по 1,5 руб. за десятину. «Как я слышал, — писал А.И. Гоберг, — правительство предполагает продавать частным заводам руду из горы Благодать, а потому прошу ежегодно получать до 5 млн пуд. по цене, которую правительство назначит, но не свыше других частных заводов». Он соглашался сразу уплатить 10 % стоимости имущества и предоставлял равнозначную сумму в виде залога процентными бумагами, затем через шесть месяцев — еще 10 %, а оставшуюся часть платить в течение 15 лет «согласно банковским правилам»[5].

Удивительно, но столь быстро менявшиеся предложения рижского купца не насторожили обычно бдительных министерских чиновников. О нем было известно как об авторе проекта постройки «развлекательного комплекса» с большим аквариумом, консерваторией, концертным и выставочным залом и с зимним садом на месте Новой Голландии в Санкт-Петербурге. Но это

[4] Там же. Л. 4–10об.
[5] Там же. Л. 36–37об.

предложение купца, сделанное Морскому министерству в 1876 г., «как влекущее за собой крайнее неудобство для деятельности Петербургского порта» было отклонено[6]. Через два года новый проект А.И. Гоберга о покупке казенных горных заводов все-таки привлек внимание Министерства государственных имуществ. Там решили, что последнее предложение купца может оказаться выгодным для казны даже несмотря на то, что один из двух заводов — Нижнетуринский — совсем не предназначался к продаже в соответствии с Правилами 18 октября 1871 г. Дело в том, что, по данным за 1876 г., на нем было выплавлено всего около 54 тыс. пуд. железа и 320 пуд. стали. Отчуждение предприятия с такой незначительной производительностью не могло нанести ущерб казне, решили горные чиновники. Сумма же сделки по проведенной оценке достигала 773 700 руб. В Горном департаменте предположили также, что могли бы справиться с продажей требуемого А.И. Гобергом количества руды «без всякого затруднения с условием замены на Благодатском руднике ручного труда машинным». Но, как и полагалось, продажа могла осуществиться только посредством публичных торгов.

В апреле и мае 1879 г. поступили отзывы от министра финансов и государственного контролера. Первый был явно обрадован предстоящей продажей. «Помянутые заводы не приносят достаточного казне дохода, — писал С.А. Грейг, — а купец Гоберг… предлагает такие условия, при коих казна может получить дохода более чем вдвое против ныне получаемого». Министр предложил поднять начальную цену на торгах до 800 тыс. руб. и сократить рассрочку с 15 лет до трех. Государственный контролер Д.М. Сольский выразил сомнение в необходимости брать обязательство по поставке покупателю 5 млн пуд. руды в год, полагая, что это ставит казну «в полную зависимость от непременного исполнения этого условия». По его мнению, лучше было бы предоставить купцу возможность «провести на свой риск разведку рудных месторождений в пределах заводских дач или же приобретать

[6] Бочаров А.А. Из истории нереализованных проектов реконструкции комплекса Новой Голландии (по документам РГАВМФ) // Елагинские чтения. 2003. URL: http://rgavmf.ru/lib/bocharov_nov_gollandiya.pdf (дата обращения: 15.05.2015).

чугун от соседних заводов». Явно намекая на П.П. Демидова, контролер полагал, что это условие могло привлечь на торги также и «соседних заводчиков, обладавших большими рудниками и устроенными чугуноплавильными заводами, но нуждавшихся в расширении лесных дач»[7].

В мае 1879 г. были подготовлены особые условия продажи Серебрянского и Нижнетуринского заводов, что разрешалось одной из статей утвержденных в 1871 г. Правил. Эти условия в большей степени были сориентированы на предложения А.И. Гоберга и несколько отличались от первоначальных. Видимо, Горный департамент не рассчитывал на высокую конкуренцию на предстоящих торгах. Заводы вместе с 256 713 дес. земли продавались за исходную сумму 800 тыс. руб.; казна отпускала покупателю в течение пяти лет до 5 млн пуд. руды по ½ коп. с пуда сверх цены, в которую обходилась ее добыча; при утверждении купчей крепости покупатель платил 10 % стоимости имущества, через полгода — еще 10 %, а остальные 80 % рассрочивались на 15 лет «с уплатой 5 % интереса и 5 % погашения»; обеспечением сделки служил, кроме самих заводов, залог в процентных бумагах в размере 10 % всей «покупной суммы», вносимый в течение месяца после совершения торгов; из находившихся на заводах различных «материалов и припасов» покупатель мог оставить нужные, за которые платил бы деньги по оценке с рассрочкой на три года.

В июне 1879 г. эти условия П.А. Валуев представил в Комитет министров. Там он пояснил, что вместе с заводами отчуждаются лишь части принадлежавших им лесных дач, а «лучшие участки» сохраняются за остающимися в руках казны Гороблагодатскими заводами, полностью обеспеченными «горючим материалом». «За такими объяснениями министра государственных имуществ, — записано в журнале заседания, — Комитет министров не встретил вообще препятствий к отчуждению в частные руки Серебрянского и Нижнетуринского казенных заводов путем публичных торгов». Единственное, что потребовали министры, это исключить из условий обязательство казны по поставке определенного количества руды, заменив его более мягкой формулировкой — «поставлять

[7] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1003. Л. 41–48, 62–64.

руду в том количестве, в каком это окажется возможным». Было также установлено, что в случае невзноса платежа в трехмесячный срок назначается штраф, а при повторном нарушении срока платежа сделка расторгается, а залог остается в казне. Александр II утвердил постановление Комитета министров 22 июня 1879 г.[8].

Условия продажи были опубликованы в «Правительственном вестнике». Торги назначили на 16 августа «в два часа пополудни» в Совете министра государственных имуществ «посредством одних запечатанных объявлений». В день торгов оказалось, что на покупку заводов были поданы две заявки — одна, как и ожидалось, от рижского купца первой гильдии А.И. Гоберга и его компаньона петербургского купца второй гильдии А.А. Ломача; вторая — от подполковника П.В. Берга. Имя А.А. Ломача появилось здесь впервые, хотя, видимо, партнерство двух купцов образовалось ранее: свои ходатайства рижский купец подписывал, как правило, «Гоберг и К°». Компаньон принадлежал к известной в столице семье владельцев крупной городской недвижимости. Сам он в те годы владел знаменитой гостиницей «Демутов трактир», где открыл роскошный ресторан и пристроил два театральных зала[9]. Именно он внес необходимый для участия в торгах залог в 20 тыс. руб. Соперник купцов П.В. Берг был одним из крупнейших российских предпринимателей и уже владел на Урале Шайтанскими заводами[10]. Поскольку А.И. Гоберг и А.А. Ломач предложили 1 045 тыс. руб., а П.В. Берг всего 851 тыс. руб., они и выиграли торги. Теперь предстояло рассчитаться за купленные заводы в соответствии с условиями продажи и заключить купчую крепость.

В первую очередь в течение месяца необходимо было предоставить залог в 104,5 тыс. руб., но с этим сразу же возникли проблемы. А.И. Гоберг известил Горный департамент, что не может в срок внести всю сумму залога «ввиду возникшей надобности в изменении условий участия компаньонов во владении заводами и предстоящей по сему поводу разверстке между ними срочных

[8] Там же. Л. 72–89, 95–98об.

[9] Прогулки по Петербургу. Демутов трактир (Бол. Конюшенная ул., 27). URL: http://walkspb.ru/zd/bol_konush27.html (дата обращения: 26.06.2016).

[10] Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 402–407.

платежей». Видимо, между купцами-компаньонами произошел разлад по причине предложенной на торгах суммы: она, вероятно, была установлена А.И. Гобергом спонтанно, ввиду неожиданного участия в торгах опасного конкурента, значительно превышала начальную цену и не соответствовала возможностям или договоренностям компаньонов. В ситуации, когда А.А. Ломач отказался от сотрудничества, А.И. Гоберг и просил отсрочить уплату залога на три месяца. Сомневаясь в том, что на новых торгах могут быть получены «более выгодные предложения», Горный департамент согласился на отсрочку. В то же время П.В. Берг подал протест, полагая, что из-за нарушения условий продажи заводы должны были перейти к нему «за цену, предложенную на торгах». Ему ответили, что в случае повторной просрочки заводы будут вновь выставлены на торги, где он сможет принять участие[11].

«Не имея положительных распоряжений о времени передачи Нижнетуринского и Серебрянского заводов покупщикам, — беспокоился в это время горный начальник Гороблагодатских заводов, — я встречаю поэтому затруднения в распоряжениях по заготовке для тех заводов материалов и припасов». Вице-директор Горного департамента Г.Л. Грасгоф предусмотрительно рекомендовал ему пока «поступать так, как бы заводы вовсе не были предлагаемы в продажу, и согласно с сим ни заготовлением материалов, ни постройкой судов для сплава заводских изделий не останавливаться»[12].

Когда подошел срок уплаты первого взноса, от А.И. Гоберга и А.А. Ломача вместо денег или ценных бумаг поступила просьба внести залог недвижимым имуществом. В Министерстве государственных имуществ это было расценено как явное свидетельство «неисправности покупщиков», что влекло за собой отмену результатов торгов. Управлявший Министерством А.А. Ливен предписал подготовить обращение в Комитет министров с вопросом о назначении новой продажи Серебрянского и Нижнетуринского заводов, «не стесняясь утверждением сей продажи на торгах 16 августа 1879 г.»[13].

---

[11] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1003. Л. 101, 129–137, 149–152, 167–171.
[12] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1002. Л. 31, 76.
[13] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1004. Л. 1–2об., 7, 35об., 36.

Но участники тех торгов не собирались устраняться от борьбы за заводы. В июне 1880 г. поступило заявление компаньонов «о вступлении пермского первой гильдии купца М.И. Любимова в участники по приобретению заводов… с тем, что Любимов принимает в свое владение и исключительную эксплуатацию Серебрянский завод». Он, сообщали компаньоны, уже прибыл в Санкт-Петербург и готов предоставить требуемый залог. Тогда же и сам М.И. Любимов подтвердил свои намерения в личном заявлении на имя министра. Он был представителем известной на Урале предпринимательской фамилии и в те годы занимал должность пермского городского головы. Предположим, что, имея широкие связи, именно он и направлял действия своих столичных агентов. Одновременно с этим поступило заявление А.А. Ломача. «По состоявшемуся с купцом Гобергом соглашению, — извещал он, — я уже не состою вместе с ним участником по приобретению заводов… и все права передал ему, а потому прошу относиться по всем делам к купцу Гобергу». Компаньон подтвердил происшедшие изменения в составе участников сделки и даже просил министра назначить срок для составления купчей. В то же самое время в Министерстве было получено два заявления П.В. Берга, в которых он просил утвердить заводы за ним, соглашаясь уплатить предложенную его соперниками сумму в 1 045 тыс. руб., полагая, что в этом случае «казна избавится от убытков и приобретет капитал, дающий годового дохода более 50 тыс. руб.». Он также обещал направить на устройство заводов более 1,6 млн руб.

Но, несмотря на эти заманчивые предложения, А.А. Ливен отказал всем просителям. Участникам сделки ответили, что из-за нарушения условия о предоставлении залога в назначенный срок они утратили право на покупку. В октябре 1880 г. М.И. Любимову было заявлено, что «действительность торгов уничтожена» и министр «не счел себя вправе в отступление от высочайше утвержденных условий продажи принять от просителя залог и вообще вступить с ним в какие-либо отношения». Прошение П.В. Берга по тем же мотивам было «оставлено без удовлетворения». Известно, что А.И. Гоберг и П.В. Берг подавали жалобы в Сенат, но и тому и другому было отказано по

формальным причинам[14]. Более того, министр счел возможным не возвращать покупателям 20 тыс. руб., предоставленных ими в качестве залога для участия в торгах. Горному начальнику Гороблагодатского округа в этой связи было предложено подсчитать убытки от несостоявшейся продажи. «Определить их невозможно, — отрапортовал тот, — т. к. если убытки и есть, то не прямые, а косвенные, именно: возбужденный, но не разрешенный окончательно вопрос о продаже вредно отозвался на действии заводов в том отношении, что ввиду передачи их в частные руки не было принимаемо никаких мер к необходимому для большей доходности увеличению производства и усовершенствованию устройств, чтобы не увеличивать стоимости последних, оцененных для продажи в настоящем их виде». Сенаторы постановили все-таки вернуть бывшим компаньонам залог, но взыскать с них 177 руб. «за публикацию объявлений»[15].

В последующие годы власти больше не рисковали организовывать продажу не только заводов Гороблагодатского округа, но и других казенных предприятий. Свою роль в этом сыграла и прослеженная нами довольно абсурдная история публичных торгов 1877–1880 гг. Высшие чины Министерства, пришедшие к власти в начале 1880-х гг., уже не рассматривали приватизацию казенных заводов в качестве единственного способа отчуждения, предпочтя ей аренду предприятий, их закрытие или передачу в другие ведомства. Все же заводы Гороблагодатского округа, включая и назначенный к продаже Серебрянский, так и остались во владении казны до конца имперского периода.

Библиографический список

Бочаров А.А. Из истории нереализованных проектов реконструкции комплекса Новой Голландии (по документам РГАВМФ) // Елагинские чтения. 2003. URL: http://rgavmf.ru/lib/bocharov_nov_gollandiya.pdf (дата обращения: 15.05.2015).

Неклюдов Е.Г. Забытая горная реформа 1860-х гг.: замысел и реализация // Российская история. 2018. № 1. С. 59–68.

[14] Там же. Л. 80, 80об., 132, 132об., 137–138, 149–156, 211.
[15] ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1002. Л. 84, 84об.

Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

Прогулки по Петербургу. Демутов трактир (Бол. Конюшенная ул., 27). URL: http://walkspb.ru/zd/bol_konush27.html (дата обращения: 26.06.2016).

Nekdludov E.G.

Trading for plants of the Goroblagodatsky district in 1870s

Based on archival materials, the history of the bidding organization for metallurgical enterprises of the state Goroblagodatsky district in 1877–1880 is presented. Traced participation in the trades of merchants A.I. Goberg, A.A. Lomach and M.I. Lyubimov, as well as lieutenant-colonel P.V. Berg. The event is shown in the context of the campaign for the alienation of state-owned factories and gold mines, which was an integral part of the mining reform in Russia in the second half of the 19th century.

Keywords: *mining reform, state-owned plants, privatization, Goroblagodatsky district*

Петрушина Елена Александровна
н.с., музей «Метеорологическая станция Симбирска» в составе историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» (Ульяновск, Россия)
E-mail: *meteostation1876@yandex.ru*

РАЗВИТИЕ ВИНОКУРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

УДК 94(470.5.)«18/19»

В статье рассматривается развитие винокуренной промышленности в Симбирской губернии в конце XIX — начале XX в. и ее роль в развитии хозяйства Симбирской губернии.

Ключевые слова: *Симбирская губерния, винокуренная промышленность, выкурка спирта, винокуренные заводы, сельское хозяйство*

Рубеж XIX–XX вв. был сложным периодом для развития российской промышленности. Российская экономика сохраняла к началу XX в. несколько укладов — натуральное хозяйство соседствовало с мелкотоварным, частное капиталистическое — с государственным. Такое многообразие создавало достаточно проблем для полноценного развития экономики. Развитие промышленности зависело во многом от уровня развития аграрного сектора.

Проблемы, возникшие в области экономики, требовали немедленного разрешения. Министр финансов С.Ю. Витте взял курс на форсирование промышленного развития России. Одним из основных элементов системы Витте стала идея о том, что России необходимо придерживаться политики государственного протекционизма до тех пор, пока страна не преодолеет отсталости от Запада[1]. Важнейшими направлениями экономической политики нового министра финансов стали: введение единого таможенного тарифа, проведение денежной реформы, изменение торгово-промышленного налогообложения, регулирование правового положения предпринимателей, торгово-промышленное законода-

[1] Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002. С. 76.

тельство, реформирование организации коммерческого и технического образования, а также попытка решения рабочего вопроса. В 1892 г. началось уточнение экономической политики с акцентом на торгово-промышленную сферу. Сельскохозяйственному производству внимания уделялось намного меньше[2]. Тем не менее, эти сферы были тесно взаимосвязаны. Сельское хозяйство являлось сырьевой базой промышленности во многих регионах России, в том числе и в Симбирской губернии.

В Симбирской губернии по стоимости выпускаемой продукции лидировали мукомольные мельницы (4 546 487 руб.), винокуренные заводы (2 929 685 руб.), водочные заводы (1 035 772 руб.) и суконные фабрики (2 295 973 руб.)[3].

Рассмотрим подробнее развитие винокуренного производства. В период с 1890-х гг. по 1913 г. в губернии действовало от 12 до 14 заводов. Изменение числа заводов зависело от ряда причин. Так, в 1891 г. вследствие снижения уровня благосостояния населения губернии, вызванного неурожаем, винокурение сократилось на одну треть. Работали в этот период 13 заводов. Помимо снижения спроса внутри губернии сократился вывоз спирта за ее пределы, что также повлияло на сокращение объема производства[4]. Однако через год произошло некоторое улучшение. В 1892 г. на винокурение было потрачено различных припасов 1 327 706 пудов (больше, чем в 1891 г. на 102 187 пудов). Из этого количества выкурено 25 138 720° спирта (больше на 447 040), за который причиталось акциза 2 364 687 руб. 62½ коп. (больше на 80 707 руб. 22½ коп.). Безакцизного спирта выкурено было на 564 997 руб. 31 коп. (больше на 56 126 руб. 51¾ коп.). Барды[5] получили до 125 693 бочек (в 1891 г. — меньше на 2 235 бочек). Часть барды предназначалась на местное потребление, часть была продана по цене от 15 до 40 коп. за бочку[6]. Расходы на винокурение увеличились

---

[2] Там же. С. 77, 78.

[3] ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 78. Л. 69.

[4] Там же. Д. 73. Л. 79об.–80.

[5] Барда — отходы винокуренного производства. Употреблялась для корма скоту, паточная барда — как азотисто-калийное удобрение, бардяной уголь — как калийное удобрение.

[6] ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 78. Л. 32об.–33, 87об.

и в 1894 г., увеличилось употребление в винокурении картофеля, что объясняется высоким урожаем, когда сбор его с полей некоторых заводчиков достигал одной тысячи пудов с десятины. Этот избыток дал возможность более бережно отнестись к хлебу как сырью более ценному[7].

Изменение в действующих заводах должно было привести к увеличению выкурки, так как только Уваровский и Лавинский заводы превосходили остальные по мощности и благоустроенности. В частности Лавинский завод находился в большом имении, «и при том на месте благоприятном для расхода» — неподалеку, в Алатыре, находился значительный по оборотам водочный завод Попова и К°, который постоянно нуждался в спирте. Лавинский завод продавал водочному заводу спирт в 1894 г., а также обеспечил его и на 1895 г., благодаря чему ввоз из Пензенской губернии в Симбирскую значительно уменьшился[8].

На увеличение выкурки повлиял в 1894 г. обильный урожай картофеля, который требовалось весь перекурить, а также низкие цены на хлеб, который заводчики предпочитали обратить в вино, а не продавать. Вследствие улучшения экономического состояния населения появилась надежда на хороший сбыт вина[9]. В 1897 г. винокурение производилось на 12 заводах, как и в 1896 г.

В конце XIX в. винокуренные заводы действовали в частных хозяйствах. Например, завод А.Д. Сачкова вырабатывал 73 000 ведер 40° вина в год. Барда шла в корм скоту в собственном хозяйстве. Симбирские скотопромышленники ставили на завод степной рогатый скот для откармливания бардой и платили 25–40 коп. за сорокаведерную бочку[10]. Винокуренный завод А.П. Родионова в имении «Вешкайма» производил в среднем 50 тыс. ведер 40° вина в год. Все сырье для производства получали в своем хозяйстве. Завод представлял рынок сбыта хлеба и картофеля. Переработанный материал оплачивался посредником по рыночным ценам и, таким образом, выгоды доставались не

[7] Там же. Л. 33.
[8] Там же. Л. 33об.
[9] Там же. Л. 33об.–34.
[10] Описания отдельных русских хозяйств. СПб., 1898. Вып. 7. Симбирская губерния. С. 12.

владельцу, а виноторговцу. Хозяйство получало от завода барду. Винокуренное производство стимулировало производство картофеля, который в больших объемах возделывался на полях[11]. Завод В.Н. Поливанова производил до 60 тыс. ведер 40 % спирта в год. Сырье использовалось частью из собственного хозяйства, частью закупалось. Спирт поставлялся в города Нижнего Поволжья, в Саратовскую губернию[12].

В 1908 г. в губернии насчитывалось 37 винокуренных заводов, из которых на Уваровском в Сызранском уезде винокурение не производилось, три завода — Владимиро-Марьяновский, Леонидовский и Николаевский Карсунского уезда по поставке в казну спирта и по надзору были отнесены к Пензенскому акцизному управлению. Рождественский завод Сызранского уезда отнесен был к Самаро-Уральскому акцизному управлению. Из оставшихся 32 винокуренных заводов винокурение производилось в оба полугодия на 28, а на четырех, вновь выстроенных — лишь во втором полугодии. Таким образом, действовало 32 винокуренных завода, на которых в 1908 г. было употреблено припасов 2 809 873 пуда. Из них на хлебные припасы пришлось 245 394,5 пуда, сухой солод 40 пудов, зеленый солод 219 515,5 пуда, а также на картофель 2 344 923 пуда. В 1907 г. картофеля было употреблено меньше на 445 747 пудов, недостаток его компенсировался использованием кавказской кукурузы (270 533 пуда). В 1908 г. в связи с хорошим урожаем картофеля кукурузы было использовано только 59 682 пуда[13]. Результаты производства получились следующие: выкурено спирта 52 901 448° (1 322 536,2 ведра). Стоимость выкуренного спирта без акциза составила 1 199 315 руб. 73 коп., сумма причитающегося акциза 5 819 159 руб. 28 коп. Количество выкуренного спирта увеличилось на 531 626° (1,02 %)[14].

Увеличение выкурки спирта в 1908 г. объяснялось как лучшим урожаем картофеля в 1907 и 1908 гг., так и большим содержанием в картофеле крахмала.

---

[11] Там же. С. 31.
[12] Там же. С. 37.
[13] Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1910 год. Симбирск, 1910. С. 227–228.
[14] Там же. С. 228.

Развитие винокуренной промышленности в Симбирской губернии неуклонно возрастало под влиянием тех благоприятных условий, в которых эта промышленность оказалась с момента введения в Симбирской губернии казенной продажи питей. Число заводов в губернии из года в год увеличивалось и в 1908 г. достигло 38, считая в том числе сгоревший, но восстановленный Аксаковский завод, так что за восемь лет, прошедших со дня введения казенной продажи питей, число заводов увеличилось на 24 или на 171,5 %.

Потребление спиртных напитков в Симбирской губернии за время действия на ее территории казенной продажи питей, не считая 1901 г., когда казенная продажа функционировала не весь год, выросло с 1902 г. по 1908 г. на 53 % (в 1902 г. — 633 468 ведер, в 1908 г. — 971 864 ведер).

Винокуренное производство играло важную роль в хозяйстве губернии. Инспектор сельского хозяйства Н.П. Надеждинский отмечал в 1912 г., что целью учреждения сельскохозяйственного винокурения было, прежде всего, поднятие местного сельского хозяйства введением в севооборот пропашного картофельного клина, чтобы способствовать переходу от устаревшей убыточной трехпольной системы к плодосменной с четырьмя и более полями[15]. При возникновении крестьянских хуторских хозяйств, в которых вводятся улучшенные многопольные севообороты с пропашными клиньями, он особенно рекомендовал хуторянам в районах винокурения введение в севооборот возделывание картофеля на отдельном клину с переходом к 4–6-ти польной системе.

Несомненно, что при поддержании правительством сельскохозяйственного винокурения и при развитии его в Симбирской губернии должна широко развиваться культура картофеля, при изменяющихся условиях крестьянского землепользования, не только в помещичьих, но и в крестьянских хозяйствах особенно единоличного владения. Получаемая на заводах барда дала бы возможность увеличить количество содержимого в хозяйствах продуктивного скота[16]. Наличие скота позволяло получать необходимое количество навоза, что в свою очередь предоставило хозяйствам

[15] ГАУО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 8. Л. 35.
[16] Там же. Л. 35об.

возможность приступить к правильному и необходимому удобрению полей. Урожаи при таких условиях несомненно должны повышаться. В виду важного хозяйственного значения сокращение сельскохозяйственного винокурения в Симбирской губернии представлялось крайне нежелательным, особенно в период развития крестьянского хуторского расселения в крае. Вследствие сокращения винокурения сократился бы спрос на картофель, и введение в хуторских хозяйствах улучшенных севооборотов с возделыванием пропашных растений, а также сбыт картофеля был бы крайне затруднен. Картофель же для пропашного клина «являлся главнейшим растением для Симбирской губернии»[17].

Расширение производства этой культуры обусловило и появление крахмалопаточного производства. Оно отличалось небольшими размерами и сезонным характером работ. В 1899 г. функционировало 108 крахмалопаточных заведений. Крахмальное производство опиралось на мелкие картофелетерочные заведения, распространенные в основном в Симбирском уезде. В частности, в данном уезде картофельно-крахмальный завод работал в имении Ф.А. Анненкова «Грязнушка». Это заведение в год перерабатывало до 20 тыс. мер картофеля, половина которого была выращена в собственном хозяйстве, половина закуплена у крестьян. Сухого крахмала получали до 25 тыс. пудов. Около 50 % этого объема шло на производство декстрина (декстринный завод работал в этом же хозяйстве)[18]. В некоторых селениях их было по десятку, причем многие с паровыми двигателями[19]. В 1912 г. урожай картофеля на казенной десятине 2 400 саж. в крестьянских хозяйствах составлял 900 пудов (среднее за последние 5 лет — 800 пудов); во владельческих хозяйствах — 1 000 пудов (среднее за последние 5 лет — 900 пудов). Таким образом, к концу рассматриваемого периода урожайность картофеля возросла в среднем на 12 %.

Таким образом, винокуренное производство, являясь одним из самых доходных, имело важное значение для экономики

[17] Там же.

[18] Описания отдельных русских хозяйств. С. 16.

[19] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века. К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981. С. 149.

Симбирской губернии на рубеже XIX–XX в. Развитие виноку-рения способствовало, в свою очередь, переходу к улучшенным многопольным севооборотам за счет введения картофельного клина, а также развитию крахмалопаточного производства.

Библиографический список

Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века. К вопросу о предпосылках буржуазно-демократической революции в России. Саратов, 1981.

Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002.

Наше Отечество: Опыт политической истории: в 2 т. М., 1991. Т. 1.

Petrushina E.A.

Development of the petroleum industry in the Simberian government on the abroad of the 19 — 20th centuries

The article describes the distilling industry's development in Simbirsk province at the end of the 19th century — at the beginning of the 20th century and role of distilling industry in Simbirsk province's economy.

Keywords: *Simbirsk province; distilling industry; alcohol distilling; distilleries; agriculture*

Роднов Михаил Игоревич
д.и.н., в.н.с., Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)
E-mail: *mrodnov@ufanet.ru*

УФИМСКОЕ КУПЕЧЕСТВО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

УДК 94(470.5)

История бизнеса на Южном Урале в первой половине XIX в. плохо изучена. Главная причина — отсутствие достоверных источников, поэтому необходимо использовать все материалы (прессу, юридические и церковные документы). На примере города Уфы показаны результаты использования этих материалов.

Ключевые слова: *история, купечество, Южный Урал, Уфа, первая половина XIX в.*

Одним из самых слабоизученных периодов в истории предпринимательства (купечества) Южного Урала остается первая половина XIX в. Даже наиболее активно развивавшееся изучение горнозаводской промышленности страдает значительными лакунами. Судьба же «обычного» купечества, торговли и промышленности Оренбургской губернии показывается в самых общих чертах, по редким статистическим изданиям.

На это повлияли два фактора — клеймо крепостничества в коммунистическую эпоху, а также плохое состояние источников. Максимально широкий их подбор предприняла Е.В. Банникова (Бурлуцкая), но и она была вынуждена ограничиваться отдельными сюжетами и усредненной статистикой[1].

При изучении предпринимательства первой половины XIX в. на все перечисленные проблемы накладывается коммерческая тайна и примитивная система налогообложения и контроля за бизнесом, когда торговец фактически не предоставлял никакой

[1] Банникова Е.В. Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. Оренбург, 2010; Она же. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014.

серьезной отчетности о своем деле. Только широкий охват источников, привлечение новых материалов позволит начать серьезную реконструкцию прошлого.

Важнейшее значение имеет губернская (с 1838 г.) и центральная пресса, информация которой очень слабо используется. А сведения здесь самые разнообразные. Так, в 1852 г. редактор неофициальной части выходивших в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенов опубликовал цикл статей на тему «как удобно» жить в Уфе. Житель города четко указывает на крупнейших торговцев.

Лучшая мука была у купца Дмитрия Никитича Кадкина, лучшие бакалейные товары у Т.Т. Белякова и И.Н. Блохина, галантерейные — у Кондратия Игнатьевича Блохина и П.А. Кадкина. Виноградные вина советовал приобретать у того же К.И. Блохина и И.К. Бендера[2].

С этими данными точно совпадают официальные сведения. 20 ноября 1850 г. в Уфе торжественно праздновали 25-летие царствования Государя Николая Павловича. Уфимское купеческое и мещанское общества собрали пожертвования для раздачи бедным горожанам (428 руб. 15 коп. сер.)[3], а затем был опубликован полный список жертвователей[4].

В столь торжественном акте, без сомнения, участвовал весь уфимский «бизнес», существовавший тогда в Уфе. Распределим благотворителей по величине внесенных средств. Самый большой взнос сделал уфимский градский голова Прокофий Кадкин — 50 руб. По 25 руб. пожертвовали (все уфимские) купцы Иван Крюков, Дмитрий Кадкин, Тимофей Беляков, по 20 руб. не пожалели купеческий сын Кондратий Блохин, купцы Игнатий Блохин, Василий Паршин, Фёдор Белышев, Степан Калмацкий и оханский купец Михаил Сапожников. По 15 руб. внесли мещанин Матвей Сурков и купеческий внук Иван Мамин, по «десятке» — купцы Илья Кадкин, Иван Серебреников, Павел Попов,

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1852. 18 окт.; фрагменты опубликованы, см.: Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

[3] Оренбургские губернские ведомости. 1850. 25 нояб.

[4] Там же. 16 дек.

Алексей Кутузов, купеческие сыновья Михаил Полетаев, Михаил Ряхин и Алексей Воронин.

Это, надо полагать, вся торговая элита Уфы на 1850 г. В числе последних, десятирублевых жертвователей встречаем будущего городского голову П. Попова, преуспевавшего торговца М. Полетаева. С учетом «магии» круглых чисел, уфимская верхушка купечества явно стыдилась на 25-летний юбилей Государя жертвовать меньшую сумму.

Между купеческой «элитой» и средними слоями пятирублевый разрыв, нарушаемый лишь приказчиком купца Лебедева Гудковым, пожертвовавшим 5 руб. 15 коп. Остальные «середние» уфимские предприниматели внесли по 5 руб. (купцы Андрей Брюсянин и Иван Шершавин, торгующие крестьяне Дмитрий Кондратьев, Карп Фёдоров, мещане Николай Серебреников, Иван Бендер и Василий Бажанов), а торгующий крестьянин Андрей Струнников раскошелился всего на трешку.

Это, наверняка, почти полный список уфимского бизнеса на ноябрь 1850 г. К этому времени судоходство по Белой прекратилось, иногородние купцы уплыли, городская ярмарка в Уфе проводилась зимой (к началу февраля), так что поздней осенью в городе оставались только свои.

Важнейшим источником являются юридические документы о недвижимости, которые трудно, но необходимо собирать. Например, осенью 1856 г. Оренбургская (в Уфе) палата гражданского суда выдала запрещения на имущество двух торговцев, подрядившихся по казенным и частным поставкам под залог своей недвижимости.

Отсюда узнаем, что бирский мещанин Василий Тимофеевич Колмацкий владел на Верхне-Торговой площади Уфы («верхней базарной») каменной лавкой «с галереею» оцененной на 6 лет в 1 200 руб. А его брату уфимскому 3-й гильдии купцу Степану Тимофеевичу Колмацкому там же принадлежала каменная лавка (1 637 руб. 50 коп. сер. оценки)[5].

Тщательный анализ юридических актов позволяет прояснить судьбу предпринимателей, чей бизнес существовал не долго, не

[5] Санкт-Петербургские сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения. 1857. № 10. 2 фев. С. 445.

отличался размахом. Так, в списке жертвователей в 1850 г. встречаем мещанина Матвея Суркова. Из запрещений узнаем, что 18 января 1857 г. уфимская мещанка Раиса Степановна Суркова выдала в займы 2 286 руб. сер. без процентов на два года под залог дома с флигелем должника[6].

Уфимские мещане не внесли государственные и земские недоимки за 1856 г. и первую половину 1857 г. в размере 7 027 руб. 63 коп. За столь большую задолженность Оренбургское (в Уфе) губернское правление наложило запрещение на имущество городских властей, своим карманом гарантировавшим исправное поступление налогов. Ответчиками за долги уфимских мещан выступили Городской голова Уфимской городской думы уфимский 3-й гильдии купец Кондрат Игнатиевич Блохин, гласные думы: уфимские 3-й гильдии купцы Никита Семёнович Кузнецов, Михаил Андреевич Полетаев, мещане Михаил Алексеевич Коровин, Уфимский мещанский податный староста Афанасий Антониевич Козырьков и, наконец, Уфимский иноверческий мещанский податный староста Абдулхалик Бейбекович Ромазанов[7].

Сравнение со списком жертвователей показывает, что именно в 1850-е гг. восходит звезда купеческого клана Кузнецовых (их нет в списке 1850 г.), чей активный бизнес (хлебная торговля, пароходство) оставил следы даже в топонимике Уфы.

Важнейшим источником по истории купечества являются метрики. Сплошной просмотр метрических книг уфимских храмов показывает наплыв в Уфу уроженцев Ярославской губернии. Предприимчивые ярославцы торговали на Южном Урале, многие известные семейства уфимских предпринимателей имеют верхневолжские корни.

Видимо, упоминавшийся в списке 1850 г. торгующий крестьянин Дмитрий Кондратьев был одним из первых, обосновавшихся в Уфе. И уже 3 января 1854 г. в лучшей, «дворянской» Александро-Невской церкви крестили девочку Татиану, появившуюся на свет в семье уфимского 3-й гильдии купца Арсения Кондратьева и его законной жены Анны Стефановны.

---

[6] Там же. № 26. 30 марта. С. 1040.
[7] Там же. № 48. 15 июня. С. 1983.

А восприемниками малышки выступили государственный крестьянин деревни Чекутовой Рыбинского уезда Ярославской губернии Василий Кондратьев и уроженка деревни Макаровой того же уезда и также государственная крестьянка Евдокия Семёновна Кондратьева[8].

Кондратьевы переселились в Уфу целым кланом, бизнес их процветал. Дмитрий Кондратьев в 1854 г. являлся уже уфимским купцом (супруга Евдокия Васильевна). 12 сентября у них родился сын Константин. Восприемниками были их же старший сын Иван Дмитриевич и упоминавшаяся Евдокия Семионовна, жена государственного крестьянина Егора Кондратьева[9].

В Уфе сохранялось ярославское землячество. 11 октября 1854 г. все в той же самой престижной Александро-Невской церкви венчался 41-летний Лев Данилович Сахаров, крестьянин Ярославской губернии Рыбинского уезда деревни Поповской госпожи Кудиновой (или Кудимовой), он оставался крепостным. Сын от первого брака, Сергей Львович Сахаров станет одним из крупнейших уфимских предпринимателей рубежа XIX–XX вв., в его доме в центре города, он существует поныне, находилась Уфимская биржа[10].

Невестой же в 1854 г. являлась 32-летняя вдова отпущенница госпожи Геничевой из дер. Киверниной (название не ясно) опять-таки Рыбинского уезда. Лев Сахаров в спутницы выбрал снова ярославскую, да и поручителями по жениху пригласил уфимского купеческого брата Арсения Кондратьева, государственных крестьян Рыбинского уезда И.С. Маршалова и Василия Кондратьева. Одним из поручителей по невесте стал государственный крестьянин Тверской губернии Семён Матвеевич Полетаев[11].

Когда же 25 марта 1854 г. в Спасской церкви крестили девочку Анну, отец — государственный крестьянин дер. Троицкой Рыбинского уезда Ф.С. Чубуков, восприемниками пригласили государственного крестьянина Ярославского уезда Евграфа Евграфовича Коровина и уже известную купеческую жену Анну Степановну Кондратьеву[12].

---

[8] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 1об.–2.
[9] Там же. Л. 19об.–20.
[10] Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016.
[11] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 42об.–43.
[12] Там же. Л. 82об.–83.

В начале 1870-х гг. был известен купец Арсентий Кондратьевич Кондратьев, державший в Уфе мыловаренный (выработка на 4 тыс. руб.), салотопенный (10 тыс. руб.) и свечной (11 200 руб.) заводы[13]. А когда 4 ноября 1873 г. в Уфе открывается отделение Волжско-Камского коммерческого банка[14], первого частного банка в городе, крупнейшим вкладчиком (текущий счет) стал Иван Арсентьевич Кондратьев.

Уфимский купец 2-й гильдии Иван Арсентьевич Кондратьев являлся агентом страхового общества «Якорь», которое страховало товары, грузы и речные суда. На его вклад поступило в 1874 г. 188 243 руб. 80 коп., в 1875 г. — 145 057 руб. 43 коп., в 1876 г. — 104 287 руб. 25 коп. Видимо, столь крупные суммы были страховыми платежами, которые он перечислял в центральное правление. В 1876 г. открывается и отдельный счет на страховое общество «Якорь» (вклад 4 600 руб.). Ни один из уфимских предпринимателей не работал с такими крупными суммами через отделение Волжско-Камского банка.

Кроме того, простые текущие счета (безналичный расчет по чековой книжке) в Уфимском отделении Волжско-Камского банка держали в 1875 г. — К.Д. Кондратьев (поступило 25 436 руб. 90 коп.), М.Д. Кондратьев (1 600 руб.), Д.К. Кондратьев (6 000 руб. и 45 300 руб. в 1876 г.), в 1876 г. — М.В. Кондратьев (2 000 руб.). Еще условный текущий счет (более высокий процент, но выдача денег через два дня) в 1875 г. был открыт на какого-то Кондратьева (53 573 руб. 50 коп.), видимо все того же Ивана Арсентьевича[15].

Сравнение фамилий из списка жертвователей за 1850 г. с более поздними сведениями показывает значительную преемственность до и пореформенного уфимского бизнеса. Хотя история уфимского купечества изучена слабо, в частности судьба клана Кондратьевых (их бизнес «угас» примерно в 1880-е гг.).

Кроме того, точные банковские сведения о счетах уфимских предпринимателей начала 1870-х гг.[16], когда еще только налажива-

[13] Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии. Уфа, 1873. Ч. 1; Уфимский календарь на 1876 год. Уфа, б. г. Вып. 1.
[14] Уфимские губернские ведомости. 1873. 10 нояб.
[15] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12об.–14; Д. 1178. Л. 83–88об.; Д. 1179. Л. 7–10.
[16] См. также: Роднов М.И. Вокруг банка // Река времени. 2017. Уфа, 2017.

лось бельское пароходство, а о железной дороге даже не мечтали, показывают огромные масштабы бизнеса в крае. Уже в первый полный год работы (1874) обороты Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка составили 25 178 507 руб. 38 коп.[17] Вспомним, что лидером по вкладам был страховщик (на пятом месте находился еще один, Н.Э. Эверсман — агент Московского страхового от огня общества). Размах страховых операций свидетельствует о величине торговых и иных сделок в крае.

В дореформенный период не было подобной четкой статистики, но отрывочные сведения подтверждают многомиллионные обороты в хлебной и иной торговле Оренбургской губернии в 1840–1850-е гг. В 1851 г. современник пытался подсчитать доходы только от хлебной торговли жителей города Бирска и уезда. Получилось 746 тыс. руб., «купцы говорят, что с осени до открытия навигации они по здешнему уезду разсеяли денег около миллиона»[18].

Отсутствие информации о явлении не означает отсутствия самого явления. Само открытие отделения банка в Уфе основывалось на знании масштабов торговых оборотов в крае, которые уже давно осуществлялись. Поэтому погоня за легковесным нарративом, яркими, но субъективными зарисовками всевозможных путешественников, ничего не добавляют к реальному пониманию прошлого. Необходим кропотливый сбор материалов по конкретным предпринимателям с привлечением самого широкого круга источников.

Библиографический список

Банникова Е.В. Повседневная жизнь уральского купечества в первой половине XIX века. Оренбург, 2010.

Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014.

Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.

Роднов М.И. Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016.

Роднов М.И. Вокруг банка // Река времени. 2017. Уфа, 2017. С. 120–137.

[17] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 1.

[18] Попов П. Бирск // Оренбургские губернские ведомости. 1851. 26 мая.

Rodnov M.I.

The Ufim ministry of the middle of the 19th century: the experience of reconstruction

The history of business in the Southern Urals in the first half of the 19th century is poorly understood. The main reason is the lack of reliable sources, therefore it is necessary to use all materials (press, legal and church documents). The example of the city of Ufa shows the results of using these materials.

Keywords: *history, merchant class, South Ural, Ufa, first half of the 19th century*

Рябая Светлана Анатольевна
к.и.н., доцент, заведующая кафедрой Истории российской государственности, Ижевский государственный технический университет (Ижевск, Россия)
E-mail: *saryaba@mail.ru*

О СОСТОЯНИИ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

УДК 930(470.51)

В статье проанализировано состояние химической отрасли промышленности Вятской губернии в первые два десятилетия XX в. Показано влияние Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. на работу данной отрасли промышленности. Рассмотрена одна из составляющих организационных мероприятий советской власти — процесс национализации отрасли в 1918 г.

Ключевые слова: *химическая промышленность, Вятская губерния, Первая мировая война, национализация*

Изучение промышленности Вятской губернии имеет давние традиции. Но следует отметить неравномерность изучения разных отраслей промышленного производства. Наибольшее внимание уделялось изучению металлургической промышленности: для начала XX в. оказались изученными вопросы капиталистической перестройки и акционирования горнозаводских округов, технического переоснащения предприятий. Такие отрасли, как частное оружейное производство, кожевенно-обувное, стекольное, фосфорно-спичечное рассматривались фрагментарно и только в краеведческих изданиях[1]. Поэтому цель исследования состоит в том,

[1] Васильев А.П. К истории ижевского частного оружейного производства (1867–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Устинов, 1986. С. 85–94; Пугаева Н.П. Развитие промышленности Удмуртии в периоде капитализма (1861–1917 гг.) // Там же. С. 76–84; Никулина Н.И. К вопросу о развитии предпринимательства в спичечном производстве Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 178–179; Липина С.А. К истории развития спичечного производства в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX веков //

чтобы охарактеризовать состояние химической промышленности Вятской губернии в первые два десятилетия XX в.

Источниковой базой выступил комплекс архивных документов, сосредоточенных в Государственном архиве Кировской области, Центральном государственном архиве Удмуртской Республики, опубликованные справочные издания по Вятской губернии и России в целом: «Обзор Вятской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора», материалы провинциальной (губернской и уездной) периодической печати: «Прикамская жизнь», «Вятское народное хозяйство». К числу опубликованных источников относятся сборники документов: «Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии». Документы статистического и справочного характера стали базой для отслеживания динамики производства в исследуемый период.

Необходимо отметить, что в начале XX в. типология промышленных предприятий по отраслям промышленности определялась Вятским губернским статистическим комитетом. Так, по сведениям, публикуемым в ведомостях о фабриках и заводах «Обзора Вятской губернии. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора», предприятия химической и фосфорно-спичечной промышленности относились к числу смешанных производств. В эту же группу входило и производство минерально-фруктовых вод. По сведениям Вятского губернского продовольственного комитета и Вятского губернского совета народного хозяйства с 1918 г. в химическую отрасль промышленности региона входили предприятия, разделенные на три группы: I-я группа — неорганические химические производства, 2-я группа — производство спичек, 3-я группа — производства, основанные на сухой перегонке дерева[2].

В начале XX в. к химической промышленности Вятской губернии относились химические заводы и фосфорно-спичечные фабрики. В Елабужском уезде Вятской губернии функционировали два химических завода товарищества «Ушков П.К. и К°» — Кокшанский

Вестник Челябинского университета. 2011. № 34 (249). Сер.: История. Вып. 48. С. 31–34; и др.

[2] Обзор состояния химической промышленности в Вятской губернии // Вятское народное хозяйство. 1918. № 1–2. С. 5.

и Бондюжский. Они входили в число первых заводов России данной отрасли. На них выпускали сульфаты, соду каустическую, купорос, сернокислый глинозем, соляную и хромовую кислоту, белильную известь и т. д.[3] Часть выпускаемой продукции использовалась для нужд своих собственных производств, основная масса выпускалась «в потребление, для других различных областей промышленности (военных целей, для приготовления взрывчатых веществ, красок, для сельского хозяйства), для удовлетворения жизненных нужд населения»[4]. В годы Первой мировой войны количество химических предприятий в губернии увеличилось, хотя существенно картина в регионе не изменилась, поскольку в Глазовском уезде возникло одно химическое заведение с двумя работниками и общей суммой производительности в 600 руб., а в Сарапульском уезде — два заведения, на которых трудилось восемь человек и сумма производительности составляла 600 руб.

Наиболее крупные фосфорно-спичечные фабрики располагались в Вятском и Слободском уездах Вятской губернии. Почти для всех отдельных операций производства фабрики были оснащены машинами, приводимыми в движение механической силой. Имелись механические сортировочные машины, очистительные механические сушилки, механические наборные станки, бегуны для растирания масс, машины для опарафинивания спичечной соломки, машины для накладки спичек в коробки.

В начале XX в. наблюдалось увеличение производительности химических заводов и фосфорно-спичечных фабрик Вятской губернии. В фосфорно-спичечном производстве увеличилось количество фабричных заведений. В 1905 г. выработка спичек в Вятской губернии возросла до 193 000 ящиков[5]. В 1907 г. два химических завода, расположенные в Елабужском уезде, выработали товара на сумму более 2 млн руб. и получили значительную выгоду от продажи продукции.

---

[3] Рябая С.А. Состояние отраслей промышленности Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2012. С. 135.

[4] Обзор состояния химической промышленности в Вятской губернии. С. 5.

[5] ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 655. Л. 60–61.

Таблица 1

Характеристика химической промышленности Вятской губернии накануне и в годы Первой мировой войны*

	Период, *год*				
	1911	1912	1913	1914	1915
Химическое производство					
Количество предприятий	2	2	2	2	5
Производительность, *руб.*	2 304 000	2 864 600	2 556 900	2 517 300	3 712 857
Количество работников, *чел.*	1 130	1 380	1 245	1 151	1 124
Фосфорно-спичечное производство					
Количество предприятий	9	9	9	10	12
Производительность, *руб.*	2 172 675	2 247 524	2 504 484	3 416 652	3 554 200
Количество работников, *чел.*	1 589	1 426	1 314	1 565	1 336

* Составлено по данным ведомостей о фабриках и заводах «Обзора Вятской губернии…» за 1911–1915 гг.

В годы Первой мировой войны химические заводы Вятской губернии работали исключительно на оборону государства и выпускали продукцию, необходимую для военных целей. В военные годы ассортимент производства был представлен серной кислотой, глиноземом, хромовыми квасцами, медным и железным купоросом, соляной кислотой, купоросным маслом, сульфатом и хлорной известью.

В годы Первой мировой войны военные заказы дали возможность химическим заводам губернии увеличить производство. В конце 1915 г. Бондюжский химический завод получил выгодный военный заказ на выпуск серной кислоты и выделил на расширение производства 1 075 тыс. руб.[6] В 1916 г. производительность Бондюжского завода достигла 3 430 тыс. пуд. продукции на общую сумму 21 700 тыс. руб.[7] В гончарном отделении Кокшанского

[6] Прикамская жизнь. 1916. 26 апр.
[7] Вятской народное хозяйство. 1918. № 1–2. С. 5.

завода занимались производством химической глиняной посуды и кислото- и огнеупорного кирпича. В 1916 г. производительность гончарного отделения составила 19 500 пуд. химической глиняной посуды и 83 500 пуд. кислото- и огнеупорного кирпича.

В условиях Первой мировой войны производство спичек в Вятской губернии значительно сократилось. Этому способствовали сильное сокращение опытных рабочих из взрослых мужчин и замена их женщинами и подростками, вызванные мобилизацией, привлечение крестьянского населения к принудительным работам по вывозке, вырубке дров, перевозке грузов для Ижевских и Воткинского заводов[8]. Кроме того, причинами сокращения выпуска продукции были: недостаток различных материалов для производства, особенно химических (фосфор, парафин и др.), получаемых из-за границы, вследствие транспортного кризиса, замена высшего сорта муки, необходимой для клейки коробов, более плохим. Производительность спичек всеми фабриками Вятской губернии в 1916 г. снизилась на 42 % по сравнению с 1914 г. Но стоимость одного ящика спичек, выпущенных в 1914 г. в среднем без акциза составляла 4 руб. 85 коп., а в 1916 г. — 16 руб. 65 коп. Таким образом, стоимость одного ящика спичек без акциза возросла почти на 250 %[9].

Таблица 2

Характеристика фосфорно-спичечных фабрик Вятской губернии в годы Первой мировой войны

Уезды	Наименов. фирмы	Число рабочих в 1915 г.		Число рабочих в 1917 г.		Кол-во двигат.	Производитель ность ящик (100 пачек)	
		Всего	в т. ч. взросл. муж.	Всего	в т. ч. взросл. муж.		1914 г.	1916 г.
Вятский	Торговый дом А. и Н. Бровцыны	220	171	166	54	1 пар.	67 824	28 383
	Торговый дом И.И. Сапожникова с сыновьями	610	399	126	61	3 пар.	124 257	29 415
	Его же	Не было		372	151	1 пар.	–	23 229

[8] ЦГА УР. Ф. 114. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–7.
[9] Вятской народное хозяйство. С. 7.

Уезды	Наименов. фирмы	Число рабочих в 1915 г.		Число рабочих в 1917 г.		Кол-во двигат.	Производитель ность ящик (100 пачек)	
		Всего	в т. ч. взросл. муж.	Всего	в т. ч. взросл. муж.		1914 г.	1916 г.
Слободской	Тов-во Г.И. Ворожцовой и К°	429	245	85	82	2 пар.	55 948	39 274
	Акционерное общество Рылова и Лескова	300	211	323	73	1 пар.	73 930	38 985
Котель-нический	Тов-во А. и Я. Зубаревы	195	92	150	30	1 пар. 1 нефт.	18 034	19 395
Орловский	Колотов и Фуфачев	24	17	32	11	1 кер.	10 057	5 036
Яранский	Крутовских	30	14	70	13	1 нефт.	3 000	8 700
	Родигина	35	35	30	6	1 конн.	7 600	5 800
	Соломина	48	25	64	15	1 нефт.	10 00	8 854
	Щербакова	71	19	97	19	1 нефт.	12 000	14 647
Итого	11 фабрик	1 962	1 228	1 515	515	15*	382 650	221 718

* общей мощностью 400 л. с.

В 1916 г. в губернии насчитывалось 12 спичечных фабрик, крупнейшими из которых были две, основанные И.И. Сапожниковым, а также фабрики А.Я. Бровцына и Г.И. Ворожцовой[10].

Революционные события 1917 г. оказали влияние на развитие химической отрасли промышленности Вятской губернии. По разным причинам стали закрываться промышленные предприятия. Так, в июле 1917 г. в виду отсутствия материалов были закрыты спичечные фабрики Торговых домов А. и Н. Бровцыны и И.И. Сапожникова с сыновьями[11].

В конце 1917 г. начавшаяся снизу «неурегулированная» национализация промышленных предприятий Вятской губернии затро-

[10] ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 879. Л. 40.
[11] Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 890. Л. 208.

нула 19 предприятий и 25 отдельных фабрик и заводов, входящих в их состав. Предприятия химической промышленности Вятской губернии были национализированы в апреле 1918 г. По декрету о национализации предприятий Товарищества химических заводов «П.К. Ушкова и К°» Бондюжский и Кокшанский химические заводы, рудники, каменоломни, месторождения полезных ископаемых, торфяники и другое недвижимое имущество «объявлялись достоянием Российской Республики»[12]. Национализированные предприятия П.К. Ушкова и К° были объединены в общем центральном управлении с Чернореченскими химическими заводами «Земгора» и получили название «Государственные Волжско-Камские химические заводы»[13]. Речной цех химических заводов П.К. Ушкова остался подсобным хозяйством для обслуживания химических производств. Иначе сложилась ситуация с Бондюжским химическим заводом. В начале 1918 г. делегация рабочих во главе директором Л.Я. Карповым направилась в Петроград с предложением о национализации предприятия, решение о его национализации было принято в феврале 1918 г.

Спичечные фабрики Вятской губернии подверглись национализации одни из последних. Первая и вторая спичечные фабрики Торгового дома И.И. Сапожников с сыновьями были национализированы Вятским Советом рабочих и солдатских депутатов в январе-марте 1918 г., поскольку владелец предприятий не подчинился «требованиям инструкции по введению рабочего контроля»[14]. Спичечная фабрика Товарищества А. и Я. Зубаревых, расположенная в Котельническом уезде, перешла в управление административно-хозяйственного совета по решению Котельнического военно-революционного комитета в марте 1918 г. из-за отказа бывшего владельца пустить фабрику в ход[15]. В октябре 1918 г. были секвестрованы и переданы в управление рабочему комитету спичечные фабрики, принадлежавшие Торговому дому А. и Н. Бровцыны и

[12] Декреты и распоряжения по народному хозяйству // Вятское народное хозяйство. 1918. № 3. С. 39.
[13] Там же.
[14] К вопросу о национализации промышленных предприятий // Вятское народное хозяйство. 1918. № 3. С. 13.
[15] Там же.

П.С. Родигину и Ф.Ф. Соболеву. И лишь в январе 1919 г. был наложен секвестр Вятским губсовнархозом на спичечную фабрику акционерного общества Рылова и Лесникова до национализации фабрики ВСНХ[16].

В течение 1918 г. были национализированы и взяты под непосредственное ведение Высшего Совета народного хозяйства 13 спичечных фабрик, из которых один не работала уже в течение 5 лет. Из 12 работающих спичечных производств 6 было национализировано, а остальные «находились в периоде национализации»[17].

Таким образом, химическая отрасль промышленности Вятской губернии в первые два десятилетия XX в. активно развивалась и постепенно увеличивала объемы производства. Первая мировая война способствовала расширению химических производств, но в то же время послужила причиной сокращения производства спичек ввиду отсутствия импортных материалов и сокращения количества рабочих. Революционные события 1917 г. и начавшийся общий спад производства в народном хозяйстве страны стал причиной упадка промышленного производства в Вятской губернии. С 1918 г. началась национализация промышленных предприятий региона. Предприятия – Кокшанский и Бондюжский химические заводы были национализированы в апреле 1918 г. и вошли в состав «Государственных Волжско-Камских химических заводов». В течение 1918 г. все фосфорно-спичечные фабрики Вятской губернии были взяты под управление Высшего Совета народного хозяйства. С 1918 г. начинается новый «советский» этап развития химической промышленности региона.

Библиографический список

Васильев А.П. К истории ижевского частного оружейного производства (1867–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Устинов, 1986. С. 85–94.

Липина С.А. К истории развития спичечного производства в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX веков // Вестник

[16] Список национализированных и секвестрованных предприятий // Вятское народное хозяйство. 1919. № 7. С. 26–27.

[17] Мероприятия за год в области промышленности // Вятское народное хозяйство». 1919. № 3–4. С. 4.

Челябинского университета. 2011. № 34 (249). Сер.: История. Вып. 48. С. 31–34.

Никулина Н.И. К вопросу о развитии предпринимательства в спичечном производстве Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // История и культура Волго-Вятского края. Киров, 1994. С. 178–179.

Пугаева Н.П. Развитие промышленности Удмуртии в периоде капитализма (1861–1917 гг.) // Вятское народное хозяйство. 1918. № 1–2. С. 76–84.

Рябая С.А. Состояние отраслей промышленности Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов II Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2012. С. 131–138.

Ryabaya S.A.

On the state of the chemical industry of Vyatskaya gubernia in the first two decades of the 20th century

The article shows the state of the chemical industry in the Vyatka province in the early twentieth century. The influence of the First World War, the revolutionary events of 1917 on the work of this industry was shown. One of the components of the organizational measures of the Soviet government was analyzed: the process of nationalization of the industry.

Keywords: *chemical industry, Vyatka province, World War I, nationalization*

Сухих Василий Валентинович
к.э.н., н.с., Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *vsuhih@mail.ru*

К ИСТОРИИ КОНЦЕССИИ К.Д. НОСИЛОВА — И.И. ЭЛЬПОРТА НА ПОСТРОЙКУ КАНАЛА ЧЕРЕЗ ЯМАЛ (1914–1917 гг.)

УДК 94(98)

В 1914 г. известный путешественник К.Д. Носилов получил концессию на постройку канала и обустройство водного пути через полуостров Ямал. В статье рассматривается предыстория проекта ямальского канала, деятельность К.Д. Носилова и его компаньонов по реализации концессии. В отличие от устоявшейся в литературе точки зрения делается вывод, что концессия изначально бралась для воплощения аферы с выпуском акций под будущие прибыли от канала, строить который и не входило в планы предприятия.

Ключевые слова: *К.Д. Носилов, И.И. Эльпорт, Ямал, канал, водный путь, концессия*

Известный путешественник и писатель К.Д. Носилов (1858–1923) не обделен вниманием современных исследователей, почти в каждой работе о нем упоминается получение концессии на постройку канала через Ямал и экспедиция 1916 г. для реализации этой концессии. Данное предприятие неизменно трактуется как патриотическое начинание на благо развития севера, итог более чем двадцатилетней деятельности путешественника по изучению Ямала и развитию судоходства в Карском море[1]. Но при обращении к документам и публикациям начала XX в. выясняется, что реальная картина деятельности К.Д. Носилова относительно канала на Ямале весьма далека от общепринятой версии.

Активное экономическое развитие Западной Сибири и возобновление коммерческого мореплавания по Карскому морю во второй половине XIX в. обнадежили российских и иностранных предпринимателей возможностью доставки на Тобольский север

[1] Омельчук А.К. Ямальский проект Константина Носилова // Лукич. Литературно-краеведческий журнал. Тюмень, 1998. Окт. Ч. 3. С. 16–18.

необходимых европейских товаров и ответного вывоза сибирской продукции Северным морским путем. Однако плавание на Обь с европейских портов затруднялось и значительно удорожалось необходимостью обхода Ямала, в ходе которого кораблям угрожали льды и тяжелые навигационные условия около малоизученного побережья без населенных пунктов и удобных гаваней. При этом были известны исторические документы о существовании в XVI–XVII вв. речных путей и волоков через Ямал, по которым поморы проводили свои суда на промыслы и для торговли в Мангазее. С конца XVIII в. появляются проекты по изучению старых и созданию, через постройку каналов, новых водных путей, позволяющих избежать плавания вокруг Ямала. В 1876 г. сразу две экспедиции занимались вопросом возможного водного пути через южную часть Ямала с Байдарацкой губы на Обь — экспедиция Общества для содействия русской промышленности и торговле и Бременская экспедиция А. Брэма и О. Финша. Обе экспедиции признали неосуществимость предлагаемых проектов создания канала[2]. После этого научные общества и правительственные учреждения вопросом изучения возможности постройки канала через Ямал в дореволюционный период не занимались, но отдельные частные лица по-прежнему отстаивали возможность и необходимость его постройки.

В начале XX в. самым известным сторонником канала был К.Д. Носилов, который выступал в печати как знаток Ямала и исследователь речных путей через него. Заинтересовавшись Ямалом после путешествий по Северному Уралу и на Новую Землю, он впервые отправился на полуостров из Обдорска 8 июля 1893 г. В 1897 г. предпринимает новую экспедицию, в ходе которой, как сам утверждает, нашел древний речной «мангазейский ход»: «Этот путь я только что этим летом отыскал и исследовал, и нет никакого сомнения, что он, обладая всем, чтобы быть удобным и дешевым, скоро будет единственным путем в Сибирь и совершенно исключит плавания по Карскому морю». Данный факт не

[2] Горобков Б.Н. К использованию Северного морского пути // Хозяйство Урала. Свердловск, 1925. Вып. 2. С. 129; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация. С. 267–272.

ставится под сомнение биографами К.Д. Носилова[3], тем не менее, сомнительно, что последний предпринимал какие-либо дальние экспедиции по Ямалу. Нет никаких достоверных сведений относительно его маршрутов по полуострову, объема выполненных исследований и полученных результатов. О путешествиях приходится судить почти исключительно по публицистическим произведениям, в которых автор сильно преувеличивал свои заслуги в изучении Ямала.

Прямо отрицал посещение Ямала К.Д. Носиловым такой осведомленный человек как многолетний глава Обдорской миссии И.С. Шемановский (игумен Иринарх). В своих письмах 1907–1908 гг. к исследователю Ямала Б.М. Житкову он крайне негативно отзывается о нем: «Пресловутый Носилов, нововременский корреспондент, так много писавший о Я-Мале и своих похождениях на нем, нам же лично достоверно известно, вовсе и не попадал на этот полуостров. Самоеды возили его по тундрам, но не Я-Мальским»; «“Известный” путешественник К.Д. Носилов много наделал зла, пособрав у самоедов кой-какие вещи бесплатно и пообещав награды от ученых обществ»[4]. В подробном «Хронологическом обзоре достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032–1910 гг.)», составленном И.С. Шемановским, указано, что К.Д. Носилов гостил в Обдорске в 1893 г.[5]. Носиловской экспедиции 1897 г. и последующих И.С. Шемановский не заметил. При этом никакое продолжительное путешествие по Ямалу невозможно было совершить без содействия чиновников и духовенства Обдорска. Научная экспедиция Б.М. Житкова на Ямал (1908) готовилась при содействии Российского географического общества и всех местных властей путем заблаговременных договоренностей о толмачах, проводниках, оленях и снаряжениях. К.Д. Носилов же обошелся вообще без серьезной подготовки и помощи местных властей, тем не менее, как утверждал, сумел пересечь Ямал и провести некие исследования речных путей.

---

[3] Омельчук А.К. Носилов. Свердловск, 1989. С. 92–93, 96.
[4] Шемановский И.С. Избранные труды. М., 2011. Т. 2. С. 250, 256.
[5] Там же. Т. 1. С. 246.

Со слов самого К.Д. Носилова указывается, что он планировал «описать полуостров Ямал между Обью и Карским морем в естественно-историческом и географическом отношении, чтобы получить ученую степень от Сорбонны». Но каких-либо научных и исторических материалов по Ямалу К.Д. Носилов так никогда и не опубликовал. В статье «Из путешествия на полуостров Ямал» путешественник говорит в основном о проблемах миссионерской деятельности среди самоедов, касается их образа жизни и обычаев[6]. В начале XX в. к путешественнику обратился гидрограф А.М. Филиппов, собирающий сведения о речных путях Ямала, но на свой запрос не получил от К.Д. Носилова удовлетворительного ответа. Фундаментальную работу о Ямале выпустил только Б.М. Житков в 1913 г.[7], причем ни разу не упомянул имени К.Д. Носилова, хотя составил подробный очерк истории исследований Ямала и выделил два речных пути через полуостров: северный, древний путь в Мангазею, и южный через Юрюбей[8]. Очевидно Б.М. Житков вполне доверился мнению И.С. Шемановского, что К.Д. Носилов не был на Ямале, и сам не нашел никаких следов пребывания его среди ямальских ненцев.

Тем не менее, К.Д. Носилов оставался знатоком Ямала в глазах широкой общественности и активно писал заметки о севере и проблемах Северного морского пути в разные популярные издания, доказывая, что регулярные плавания по Карскому морю невозможны из-за льдов и непредсказуемой погоды, так что выгодней построить канал через Ямал, используя открытый им старый речной путь. Отстаивание К.Д. Носиловым проекта канала через Ямал преследовало вполне корыстный интерес. В 1911 г. стало вести активную пропаганду акционерное общество «Societe Parisienne de Siberie», готовящее к продаже свои акции под громкие обещания обеспечения дешевого провоза грузов из Сибири в Европу через Ямал. Сулили дивиденды не менее 50 % на акцию, заручились поддержкой влиятельных людей в Санкт-Петербурге вплоть до П.А. Столыпина. Для начала организовывали экспедицию

[6] Носилов К.Д. Из путешествия на полуостров Ямал // Церковные ведомости: Прибавления. 1894. № 28. С. 940–948; № 29. С. 975–982.

[7] Житков Б.М. Полуостров Ямал // Записки ИРГО. СПб., 1913. Т. 49.

[8] Житков Б.М. Морской торговый путь в Сибирь. М., 1910. С. 12–14.

на Ямал и собирали скромные взносы. На практическую неосуществимость обещаний этого фантастического общества прямо указал в печати главный знаток Ямала Б.М. Житков, но неудача с размещением акций не остановила главу предприятия В.С. Терновского в желании нажиться на ажиотаже вокруг торговли и промыслов севера.

В 1913 г. стали выходить рекламные издания нового предприятия Т.С. Терновского — организации научно-промышленной экспедиции в Карское море для установления срочного пароходства по якобы вновь открытому кратчайшему пути К.Д. Носилова. Редактором рекламных изданий «Новоземельская газета» и «Северный журнал» был И.И. Эльпорт, а активным сотрудником К.Д. Носилов. Выдуманные описания якобы уже проведенных Т.С. Терновским с товарищами экспедиций и предпринятых мероприятий на Севере (вплоть до основания на Ямале целого порта, скромно названного Терновск) вызвали ожесточенную критику специалистов, разоблачавших мошенничество компании, опять собиравшейся под фантастические обещания выгодно продать свои акции[9].

Неудача вовсе не остановила сложившееся англо-франко-русское предприятие (И.И. Эльпорт, В.С. Терновский и К.Д. Носилов), пошедшее на новый виток пути к заветному размещению акций. Летом 1914 г. К.Д. Носилов отправился на своей яхте «Салетта» к восточному берегу Ямала, где якобы предпринял новые изыскания речных путей через полуостров. 28 августа 1914 г. в газете «Новое время», постоянным многолетним корреспондентом которой был К.Д. Носилов, появляется, вероятно им же и написанная, небольшая заметка «Северный путь»: «Известному исследователю и знатоку нашего Севера г. Носилову на полуострове Ямале удалось разыскать старинный новгородский водный путь из Европейской России в Сибирь. Найдены и исследованы озеро Тылонто и река Тыловка, чрез которые отважные мореходцы переправлялись из одной части света в другую. Осуществление морского пути из Сибири в Европейскую Россию и в Западную Европу через Ямал

[9] В-н Э. Промысловые богатства Русского Севера и привлекаемые ими иностранные «дельцы» // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. № 5–6. С. 55–75.

вполне возможно, доступно и не требует больших затрат. Водный путь в Сибирь через Ямал удлиняет навигационный период, освобождает пароходства от всех случайностей, сопряженных с плаванием через Карское море и дает возможность регулярных торговых морских сношений Сибири с Европой».

19 июля 1914 г. было утверждено положение Совета министров[10], согласно котором члену Императорского Русского географического общества К.Д. Носилову было предоставлено право на устройство для своих надобностей искусственного водного пути через полуостров Ямал, при условии соглашения предпринимателя с инородцами относительно прилегающих к этому речному пути земель, и с тем, чтобы размер денежного сбора за прохождение грузов через проектируемый канал устанавливался по соглашению предпринимателя с грузовладельцами[11]. Необходимо обратить внимание, что заявленный при подаче концессии проект был гораздо скромнее, чем в печатных заявлениях компаньонов: «Министр путей сообщения представил в Совет министров ходатайство К.Д. Носилова о предоставлении ему права на устройство и эксплуатацию искусственного водного пути через полуостров Ямал, между Байдарацкою губой Карского моря и Обскою губою. Предприниматель предполагает прорыть по водоразделу рек означенного полуострова небольшой канал, длиною не свыше 136 сажен… При помощи этого канала, а также углубления названных рек, получится непрерывный водный путь, длиною не свыше 200 верст, а именно по р. Средней, протяжением около 50 верст, начиная от впадения ее в Обскую губу до истока из озера Сяото, далее по названному озеру и устраиваемому между ним и северным безымянным протоком р. Юрюбея каналу, затем по упомянутому притоку и озеру Саонето, и, наконец, по р. Юрюбею, до впадения в Байдарацкую губу. По объяснению К.Д. Носилова, устройство означенного пути должно улучшить условия существования местного инородческого населения и будет способствовать приспособлению инородцев к оседлой жизни…

[10] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914 г. № 266. Ст. 2422.
[11] Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015. С. 247.

С другой стороны, этот водный путь приблизит полуостров к русским селеньям понизовья р. Оби и даст русскому элементу заселить полуостров»[12].

В созданном для реализации концессии торговым домом главным владельцем был И.И. Эльпорт — из 50 тыс. заявленного капитала ему принадлежали 48 тыс., по одной тысяче внесли К.Д. Носилов и В.С. Терновский. За взятие концессии на свое имя К.Д. Носилов получил от И.И. Эльпорта 20 тыс. руб. Организатором и главой Ямальской экспедиции был сам И.И. Эльпорт, хотя формально экспедиция считалась под руководством К.Д. Носилова. Все это было раскрыто при объяснении И.И. Эльпорта с тобольскими властями в 1916 г.

Начавшаяся мировая война, закрывшая вывоз русских товаров через Балтику и Черное море, благоприятствовала компаньонам: перевозки Северным морским путем стали коммерчески более выгодными и были взяты под особое попечение правительства. Вот только никаких перевозок и никакого канала не планировалось, хотя К.Д. Носилов не жалел обещаний в известиях для прессы. В как минимум двух публикациях[13] К.Д. Носилов обещал завершение работ по обустройству пути через Ямал к 1918 г. (самое позднее к 1920-му) и стоимость провоза пуда груза от Иркутска до Лондона не более 30 копеек. Невыполнимость этих обещаний была совершенно очевидна специалистам и явно неслучайно, что для публикации в специализированном журнале «Русское судоходство» К.Д. Носилов стоимость провоза груза скрыл, пообещав все же открытие канала для всеобщего пользования в 1918–1920 гг.[14]. Сроки постройки канала и стоимость перевозки пуда груза были фантастически неправдоподобными. В 1914 г., до повышения цен из-за войны, стоимость доставки пуда хлеба с Сибири оценивали в 52,83 коп. по железной дороге и 40 коп. Северным морским путем, причем эта дешевизна

[12] Проект внутреннего водного пути между Карским морем и устьем р. Оби // Русское судоходство. 1914. № 8. С. 46.

[13] Ямальская экспедиция // Новое время. 1916. № 14573. 30 сент. С. 6–7; Ямальская экспедиция // Известия архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 12. С. 508–510.

[14] Экспедиция на Ялмальский полуостров // Русское судоходство. 1916. № 12. С. 21–22.

была мнимой и достигалась предоставлением перевозчикам солидных государственных субсидий[15]. К.Д. Носилов же сулил экономически выгодное предприятие по перевозке грузов в самое ближайшее время при том, что у компаньонов на конец 1916 г. не было даже карт предполагаемого водного пути.

В практическом плане успехи компаньонов были более чем скромны. В 1916 г. была организована экспедиция на Ямал во главе с И.И. Эльпортом. В Петербурге он купил паровой бот «Детройт», переименованный в «Галя-Лию», в Тобольске купил шхуну «Юрюбей», зафрахтовал пароход «Аскольд» с баржей. Оказывали помощь И.И. Эльпорту органы власти: Министерство путей сообщения перевезло «Галю-Лию» в Омск, Морское министерство разрешило устройство на судах экспедиции радиотелеграфной станции, Военное министерство освободило рабочих от воинской повинности, с казны выдали даже дефицитные сахар и спирт на нужды экспедиции. Но к Ямалу И.И. Эльпорт не торопился, его караван неторопливо продвигался по Оби и в итоге зазимовал в Березове. До Обдорска доехал только сам И.И. Эльпорт, желая договориться с ненцами о содействии. Власти Тобольской губернии крайне негативно отнеслись к экспедиции, уверенные в том, что она преследует вовсе не те цели, что были заявлены официально, но предприятие имело в Санкт-Петербурге высоких покровителей, вынудивших губернские власти оказывать И.И. Эльпорту содействие[16].

К осени 1916 г. И.И. Эльпорт, по неясным причинам, решил открыто выступить в печати как владелец предприятия и руководитель экспедиции. Вряд ли можно предполагать некую размолвку между компаньонами, так как К.Д. Носилов не только не выступил с опровержением заявлений И.И. Эльпорта, но и продолжал с ним сотрудничать. Также весьма интересна статья И.И. Эльпорта 1917 г., в которой сказано, что «Знакомство мое с членом географического общества К.Д. Носиловым состоялось уже после того, как мною, совместно с В.С. Терновским, был предрешен проект прорытия канала через полуостров Ямал. В К.Д. Носилове я встретил своего единомышленника… И вот, К.Д. Носилов, по соглашению

[15] Чернышев В.П. Северный морской путь // Русское судоходство. 1914. № 10. С. 3.
[16] Софронов В. Экспедиция Эльгорта на Ямал // Югра. 2011. № 3. С. 72–76.

со мною, исходатайствовал в законодательном порядке разрешение соорудить на частные средства канал через полуостров Ямал, а я заключил с К.Д. Носиловым договор и отдал ныне дорогому делу и средства, и время и труд»[17]. Далее И.И. Эльпорт, споря с мнением Б.М. Житкова о северном варианте речного пути новгородцев через Ямал, ни слова не говорит о неких более ранних работах К.Д. Носилова: «В распоряжении моем не было и нет достаточного материала, чтобы проложить линию канала по карте. Руководствоваться картою, составленной профессором Житковым, нельзя»[18]. К.Д. Носилов не стал бы скрывать имевшиеся у него материалы по Ямалу от «своей» же экспедиции — подтверждается предположение, что никаких собственных карт и исследований рек у него и не было.

Несмотря на уверенность И.И. Эльпорта в успехе дела, его экспедиция и в 1917 г. не добралась до Ямала. Осенью 1917 г. суда и некоторые члены экспедиции все еще находились в Березове. К.Д. Носилов не поехал с якобы им возглавляемой экспедицией ни в 1916, ни в 1917 г. При этом «неудача экспедиции не помешала Эльпорту весной 1918 г. выступить в Петрограде с докладом организации акционерного общества по устройству и эксплуатации канала на Ямале и автосанного грузового сообщения в Западной Сибири. Доводы Эльпорта оказались малоубедительными, вызвали много возражений, акционеров не нашлось»[19]. Удивительно, но и на этом компаньоны не остановились, предложив свои услуги уже Советскому правительству, которое проплатило организацию экспедиции под руководством К.Д. Носилова (которого быстро и уже привычно сменил в должности И.И. Эльпорт) на Ямал в 1921 г. Эта экспедиция также закончилась безрезультатно, вызвав ожесточенные нападки на И.И. Эльпорта в прессе, что не помешало ему пытаться заинтересовать каналом через Ямал местные власти в Свердловске, впрочем, безрезультатно.

Необходимо признать, что если даже проект постройки канала К.Д. Носиловым изначально и не был авантюрным, то с 1911 г.

[17] Эльпорт И.И. Через Ямал // Природа и люди. 1917. № 22. 30 марта. С. 305–307.
[18] Там же.
[19] Горобков Б.Н. К использованию Северного морского пути // Хозяйство Урала. Свердловск, 1925. Вып. 2. С. 130.

путешественник был активным соучастником готовящегося мошенничества по созданию акционерного общества Ямальского канала. Две первые попытки раскрутки этого акционерного общества были сорваны в 1911 и 1913 г., но в 1914 г. «Societe Parisienne de Siberie», превратившись в «Торговый дом И.И. Эльпорт и К°», сумело получить концессию на постройку и эксплуатацию канала, при этом заявленный правительству проект был гораздо скромнее и носил исключительно местное значение, в то время как для газетных публикаций канал описывался частью дешевого и быстрого пути грузоперевозок товаров между Лондоном и Сибирью. К.Д. Носилов обманывал публику как по предполагаемой выгодности своего проекта, так и по срокам его реализации. Экспедиция 1916–1917 г. была для компаньонов лишь имитацией деятельности, поэтому, при всевозможной помощи от государства, даже не сумела добраться до Ямала. Нелепость затеи с каналом была изначально очевидна для специалистов, решительно выступавших против подобных проектов, так что успех компаньонов в получении концессии и содействия властей объясним только неким высоким покровительством, оберегавшим предприятие. Тем не менее, многолетняя подготовка аферы не помогла, и акционирование канала в очередной раз было сорвано.

Сомнительно, что вообще была необходимость в канале через Ямал. Практическую ценность для современного мореплавания речных путей через полуостров отрицал Б.М. Житков, исследовав реки и озера по двум возможным маршрутам. Небольшие лодки вполне могли пересекать Ямал без всяких каналов, что доказало плавание карбаса «Щелья» по мангазейскому ходу в 1967 г.[20] Для прохода же крупных морских судов требовалось построить канал сопоставимый с Кильским, что при краткости северной навигации никогда бы не окупилось, тем более что каналом спрямлялся только путь на Обь, а суда к Енисею по-прежнему обходили бы Ямал с севера. Если же делать водный путь лишь углублением существующих русел рек и постройкой небольшого канала между ними для прохода речных судов (как предлагали К.Д. Носилов и И.И. Эльпорт) то возникала потребность в перегрузочном

[20] Буторин Д.А., Воробьев Б.Т. Мангазейский ход. М., 1970. С. 144–169.

комплексе, в постройке крупного порта на западном побережье Ямала. А.М. Вихман справедливо указывал, что при проекте К.Д. Носилова речные суда должны будут идти до канала через Обскую губу, подвергаясь всем опасностям плавания в Карском море. При этом и западный выход из водного пути через Ямал вовсе не безопасен и не свободен ото льдов. Если же льда у побережья Ямала нет, то крупным кораблям не составляет труда самим добраться до устья Оби вокруг Ямала[21]. Справедливо указывалось, что никаких преимуществ по сравнению с существующим путем вокруг Ямала канал не дает[22]. Все подобные соображения были учтены при развитии Северного морского пути в советские годы, и после безрезультатных экспедиций И.И. Эльпорта в первой половине 1920-х гг. изыскания по проекту ямальского канала были прекращены.

Библиографический список

Буторин Д.А., Воробьев Б.Т. Мангазейский ход. М., 1970.

Вихман А.М. Морские сообщения Сибири. Красноярск, 1919.

В-н Э. Промысловые богатства Русского Севера и привлекаемые ими иностранные «дельцы» // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913 г. № 5–6. С. 55–75.

Горобков Б.Н. К использованию Северного морского пути // Хозяйство Урала. Свердловск, 1925. Вып. 2. С. 128–133.

Житков Б.М. Морской торговый путь в Сибирь. М., 1910.

Житков Б.М. Полуостров Ямал // Записки ИРГО. СПб., 1913. Т. 49.

История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация.

Носилов К.Д. Из путешествия на полуостров Ямал // Церковные ведомости: Прибавления (неофициальная часть). 1894. № 28. С. 940–948; № 29. С. 975–982.

Омельчук А.К. Носилов. Свердловск, 1989.

Омельчук А.К. Ямальский проект Константина Носилова // Лукич. Литературно-краеведческий журнал. Тюмень, 1998. Окт. Ч. 3. С. 16–18.

[21] Вихман А.М. Морские сообщения Сибири. Красноярск, 1919. С. 31

[22] Горобков Б.Н. К использованию Северного морского пути // Хозяйство Урала. Свердловск, 1925. Вып. 2. С. 131–133.

Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX — начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015.

Софронов В. Экспедиция Эльгорта на Ямал // Югра. 2011. № 3. С. 72–76.

Чернышев В.П. Северный морской путь // Русское судоходство. 1914. № 10. С. 1–10.

Шемановский И.С. Избранные труды: в 2 т. М., 2011. Т. 1–2.

Эльпорт И.И. Через Ямал // Природа и люди. 1917. № 22. 30 марта. С. 305–307.

Suhih V.V.

To the history of the concession K.D. Nosilov — I.I. Elport for the construction of the canal through the Yamal (1914–1917)

In 1914 the famous traveler K.D. Nosilov received a concession for the construction of a canal and arrangement of a waterway through the Yamal peninsula. The article considers the background history of the project of the Yamal Canal, activity of K.D. Nosilov and his partners for the implementation of the concession. Unlike the established point of view, the conclusion is drawn that the concession was originally taken to implement the scam with the issue of shares for future profits from the channel, which was not included in the plans of the enterprise.

Keywords: *K.D. Nosilov, I.I. Elport, Yamal, canal, waterway, concession*

Федосеев Роман Васильевич
д.и.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (Саранск, Россия)
E-mail: *fedoseevrv@gmail.com*

Богатырев Эдуард Дмитриевич
д.и.н., профессор кафедры истории России, Мордовский государственный университет (Саранск, Россия)
E-mail: *edbog@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДВОРЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

УДК 94(470.40/.43):323

В статье рассматривается развитие основных отраслей дворянской промышленности в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в. Проанализированы факторы и условия, способствовавшие либо препятствовавшие развитию тех или иных отраслей промышленности в рамках дворянских хозяйств. Сделан вывод о том, что в среде дворянской промышленности рассматриваемого региона помимо нескольких довольно больших предприятий в суконной и винокуренной отраслях крупных заводов не имелось. При этом практически все предприятия, так или иначе, были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: *дворянское хозяйство, Среднее Поволжье, имение, винокурение, суконное производство, переработка продукции, предприятие*

Особым видом хозяйственной деятельности поместного дворянства являлось предпринимательство, которое было слабо связано с традиционными дворянскими занятиями — с хозяйством и, особенно, с государственной службой[1].

[1] Федосеев Р.В., Богатырев Э.Д. Кризис дворянского землевладения в конце XIX в. и проекты его преодоления // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 31–36; Они же. Система органов дворянского сословного самоуправления во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего

К промышленной деятельности высшее сословие стало приобщаться задолго до отмены крепостного права. Еще в середине XVII в. в Среднем Поволжье действовали дворянские поташные предприятия, которые затем были отписаны в казну[2]. Активизации промышленной деятельности дворянства способствовало лояльное законодательство. Первым шагом в данном направлении был Сенатский Указ от 19 июля 1754 г. Согласно ему к подрядам на закупки вина допускались только «помещики и вотчинники», которые к тому же «в размножении своих винокуренных заводов к поставке вина крайнее старание прилагали», по сути, предоставив дворянству монополию на винокуренное производство[3]. Манифест от 28 июня 1782 г. распространил право собственности владельцев имений не только на поверхность земли, но и на ее недра и воды, а также на все «сокровенные минералы и произращения, и на все делаемые из того металлы», разрешалось «каждому в собственные его землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы… також каменья, не исключая драгоценных; и все то по собственному своему произволению обрабатывать или своими людьми или вольнонаемными»[4]. «Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» 1785 г. подтверждала право дворян «оптом продавать, что у них в деревнях родиться, или рукоделием производится»,

Поволжья) // Актуальные научные исследования в современном мире. Переяслав-Хмельницкий, 2017. Вып. 10 (30). Ч. 5. С. 5–10.

[2] Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в конце XVII — первой половине XVIII века. Саранск, 2001; Он же. Казенная поташная промышленность России в условиях модернизационных процессов первой половины XVIII века: основные тенденции развития // Экономическая история. 2010. № 4. С. 27–36; Богатырев Э.Д., Першин С.В. Приписное крестьянство мордовского края в контексте развития казенной поташной промышленности России // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 17–22; Богатырев Э.Д. Экспортоориентированная казенная промышленность России во второй половине XVII–XVIII веках. Саранск, 2010.

[3] О допущении к подрядам на поставку вина одних помещиков, и о возбранении курить вино другого звания людям: указ Сената от 19.07.1754 г. // ПСЗ–I. Т. 14. № 10261.

[4] О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащихся: манифест от 28.06.1782 г. // ПСЗ-I. Т. 21. № 5447.

и разрешала иметь «фабрики и заводы по деревням», в своих вотчинах «заводить местечки, и в них торги и ярмарки…»[5]. В 1802 г. дворянству было дано право «производить заграничную оптовую торговлю, если кто из них пожелает сим правом пользоваться, неся обязанности и платя повинности с ним сопряженные»[6]. В целях укрепления связи между дворянством и купечеством, а также «дабы Дворяне, не состоящие в военной и гражданской службе, содействовать могли общему благу на поприще трудолюбия торгового» в 1807 г. им предоставили право вступать в первую и во вторую купеческие гильдии[7]. Указом 1827 г. потомственным и личным дворянам разрешалось «заводить и содержать в городах фабрики и заводы с дозволением записываться не только в первую, но и во вторую и третью гильдии, с платежом и городских повинностей», но «записанные в третью гильдию не должны торговать фабричными своими изделиями в других городах»[8].

При рассмотрении дворянского предпринимательства необходимо так же отметить, что практически вся промышленность в Среднем Поволжье так или иначе была связана с переработкой сельскохозяйственной продукции. Развитие перерабатывающей промышленности в пореформенный период сыграло решающую роль в создании первоначального капитала, приучало помещиков к экономическому расчету и знакомило с рынком. Предприятия, начатые на самом примитивном уровне, постепенно совершенствовались.

Отмена крепостного права и связанных с этим исключительных привилегий поместного дворянства в землевладении и промышленных отраслях привела к втягиванию дворянских хозяйств в сферу товарного обращения, потере сословием монопольного

---

[5] Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21.04.1785 г. // ПСЗ-I. Т. 22. № 16187.

[6] О дозволении помещикам производить заграничную оптовую торговлю: указ от 04.11.1802 г. // ПСЗ-I. Т. 27. № 20493.

[7] О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий: манифест от 01.01.1807 г. // ПСЗ-I. Т. 29. № 22418. Ст. 6.

[8] О некоторых облегчениях по гильдейским повинностям: указ от 21.12.1827 г. // ПСЗ-II. Т. 2. № 1631.

положения в традиционно дворянских сферах производства и в некоторых случаях к ликвидации дворянских предприятий.

На первый взгляд, с проведением крестьянской реформы и быстрым развитием капитализма в сельском хозяйстве возможности получения внеземледельческих доходов в форме предпринимательской прибыли у дворянства резко возросли, однако не все представители высшего сословия смогли быстро отказаться от безбедного существования за счет труда крепостных. Оставшиеся в наследство от дореформенной эпохи небольшие заводы, предназначенные главным образом для обработки сельскохозяйственной продукции, стали быстро приходить в упадок, не выдерживая конкуренции с новыми, технически оснащенными предприятиями.

К такой ситуации привело то, что в результате реформ 1860-х гг. дворянское сословие лишилось ряда важных привилегий. Наиболее чувствительной стала потеря бесплатного крепостного труда, на котором базировалось большинство отраслей дворянского хозяйства. Были ликвидированы сословные ограничения в торгово-промышленном предпринимательстве. Положение 1863 г. «О пошлинах на право торговли и других промыслов»[9] юридически предоставило всем равные возможности в этой сфере.

Указанные обстоятельства существенно сказались на положении дел в, пожалуй, самой дворянской отрасли промышленности — винокурении. Положение о питейном сборе 1861 г., ликвидировавшее винные откупа, одновременно уничтожило монополию поместного дворянства в винокурении. В соответствии с этим положением правом заниматься винокурением помимо дворян и чиновников получили войсковые обыватели, колонисты и поселенцы, имевшие на то специальное разрешение, а также все лица, имевшие право на заводскую и фабричную промышленность[10].

Взамен винных откупов была введена акцизная система, при которой в пользу государства взимался налог с продуктов винокуренного производства[11].

[9] Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов от 01.01.1863 г. // ПСЗ-II. Т. 38. № 39118.

[10] Положение о питейном сборе от 04.07.1861 г. // ПСЗ-II. Т. 36. № 37197.

[11] Там же.

Винный акциз отражал в большей мере интересы крупных спиртозаводчиков. В то же время по небольшим винокуренным производствам новая система сборов наносила тем самым серьезный удар[12].

Однако, несмотря на все трудности пореформенного времени, винокурение продолжало оставаться крайне выгодным видом хозяйственной деятельности в среде поместного дворянства, представители которого производили миллионы литров спирта, что приносило им значительный доход. Например, у надворного советника С.П. Шелашникова в Бугульминском уезде Самарской губернии в имении имелся винокуренный завод, на котором в 1877 г. было выкурено 2 602 662 градуса спирта, оборот составил 208 813 руб., здесь при 8 квасильных чанах, 1 заторе и 2 бражных кубах трудились 35 рабочих[13]. На заводе полковника Д.С. Осоргина в Бугурусланском уезде той же губернии в 1882 г. было выкурено 153 тыс. ведер спирта, и оборот был довольно большим — 168,3 тыс. руб.[14]

Следует сказать о том, что многие помещики не ограничивались только выкуркой спирта, обычно развивая его дальнейшую переработку (открывали водочный или пивоваренный завод), организуя сбыт произведенной продукции и осваивая сопутствующие производства, в первую очередь мукомольное и стекольное. Например, у упомянутого нами Д.С. Осоргина в его имении помимо винокуренного завода имелся водочный завод, вырабатывавший 5 тыс. ведер водки в год на сумму 25 тыс. руб. К тому же в его собственности находился пиво-медоваренный завод, производивший 6 тыс. ведер пива на сумму 1 800 руб. в год[15]. Подобная структура производства была и у гвардии-полковника А.Е. Пашкова. В его распоряжении имелся водочный завод, расположенный в г. Николаевске одноименного уезда Самарской губернии. В 1877 г. на заводе производилось 10 тыс. ведер водки на сумму 25 тыс. руб., причем спирт поступал на завод с соб-

[12] Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: обозрение. М., 2007. Вып. 13. С. 138.

[13] ЦГА СО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 56об.–57.

[14] Там же. Д. 22. Л. 16–16об.

[15] Там же.

ственного винокуренного завода, находившегося в с. Никольское Сызранского уезда Симбирской губернии, там же у предприимчивого помещика располагался второй, более крупный, водочный завод, на котором производилось 16 тыс. ведер водки на сумму 70 тыс. руб. в год. При этом он содержал еще и оптовый винный склад, с которого проводилась розничная торговля в Николаевском и Бузулукском уездах Самарской губернии[16].

В целом, винокурение в Среднем Поволжье являлось одним из основополагающих видов перерабатывающей промышленности, вокруг которого складывалась система поставщиков сырья, переориентировавших свои хозяйства на обслуживание этих заводов. Увеличение объемов производства в районах винокурения могло положительно влиять на развитие торгового земледелия (увеличение посевов картофеля), животноводства (увеличивался откорм скота отходами производства), расширение сферы применения вольнонаемного труда. Кроме того, винокурение долгое время положительно влияло на хлебный рынок средневолжских губерний.

Во второй половине XIX в. одной из важнейших отраслей промышлености в Среднем Поволжье являлось суконное производство, и хотя она была представлена относительно небольшим количеством предприятий, зато большинство суконных фабрик находилось в собственности дворянства. Например, в 1862 г. в Симбирской губернии из 35 суконных фабрик только 4 принадлежали купцам, остальные — дворянам[17].

В исследуемый период эта отрасль промышленности была наиболее распространена в Симбирской и Пензенской губерниях, что подтверждается данными официальной статистики. Так, в 1863 г. в Симбирской губернии общая сумма производства на всех промышленных предприятиях составила 2 838 363 руб., а только на суконных фабриках — 2 394 299 руб. (или 84,3 %), в свою очередь в Пензенской губернии общая сумма производства равнялась 1 897 189 руб., а сумма производства на суконных фабриках — 1 043 538 руб. (или 55,0 %). Иными словами, данная отрасль

[16] Там же. Д. 13. Л. 32–33, 35.

[17] Материалы для географии и статистики России… Симбирская губерния. Ч. 2. С. 26.

промышленного производства была определенно главенствующей в указанных средневолжских губерниях. Этого нельзя сказать о Самарской и Казанской губерниях, здесь, напротив, она не играла ведущей роли. Например, в Самарской губернии в 1863 г. общая сумма производства составляла 2 781 177 руб., при этом доля суконной промышленности — 348 677 руб. (или 12,5 %), в Казанской губернии и того меньше: из 3 882 384 руб. общей суммы производства суконная промышленность занимала 76 249 руб. (или лишь 2,0 %)[18]. В целом же в Среднем Поволжье доля суконной промышленности равнялась 33,9 % от общей суммы производства по всем отраслям.

Массовое развитие суконного производства в среде поместного дворянства объясняется рядом причин. В первую очередь это покровительственная политика правительства, которое размещало заказы на поставку сукна, при этом исполнителю заказа гарантировался прием всей выработанной продукции по фиксированной цене, а так же выдавался аванс в счет будущих поставок, что обеспечивало предприятие деньгами на текущие производственные расходы. Вторая причина кроется в довольно развитой речной системе бассейна Волги, что обусловило возможность использования в качестве основной движущей силы водяного привода. При этом, как отмечает В.М. Арсентьев, «даже если фабрика находилась не на реке, а для получения механической энергии использовалась конная сила, то все равно ряд производственных операций (мытье шерсти, валяние, промывка и окраска сукон и др.), для осуществления которых была необходима вода, обязательно выполнялись на какой-либо близлежащей речке»[19].

Несмотря на занимаемое высокое место в общей структуре промышленности изучаемого региона и большие объемы производства, дворянская суконная промышленность в первые десятилетия после реформы находилась в кризисном состоянии. Причинами этого явились в первую очередь, отмена крепостного права и пере-

[18] Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. С. 55.

[19] Арсентьев В.М. От протоиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004. С. 190.

ход к вольнонаемному труду, что привело к нехватке рабочих рук и увеличению расходов на заработную плату, а во вторую — то, что большинство дворянских суконных фабрик было ориентировано на поставки по государственным заказам, объемы которых тогда были существенно снижены, в добавление к низкой цене, определенной Военным министерством на поставку армейских сукон. Кроме того, в данный период наблюдалось значительное повышение цен на шерсть — основное сырье для переработки.

В результате указанных факторов многие фабрики, особенно те, которые были основаны на труде крепостных крестьян, стали непосильной ношей для своих владельцев. На часть из них значительно сократились объемы производства. В Симбирской губернии, например, две фабрики тайного советника А.Н. Скребицкого в с. Теренга и д. Вельяминовка Симбирского уезда, производившие в 1861 г. сукон на сумму 60 тыс. руб., к 1862 г. сократили производство на 10,5 тыс. руб., фабрика действительного статского советника И.П. Бобылева, находившаяся в Сенгилеевском уезде, уменьшила производство в четыре раза, а ротмистра П.Ф. Дурасова в Карсунском уезде — наполовину[20].

Другие начали сдавать свои фабрики в аренду купцам, которые впоследствии переходили к последним в собственность. Примером может служить фабрика графа М.А. Шувалова в Городищенском уезде Пензенской губернии, в 1869 г. сданная владельцем в аренду купцу С.О. Катаеву[21]. В Симбирской губернии Теренгульская фабрика при с. Тереньга Сенгилеевского уезда, принадлежавшая баронессе Стремфельд, арендовалась Торговым домом вдовы купца Акчурина с сыновьями по контракту с 1 декабря 1867 г. по 1 декабря 1874 г.[22].

Третьи полностью его прекратили, например, в 1872 г. закрыл свою суконную фабрику И.А. Арапов в с. Андреевка Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии[23]. В середине 1880-х гг.

[20] Материалы для географии и статистики России… Симбирская губерния. Ч. 2. С. 26.

[21] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. Пенза, 1873. С. 97.

[22] Шкунов В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск, 2011. С. 101.

[23] Обзор Пензенской губернии за 1872 г. С. 7.

закрылась фабрика, построенная еще в 1769 г. в имении князей Голицыных в с. Тереньга Симбирского уезда Симбирской губернии[24].

Все эти обстоятельства привели к тому, что число фабрик, принадлежавших дворянству, резко сократилась. Так, если в 1862 г. в Симбирской губернии из 35 действовавших суконных фабрик поместному дворянству принадлежала 31, то уже в 1869 г. их функционировало лишь 25, из них 10 принадлежали купцам, 7 — были у купцов в аренде, и только на 8 производством занимались дворяне[25].

Таким образом, в пореформенный период суконная промышленность Среднего Поволжья находилась в переходном состоянии. Зародившаяся как исключительно дворянская она, на протяжении второй половины XIX в. постепенно превратилась в промышленность купеческую. Играя важную роль в экономике средневолжских губерний, прежде всего Симбирской и Пензенской, данная отрасль постепенно утрачивала то определяющее значение, которое имела в первой половине века для дворянского хозяйства региона. В то же время у тех поместных дворян, которые решились ее развивать и после крестьянской реформы, она продолжила играть важнейшую роль, принося большие доходы, а также способствуя развитию такой отрасли сельскохозяйственного производства, как овцеводство.

Как было нами отмечено ранее, во второй половине XIX в. в исследуемом регионе основной отраслью экономики являлось сельское хозяйство, в данной сфере было занято практически все население. Данное обстоятельство предопределяло и основные занятия поместного дворянства, которые традиционно в большинстве своем занимались полеводством.

Во многом благодаря этому еще до реформы большинство поместных дворян обзавелись одной или даже двумя мельницами в основном для обработки собственного зерна. Данный вид обрабатывающего производства в среде дворянского хозяйства Среднего Поволжья в первую очередь был направлен на переработку выращиваемых в имениях зерновых культур.

---

[24] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 442.
[25] Ауновский В.А. Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. 2. С. 85–86.

В пореформенный период указанная отрасль хозяйствования активно развивалась и приносила немалую выгоду владельцам. Причем наличие мельниц было характерным явлением как для крупных землевладельцев, так и для мелкопоместных хозяев. Так, в Симбирской губернии князю А.А. Бестужеву в С. Репьевка Сызранского уезда принадлежала мельница, производившая муки, пшена и отрубей на сумму более 150 тыс. руб. в год[26]. В имении тайного советника Д.П. Еремеева в Свияжском уезде Казанской губернии находилась мельница с доходом 2 600 руб. в год[27]. У подполковника В.В. Обухова в том же уезде имелись две водяные мельницы с общим доходом 1 200 руб. в год[28]. У действительного статского советника Н.А. Бобровикова в имении при С. Шармаши Лаишевского уезда имелись две мельницы в 2 и 4 постава, одна из которых ежегодно приносила своему владельцу 1 000 руб. дохода[29]. В Пензенской губернии у помещика Н.Н. Ермолаева в С. Елань мукомольная мельница перемалывала до 6 000 пудов зерна в год[30].

Одним из дополнительных источников дохода для поместного дворянства являлось право владельцев земли на ее недра, что позволяло использовать обнаруженные на территории поместий полезные ископаемые и источники. Данное обстоятельство служило основанием для распространения в дворянской среде во второй половине XIX в. различной величины и объемов производства стекольных заводов.

К большим предприятиям подобного рода можно отнести открывшийся в 1877 г. в с. Нижний Шкафт Городищенского уезда Пензенской губернии стекольный завод графа М.А. Шувалова на котором трудились 119 рабочих. С 1889 г. в с. Голицине Нижне-Ломовского уезда той же губернии начал работу завод графа С.М. Толстого с более чем 300 рабочими[31], который впоследствии перешел по наследству к графине Н.В. Толстой и в начале XX в.

---

[26] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 445.
[27] НАРТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 676. Л. 173об.
[28] Там же. Л. 174об.
[29] Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 289. Л. 3об.–4.
[30] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. С. 506.
[31] Тюстин А.В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства в Пензенской губернии. М., 2004. С. 97–99.

выпускал 8 млн бутылок в год для казенной монополии[32]. Стекольный завод, принадлежавший роду потомственных дворян Желтухиных, находился в с. Воскресенском Царевококшайского уезда Казанской губернии с оборотом в 1863 г. объемом 89 350 руб.[33]

Наиболее крупным предприятием данной отрасли в Среднем Поволжье, без сомнения, являлся стекольный (хрустальный) завод, принадлежавший роду Бахметевых и их наследникам. Он находился в Городищенском уезде Пензенской губернии. Впрочем, в пореформенный период завод находился в упадке. Предприятие с новой силой развернуло производство в 1884 г. после того, как полноправным владельцем стал наследник завода князь А.Д. Оболенский. С 1890-х гг. хрустальная фабрика начала заметно прогрессировать. Начали расти объемы производства, в 1899 г. при трех работавших печах было изготовлено различного рода посуды на 350 тыс. руб., а уже в 1912–1913 хозяйственном году — на 720 тыс. руб.[34]

Наличие большого количества лесов в дворянских имениях, а также постоянный спрос на дерево у окрестного населения явилось основанием распространенности в хозяйствах поместных дворян Среднего Поволжья во второй половине XIX в. предприятий по переработке древесины — лесопильных заводов, или лесопилок. В основном это были небольшие по объемам производства предприятия, ориентированные на потребности собственной экономии и на удовлетворение нужд, проживавшего по близости крестьянства. Например, в Казанской губернии в Мамадышском уезде камергер двора Его Величества статский советник А.А. Лебедев владел паровой лесопилкой, приносившей ему 4 тыс. руб. ежегодной прибыли[35]. У гвардии полковника И.В. Лихачева в Лаишевском уезде имелась водяная лесопилка, приносившая дохода 100 руб. в год, а в Мамадышском уезде он владел паровой лесопилкой, приносившей ему 1 000 руб. ежегодного дохода[36]. В Симбирской гу-

[32] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2. С. 498.
[33] Статистический временник Российской империи. 1866. С. 72.
[34] 150 лет Никольско-Бахметевского хрустального завода князя А.Д. Оболенского. С. XXXI–XXXII.
[35] НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 676. Л. 203–203об.
[36] Там же. Л. 189, 204–204об.

бернии в д. Поспеловка Сызранского уезда в 1894 г. построил лесопильный завод коллежский секретарь и уездный предводитель дворянства А.Ф. Ржевский. На предприятии трудились 24 рабочих, производились доски и брусья на сумму в 20 тыс. рублей[37].

Нужды экономий предопределили развитие в среде дворянского хозяйства и такого вида предприятий, как кирпичные заводы, которые редко встречались крупных размеров и в основном не были ориентированы на рынок. Например, у тайной советницы С.А. Аксаковой в Бузулукском уезде Самарской губернии имелся небольшой кирпичный завод, оборудованный 2 станками и 1 горном, используемая при производстве глина, песок, вода и дрова приобретались в окрестностях завода. В 1877 г. было произведено 20 тыс. штук кирпича на сумму 180 руб., продукция не продавалась, а оставалась в экономии и применялась на собственные нужды[38]. В Казанской губернии в Спасском уезде в своих имениях кирпичные заводы имели потомственные дворяне В.Ж. Молоствов, П.М. Немирович-Данченко и П.С. Толстой[39].

Остальные виды предприятий, устроенных при имениях, такие, как смольные и дегтярные заводы, кожевенные предприятия, картофельно-паточные (крахмальные) заводы, сыроварни, солодовни, кузницы и др., не имели ярко выраженного товарного значения и не получили большого распространения среди поместного дворянства Среднего Поволжья, являясь, скорее, вспомогательными для основных видов производства, чем ведущими формами хозяйства.

Приведенные данные показывают, что в среде дворянской промышленности Среднего Поволжья помимо нескольких довольно больших предприятий в суконной, винокуренной и стекольной отраслях крупных заводов не имелось. Те же предприятия, которые все же имелись, в абсолютном своем большинстве так или иначе были связаны либо с переработкой сельскохозяйственной продукции, производимой в имении, либо с наличием природных ресурсов на территории вотчины, либо ориентированы на потребности самой экономии и окрестного населения.

---

[37] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 447.
[38] ЦГА СО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.
[39] НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 676. Л. 198–198об.

Библиографический список

150 лет Никольско-Бахметевского хрустального завода князя А.Д. Оболенского: описание истории завода и краткий очерк о развитии стекольного дела в России. СПб., 1914.

Арсентьев В.М. От протоиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.

Ауновский В.А. Симбирский сборник. Симбирск, 1870. Т. 2.

Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в конце XVII — первой половине XVIII века: дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2001.

Богатырев Э.Д. Казенная поташная промышленность России в условиях модернизационных процессов первой половины XVIII века: основные тенденции развития // Экономическая история. 2010. № 4. С. 27–36.

Богатырев Э.Д. Экспортоориентированная казенная промышленность России во второй половине XVII–XVIII веках. Саранск, 2010.

Богатырев Э.Д., Першин С.В. Приписное крестьянство мордовского края в контексте развития казенной поташной промышленности России // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 17–22.

Гавлин М.Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: обозрение. М., 2007. Вып. 13. С. 127–128.

Тюстин А.В. Во благо Отечества: из истории предпринимательства Пензенской губернии. М., 2004.

Федосеев Р.В., Богатырев Э.Д. Кризис дворянского землевладения в конце XIX в. и проекты его преодоления // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 31–36.

Федосеев Р.В., Богатырев Э.Д. Система органов дворянского сословного самоуправления во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья // Актуальные научные исследования в современном мире: XXX Междунар. науч. конф. Переяслав-Хмельницкий, 2017. Вып. 10 (30). Ч. 5. С. 5–10.

Шкунов В.Н. Среднее Поволжье в системе внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск, 2011.

Fedoseev R.V., Bogatyrev E.D.

The main directions of development of the noble industry the Middle Volga region in second half of 19 — early 20th century

The article discusses the development of the main branches of noble industry in the middle Volga in the second half of 19 — early 20th century. Analyze the factors and conditions that facilitated or prevented the development of certain industries within the noble households. It is concluded that among the aristocratic industry in the region, apart from a few quite large companies in a cloth and distillery industries, large factories were not available. While almost all businesses one way or another, have been associated with the processing of agricultural products.

Keywords: *Noble farm, middle Volga region, estate, alcoholic beverage manufacturing, cloth manufacturing, processing, enterprise*

Шкерин Владимир Анатольевич
д.и.н., в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *shkerin_uit@mail.ru*

ГОРНОЗАВОДСКОЕ УГЛЕЖЖЕНИЕ В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ УГЛЕЖОГОВ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

УДК 94(470.5)

В статье анализируется историческая память жителей Южного Урала о производстве древесного угля для металлургических заводов в XVIII–XX вв.

Ключевые слова: *историческая память, горнозаводская промышленность, древесноугольная металлургия, углежжение, Южный Урал, Россия, XVIII–XX вв.*

Рудные и лесные богатства Урала послужили фундаментом для мирового лидерства российской черной металлургии XVIII в. В первой половине XIX в. Россия уступила свои позиции на мировом рынке металлов сначала британским, а после и иным конкурентам, перешедшим на использование каменного угля. Британскую промышленность к этому переходу вынудил дефицит древесины, достигший к середине XVIII в. размеров национальной катастрофы. Преодолеть зависимость от древесного топлива ей удалось лишь между 1789 и 1815 гг.[1] На Урале ситуация оставалась принципиально иной даже в начале XX в.: некоторые горнозаводские округа ощутили нехватку «древесного сгораемого», но некоксуемость местного каменного угля и дороговизна привозного препятствовали переходу металлургии на минеральное топливо[2]. К тому же древесный уголь позволял получать более

[1] Абамалек-Лазарев [С.С.] Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902. С. 41; Collins E.J.T. The Wood-Fuel Economy of Eighteenth Century England // L'Uomo e la Foresta Secc. XIII–XVIII. Atti della «Ventisettesima Settimana di Studi» 8–13 maggio 1995. Le Monnier, 1996. P. 1101.

[2] Дмитриев А.В. Рабочие — заготовители топлива для горнозаводской промышленности Урала в 1901–1914 гг. // Рабочий класс в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1988. С. 70–71.

качественный ковкий чугун, чем тот, который выплавляли на каменноугольном коксе.

В продолжении XVIII–XIX столетий уральские углежоги, углепоставщики, «жигали»[3] сформировались, как особый и многочисленный отряд вспомогательных горнозаводских работников со своими трудовыми навыками и годовым циклом работ, культурной памятью и профессиональной гордостью, представлениями об обязанностях и правах, с особым бытом, который в значительной степени определялся жизнью в сельской местности и все-таки не был вполне крестьянским. Трудоемкость работ, удаленность куреней и невысокие заработки делали углежжение непривлекательным занятием для «пришлого элемента». До отмены крепостного права заводы обеспечивались топливом за счет внеэкономического принуждения работников. Не случайно самым громким антикрепостническим выступлением на горнозаводском Урале первой половины XIX в. стал Ревдинский бунт углежогов 1841 г.[4]. После 1861 г. заводским конторам пришлось нанимать углежогов по вольным ценам, и те могли отказаться от куренной работы, предпочтя ей отхожие промыслы.

Выход был найден в замене кучного углежжения печным. Так, на введенном в строй в 1898 г. южноуральском Балашовском заводе работники валили лес по берегам рек Аша и Ук, сплавляли его до специально устроенных плотин, возле которых работали стационарные углевыжигательные печи — сначала системы Шварца[5], затем Аминова (возникший там поселок жители прозвали Аминовкой[6]). При такой организации процесса местных углежогов могли заменить пришлые работники. Не удивительно, что во второй половине XIX — начале XX вв. специализированные журналы активно публиковали описания различных углевыжигательных печей и дискуссии о преимуществах того или иного их

---

[3] Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Т. 1. А–И. С. 70–71.

[4] Бажова А.П. Волнения рабочих Ревдинского завода в 1841 году // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 93–127; Быков В. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск, 1925.

[5] История, отлитая в металле. Екатеринбург, 2008. С. 18.

[6] Мезенцев П.К. Загадочный мир названий (Ашинский топонимический словарь). Челябинск, 1998. С. 18.

типа[7]. Боясь лишиться ремесла, углежоги сами принялись строить печи в куренях[8]. Простые конструкции (например, популярная на Урале печь Соколовского), по сути, повторяли устройство кучи, лишь оснащая ее постоянной покрышкой.

В 1920-е гг. углежжение на Урале сосредоточилось на леспромхозах, созданных вблизи металлургических заводов. Обслуживанием печей поначалу занимались потомственные «жигали»[9]. В дальнейшем возобладала практика длительного командирования в леспромхозы заводских рабочих. Жительница города Нижние Серги рассказывала участникам Этно-Экспедиции «Урал–2008» о периоде 1941–1945 гг.: «Отправляли во время войны — тех, кто с 1925 г. — вот тогда их отправляли на заготовку. Это завод отправлял. Они там уголь жгли — отправляли. И лес отправляли» [Н.В. Слесарева].

Производство древесного угля на Урале сохранилось (на северо-востоке Свердловской области, в Башкортостане, в меньших объемах — в соседних субъектах) и даже выросло в постперестроечное время. В ограниченных объемах такой уголь используется для получения отдельных сортов черных и цветных металлов (в Каслях, Каменске-Уральском и др.), в фармацевтической промышленности и производстве бытовых фильтров, продается населению[10]. Говорить об углежогах как об особой категории промышленных работников, носителях наследуемой профессии и своеобразной культуры, конечно, уже приходится.

---

[7] Мальгин Н. Углеобжигательная печь Соколовского на Урале // Горный журнал. 1861. № 4. С. 218–228; Ощепков П. Углежжение в печах системы А.П. Пятницкого // Лесопромышленный вестник. 1900. № 27. С. 357–359; Некрасов П.М. Новые тенденции в практике печного углежжения на Урале // Лесной журнал. 1909. Вып. 1. С. 104–117; Клячин Н. О непрерывных углевыжигательных печах // Лес. 1916. № 8. С. 14–21; Юон Э. Наблюдение за беспрерывно действующей углевыжигательной печью Аминова // Лесное эхо. 1918. № 1. С. 2–6; и др.

[8] Спор о преимуществах печного или кострового угля еще не был окончен, и такая замена происходила не везде. Так, по свидетельству П.П. Бажова, в Полевском заводе в конце XIX в. «углежжение производилось по старинке, в кучах». См.: Бажов П.П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск, 1989. С. 33.

[9] Семенов Ал. Сухая перегонка дерева. М.; Л., 1931. С. 14.

[10] Добрынина С. Барбекю от Демидовых: В регионе поставили на промышленные рельсы исторический местный промысел // Российская газета. 2016. 16 июня.

Однако в местах поселений углежогов XVIII–XX вв. и в близлежащих городах живут потомки — внуки и даже дети тех, кому довелось работать в куренях. Какую память сохранили они о производственных занятиях и образе жизни предков? Сбор этих сведений составлял одну из задач Южного отряда Этно-Экспедиции «Урал–2014»[11], работавшей в селе Бедярыш Катав-Ивановского района Челябинской области. Также были опрошены уроженцы села, проживающие в городах Катав-Ивановск и Усть-Катав. Материалы хранятся в Архиве Этнографического бюро (АЭБ, Екатеринбург), фонд № 1, дело № 16.

Бедярыш был основан в 1752 г. как поселение углежогов, переведенных сюда симбирскими купцами и заводчиками И.Б. Твердышевым и И.С. Мясниковыми для обеспечения топливом доменных печей Катав-Ивановского завода (введен в эксплуатацию в 1755 г.). На рубеже XIX–XX вв. количество таких печей на предприятии достигло максимума — четырех единиц[12]. Но XX в. нанес Бедярышу три сокрушительных удара. Первым была окончательная остановка в 1934 г. последней катавской домны[13]. Спрос на древесный уголь исчез, пашенным земледелием бедярышенцы никогда не занимались. Выживать пришлось за счет огородов и домашнего скота. Была также создана артель, производившая пихтовое масло, рогожи, лапти и пр. Следующий удар нанесла Вторая мировая война. Если в 1939 г. население Бедярыша составляли 1 056 чел., то к 1947 г. осталось всего 681 чел.[14] Третьим ударом стал пожар 1977 г., уничтоживший значительную часть села. Место пожарища пустует поныне. На момент проведения исследования (2014 г.) в Бедярыше было прописано около 40 чел., постоянно же проживало не более 25. Работы там нет, поэтому в большинстве своем это были пожилые люди.

Бедярышенцы знают причину появления своего селения и гордятся тем, что оно старше Катава. «Бедярыш основан за два года

---

[11] Руководитель экспедиции чл.-корр. РАН А.В. Головнёв. Состав Южного отряда: руководитель д.и.н. В.А. Шкерин, В.А. Печняк (аспирант ИИиА УрО РАН), Е.А. Коптяева (студентка ОмГУ), М.Т. Накишова (студентка УрФУ).

[12] Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Екатеринбург, 2001. С. 262–264.

[13] Катавский феномен. Екатеринбург, 2007. С. 56.

[14] Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2007. Кн. 6. С. 392.

до Катав-Ивановска. Сначала крепостных, может, с Оренбургской области завезли, чтобы они жгли уголь на печах. Романовы печи. В лесу их делали, жгли уголь и на лошадях отправляли в Катав-Ивановск. А там уже строили металлургический литейный завод. Потом уже город начал» [Н.В. Корехина]; «Это раньше башкирская земля была. В 1730 году Демидовы были. А Бедярыш, его сделали, так как на заводы нужен был уголь. Народ свозили сюда и жгли уголь» [В.А. Храмов]. Приписка роли основателя всех заводов и подзаводских селений Демидовым характерна для исторической памяти уральцев. Ошибочно и указание Оренбуржья, как места выхода предков. Первопоселенцы прибыли из Нижегородской губернии и, возможно, иных европейских регионов России.

Сохранилась память и о кучном углежжении в бедярышенских куренях: «Вот мама уже замужем была за Мясоедовым-то. У них отца забрали в армию, а она жила пять лет. И вот наравне с мужчинами в курене была, кучи сидела за мужика. Ночь-полночь у них там дерна запас был, они там закладывают, надо смотреть, чтоб не вспыхнуло» [А.Н. Мясоедов]; «Я по рассказам его родителей знаю. Мама тут сидела кучи. А это что значит. Деревянные вот такие чурбаки, как-то там складывают, их потом обкладывают дерном и внутри разводят огонь. И там получается, что эти вот деревянные-то поленья эти не сгорают, а превращаются в уголь. А потом мужчины в коробах этот уголь на телеги и увозили на завод» [Т.И. Мясоедова]. Отец первого информатора и свекор второй, Николай Никитич Мясоедов, был мобилизован в период Первой мировой войны и попал в германский плен. Речь идет, следовательно, о 1914–1919 гг. В некоторых случаях понять, о кучном или печном углежжении говорят респонденты, сложно: «Печки сидели. Берёзик рубили, и в печке сидели, пилили на лесовку, складывали печку, засыпали землей, потом поджигали» [Л.А. Воронова].

Печной период бедярышенского углежжения оставил следы в местной топонимии: Сергеюшкины Печи, Романовы Печи, Антошкины Печи, Митякины Печи. Реальность этих печей несомненна: «Стояли кирпичные печи. Я лесником был, поэтому знаю. Сергеюшка, например, в честь Цыганова Сергея. Еще Романовы

печи и Митякины, потом Челяковы печи были ближе к Лемезе» [В.А. Храмов]; «Выжигали в печах. Я знаю, Сергеюшкины были печи, Митякины печи были. Много там, в лесу... Печи были построены, специально там люди жили» [Н.Н. Подшивалова]; «На Митякиных печах сидели мои предки. И на Сергеюшкиных. Я видела остатки этих печей, но это было 40 лет тому назад. Мы с моим дядей ... ездили на покос в сторону Уньжи... И он мне показывал место, где жгли. Кирпич, и правда, там был, но не похожий на современный, больше на шамотный похож...» [А. Мышко, сообщение в группе «Вот моя деревня Бедярыш» социальной сети «Одноклассники» от 13.01.2018 г.].

Имена и фамилии, запечатленные в названиях печей, указывают на семейный характер организации углежжения. «Уголь жгли частники, семьями. <…> Свекровь рассказывала. У них семья большая была. У мужа бабушка была мать-героиня. И вот женились они, все они в одной избе жили. Пять человек. Пять снох. И ребятишки у них, у Вороновых-то» [Р.С. Воронова]; «Каждая семья, скажем… Вот у дедушки, значит, были четыре езжалые лошади. Вот они заготавливали дрова на уголь, жгли и свой же уголь возили вот сюда вот на завод» [А.Н. Мясоедов]; «Дед рассказывал. Отец у них умер рано, они остались семеро или шестеро детей и мать была молода еще. Он был старший, ему было 14 лет. У них было три езжалых лошади, молодняк, и он возил уголь. Он и до 14-ти работал, но тут остался за старшего, за хозяина» [Н.Н. Подшивалова]. Власть старшего мужчины определяла только рабочий процесс, но и распределение заработанного. «И вот деньги только были у хозяина. У старшего. Он уголь сдаст, деньги получит и вот сам покупает там, в Катаве: мужчинам-то штаны, рубашку, снохам — платки, тоже на кофту, на всех, чтобы досталось и хозяйке. Потом продуктов купить надо. Ну, за продуктами, за пшеном, горохом ездили в Башкирию, оттуда привозили» [Р.С. Воронова].

Семья, таким образом, становилась бригадой, и от ее численности зависели результаты работы. Об этом же писал Павел Бажов в «Уральских былях»: «На своей каторжной работе куренные заматывали всех членов семьи. Во время главных работ при запалке куч

в лес увозили и всех женщин, которых можно было взять из дома. Недаром про полевчан говорилось: “Чесноковик (прозвище жителей Полевского завода) к куреню женится. Работница прибудет”»[15].

Бедярыш жил небогато, о чем можно судить по распространенным здесь фамилиям: Подшиваловы, Необутовы, Нахлебниковы. Но были и куренные мастера, зажиточность которых демонстрировали их дома и широкий образ жизни: «Дом вот какой выстроил, под железо, вот это. У него трое сыновьёв» [Л.А. Воронова]; «Он куренным мастером был, Матвей Егорович-то. Четверть вина покупали они. Четверть! <…> Заведено было так: отдай — не греши» [А.Н. Мясоедов]. Очевидно, речь о неразделенных домохозяйствах, в которых трудились два-три поколения родственников.

Еще одним фактором успешности такой семьи-бригады была численность принадлежавших ей лошадей. «По семь подвод снаряжали. Это с большой семьи» [Р.С. Воронова]; «Вот мне отец рассказывал: ему было семь лет, его, значит, на четвертую лошадь сажали править и сюда на завод. Чтобы быстрее разгрузиться» [А.Н. Мясоедов]. Спешка в доставке-разгрузке угля диктовалась конкуренцией углепоставщиков. «Вот, где домны — там были угольные сараи. <…> А приезжали со всех деревень: Карауловки, Анновки. Вот они ночью ехали, чтобы попасть в первых рядах, сгрузиться и назад. <…> Вот отец рассказывал, чтобы они быстрее ехали, сгрузили и ехали опять на погрузку. В Анновке была казарма, где они отдыхали» [Он же]; «Утром часа в три встанут, поехали нагружаться. Это 17 км отсюда, а снега-то у нас какие! Там нагрузют, приедут, выпрягут лошадей. Хозяйка лошадей кормит, а он два, три часа отдохнет и опять до Катава едет. А в Катав приедет, там обоз стоит отовсюду. Когда очередь дойдет, когда разгрузишьси, потом опять надо ехать. Пока сюда приедешь. Вот так, он говорит, мы под шапкой спали. Некогда было спать-то» [Н.Н. Подшивалова].

Содержание 4–8 взрослых лошадей требовало значительных расходов. «Поэтому вся почти оплата шла на лошадей, на овес. Потому что с сена лошадь не выдержит такой нагрузки» [А.Н. Мясоедов]; «Покупали овса-то не всем лошадям, а вот ко-

[15] Бажов П.П. Указ. соч. С. 33.

торым работать больше приходилось» [Р.С. Воронова]. Этим же обстоятельством обуславливалась сезонность работ: «Они с весны уезжают в курень, они там живут в лесу, потом они приезжают, как он говорил, к Казанской — 21-го июля — из куреня. В бане намоются и поедут в Катав на ярмарку. С ярмарки приедут и начинают готовиться к сенокосу. С Казанской — сенокос. А косить надо было очень много, потому что такой обоз был лошадей. Трех–четырех коров в каждом хозяйстве держали, молодняк, овцы. Сколько надо сена-то! Значит, до осени косют» [Н.Н. Подшивалова]; «Вот летом-то они лес готовят и вот уголь жгли. А зимой отвозили на завод» [Р.С. Воронова].

Бедярышенское углежжение продолжалось без малого 180 лет — «пока на заводе домны были» [А.Н. Мясоедов]. Хлебопашество вместо него так и не прижилось. «Когда-то пахали, сеяли овес для скота на корм. Хлеб здесь никогда не сеяли. Отец мне раньше говорил, что рожь пробовали сеять. Но у нас здесь снега глубокие, и весна поздняя. Она не вызревает. Снега сходят в конце мая» [В.А. Храмов]. Действительно, от города Аша (бывшего Балашовского завода) до Бедярыша снега глубже, чем где-либо еще на Урале. С другой стороны, такая аргументация типична для уральских горнозаводских работников, которых государство или заводчики пытались принудить к хлебопашеству: «…земля по хлебопашеству не способна и не хлебородна, почасту бывает летний мразолей…» (из жалобы работников Сысертского завода Александру I от 1824 г.)[16]. За хлебом бедярышенцы отправляли караваны на запад и юго-восток — в Башкирию и Верхнеуральск.

К 2017 г. в Бедярыше осталось не более 20 жителей. Если тенденция к сокращению их численности не изменится, то в ближайшие годы на месте старинного поселения может остаться лишь популярная у снегоходчиков турбаза «Bedyarish Resort». Построил ее катавский предприниматель Сергей Цыганов — потомок и тезка углежога, имя которого поныне носит поляна к западу от пустеющей деревни — Сергеюшкины Печи.

[16] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 163. Л. 40об.

Краткие сведения об информантах

Воронова Любовь Алексеевна (1931–2015) — старожил с. Бедярыш Катав-Ивановского района Челябинской области.

Воронова Раиса Семёновна (1932 г. р.) — жительница г. Усть-Катав, уроженка с. Лемеза Катав-Ивановского района, жила в с. Бедярыш с детства до 1969 г.

Корехина Надежда Викторовна (1984 г. р.) — родилась и проживает в с. Бедярыш.

Мясоедов Алексей Николаевич (1924–2014) — уроженец с. Бедярыш, жил в г. Катав-Ивановск с 1930-х гг. Жена — Мясоедова Тамара Ивановна.

Подшивалова Надежда Николаевна (ок. 1932–2015) — уроженка г. Катав-Ивановск, жила в с. Бедярыш с 18 лет.

Слесарева Нина Васильевна (старше 70 лет) — жительница г. Нижние Серги Свердловской области с 1960-х гг.

Храмов Виктор Андреевич (1955 г. р.) — старожил с. Бедярыш.

Библиографический список

Абамалек-Лазарев [С.С.] Вопрос о недрах и развитие горной промышленности в XIX столетии. СПб., 1902.

Бажов П.П. Дальнее — близкое: Повести, очерки, статьи, выступления. Свердловск, 1989.

Бажова А.П. Волнения рабочих Ревдинского завода в 1841 году // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 93–127.

Быков В. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск, 1925.

Дмитриев А.В. Рабочие — заготовители топлива для горнозаводской промышленности Урала в 1901–1914 гг. // Рабочий класс в период капитализма (1861–1917). Свердловск, 1988. С. 70–82.

Добрынина С. Барбекю от Демидовых: В регионе поставили на промышленные рельсы исторический местный промысел // Российская газета. 2016. 16 июня.

История, отлитая в металле: Научно-популярное издание. Екатеринбург, 2008.

Катавский феномен: Научно-популярное издание. Екатеринбург, 2007.

Клячин Н. О непрерывных углевыжигательных печах // Лес. 1916. № 8. С. 14–21.

Мальгин Н. Углеобжигательная печь Соколовского на Урале // Горный журнал. 1861. №4. С. 218–228.

Мезенцев П.К. Загадочный мир названий (Ашинский топонимический словарь). Челябинск, 1998.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах. М., 2007. Кн. 6.

Некрасов П.М. Новые тенденции в практике печного углежжения на Урале // Лесной журнал. 1909. Вып. 1. С. 104–117.

Ощепков П. Углежжение в печах системы А.П. Пятницкого // Лесопромышленный вестник. 1900. №27. С. 357–359.

Семенов Ал. Сухая перегонка дерева. М.; Л., 1931.

Юон Э. Наблюдение за беспрерывно действующей углевыжигательной печью Аминова // Лесное эхо. 1918. №1. С. 2–6.

Collins E.J.T. The Wood-Fuel Economy of Eighteenth Century England // L'Uomo e la Foresta Secc. XIII–XVIII. Atti della «Ventisettesima Settimana di Studi» 8–13 maggio 1995. Le Monnier, 1996. P. 1097–1110.

Shkerin V.A.

Gornozavodskoe care in the memory of the offshore of the Southern Uralshog (on field materials)

This article analyzes the historical memory of the inhabitants of the South Urals on the production of charcoal for the metallurgical plants in 18–20th centuries.

Keywords: *historical memory, the mining industry, charcoal metallurgy, charcoal-burning, South Urals, Russia, 18–20th centuries*

Шумкин Георгий Николаевич
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *shumk@mail.ru*

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ЧУГУННЫХ ОРУДИЙ КАМЕНСКОГО ЗАВОДА В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА[1]

УДК 94(470).073.5

Статья посвящена развитию производства чугунных орудий на Каменском заводе во время Крымской войны и в послевоенный период. Анализируются пути решения проблемы качества орудий. Сделан вывод о том, что прекращение орудийного производства была обусловлена развитием технологий литья чугунных орудий.

Ключевые слова: *Каменский завод, Крымская война, Урал, артиллерия, орудия, военная приемка, металлургия*

Тема орудийного производства на Каменском заводе в историографии раскрыта весьма обстоятельно; она освещается в ряде монографий и статей[2]. Данная работа посвящена малоизученному сюжету — падению качества изготовляемых орудий во время Крымской войны и решению данной проблемы в послевоенный период.

В России середины XIX в. чугунные орудия изготовляли казенные горные заводы. $^{9}/_{10}$ всех орудий производил Александровский завод Олонецкого округа и $^{1}/_{10}$ — уральские заводы: Верхнетуринский завод Гороблагодатского округа и Каменский завод Екатеринбургского округа. Александровский завод поставлял орудия, в основном, флоту; уральские заводы — сухопутным крепостям и береговой артил-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00611а.

[2] Ляпин В.А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. (технико-экономический аспект развития) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 90–102; Рукосуев Е.Ю., Суржикова Н.В. «…Построить и завести большой железный завод»: от Каменского чугуноплавильного до ЗАО «Уралэлектромаш». Екатеринбург, 2011; Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008; Шевалев В.П. Каменские пушки в истории Отечества. Каменск-Уральский, 2006.

лерии. Производство чугунных орудий на Урале, остановленное после Наполеоновских войн из-за проблем с качеством, было возобновлено в середине 1830-х гг. в связи с начавшимся перевооружением крепостей. Благодаря новейшим технологиям, заимствованным из Швеции и из Олонецкого округа, уральские заводы успешно восстановили это производство[3].

Каменский завод славился чистотой и легкоплавкостью своих руд, но столь же хорошо была известна его слабая энергетическая база. Из-за малого скопа воды в пруду на Каменском заводе могла действовать только одна домна (в то время как на Верхнетуринском могли работать сразу все четыре). Непростое состояние энергетики на Каменском заводе стало причиной того, что к производству артиллерийских орудий был привлечен Верхнетуринский завод, выплавлявший менее прочный чугун из твердоплавкого магнитного железняка. Из-за специфики металла Верхнетуринский завод специализировался на орудиях средних и малых калибров, а Каменский — на крупнокалиберных орудиях. На Каменском заводе отливка осуществлялась прямо из домны — также, как это было принято в Швеции, считавшейся мировым лидером в чугунолитейном производстве.

На Каменском заводе предпринималось немало усилий решить проблему слабой энергетики. Механическая отделка части орудий была перенесена на Нижнеисетский железоделательный завод. На самом Каменском заводе деревянные водяные колеса заменялись более экономичными железными, устанавливались паровые машины, которые должны были компенсировать дефицит гидроэнергии в периоды маловодья. В 1850-х гг. управляющий заводом А.А. Грамматчиков попытался внедрить технологию литья орудий с гладкой поверхностью, не нуждавшихся в последующей обточке, которая была разработана в Неаполитанском королевстве («валовое» производство с применением этой технологии освоить так и не смогли, поэтому в 1859 г. от ее использования отказались)[4]. Однако кардинально разрешить проблему не удавалось.

[3] Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугунно-литейного дела для артиллерийских припасов в России // Артиллерийский журнал. 1863. № 5. Отдел неоф. С. 249, 266; Щит и меч отчизны. С 135–136.

[4] ПСЗ II. № 25093; Ляпин В. А. Указ соч. С. 91.

По Штатам 1847 г. Каменский и Нижнеисетский заводы должны были ежегодно изготовлять 8 3-пудовых (далее — пуд) бомбических пушек, 22 36-фунтовых (далее — фн), 22 24-фн пушки и 22 1-пуд единорога. Но до Крымской войны эти показатели не были достигнуты ни разу (см. табл. 1). В целом, в 1834–1852 гг. уральские заводы выполнили только 47,5 % нарядов. К началу Крымской войны дефицит орудий в крепостной артиллерии достигал 1 586 единиц, особенно тяжелая ситуация была с новейшими бомбическими пушками[5]. При этом, надо отметить, качество орудий уральских заводов вполне удовлетворяло требованиям артиллерийской приемки (одним из самых строгих в мире). До 1854 г. на Каменском заводе только однажды разорвало пушку, и то из-за испытания нового «рудного смешения» (новой шихты)[6].

Таблица 1

Производство артиллерийских орудий заводами Екатеринбургского горного округа в 1850–1855 гг.*

Тип орудия		Производительность по Штатам 1847 г., *кол-во*	Выпуск, *кол-во*					
			1850	1851	1852	1853	1854	1855
5-пуд мортиры						2	2	
Пушки	3-пуд	8			1	4	16	7
	36 фн	22	2			2	4	
	24 фн	22		16	8	1	15	10
	18 фн							
	12 фн					2		
Единороги	1-пуд.	22	7	11	10	11	15	10
	½-пуд.					2		
Всего		74	9	27	19	26	52	27

* Скиндер А. Указ. соч. С. 342–343; Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. СПб., 1847. С. 266, 282.

В июне 1853 г. началась война с Турцией, а в марте 1854 г. в войну вступили Англия, Франция и Сардиния. В мае 1854 г.

[5] Ляпин В. А. Указ. соч. С. 92.

[6] Артиллерийский журнал. 1856. № 3. Библиография. С. 43.

Николай I распорядился ускорить отливку и приготовление орудий. В 1854 г. орудийное производство на Каменском заводе достигло максимальных показателей. В этом году было отлито 127 из 184 орудий, состоящих в недоимке. В 1854 заводском году (т. е. к маю 1855 г.) на действительную службу было сдано 65 орудий общим весом в 17 445 пуд. По этому поводу горный начальник Екатеринбургских заводов Ф.Л. Миллер писал главному артиллерийскому приемщику Ф.В. Одинцу следующее: «Это количество орудий… доказывает, что завод действовал в 1854 г. успешнее, чем когда-либо в течение двадцатилетнего периода отливки орудий, начатой в 1834 г. Самая наибольшая сдача орудий была в 1846 г. и именно 13 054 п.»[7]. Однако оборотной стороной рекордных показателей выпуска стало падение качества.

Весной 1854 г. при обыкновенной пробе разорвало две 36-фн пушки; а летом при удостоверительной пробе — 3-пуд бомбовую и 6-фн пушки. Горные инженеры образовали комиссию, которая должна была определить причину падения прочности орудий. По мнению комиссии, разрывы были вызваны изменением «рудного смешения» (состава шихты). Она «признала необходимым определить опытом новое рудное смешение»; а до испытания опытной пушки «полезно было бы дальнейшую отливку орудий приостановить», чтобы не допускать на службу орудий из металла сомнительной прочности, и «чтобы не делать ущерба казне от забраковки многих орудий». Это решение поддержал главный горный начальник В.А. Глинка[8].

Инструкция 1846 г. требовала при изменениях в условиях отливки изготовлять опытную 12-фн пушку и испытывать ее на прочность 55 усиленными выстрелами. Если она не выдерживала, отливалась вторая 12-фн пушка, а если и она разрывалась, то тогда опыты возобновлялись.

15 сентября 1854 г. опытная 12-фн пушка была испытана. На 54 выстреле ее разорвало. Горный начальник Екатеринбургских заводов Г.В. Лизель распорядился отлить вторую 12-фн пушку, но В.А. Глинка, приняв во внимание острую нехватку крепостных орудий, это распоряжение отменил. Он приказал: «Отливку на

[7] ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40. Л. 5, 40–41.
[8] Там же. Л. 1, 22.

Каменском заводе орудий из ныне употребляемого рудного смешения продолжать безостановочно, приняв самые деятельные меры к изготовлению сколько возможно более орудий к будущему весеннему каравану, а готовую уже партию орудий сдать в артиллерийским приемщикам»[9]. Потребность в орудиях была столь острой, что их производство пытались организовать на Екатеринбургской механической фабрике (из чугуна, подаренного частными заводчиками) и даже в Гальванопластическом заведении герцога Лейхтенбергского (!), но из этих затей, естественно, ничего не вышло.

Тем не менее, качество орудий само собой не исправлялось. В ноябре 1854 г. Каменский завод предоставил приемщикам две партии по 10 24-фн пушек и 1-пуд единорогов. На удостоверительной пробе у единорога откололся винград[10], но второй единорог испытание выдержал успешно. Взятая из другой партии 24-фн пушка разорвалась на 8 выстреле, вторая пушка оказалась немногим прочнее — ее разорвало на 10 выстреле, в результате вся партия была забракована[11].

Останавливать отливку было нельзя, но и мириться с упавшим качеством орудий тоже было нельзя. В артиллерийском ведомстве стали искать пути решения проблемы. Во-первых, ослаблялись требования к качеству принимаемых орудий; во-вторых, предлагались иные способы повысить прочность орудий, альтернативные прописанным в «Правилах приемки» опытам по приисканию нового рудного смешения.

В мае 1855 г. было разрешено принимать на службу орудия с отбитым винградом, если при этом не образовывалось никаких трещин[12]. 5 декабря 1855 г. чтобы поспособствовать «Горному Ведомству всеми возможными мерами в поспешном изготовлении чугунных орудий» Александр II разрешил принимать орудия «с естественною… шероховатою поверхностью и допускать недостатки, которые не могут иметь влияние на прочность орудий, на верность стрельбы и на удобное употребление»[13]. В октябре

[9] Там же. Л. 5.
[10] Винград — прилив на казенной части орудия, обычно в форме шара.
[11] ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40. Л. 24об.
[12] ПСЗ II. 1855. Т. 30. № 29317.
[13] РГВИА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 833. Л. 3.

1856 г. царь допустил приемку орудий с сыпью и царапинами в канале[14].

В начале 1855 г. главный приемщик генерал Ф.В. Одинец предложил, что причиной разрывов являлся не состав шихты (она не менялась с 1835 г. и до последнего времени полностью удовлетворяла требованиям артиллерии), а поспешность отливки и малая прибыль[15]. На Александровском заводе орудия отливали с прибылью в 54 дюймов (1 м 37 см), тогда как на Каменском прибыль была в 3 раза меньше. Предложение Одинца поддержали члены Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. Кроме того, они высказали пожелание поставить литье орудий под контроль артиллеристов: «Артиллерийским офицерам ближе всего должно быть известно, какую прочность отлитые орудия оказывают при пробе, а в особенности при употреблении их на службе»[16], однако горное ведомство предпочло его не заметить.

В апреле 1855 г. последовало распоряжение Штаба инспектора артиллерии: пока не окончены опыты с 12-фн пушками, все орудия (как принимаемые в артиллерию, так и опытные) дополнительно испытывать тремя боевыми выстрелами. В мае при испытании трех 3-пуд бомбовых пушек одна пушка на третьем дополнительном выстреле разорвалась[17].

В мае 1855 г. инспектор артиллерии потребовал от Министра финансов возобновить опыты с 12-фн пушками; изготовлять орудия с надлежащей тщательностью, отливая их только в лучший период хода печи и с такой же прибылью, с какой отливал Александровский завод. В июле 1855 г. главный горный начальник В.А. Глинка распорядился начать опыты по «приисканию рудного смешения», но теперь на Каменском заводе не видели в них смысла. Во-первых, к лету разгорелись труба и горн домны, она нуждалась в ремонте, во-вторых, вместо водяных устанавливались паровые меха, они могли существенно повлиять на выплавку чугуна; а вот «по совершении же предполагаемых

[14] Там же. Л. 58об.; ПСЗ II. Т. 31. № 31037.

[15] Прибыль — элемент литниковой системы, который располагается над основным узлом отливки, он служит для компенсации усадки металла при кристаллизации.

[16] ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40. Л. 26, 34.

[17] Там же. Л. 42.

перестроек, — писал горный начальник Екатеринбургского округа, — действительно будет полезно определить опытом шихту, удовлетворяющую требованиям… инструкции»[18].

В октябре домна была отремонтирована. В декабре была отлита опытная 12-фн пушка, но орудие «по отсечке прибыли оказалось негодным за крупною сыпью», его даже не стали испытывать стрельбой. Опытных пушек завод больше изготовлять не стал, сосредоточившись на производстве орудий в наряд (в их числе был экстренный наряд на 60-фн пушки, при даче которого было предписано исполнить его, «не стесняясь никакими нарядами и употребить всевозможные меры потому, что исполнение его очень важно для отечества»[19]).

Качество орудий оставалось низким — в 1855 г. разорвалось шесть пушек (пять 3-пуд бомбовых и одна 36-фн). Все они были отлиты в соответствии с рекомендациями артиллерийского ведомства. Зимой 1855–1856 гг. основной причиной разрыва орудий стали считать жесткий металл. «Управитель Каменского завода на будущее время принял за правило держаться чугунов несколько помягче, или лучше сказать настоящих половинчатых чугунов, как представляющих наивыгоднейшие условия пушечного металла, то есть вязкость и вместе твердость». В январе 1856 г. на Каменский завод был командирован капитан П.М. Обухов, предложивший улучшить качество чугуна, добавляя в шихту магнитный железняк и черный шлих из золотых промыслов. Было отлито четыре 12-фн пушки — две с добавлением черного шлиха и две с гороблагодатским магнитным железняком. Ни одна не выдержала положенного испытания в 55 усиленных выстрелов. Пушки, изготовленные с добавлением шлиха, разорвались на 28 и 33 выстрелах; с добавлением гороблагодатской руды — на 45 и 52[20].

В марте 1856 г. в Париже был подписан мирный договор. Война завершилась. Никакого смысла изготовлять орудия сомнительного качества больше не было, к тому же «дурное качество» каменских пушек было уже «доказано положительно»[21]. Осенью

[18] Там же. Л. 5, 40–41, 52.
[19] Там же. Л. 67, 76–77.
[20] Там же. Л. 71–72, 78, 93.
[21] Артиллерийский журнал. 1856. № 5. Офиц. отдел. С. 93.

1856 г. домну снова остановили на ремонт, после которого намеревались возобновить производство орудий в наряд. Но уведомлением начальника штаба генерал-фельдцейхместера от 18 октября 1856 г. литье пушек в наряд на Каменском заводе было остановлено впредь до приискания нового рудного смешения[22].

Что же касается 59 крупнокалиберных пушек, изготовленных в период «расстройства литья» (с сентября 1853 г. по октябрь 1856 г.) и отправленных к местам назначения (см. табл. 2), то их судьба была решена в 1857 г. в Киеве в ходе опытов стрельбою на разрыв одной 24-фн пушки и одного 1-пуд единорога[23]. Эти орудия успешно выдержали испытания. Тем не менее, уверенности в надежности каменских пушек не было. Поэтому приказом по артиллерии 12 июня 1858 г. им, «для возможного отстранения могущих произойти несчастных случаев», был установлен сокращенный срок службы — 700 вместо 1 000 боевых выстрелов, заряд пороха уменьшен, а сами орудия должны быть переведены из приграничных во внутренние крепости и употребляться преимущественно для практической стрельбы, «дабы скорее израсходовать оные». Стрелять из бомбовых пушек Каменского завода было вовсе запрещено[24].

Таблица 2

Крупнокалиберные орудия, отлитые Каменским заводом и отправленные к местам назначения в период «расстройства литья»*

Год отправки	Тип пушек	Кол-во	Место назначения	Дата отливки
1854	36-фн	4	Киев	17.10–09.12.1853
1855	24-фн	14	Бендеры	15.06–23.11.1854
		1	Бобруйск	25.11.1854
		7	Севастополь	07.06.1854–19.3.1855
		10	Юго-вост. берега Сибири	04.10.1853–02.01.1854
	3-пуд бомбовые	3	С.-Петербургский склад	07.10.1853–15.12.1853
		10	Севастополь	08.07–22.11.1854
		6	Юго-вост. берега Сибири	25.11.1853–26.11.1854

[22] ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40. Л. 126.
[23] Артиллерийский журнал. 1860. № 4. Отдел офиц. С. 256.
[24] Там же. 1858. № 4. Отдел офиц. С. LXXIV–LXXVII.

Год отправки	Тип пушек	Кол-во	Место назначения	Дата отливки
1856	24-фн	3	Севастополь	03.07.1854–16.05.1855
	3-пуд бомбовые	1	С.-Петербургский склад	02.01.1854

* Перечень занятий в заседаниях Временного артиллерийского отделения военно-ученого комитета. За май 1858 // Артиллерийский журнал. 1858. № 4. Отдел офиц. С. 165–167.

К опытам Каменский завод приступил 14 мая 1857 г. Осенью 1857 г. из прежнего рудного смешения была отлита 12-фн пушка, выдержавшая испытание в 55 выстрелов. 15 ноября 1857 г. Александр II повелел приискать для 60-фн пушек «пригодное рудное смешение» и отлить на каждом заводе по две опытные 60-фн пушки. Это послужило поводом отказаться от литья 12-фн пушек и перейти к опытам с крупнокалиберными орудиями. Завод явно торопился — Артиллерийский департамент планировал разместить крупный заказ на новейшие 60-фн пушки — первые орудия, которые были специально спроектированы для стрельбы по бронированным судам. Однако Генерал-фельдцейхместер великий князь Михаил Николаевич запретил отливать крупнокалиберные орудия «прежде, как по совершенном окончании исследований над 12-фн пушками из того рудного смешения, которое даст наилучшие результаты»[25]. А заказ на 500 60-фн пушек достался шведским заводам Ставшё и Финспонг.

Весной 1858 г. была составлена программа опытов. Отливка опытных орудий должна была производиться теперь не из домен, а из отражательных печей, как это практиковалось на Александровском заводе Олонецкого округа. (Применение отражательных печей для переплавки чугуна не было чем-то новым; в 1846 г. в Неаполе были проведены обширные исследования, показавшие, что чугун из отражательных печей для литья менее пригоден, чем чугун, отлитый из домен и вагранок; поэтому на Урале долго отказывались от их использования). Оптимальное рудное смешение планировалось подбирать не только в ходе испытания пушек. Предполагалось из-

[25] ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 40. Л. 131, 168–168об., 170, 197–197об.

учать механические свойства чугуна переломом и разрывом брусков, высекавшихся из прибыли. После подбора шихты надо было отлить опытные крупнокалиберные пушки и испытать их продолжительной стрельбой обыкновенными боевыми зарядами[26].

Опыты с 12-фн пушками начались в июле 1858 г. и завершились в июне 1859 г. На заводе было построено четыре отражательных печи. Из них отлито 13 пушек. В ходе опытов было доказано, что чугун, переплавленный в отражательных печах, лучше чугуна, отлитого прямо из домны, а также было найдено оптимальное рудное смешение. Самым лучшим оказался чугун из шихты, составленной на 70 % из руд Каменского завода и 30 % Верхнетуринского завода. Пушка, изготовленная из этого чугуна, выдержала 117 усиленных выстрелов. Затем по требованию артиллеристов, считавших, что испытание усиленными выстрелами не дает объективного представления о прочности орудия, из той же шихты была отлита еще одна 12-фн пушка, которую подвергли испытанию в 1 000 выстрелов обыкновенными боевыми зарядами. А в сентябре 1859 г. «совершенно удовлетворительно» выдержала пробу в 500 выстрелов боевыми зарядами 60-фн пушка, отлитая той же шихты. Под впечатлением от таких прекрасных результатов, главный приемщик генерал Ф.В. Одинец надеялся, «что наша крепостная артиллерия будет получать на будущее время с уральских заводов такие орудия, которые будут превосходить своею прочностью все приготовляемые в других государствах Европы»[27]. Но в 1860 г. испытания 60-фн пушек показали, что «в орудиях больших калибров чугун тех шихт, которые при испытании орудий 12-фн калибра оказались наилучшими, не дал вполне удовлетворительных результатов» — в них наблюдался значительный разгар запала[28]. В 1861 г. «надобность в 60-фн пушках» отпала (вместо них в крепостях предполагалось установить нарезные 12-фн и 24-фн орудия). «Опыты над отливкою этих орудий»

[26] Там же. Л. 196.

[27] Там же. Л. 316–316об., 364.

[28] Н.П. Об испытаниях, производившихся на заводах Каменском и Верхнетуринском с целью приискания наилучших рудных смешений на отливку чугунных крепостных орудий // Артиллерийский журнал. 1864. № 10. Отдел неофиц. С. 763; Артиллерийский журнал. 1861. № 4. Отдел офиц. С. 140–141.

Артиллерийский комитет предложил прекратить, «тем более, что при нынешнем состоянии уральских заводов нельзя и ожидать, в скором времени благоприятных результатов по этому делу»[29].

Тем не менее, в 1859 г. оптимальная шихта была подобрана, Каменский завод возобновил производство валовое орудий. В 1859 г. горным заводам был дан наряд на 156 3-пуд бомбических, 40 36-фн пушек и 30 1-пуд единорогов[30].

Окончательно проблема литья крупнокалиберных чугунных орудий была разрешена в 1863–1864 гг. Во время гражданской войны в США Россия проявила себя одним из немногих союзников северян. Американцы передали России технологию литья чугунных орудий в опоку со вставленным стержнем, изобретенную Т. Родманом. Способ литья в опоку со стержнем был и до этого хорошо известен; специфика метода Родмана заключалась в том, что чугун заливался в предварительно нагретую опоку, а стержень охлаждался водой; в результате чего вначале происходила кристаллизация не внешнего слоя чугуна, а, наоборот, внутреннего, пузырьки газа успевали выйти из отливки, а не оставались в ней в виде «раковин». В 1863–1864 гг. к производству орудий по американскому способу приступили Каменский и Верхнетуринский заводы. Объемы выпуска начали расти: В 1866 г. было изготовлено 11,2 тыс. пуд орудий, в 1867 г. — 9,8 тыс. пуд.[31] Но в 1867 г. Горный департамент, приняв во внимание возможный переход к орудиям больших калибров, а также то, что наибольшей прочностью обладали орудия, отлитые из смеси верхнетуринских, каменских и уткинских чугунов, распорядился производство орудий в Верхней Туре и Каменске прекратить. Отныне эти заводы поставляли чугун Пермскому чугуннопушечному заводу, построенному в середине 1860-х гг. специально для производства чугунных орудий.

В середине XIX в. эволюция артиллерии в сторону увеличения калибра и мощности заряда столкнулась с предельными значениями сопротивления чугуна, что привело к проблеме качества ору-

[29] Артиллерийский журнал. 1861. № 9. Отдел офиц. С. 376–377.

[30] Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1859 г. СПб., 1861. С. 196.

[31] РГИА. Ф. 37. Оп. 35. Д. 41. Л. 90–91; Д. 48. Л. 182.

дий во время Крымской войны. С этой проблемой столкнулись все заводы России, изготовлявшие чугунные орудия, но наиболее ярко она проявилась на слабейшем — Каменском заводе. Во время войны, когда потребовалось восполнять потребности артиллерии всеми возможными средствами, ее отодвинули на второй план. Но после войны была проведена серьезная «работа над ошибками», затронувшая все аспекты изготовления орудий. Вместо чугуна, выплавленного из руд, добытых на месторождениях одного завода, стал использоваться чугун, составленный из руд разных заводов. Вместо чугуна первой плавки (прямо из домны) в опоку стал заливаться чугун, переплавленный в отражательных печах. То есть, производство орудий утратило прямую зависимость от мест добычи руд и выплавки чугуна. Поэтому, когда возникла перспектива организации производства чугунных орудий крупных калибров, Горный департамент, пожертвовав орудийным производством Каменска и Верхней Туры, находившихся в 150–180 км от сравнительно удобной для транспортировки р. Чусовой, сделал выбор в пользу Пермского чугуннопушечного завода, расположенного на берегу судоходной Камы.

Библиографический список

Ляпин В.А. Военная промышленность Урала в первой половине XIX в. (технико-экономический аспект развития) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 90–102.

Н.П. Об испытаниях, производившихся на заводах Каменском и Верхнетуринском с целью приискания наилучших рудных смешений на отливку чугунных крепостных орудий // Артиллерийский журнал. 1864. № 10. Отдел неофиц. С. 497–582.

Рукосуев Е.Ю., Суржикова Н.В. «…Построить и завести большой железный завод»: от Каменского чугуноплавильного до ЗАО «Уралэлектромаш». Екатеринбург, 2011.

Скиндер А. Некоторые факты исторического развития чугунно-литейного дела для артиллерийских припасов в России //Артиллерийский журнал. 1863. № 5. Отдел неофиц. С. 242–305.

Шевалев В.П. Каменские пушки в истории Отечества. Каменск-Уральский, 2006.

Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2008.

Shumkin G.N.

Problem of quality of cast iron equipment of Kamensky factory in the middle of the 19th century

The article is devoted to the development of the production of cast iron guns on Kamensky plant during the Crimean war and in the postwar period. The paper analyses ways of solving the problem of quality guns. It is concluded that the termination of the gun production was due to development of technology of casting iron guns.

Keywords: *Kamensk plant, the Crimean war, the Urals, artillery, guns, military acceptance, metallurgy*

Яхно Ольга Николаевна
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *mrsyakhno@mail.ru*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

УДК 94(470.5.)«18/19»

В рамках истории повседневности исследуется включение различных технических новинок в быт горожан начала XX в. Анализируются различные аспекты внедрения науки в рутинные практики: уход за телом, гигиена жилища и одежды, питание, физкультура, домашний досуг. Обращается внимание на рекламу как способ просвещения. Врачи, учителя, предприниматели становятся новой авторитетной группой в рамках городской культуры. Новинки и мода становятся неотъемлемой частью современного образа жизни. Достижения науки и техники произвели сдвиг в массовых представлениях, подготовили современное восприятие организации частного и общественного быта.

Ключевые слова: *история повседневности, технические инновации, городской быт, здоровый образ жизни*

Технологические инновации у большинства ассоциируются с преобразованиями производства, имевшими место в последние 100–150 лет. И мало кто обращает внимание, что подобные процессы наблюдались и в повседневной жизни, хотя наверняка с удовольствием пользуются научными и техническими достижениями. Они стали неотъемлемой частью нашего быта и мы с легкостью воспринимаем новинки как нечто само собой разумеющееся. Это проявилось уже в начале XX в.

Средства массовой информации, а на тот момент это кончено же в основном пресса, довольно интенсивно популяризировали научные знания в различных областях, знакомили свою аудиторию и с техническими новинками. Например, иллюстрированное приложение к газете «Уральская жизнь» просто пропитано духом

сциентизма. Редакция, видимо, считала общественно значимым рассказывать о последних научных открытиях. Даже рекламные статьи опирались на последние исследования ученых в различных сферах.

Из газетных статей и объявлений становится очевидным, что наиболее актуальным было освещение вопросов медицины и гигиены, а также различных способов коммуникации, транспорта и связи. Именно поэтому понятно, почему провинциальная газета печатает информацию по поводу открытия гигиенической выставки в Петербурге, на которой были представлены следующие отделы: биологический, медицинской статистики и мед. географии, гигиены населенных мест, жилых и общественных зданий, гигиена воспитания и образования, климатологический и бальнеологический[1].

Вопросам гигиены в обычной жизни горожан уделялось значительное внимание. Последние достижения в производстве косметики и парфюмерии позволяли эффективно корректировать внешний вид женщин и мужчин, в том числе дольше сохранять молодость. Местные уральские газеты призывали войти в число счастливцев, обладающих хорошими волосами, с помощью мыла, которое совершенно устраняло перхоть и необычайно содействовало росту волос[2]. Там же предлагались различные средства со звучными иностранными названиями: Японский крем «Банзай», «Яволь» и пр.

Соблюдение современных требований гигиены наблюдалось у различных категорий горожан. Популярный журнал писал: «Гигиена коснулась всех условий нашей жизни, личной и общественной, заглянула в нашу обыденную, домашнюю обстановку, в школу, в мастерские, во все места, где люди вместе сходятся и вместе работают, освещая неприглядные, нездоровые условия человеческого существования»[3]. Распространенным явлением становится реклама различных дезинфицирующих средств. «Здоровый и красивый человек нашего времени обязан этим важ-

[1] Живописная неделя. Приложение к газете «Уральская жизнь». 1908. № 7. С. 141.

[2] Уральская жизнь. 1909. 14 июня.

[3] Хозяйство и гигиена // Хозяйка. 1902. № 55. Ст. 1577.

ным в жизни качествам, прежде всего, правильному уходу за телом. Опрятность играет при этом первостепенную роль»[4].

В этой связи следует отметить еще одно изменение сугубо ментального характера. Чистота тела, использование косметических средств обрели положительную окраску в глазах добропорядочных граждан. Частое мытье, хотя еще и недоступное большинству перестало ассоциироваться только с жизнью фатов и кокоток, которые были первыми потребителями новейших усовершенствований в области гигиены[5]. Теперь, молодым девицам внушалось, что чистота и привлекательность — почти синонимы. Разнообразие гигиенических практик предопределялось ценностью новизны и размыванием сословных границ[6]. В городах зазвучали голоса, которые в прежние времена вряд ли могли быть услышаны: врачей, гигиенистов, журналистов, предпринимателей. Борьбы феминисток за признание нравственного превосходства женщин и их красоты приводили к тому, что первые суфражистки позволяли себе быть ухоженными, искусно подкрашенными, хорошо одетыми, иногда даже с элементами мужского гардероба.

Мнение врачей в области женского здоровья было настолько значимо, что оно даже учитывалось создателями корсетов, участвовавшими во Всемирной Парижской выставке 1900 г. «Можно было наглядно убедиться, чего достигла гигиена и эстетика, соединившиеся вместе для создания нового, вполне безвредного и вместе с тем красивого корсета. Новая форма корсета выдвинула на первый план несколько заброшенный за последнее время фасон платья «принцесс»[7]. Обувь также стала объектом внимания и предметом обсуждения общественности, но уже с точки зрения ее вредного влияния. «Искусственно вызванное положение ноги вследствие ношения высоких каблуков ведет ко многим расстройствам здоровья, которые могли бы быть избегаемы. Любители, а особенности любительницы высоких каблуков должны серьезно подумать о том, насколько возобновившаяся

[4] Уральская жизнь. 1914. 15 мая.

[5] Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005. С. 159.

[6] Гусарова К. Тело на распутье: взгляды на чистое и грязное во второй половине XIX века // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. № 7. С. 154.

[7] Новая эра дамских мод // Иностранная литература. 1901. № 6. С. 81–82.

мода носить высокие каблуки может оказаться вредной для их здоровья»[8].

Карикатуристы, наблюдая за реальной жизнью, также откликались на актуальные модные тенденции и находили интересные сюжеты. В частности, один из рисунков предлагал использовать гигиенический шлейф на колесиках для прогулок по улицам. Подпись под картинкой гласила: «Даже самая пикантная дама не поднимет никакой пыли»[9]. Некоторые предлагаемые модные изобретения были не лишены оригинальности и игривости.

Городское население быстро росло, нужно было помочь привыкнуть к новым условиям жизни, работы, скорости перемещения и т. д. И газеты отчасти помогали к этому адаптироваться. А иногда обращали внимание на то, что блага цивилизации имеют и отрицательные стороны. В одном из разделов новостей науки и техники газета знакомила читателей с новой книгой одного берлинского физиолога. По мнению последнего происходит дегенерация человека как биологического вида. «Кениг находит доказательства своему утверждению, прежде всего в огромном увеличении случаев заболевания раком, которое он приписывает усложнению жизни современного человека. Он прибавляет, что болезни сердца становятся все более частыми, и что в большинстве случаев их нужно приписать давлению крови на стенки сосудов под влиянием переутомления работой и эксцессов деятельности, скорости и всячески утомлений. Он констатирует также, что человеческий желудок делается все хуже и хуже, и что потеря и порча зубов содействует этому в ужасающих размерах»[10].

Сама редакция не разделяла такого откровенного пессимизма по поводу будущего человечества. Статьи как раз давали различные подсказки, как улучшить жизнь с помощью знаний или технических приспособлений. Например, обращали внимание на шум городских улиц и в домах. «Кто назовет, кто разберет и объяснит те странные звуки, которыми полны громадные современные дома? Почему сосед с верхнего этажа в поздний час разде-

[8] Вредные последствие от высоких каблуков // Здравие семьи. 1905. № 4. С. 32.
[9] Наши дни. 1912. № 8. С. 8.
[10] Живописная неделя. 1908. № 5. С. 6.

ваясь точно бросает на пол пару булыжников в виде башмаков, потом панталоны из цинка, жилет из железа, пиджак из свинца»[11].

Помимо борьбы с шумом объявлялась война пыли и микробам. В частности описывался аппарат, который приделывался к длинной щетке, а пыль всасывалась мощным током воздуха в особый мешок. «Уже теперь повсюду за границей в домах имеются вода, электричество или газ. Тогда наступит рациональная чистка домашних вещей, платья, ковров и вместе с пылью будут удаляться микробы»[12].

Любые технические новинки описывались очень подробно. Не важно, касалось это самого скорого поезда в Европе, производства молока длительного хранения, передачи письма или изображения на расстоянии с помощью телефона или телеграфа.

Рекламные объявления, предлагая тот или товар, также апеллировали к авторитету науки. «Долой слепые машины, приобретайте только американские, лучшие пишущие машины настоящего времени «Монарх». Последнее слово техники, изящный видимый от первой до последней буквы шрифт, общеупотребительная клавиатура и другие новейшие усовершенствования»[13]. И тут же рядом: «Новое средство составленное на основании данных науки и опыта. “Капиллор”. Для укрепления и роста волос, предупреждает и останавливает их выпадение, уничтожает перхоть»[14].

Чтобы успешно справиться с ведением домашнего хозяйства, предлагалось большое количество всевозможной домашней утвари. Это касалось кухонной и столовой посуды, различных приспособлений для поддержания чистоты комнат, одежды и белья. Рекламировались некоторые новинки домашней бытовой техники: пылесосы, стиральные машины, миксеры, чайники и т. п. «Паромойка Иона — непобедимая стиральная машина. Стирает исключительно паром и одновременно дезинфицирует белье. Ничуть не нарушает и не портит белье»[15].

Цивилизация старалась максимально упростить некоторые трудоемкие стороны повседневной жизни. В век открытий во всех

[11] Там же. 1908. № 5. С. 5
[12] Живописная неделя. 1908. № 8. С. 7.
[13] Там же. С. 8.
[14] Там же.
[15] Уральский край. 1910. 4 июля.

областях особенно осознается динамизм современной жизни: «Весьма оригинальный и практичный новоизобретенный прибор. Аппарат-кухня с сухой вечно не портящейся массою, благодаря которой аппарат-кухня моментально зажигается и горит сильным пламенем без копоти и дурного запаха, горение 1 к. в час. Абсолютно безопасно. Чудо-кухня необходима каждому семейному и холостому, гг. офицерам незаменима в походе. Благодаря складному прибору служит походной кухней»[16].

В конце XIX в. появляется иллюстрированный журнал общеполезных сведений в области питания и домоводства «Наша пища». В редакционной статье отмечалось, что «наши физиологи и гигиенисты Ф. Эрисман, Якоби, Сеченов и др. сделали много изысканий, открыли многие законы питания, выработали нормы пищевого довольствия. Цель издания — дать возможность читателю сознательно отнестись к таким важным вопросам как выбор пищи. Улучшения питания тесно связано с материальным благосостоянием. Поэтому будет отведено место и организации хозяйства»[17].

Вопросам санитарии и гигиены стали уделять внимание и содержатели ресторанов. «Безукоризненная чистота Залазевского “Медведя”, благопристойность, веющая особенною от прочих ресторанов атмосферой — сулит ему хорошее будущее. В “Медведе” можно прилично отвести душу в приятном не кабацком времяпрепровождении. И даже зубочистки к вашим услугам. Теперь зубная мода — везде зубы чистят, кто как сумеет. У Холкина зубы чистят. В одном из столичных ресторанов зубочистку подают запечатанную; салфетка чистая тоже скреплена. С точки зрения санитарии подобные нововведения заслуживают всяческие похвалы»[18].

Общественность обращала внимание не только на общественный, но и домашний досуг. Стало предлагаться большое количество различных сценариев для постановки небольших спектаклей, проведения музыкальных вечеров. Появляются журналы для детского и семейного чтения, настольные игры. Технические но-

[16] Екатеринбургская газета. 1906. № 1.
[17] Наша пища. 1891. № 1. С. 3.
[18] Урал. 1903. 17 янв.

винки также помогали разнообразить проведение свободного времени. «Теперь счастье и радость Вашей семьи зависит только от Вас! Продажа французских граммофонов»[19].

Эта тенденция находилась в общем русле формирования понятия здорового образа жизни, т. к. только он позволяет со всей полнотой правильно выполнять свои социальные функции работника, супруга, родителя, участника дорожного движения и т. д. Здоровье стало экономическим фактором, условием выживания, возможностью реализовать свой потенциал, а не только символом благополучия семьи. Новые требования сочетания гигиены и эстетики в средствах по уходу, одежде, зданиях свидетельствовало о возрастающей мобильности горожан, ускорении городского ритма жизни.

Таким образом, реклама живо отзывалась на все насущные требования времени. В периоды перемен актуализируются такие черты как готовность постоянно меняться, менять окружающий мир, ощущать остроту новизны. Реклама и служит примером этого нового ощущения времени. Она смело опирается на авторитет науки, продвигая последние достижения в области медицины, химии, механики и т. д. Реклама начала XX в. отчетливо демонстрировала становление новой культуры более открытой, основанной на возможности обсуждать любые проблемы.

Но надо отметить, что не все были так позитивно настроены насчет технических достижений. Отзываясь очень едко о «прогрессе у нас на Урале», редакция газеты «Самозащита», подвергла резкой критике необходимость строительства водопровода в Екатеринбурге. Утверждалось, что это лишь излишества для богатеев, наряду с большими зданиями клубов, театров и т. д.[20]

Аналогичную критику по поводу строительства большого здания театра мы находим в другом местном издании. Обращаясь к читателям, редакция выражала надежду «посильными трудами и знанием насколько хватит сил, энергии и средств работать на благо Обывателей родного города. А благоразумная часть Обывателей будет делиться своим опытом и знанием экономической жизни для

[19] Слово Урала. 1908. 6 фев.
[20] Самозащита. 1912. 10 июня.

применения к городскому хозяйству и тем самым пополнять газету деловым и полезным материалом»[21].

Из материалов даже в местной печати становится очевидно, что темп жизни резко возрастал, важной становилась задача сокращения затрат времени для передачи информации, преодоления расстояния, а также на исполнение всякой рутинной работы.

Постоянная актуализация достижений в области науки и техники превращали их из диковинок в предметы обязательного повседневного обихода, позволяли внести большее разнообразие в течение повседневной жизни, расширяли кругозор и возможности индивидуальной реализации. Помимо этого они формировали общественное мнение, моральные нормы, новые ценностные ориентации у городского населения.

Эпоха, в начале которой вкрадчиво звучали слова тургеневского Евгения Базарова о том, что природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник, к началу XX в. искренне восторгалась достижениями человечества. Приветствовались новые сюжеты для живописных произведений, когда изображались не мифические существа, а современные герои. «Но настал XX в. И вместо легендарного полубога появился реальный человек-авиатор, и проза торжествует над поэзией»[22].

Апогеем такой безоглядной веры в науку и научный закон стали слова И.В. Мичурина, которые знает и повторяет любой русский человек о том, что нам нельзя ждать милостей от природы. И, тем не менее, период рубежа XIX–XX вв. с большим числом научных и технических разработок для промышленного производства привел к формированию научного мировоззрения, значительным изменениям в картине мира городского населения.

Библиографический список

Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005.

Гусарова К. Тело на распутье: взгляды на чистое и грязное во второй половине XIX века // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. № 7. С. 153–175.

[21] Екатеринбургский обыватель. 1914. 12 янв.

[22] Заря жизни. 21 авг. 1911.

Микитюк В.П., Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург, 2014.

Яхно О.Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга: очерки. Летний сезон в городе. Екатеринбург, 2017.

Yakhno O.N.

Technological innovations and everyday life of citizens at the turn of the 19–20th centuries

The paper is devoted to developing of the inclusion of various technical innovations in the everyday life of citizens of the early 20th century. Various aspects of the introduction of science into routine practices are analyzed: body care, home hygiene and clothing, nutrition, physical education, home leisure. Attention is drawn to advertising as a way of enlightenment. Doctors, teachers, entrepreneurs become a new authoritative group within the framework of urban culture. Novelties and fashion are becoming an integral part of the modern way of life. The achievements of science and technology have made a shift in the mass views, have prepared a modern perception of the organization of private and public life.

Keywords: *every day history, technical innovation, urban life, a healthy lifestyle*

СЕКЦИЯ 3
СССР И РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИЙ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Алексеева Елена Вениаминовна
д.и.н., профессор РАН, в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *alekseeva167@mail.ru*

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна
д.и.н., доцент, в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *apkarimova@mail.ru*

ИМПЕРСКАЯ РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОГРЕСС И КУЛЬТУРА[1]

УДК 94(470)«17/19»

В статье в историографическом ключе анализируется культура имперской России и ответ российского общества на вызовы современности, связанные с вестернизацией, усилением роли технического прогресса, распространением городского образа жизни. Делается акцент на различиях элитарной и массовой культур, светских и духовно-религиозных проявлениях в культуре, соотнесении традиций и новаций в российской повседневности, трансформации традиционного общественного мировоззрения под воздействием новых взглядов и ценностей. Авторы показывают, что технический прогресс был не чужд российскому обществу, по крайней мере, его передовой части, а достижения русской культуры Нового времени признавались на международном уровне.

Ключевые слова: *Россия, вызов, модерность, прогресс, вестернизация, культура, инновации, традиции*

[1] Работа выполнена в рамках Проекта фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН на 2018–2020 гг. «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления».

Для научной литературы последних десятилетий характерен рост исследовательского интереса к теме ответа России на вызовы современности, проявлявшийся в российской истории преимущественно как вестернизация. В эпоху глобализации интерес к изучению кросс-культурного, в том числе, европейского влияния на исторические процессы в России закономерно пришел на смену негативному отношению и избеганию этих вопросов в советской историографии. Отечественная социокультурная динамика в широком контексте, в том числе, и во взаимодействии с европейской культурной жизнью, рассмотрена в обобщающих очерках по истории русской культуры XVIII–XIX вв.[2], в специальных изданиях по теме взаимовлияния культур[3], в которых данная тема исследуется на стыке истории, культурологии, социальной психологии. Р. Уортман в деталях воссоздает многовековой процесс освоения российскими монархами моделей западноевропейской репрезентации власти[4]. Работа Д. Крэкрафта посвящена петровским преобразованиям в культуре, которые он расценивает как революцию[5]. К теме взаимоотношения России с ее западными и восточными соседями в контексте вызова современности обращался А.И. Уткин[6]. Идея ретроспективной оценки прошлого с учетом вызовов настоящего, сопоставления фактических и альтернативных

[2] Русская культура XVIII века и западноевропейские культуры. Л., 1980; Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985; Очерки русской культуры XIX века. М., 2001. Т. 3. Культурный потенциал общества.

[3] Россия и Европа в XIX–XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998; Россия и мировая цивилизация. М., 2000; Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX вв.). М., 2007; Она же: Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006; Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Технические инновации и эволюция культурного ландшафта российского провинциального города в конце XIX — начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 3. С. 6–14.

[4] Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1, 2.

[5] Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, 2004.

[6] Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003; Он же: Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.

вариантов исторической динамики с последующими траекториями развития, соотнесения региональных, страновых и глобальных тенденций развития разрабатывается учеными уральской академической школы[7]. Ими признается действенность как эндогенных (экологических, демографических, институциональных, социокультурных и др.), так и экзогенных факторов прогресса (диффузии идей, технологий, организационных моделей; демонстрационных эффектов; конкуренции; обоюдных влияний и трансформаций), формулируется, что конкретный вызов зарождается в определенную эпоху на основе специфической ситуации в обществе, возникающей, как правило, на базе новых технологических достижений или обострения прежних условий существования. К отдельному типу вызова следует отнести культурно-мировоззренческий, который можно рассматривать как социокультурный, идентификационный, настоятельно требовавший решения в России XVII — начала XX в.

В течение всего XVII в. Московская Русь усваивала элементы западноевропейской цивилизации через Польшу и через прямые контакты с западноевропейскими государствами[8]. Оценивая роль Петра Великого в русской истории, современный российский политолог С. Кортунов отмечает, что правитель действительно осознал вызов Запада и предпринял неординарные, даже экстраординарные меры для того, чтобы путем мобилизационного рывка преодолеть отставание от Европы. Понимание этого вызова было присуще лишь узкому социальному слою. Европеизированная элита перенимала западноевропейские ценности и ориентации, а основная часть населения продолжала жить в традиционной культурной среде. Либеральные концепты постепенно и с заметным опозданием переносились в Россию из Европы. Труды классиков Французского Просвещения, в частности, оказали некоторое влияние на основные течения русской мысли вплоть до идеологии самодержавия (взгляды Екатерины II). В России формировались

[7] Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 619–634.

[8] Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995.

близкие идеи: апелляция к разуму, науке, знанию, критика крепостничества с позиции естественного права при отсутствии целостных просветительских концепций. Достижения Европы воспринимались как позитивный исторический опыт, европейская культура считалась эталоном, примером для подражания. Однако выразителями идеологии Просвещения в ограниченном и своеобразном (искаженном) варианте в России стал лишь узкий слой дворянства[9].

По мнению многих гуманитариев, ключом для понимания сущности вызовов современности (с ними, естественно, столкнулась и позднеимперская Россия) является понятие прогресса. Об амбивалентности и даже драматичности прогресса пишет, в частности, Эрик Хобсбаум, указывая на то, что сами современники применяли это двусмысленное слово ко всем историческим изменениям. Прогресс был наиболее очевиден и неоспорим в технике и непосредственно связанных с ней областях: в материальном производстве и в осуществлении коммуникаций. Внедрение в жизнь инноваций накладывало свой отпечаток на мировоззрение значительной части населения, люди ждали новых изобретений, менявших их повседневность. Однако в отсталых странах «новшества», привозимые извне горожанами и иностранцами, вызывали скорее беспокойство из-за нарушения старых устоявшихся привычек, а не надежды на улучшение жизни. За пределами «передового» мира существование прогресса не считали ни очевидной реальностью, ни убедительной теорией, и относились к его проявлениям как к очередной опасности со стороны чужеземцев[10].

Россия, отвечая на вызовы современности, продолжала решать вопрос о принадлежности к Европе или к Азии, ориентируясь на Запад. «И в экономическом отношении Россия, несомненно, была частью Запада, а ее правительство, определенно, проводило политику широкой индустриализации по западному образцу», — пишет исследователь «века империи»[11]. Оценивая уровень российской

[9] Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII — первой четверти XIX вв. М., 2008. Ч. 1.

[10] Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999. С. 40, 45, 46.

[11] Там же. С. 28.

цивилизации, учитывая критерий грамотности, уровень науки, необходимый для создания современной техники, ученый заявляет: «К концу 1870-х годов любую европейскую страну или область, в которой большинство населения было неграмотно, можно было почти с полной уверенностью назвать неразвитой, или отсталой, или близкой к таким. Италия, Португалия, Испания, Россия и Балканские страны находились, в лучшем случае, на периферии общего прогресса развития»[12]. Несмотря на все просветительские усилия, накануне Первой мировой войны лишь 20 % российского населения были грамотными и лишь 1 % закончил высшую школу[13].

При этом в отношении России делается существенная оговорка, что массовая неграмотность, существовавшая в ней, «не помешала созданию яркой культуры ограниченного меньшинства». Сравнивая Россию с США, Э. Хобсбаум пишет, что она не могла соревноваться с США по темпам роста экономики и повышения жизненного уровня населения, но Россия Достоевского, Толстого, Чехова, Чайковского, Бородина и Римского-Корсакова была великой державой в области культуры, тогда как США, где жили и работали Марк Твен и Уолт Уитмен, такою не являлись, даже, если прибавить сюда Генри Джеймса, эмигрировавшего затем в Великобританию[14].

Технический прогресс в рассматриваемый период двигался совместными усилиями русских и иностранных инженеров, ученых, техников, которые активно контактировали между собой лично, постоянно следили за публикациями в многочисленных специальных изданиях, оперативно сообщавших о новейших достижениях и изобретениях, выезжали в зарубежные командировки, принимали участие во всемирных выставках[15]. Международные связи

[12] Там же. С. 38.
[13] Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. С. 195.
[14] Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 29, 39.
[15] Соколов А.С. Санкт-Петербург на всемирных выставках в Лондоне в 1851 и 1862 гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 67–80; Черепанова Е.С., Кирюшкина Н.С., Марасанова О.В. Территориальный маркетинг: ретроспективный анализ Всемирной Парижской выставки 1900 года с использованием геоинформационных технологий // Ars administrandi. 2015. С. 5–15.

стимулировали отечественную инженерно-техническую мысль, позволяли русским специалистам вести исследования на передовом уровне, внедрять разработки в повседневность в России и за рубежом. Несколько лет работал во Франции, а затем уехал в Америку А.Н. Лодыгин, лампу накаливания которого усовершенствовал впоследствии Т. Эдисон. П.Н. Яблочков, создавший работавшую без регулятора дуговую лампу, участвовал в технических выставках в Англии, Франции, а его «русский свет», осветивший сначала магазин в Лувре, ипподром, театр Шатле, площади и улицы Оперы в Париже, распространился по всей Европе. И напротив, российским городам и весям хорошо были знакомы фирма «Сименс и Гальске», лампы накаливания В. Нернста и Т. Эдисона.

Передовая инженерная мысль плодотворно развивалась не только в столицах. Самые смелые теоретические идеи проверялись провинциальными учеными на практике. В Томске, под руководством профессора Томского технологического института Б.П. Вейнберга в 1911–1913 гг. была создана первая в мире действующая модель электрической железной дороги на магнитной подушке (с планируемой скоростью перемещения тел в вакуумной трубе до 800–1 000 км/ч)[16]. При такой скорости при непрерывном движении груз можно было бы перебросить «из Петербурга во Владивосток в 11 часов или можно пообедать в Москве, приехать прослушать оперу или доклад в Петербург и вернуться к ужину в Москву». Вейнберг подчеркивал важность реализации такого проекта для стран, протяжением в несколько тысяч километров: «возможность ускоренного в такой мере обмена товарами, скоропортящимися продуктами, документами, почтовыми посылками, людьми и т. д. может иметь очень большое значение, как в смысле все растущей спайки страны в одно прочное целое, так и в частных целях: торгово-промышленной, административной, стратегической и т. п.» (В результате начавшейся Первой мировой войны и последовавших за ней событий, проект был свернут. Над осуществлением идеи сверхзвуковых поездов, движущихся в вакууме на магнитной подушке в наши дни работает, например, Илон

[16] Вейнберг Б.П. Движение без трения. (Публичная лекция, прочитанная в С.-Петербурге 31 марта 1914 года). СПб., 1914. С. 49.

Маск). Размышляя о стремительном шаге технического прогресса и о реакции общества на него, Б.П. Вейнберг в 1914 г. приходил к выводу, что: «в вопросе о том, что — роскошь, что — необходимость, трудно что-либо предсказывать. Нежелающие отставать в непрерывном марафонском беге народов должны считать для себя необходимым то, что какой-либо передовой народ завел себе как роскошь». Первоначально роскошью, а в дальнейшем «безусловной необходимостью в каждой культурной стране», по мнению ученого, стали: железные дороги, электромагнитный телеграф, электрическое освещение, телефон, граммофоны, кинематограф, телеграф без проводов, подводные лодки, авиация[17].

Осмысление исторического опыта «ответов» русской культуры на «вызовы», порожденные модерном, должно включать несколько предметных областей: культуру взаимодействия человека и природы; человеческих взаимоотношений; повседневности; трансляции знаний по пути преемственности поколений. При изучении ответов на вызовы в этих областях, без сомнения, следует учитывать особенности регионального развития России; различие элитарной и массовой культур; наличие культуры «высокой» и «низкой»; дилемму «материального и идеального»; воздействие/противостояние двух миров/культурных систем: Востока и Запада.

Наиболее существенными европейскими проявлениями культурно-мировоззренческого вызова Нового времени, обращенными к культуре традиционной России, стали: вестернизация, городской образ жизни и десакрализация. Новое мировоззрение базировалось на рационализме, что предполагало соответствующее переустройство общества. Макс Вебер связывал формирование общества западного типа с максимальной рационализацией и капиталистическим развитием, в духовном плане — с «хозяйственной этикой» протестантизма. В России, где господствующей религией являлось православие, действовали иные ментальные стереотипы. Ослабление веры в Бога и убежденность в доминанте естественных законов противоречило базовым духовным ценностям российского общества.

Выявляя механизмы и этапы общественной борьбы за различные проекты общественного переустройства, необходимо подчер-

[17] Там же. С. 16.

кнуть, что в России исторически были ограниченные возможности для ответа на вызовы современности[18]. Так, только в эпоху Великих реформ Александра II в истории России начался процесс высвобождения общества от всепроникающего государственного контроля, были созданы предпосылки для формирования гражданского общества. Освобождение крестьян от крепостной зависимости в совокупности с другими преобразованиями дали толчок формированию гражданского самосознания. Рост городов, техническое развитие, строительство железных дорог, развернувшееся в 1870–1880-е гг., способствовало налаживанию не только инфраструктурных, но и социальных коммуникаций, расширению картины мира, поднятию уровня культуры более широких масс населения, повышению грамотности, получаемой в школах, училищах, университетах, профессионализации школы.

В выборе ответов на вызов современности существенной являлась борьба мнений. Культура и мировоззрение относятся к весьма консервативным сферам общественного и индивидуального бытия[19]. Закономерно, что привносимые изменения приживались медленно и с трудом, вызывали длительные дискуссии (спор западников и славянофилов наиболее ярко артикулировал полярности общественных мнений). Анализ борьбы российских либералов и консерваторов помогает понять причины поворота правительства от политики реформ к последующему реакционно-охранительному курсу, выявить противоречивость реформаторских процессов в России, показать препятствия, стоявшие на их пути.

В духовной сфере правительственные круги в значительной мере придерживались ключевых традиционных установок, сформулированных консерваторами. По их мнению, альтернативой административно-законодательным преобразованиям могло быть воздействие на внутренний, духовный мир людей, отсюда вытекало первостепенное внимание к проблемам культуры, просвещения, духовной жизни общества, в первую очередь — к общественной

---

[18] Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

[19] Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983.

роли Русской Православной Церкви. В общественном сознании специфически сочетались проявление традиционно-патриархального уклада с элементами просветительской идеологии[20]. В этом ключе показательна цензурная политика государства, борьба против иноверия и религиозного инакомыслия на фоне общественной борьбы за свободу печати, призывов к веротерпимости, процесса секуляризации общественной жизни.

Говоря о светских проявлениях в культуре, очевидно, что русское дворянство, особенно столичное, в результате знакомства с Европой и распространения европейской культуры в России к концу XVIII в. в значительной степени европеизировалось. Европеизация различных форм быта и повседневной жизни постепенно охватывала все больший круг российских жителей. В конце XIX — начале XX вв. она начинает более отчетливо проявляться в городской среде. В этом отношении Россия не была исключением из общеевропейской тенденции следования прогрессу и моде, чьи образцы создавались в признанных центрах вкуса, роскоши и стиля.

Появление и быстрое распространение в конце XIX в. конок, затем заменивших их электрических городских железных дорог (трамваев), универсальных магазинов, кинотеатров знаменовало возникновение учреждений и предметов потребления, доступных для представителей всех сословий и предоставлявших одинаковые для всех услуги. Показательно, что многие перемены по времени начинались в унисон и лишь немного позже, чем в европейских и российских столицах. Однако городской элите и городским властям провинциальных городов приходилось преодолевать значительно больше трудностей для введения новинок, степень их распространения была ограниченной по объективным причинам (не только материальным, следует учитывать и ментальные особенности провинциальных обывателей), распространение новаций на просторах империи растягивалось на годы и даже десятилетия. Со временем нововведения начинали уравнивать их потребителей из различных сословий, социальных групп и давали импульс к

[20] Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

распространению — через быт, повседневную жизнь — демократических ценностей. Демократизация стала устойчивой тенденцией в эволюции всех областей отечественной культуры. Бурные изменения во всех сферах российского общества все более трансформировали образ жизни значительной части населения, расширяя степень свободы, мобильности населения, раздвигая «границы мира» человека. Наблюдалась эволюция тесно связанного с прежним укладом традиционного сознания, замкнутого, малоподвижного и основанного на фатализме, патриархальных, патерналистских ценностях. В пореформенной России стали ослабевать традиционные стереотипы, наблюдаться рост индивидуализма, рационализма и расчетливости, активного стремления к улучшению своего положения.

Потребность в технических инновациях, сближавших провинциальные города со столичными, а также результаты их внедрения заметнее проявлялись в городах губернского значения. Прогрессивные изменения в бытовой сфере российского провинциального города обусловливались как активной деятельностью органов городского самоуправления по улучшению городского благоустройства, так и развитием экономики и культуры городов, столичным и европейским культурным влиянием. Трудности с внедрением некоторых технических инноваций проистекали из скудости городских бюджетов. Городской ландшафт эволюционировал постепенно, вбирая в себя технические новшества, которые еще долго соседствовали с привычным, традиционным. Неудивительно, что впечатления современников о городах восточной части империи были противоречивы. Так, в своей книге «По Европе и России» В.А. Поссе в 1907 г. отмечал контрасты, присущие Екатеринбургу: казенные учреждения, отстоящие друг от друга на целые версты, «широкие улицы с красивыми зданиями, электрическое освещение, телефоны, театры, увеселительные сады, но нет не только трамвая, но и самой примитивной конки, нет и водопровода, а вместе с тем и поливки улиц, так что в летние дни не только бедняки пешеходы, но и богачи, разъезжающие на своих рысаках, положительно купаются в пыли. Три большие прогрессивные газеты, несколько ученых обществ, библиотеки

имени Белинского и Решетникова, и наряду с этим «всесословное пьянство»[21].

Ответ России на вызовы Нового времени, нахождение Русского государства в орбите европейского влияния, наиболее заметно проявляющееся с XVIII в., зримо отразилось в национальном языке. В XVIII — начале XX вв. в повседневную русскую речь через расширение контактов, привнесение в отечественный быт иноземных объектов материальной культуры, внедрение в экономику новых реалий и технологий, создание регулярной армии, науки, политику просвещения, развитие искусства вошло огромное количество новых понятий (в т. ч.: авария (фр. — *avarie*); бензин (фр. — *benzine*); вагранка (от местн. назв. *Wagrain* в Австрии); верстак (нем. — *Werkstatt*, мастерская); деталь (нем. — *Detail*); дрель (голл. — *drilboor*); штольня (нем. — *Stollen*); штрек (нем. — *Strecke*); платформа (фр. — *plate-forme*); рельс (англ. — *rails*); семафор (фр. — *sémaphore*) и др.). Как показывает В.М. Живов, в контексте привнесенной системы ценностей создавался русский литературный язык нового типа. Лексические заимствования не только соотносились с интенсивным развитием государственной и военной организации, производства, науки и искусства, но служили своего рода маркерами культурной ориентации[22]. Их употребление свидетельствовало о причастности к новой культуре, об усвоении иной системы ценностей и отходе от традиционных взглядов. Модерные представления и вера в прогресс, отчетливо проявившиеся на рубеже XIX–XX в., способствовали серьезной трансформации общественного мировоззрения.

Библиографический список

Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 619–634.

Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Технические инновации и эволюция культурного ландшафта российского провинциального го-

[21] Грамолин А.И., Коридоров Э.А. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти (1745–1919). Документально-публицистические очерки. Екатеринбург, 2003. С. 163.

[22] Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 146–148.

рода в конце XIX — начале XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 3. С. 6–14.

Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX вв.). М., 2007.

Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.

Вейнберг Б.П. Движение без трения. (Публичная лекция, прочитанная в С.-Петербурге 31 марта 1914 года). СПб., 1914.

Грамолин А.И., Коридоров Э.А. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти (1745–1919). Документально-публицистические очерки. Екатеринбург, 2003.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб., 1995.

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII — первой четверти XIX вв. М., 2008. Ч. 1.

Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

Соколов А.С. Санкт-Петербург на всемирных выставках в Лондоне в 1851 и 1862 гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 67–80.

Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1–2.

Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003.

Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000.

Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.

Черепанова Е.С., Кирюшкина Н.С., Марасанова О.В. Территориальный маркетинг: ретроспективный анализ Всемирной Парижской выставки 1900 года с использованием геоинформационных технологий // Ars administrandi. 2015. С. 5–15.

Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, 2004.

Alekseeva E.V., Kazakova-Apkarimova E.Yu.

Imperial Russia before challenges of the present: progress and culture

The article analyzes in terms of historiography the culture of imperial Russia and the response of Russian society to the challenges of modernity, related to Westernization, the increasing role of technical progress, and the spread of the urban way of life. The authors place the emphasis on the differences in elitist and mass cultures, secular and spiritual-religious manifestations in culture, the correlation of traditions and innovations in Russian everyday life, the transformation of the traditional social mindset under the influence of new views and values. The authors show that technological progress was not alien to Russian society, at least, its advanced part, and the achievements of Russian culture of the modernity were recognized at the international level.

Keywords: *Russia, challenge, modernity, progress, Westernization, culture, innovations, traditions*

Берсенёв Владимир Леонидович
д.и.н., профессор, в.н.с., Институт экономики УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *colbers@bk.ru*

ПРИВАТИЗАЦИЯ КАК СИМВОЛ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

УДК 338.22(930.23)

Обобщение и систематизация накопленной за двадцать с лишним лет литературы по истории реформы позволяет упорядочить имеющиеся представления о происходивших в рамках преобразований процессах и задать новый вектор осмысления социально-экономического развития России в последнее десятилетие XX — первые десятилетия XXI в. Шагом в этом направлении является анализ публикаций, отражающих подготовку, ход и результаты приватизации государственной и муниципальной собственности в 1990-е гг.

Ключевые слова: *приватизация, современная экономическая реформа, разгосударствление, эффективный собственник*

Специфика приватизации как одного из базовых направлений реализации современной экономической реформы в России заключается в том, что данный процесс фактически начался задолго до января 1992 г., то есть до официального перехода к рыночным преобразованиям. Более того, тезис о необходимости разгосударствления советской экономики стал неотъемлемой частью разного рода программных документов, возникавших на рубеже 1980–1990-х гг.

Идея отказа от преобладания государственной собственности на средства производства прозвучала уже на прошедшей в ноябре 1989 г. Всесоюзной научно-практической конференции, на которой были рассмотрены варианты дальнейшего углубления начатой в 1988 г. реформы в народном хозяйстве СССР. В итоговом документе конференции «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры»[1] отмечалось, что государство признает равноправие различных форм собственности и обеспечивает «суверенное право собственников пользоваться

[1] Экономическая реформа: поиск решений. М., 1990. С. 5–82.

принадлежащими им средствами производства по своему усмотрению в рамках действующего законодательства»[2]. Помещенные в приложение «Основные направления по углублению радикальной экономической реформы и характеристики ее развития» даже открывались разделом 1 «Развитие многообразных форм социалистической собственности», включавшем в себя такие программные мероприятия, как перевод государственных предприятий на арендные отношения, создание акционерных обществ и других форм совместного владения, преобразование всех убыточных государственных предприятий в арендные, кооперативные и акционерные и т. д. Ожидаемым итогом этого процесса должна была стать мобилизация все большей части трудовых доходов населения и свободных средств трудовых коллективов на инвестирование развития производства через акционерные, смешанные и иные формы совместного владения собственностью[3].

Необходимо уточнить, что в тот период «радикальной» называлась экономическая реформа, инициированная решениями июньского (1987) Пленума ЦК КПСС[4]. В рамках идущей в стране «перестройки» заявленные тогда преобразования, действительно, могли показаться кардинальными, однако степень их радикализма не идет ни в какое сравнение с тем, что осуществлялось в 1990-е гг.

Осенью 1990 г. в центре внимания и политиков, и общественности оказались концепция и программа «Переход к рынку», подготовленные рабочей группой под руководством академика С.С. Шаталина[5]. В числе прочих положений данного документа, известного также как программа «500 дней», содержались положения о разгосударствлении и приватизации и даже устанавливалось, что в иные формы собственности должны перейти 55,9 % основных фондов, принадлежащих государству[6].

Программа «500 дней» в силу ряда причин политического характера так и не стала основой для формирования экономиче-

[2] Там же. С. 18.
[3] Там же. С. 64–66.
[4] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М., 1987.
[5] Переход к рынку: Концепция и программа. М., 1990.
[6] Там же. С. 220.

ской политики, ориентированной на переход к рынку. Одним из последних компромиссов в ходе обостряющегося противостояния между КПСС и новыми центрами власти, представленными Верховными Советами союзных республик, стали «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», одобренные Верховным Советом СССР 19 октября 1990 г.[7] В разделе, посвященном мерам по формированию рыночной экономики, признавалось: «Формирование свободных товаропроизводителей как важнейшего элемента рыночной экономики требует скорейшего выведения большей части предприятий из-под государственной опеки, осуществления приватизации». Предполагалось создать Фонд государственного имущества СССР и аналогичные фонды — в союзных республиках, а приватизацию осуществлять в соответствии с программами разгосударствления, под контролем государственных органов и общественности.

На этом фоне происходил негласный переход государственных предприятий под контроль различных предпринимательских групп, представляющих широкий круг заинтересованных лиц — от директорского корпуса до криминалитета. Чтобы перевести этот процесс в правовое русло, российское руководство пошло летом 1991 г. на принятие закона «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР»[8] и ряда других нормативных актов. Еще в декабре 1990 г. были приняты законы РСФСР «О собственности в РСФСР»[9] и «О предприятиях и предпринимательской деятельности»[10], а в июле 1991 г. наряду

---

[7] Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике: Одобрены Верховным Советом СССР 19 октября 1990 года // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 906.

[8] О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР: Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

[9] О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

[10] О предприятиях и предпринимательской деятельности: Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

с уже упоминавшимся Законом о приватизации был принят закон РСФСР «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»[11], и это не считая целого набора подзаконных актов и по-прежнему действовавших норм союзного законодательства о собственности, аренде и т. д.

Вместе с тем планы Госкомимущества РСФСР, разработанные под руководством М.Д. Малея, предполагали, что приватизация будет представлять собой процесс, протяженный во времени и ориентированный на получение соответствующих экономических и социальных эффектов. Лидеров реформаторского блока российского правительства, сформированного в ноябре 1991 г., это не устраивало. Не случайно в получившем скандальную известность еще до выхода из печати сборнике воспоминаний сотрудников Госкомимущества РФ «Приватизация по-российски»[12] глава этого ведомства в первой половине 1990-х гг. А.Б. Чубайс утверждал, вопреки реальности: «Стихийная приватизация уже бушевала вовсю. По сути, это было разворовывание общенародной собственности. Но это разворовывание не было нелегальным, потому что легальных, законных схем разгосударствления не существовало»[13]. Соответственно, посредством ряда указов Президента России были отменены нормы формально действующих законов (между прочим, актов, обладающих большей юридической силой), и началась массовая передача государственного и муниципального имущества в частные руки. При этом на первом этапе преобразований вместо именных приватизационных счетов и вкладов было решено использовать не привязанные к личности владельца приватизационные чеки или «ваучеры».

Кстати, и Е.Т. Гайдар[14], и А.Б. Чубайс[15] признавали, что идея использования «ваучеров» в качестве платежного средства в процессе приватизации им не нравилась. Смущали риски, связанные

---

[11] Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР: Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27. Ст. 925.

[12] Приватизация по-российски. М., 1999.

[13] Там же. С. 29.

[14] Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 266.

[15] Приватизация по-российски. С. 20–21.

с масштабным и спекулятивным перераспределением этих знаков. Однако, с другой стороны, использование «безымянных» приватизационных чеков позволяло резко ускорить процесс акционирования крупных предприятий, не говоря уже о прочих операциях, связанных государственным и муниципальным имуществом.

С 1 июля 1994 г. начался новый этап приватизации, когда государственное и муниципальное имущество становилось объектом обычного рыночного оборота. Одним из знаковых эпизодов «денежного» этапа приватизации стало проведение осенью 1995 г. так называемых залоговых аукционов, итогом которых стало появление первых российских олигархов. Природу этого явления в сборнике «Приватизация по-российски» раскрыл А. Кох. Правительство получало от крупных банков кредиты для выполнения многочисленных бюджетных обязательств под залог пакетов акций крупных государственных предприятий. Предполагалось, что в случае невозврата кредитов эти акции переходили в собственность банков и стоящих за ними финансово-промышленных групп, что и происходило на деле. А. Кох объяснял претензии по поводу сомнительных с точки зрения социальной справедливости итогов залоговых аукционов следующим образом:

«Впрочем, есть в полемике вокруг залоговых аукционов один упрек, с которым я готов согласиться. Речь идет о том, что мы были не правы, когда допустили к участию в аукционах те банки, которым была поручена в соответствии с постановлением правительства организация этих мероприятий. Очевидно, надо было предложить этим банкам отказаться либо от участия в аукционе, либо от подготовки мероприятий»[16].

Тем самым было сделано признание, что залоговые аукционы изначально предполагали формирование узкого слоя избранных собственников, получивших в свое распоряжение изрядную долю государственного имущества посредством нехитрых финансовых манипуляций.

Известно, что «шоковую терапию» как основное направление реформирования российской экономики изначально подвергали критике представители Российской академии наук. Поскольку

[16] Приватизация по-российски. С. 265.

приватизация представляла собой во многом не экономический процесс, а правовую процедуру передачи прав собственности, данной проблеме в академической среде уделялось гораздо меньше внимания. Достаточно отметить, что в известном аналитическом докладе Института экономики РАН «Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации», подводящем итоги преобразований в 1992–1993 гг., говорилось лишь о неподготовленности приватизации в научно-технической сфере и криминализации отношений собственности, реформирование которых свелось к переделу контроля над государственной собственностью[17]. Кроме того, специалисты ИЭ РАН во главе с академиком Л.И. Абалкиным напоминали об известной истине: «Независимо от того, к какой форме собственности относится предприятие, ключевую роль в его успешной деятельности играют используемые методы управления»[18].

Всякий процесс процедурно-правового характера лучше анализировать, обладая специфической информацией «для служебного пользования». В данном случае в качестве ведущего критика ускоренной приватизации выступила Счетная палата Российской Федерации, изучившая соответствующие материалы за период 1993–2003 гг. Опубликованный в 2004 г. по итогам расследования (экспертно-аналитического мероприятия, по версии Счетной палаты), отчет[19] наиболее объемно отражает ход и результаты приватизации государственного и муниципального имущества в России, избегая при этом чересчур эмоционально окрашенных оценок:

«Как показали результаты экспертно-аналитического мероприятия, решение о начале массовой российской приватизации в определенном смысле оказалось вынужденным. Однако начало реформ в сфере государственной собственности было недостаточно подготовлено с точки зрения формирования должных правовых и инсти-

[17] Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 143, 149.

[18] Там же. С. 155.

[19] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). М., 2004.

туциональных условий. Недостатки законодательной базы, неразвитость приватизационных институтов и процедур, фактическое отсутствие внешнего контроля создали возможности для многочисленных нарушений законности в ходе реализации конкретных приватизационных мероприятий, а также стали причиной целого ряда негативных социально-экономических последствий»[20].

Подтверждение этой оценки приводится последующих главах отчета, в том числе в третьей главе подводились непосредственно экономические итоги приватизации. Что касается числовых показателей, то на первый взгляд в аналитической записке встречались слишком явные разночтения. Сначала говорится, что к середине 1992 г. в стране насчитывалось 349 381 государственное и муниципальное предприятие, а также 80 809 федеральных объединений, организаций, предприятий и учреждений[21]. Далее отмечается, что за 1993–2003 гг. было приватизировано 96 414 государственных предприятий, в том числе 16 701 предприятие федерального уровня, при этом в 1993–1994 гг. собственника сменили 71 829 предприятий или 74,5 % всех приватизированных за анализируемый период предприятий. Однако тут же приводится не совсем понятное уточнение «(соответственно 49 924 и 21 905)»[22]. Скорее всего, это указание на число предприятий, находившихся в собственности субъектов Федерации и в федеральной собственности, но тогда расхождение в показателях становится еще более очевидным. Можно только предположить, что, с одной стороны, крупные государственные предприятия перед приватизацией или по ходу ее осуществления дробились, вследствие чего конечные показатели отличались от стартовых, а с другой — что сотрудники Государственного научно-исследовательского института системного анализа Счетной палаты Российской Федерации не слишком качественно выполнили свою работу.

Тем не менее, данные, приводимые в аналитической записке, являются наиболее полными и подтвержденными ссылками на Госкомстат России. Кроме того, аналитики Счетной палаты РФ

[20] Там же. С. 6–7.
[21] Там же. С. 82.
[22] Там же. С. 83.

со своей стороны также выделили главную особенность приватизации у нас в стране: «В отличие от стран с развитой рыночной экономикой, где передача в частные руки государственного имущества решала задачу повышения эффективности отдельных предприятий, в России приватизация была призвана обеспечить радикальное изменение отношений собственности, т. е. решить задачи изменения экономического базиса общества»[23].

Хотя в течение 1990-х гг. был осуществлен переход к многообразию форм собственности, и возникла основа для развития рыночных форм хозяйственных связей и использования механизмов конкуренции, а также условия для привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций, ликвидации дефицита товаров и услуг на внутреннем рынке и пр., однако детальный анализ положения дел в различных отраслях российской экономики сопровождался общим выводом:

«Формальное разгосударствление и передача контроля над собственностью в частные руки не привели к достижению целей, которые были определены в Государственной программе приватизации — формированию “эффективного собственника” и созданию социально ориентированной рыночной экономики»[24].

На Урале работа по оценке итогов приватизации проводилась, начиная уже с середины 1990-х гг. В частности, сотрудники Института экономики УрО РАН специально для оценки ситуации в промышленности Свердловской области разработали оригинальную методику, сочетающую анализ изменения эффективности после приватизации с выделением «чистого» влияния приватизации на эффективность деятельности предприятий и отраслей.

Результаты сравнения среднегодовых итогов работы 22 крупных промышленных предприятий и двух предприятий розничной торговли до и после приватизации свидетельствовали, что показатели общей результативности в целом ухудшились, в том числе у всех объектов анализа уменьшился объем прибыли и добавленной стоимости (в сопоставимых ценах), к тому же у большинства предприятий уменьшился среднегодовой объем реализации от 4 % у компа-

[23] Там же. С. 81.
[24] Там же. С. 147.

нии «Бетфор» до 16,6 раза у компании «ЕМАКО». Впрочем, у семи предприятий даже наблюдался прирост объема реализации — от 5 % у «Сухоложцемента» до 11,5 раза у торговой компании «Универсам “Кировский”». К тому же, если у ряда рассмотренных предприятий доля на рынке упала (к примеру, у Екатеринбургского завода обработки цветных металлов — в 4,8 раза), то у 11 объектов анализа, наоборот, она выросла (лучший показатель оказался у «Пневмостроймашины» — прирост на 45 %)[25].

Вместе с тем с учетом прочих анализируемых факторов отмечалось, что в результате приватизации:

— на 67 % проанализированных предприятий улучшились результативные показатели работы, в том числе объем балансовой прибыли;

— на 56 % предприятий повысились экономичность работы, доля прибыли в каждом рубле реализованной продукции, ее рентабельность;

— практически на всех предприятиях возросла инновационная активность.

Отсюда следовал вывод, что при всех недостатках приватизации (ее преимущественно политических, а не экономических целей, кампанейщины в проведении и т. п.) она в целом положительно повлияла на эффективность работы предприятий промышленности и торговли[26].

Сам А.Б. Чубайс в одном малоизвестном интервью 2001 г. оценивал итоги проделанной его командой работы более откровенно: «Мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма… Приватизация в России до 97 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили»[27].

---

[25] Приватизация и эффективность деятельности отраслей и предприятий: ситуация в промышленности Свердловской области. Екатеринбург, 1998. С. 179.
[26] Там же. С. 188–189.
[27] Цит. по: Чубайс А. Приватизация вообще не была экономическим процессом. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Интервью 2001 г. URL: http://sgline.org/cat/7/13218 (дата обращения: 09.03.2017).

В свою очередь, аналитики и публицисты, критически оценивавшие итоги приватизации, выражались не менее цинично. Например, О.А. Хохлов, экс-сотрудник сначала Контрольно-бюджетного комитета при Верховном Совете Российской Федерации, а затем — Счетной палаты Российской Федерации, в монографии с характерным названием «Приватизация России», предостерегал, исходя из того, что итоги приватизации не обладают достаточной легитимностью в глазах населения: «Сегодня… каждого нового “добросовестного приобретателя” ждет новый добросовестный киллер потому, что у него есть моральное право на дальнейший передел собственности…»[28].

Таким образом, приватизация по праву может считаться главным символом рыночных преобразований в России в 1990-е гг. Если иные инструменты современной экономической реформы (либерализация цен, жесткая кредитно-финансовая политика и т. д.) при всей своей значимости использовались либо одномоментно, либо без внешне видимых и легко оцениваемых результатов, то переход государственного и муниципального имущества в частные руки происходил в течение достаточно продолжительного промежутка времени и сопровождался разного рода негативными эффектами. Первые оценки итогов данного процесса уже даны, однако приватизация, как и вся современная экономическая реформа в России в целом, в силу необъятности имеющегося фактического материала по-прежнему нуждаются в дальнейшем изучении.

Библиографический список

Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). М., 2004.

Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996.

Переход к рынку: Концепция и программа. М., 1990.

Перевалов Ю.В., Басаргин В.Ф., Бурков А.Л., Гимади И.Э., Добродей В.В., Романова О.А. Приватизация и эффективность деятельности отраслей и предприятий: ситуация в промышленности Свердловской области. Екатеринбург, 1998.

[28] Хохлов О.А. Приватизация России. М., 2005. С. 238.

Приватизация по-российски. М., 1999.

Хохлов О.А. Приватизация России. М., 2005.

Чубайс А. Приватизация вообще не была экономическим процессом. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Интервью 2001 г. URL: http://sgline.org/cat/7/13218 (дата обращения: 09.03.2017).

Экономическая реформа: поиск решений: материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. по проблемам радикальной экономической реформы (13–15 ноября 1989 г.). М., 1990.

Bersenev V.L.

Privatization as a symbol of the modern economic reform in Russia

The generalization and systematization of the literature on the history of modern economic reform, accumulated over more than twenty years, allows us to streamline the existing ideas about the processes occurring in the framework of transformations and to set a new vector for comprehending socioeconomic development of Russia in the last decade of the twentieth century and the first decades of the 21st century. A step in this direction is the analysis of publications reflecting the preparation, progress and results of state and municipal property privatization in the 1990s.

Keywords: *privatization, modern economic reform, denationalization, effective owner*

Воробьев Сергей Викторович
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *svorob.hist@gmail.com*

КОММУНИСТЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПАРТИЙНЫЕ СТАРОЖИЛЫ И НЕОФИТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАРТИЙНОЙ ПЕРЕПИСИ 1922 г.)

УДК 94(47).084.3

В статье, на примере Екатеринбургской партийной организации, анализируется изменение количественного состава коммунистической партии по данным партийной переписи 1922 г. на различных исторических этапах ее существования: от возникновения до начала 1920-х гг. Выделяются периоды роста и спада притока в партию новых членов, выявляются как субъективные факторы, влиявшие на количественную динамику — организационные меры, так и объективные факторы — политические, социальные и экономические.

Ключевые слова: *РКП(б), партийная перепись 1922 г., партийный стаж, Урал, Екатеринбургская губерния, революция 1917 г., Гражданская война*

Большой интерес в плане реконструкции социального портрета коммунистов Среднего Урала начала 1920-х гг. вызывает изучение их партийного стажа. Анализ партийного стажа дает возможность проследить динамику изменения количественных параметров и их влияние на качественный состав партии, позволяет связать ее с конкретной исторической ситуацией, получить представление о партийном опыте коммунистов, их вкладе в установление власти партии большевиков в России.

По данным партийной переписи, в 1922 г. только 1,5 % коммунистов Екатеринбургской губернии имели дореволюционный опыт партийной работы в РСДРП, что в целом соответствовало общероссийским показателям. Такое незначительное число опытных коммунистов объясняется особенностями организации партии, которая до революции 1917 г. представляла собой неболь-

шую замкнутую организацию профессионально-конспиративного характера, так называемую партию «нового типа».

При этом не все коммунисты с дореволюционным стажем были из числа так называемой «ленинской гвардии», твердокаменных большевиков, не изменявших своим политическим взглядам. Часть из них (4,7 %) отметилась пребыванием в прошлом в других политических партиях — Бунд, меньшевики, эсеры, «трудовики».

Таким образом, для подавляющего числа партийцев РКП(б) была первой и единственной партией в их политической биографии. Лишь незначительная часть коммунистов губернии (в независимости от времени вступления в ее ряды) — 413 чел. (3,4 %) имела опыт пребывания в рядах других партий, главным образом левого толка: меньшевиков, Бунда, левых и правых эсеров. Больше всего таких людей было среди рабочих — 236 (57,1 %), ответственных работников и служащих — 118 чел. (28,6 %)[1].

В условиях революционной ситуации 1917 г. наблюдается первый резкий всплеск притока в партию большевиков новых членов. Численность губернских коммунистов, вступивших в партию в 1917 г., оказалась в шесть раз выше по сравнению с теми, кто пришел в нее в дореволюционный период. По состоянию на 1922 г., коммунисты, находившиеся в рядах губернской организации РКП(б) и вступившие в партию в 1917 г., составляли 9 % от общего числа ее членов. В целом это отражало общероссийскую тенденцию — по стране доля вступивших в ряды партийной организации большевиков в течение 1917 г. составила 9,6 %[2]. Значительная часть губернских коммунистов с дореволюционным партийным стажем вступила в партию в 1904–1906 гг. (45,4 %), при этом наибольший показатель приходится на 1905 г. — 25,8 %. Такой рост политической активности можно объяснить падением престижа царского режима в результате поражения в русско-японской войне и нарастанием в стране революционных настроений. Еще один всплеск вступления в ряды партии приходится на период Первой мировой войны, когда в ее ряды вступило более

[1] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922. Вып. 2. С. 46–47.
[2] Там же. С. 7.

четверти (28,1 %) от числа «опытных» партийцев, при этом наибольшая доля вступивших в партию большевиков в годы войны пришлась на предреволюционный 1916 г. — 14,8 % (второй показатель по дореволюционному периоду).

Однако, подавляющая часть коммунистов губернии, находившихся в партии на момент партийной переписи 1922 г., начала отсчет своей партийной биографии уже после Октябрьской революции. Основная масса людей пришла в партию в период с 1918 по 1921 г. По данным переписи, они составляли в губернской организации 86,3 % от общего числа членов партии. Именно в этот период РКП(б) начинает превращаться в массовую партию.

Доля тех, кто вступил в ряды РКП(б) в 1918 г., по губернии составила 11 %. Такой незначительный процент обусловлен тем, что на протяжении 1917 г. и в 1918 г. позиции партии большевиков в Уральском регионе были еще недостаточно сильны, она вела борьбу за политическое влияние на население с другими политическими партиями и организациями, прежде всего социалистического толка (меньшевиками, эсерами). Так в первые месяцы после Февральской революции меньшевики обладали значительным влиянием на Урале[3]. Значительной популярностью обладали и эсеры[4], в том числе их взгляды были «достаточно влиятельными в рабочей среде»[5].

Весной и летом 1918 г. в рабочих поселках горнозаводского Урала вспыхнуло несколько восстаний против большевистской власти (Невьянский и Полевской заводы), во главе которых стояли эсеры и меньшевики[6]. Восставшие рабочие выступали против диктата большевиков в Советах, за народовластие на демократических началах и стремились защитить демократические завоевания Февральской революции 1917 г.[7]

---

[3] Сергеева Е.Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.). Екатеринбург, 1996. С. 14.

[4] Кононенко А.А. Эсеры на Урале в 1917–1919 гг. Екатеринбург, 1994.

[5] Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 43.

[6] Вебер М.И. Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в Гражданской войне // Веси. 2014. Окт. № 8 (104). С. 4–15; Он же. Мятеж рабочих Полевского завода против большевистской власти (16–18 июня 1918 года): причины и последствия // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 170–182.

[7] Вебер М.И. Невьянское восстание против большевистской власти. С. 5.

Другой фактор, влиявший на численность вступивших в партию большевиков в этот период, заключался в том, что в течение года, с июля 1918 г. по июль 1919 г., большая часть Урала, в том числе и Екатеринбургская губерния, находилась под контролем антибольшевистских сил, регион захлестнула Гражданская война. В этот период легальная деятельность большевистских партийных структур была прекращена, а деятельность в условиях подполья, связанная с риском для жизни, не способствовала численному росту партийной организации.

Наибольший приток в партию новых членов наблюдался в губернии в 1919 г. По данным партийной переписи 1922 г., Екатеринбургская губернская парторганизация почти наполовину (47,7 %) состояла из коммунистов, которые вступили в партию в 1919 г.[8] В этот год число вступивших в коммунистическую партию по сравнению с 1918 г. выросло более чем в четыре раза. Такая существенная динамика прироста новых членов была обусловлена рядом факторов. Во-первых, в июле 1919 г. Екатеринбургская губерния была освобождена от белогвардейцев, и здесь была восстановлена Советская власть, вследствие этого число желающих вступить в коммунистическую партию резко возросло.

Важным фактором массового притока в коммунистическую партию новых членов были меры организационного характера — изменились критерии приема в партию. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. было принято решение широко открыть двери в партию для рабочих, рабочей и крестьянской молодежи[9]. К тому же осенью 1919 г. повсеместно проводились так называемые «партийные недели», в ходе которых в партию принимали всех желающих из числа «рабочих и работниц, красноармейцев и матросов, крестьян и крестьянок». Ставилась амбициозная задача — довести численность большевистской партии до миллиона человек[10].

По своей сути, данная акция преследовала военно-мобилизационную цель. Метод набора также был чисто мобилизационным —

[8] Подсчитано по: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922. Вып. 2. С. 7.

[9] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 423.

[10] О партийной неделе // Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 241–242.

для коммунистов устанавливалась норма по привлечению в партийные ряды новых членов. В циркулярном письме ЦК партии говорилось: «Каждый рабочий член партии должен постараться завербовать одного-двух новых членов партии. Каждый коммунист, занятый на советской работе, за время партийной недели должен найти время побывать на той фабрике или заводе, где он работал раньше, чтобы завербовать там в партию одного или нескольких новых членов партии»[11]. Таким образом, проведение партийных недель было обусловлено трудной для большевиков военно-политической ситуацией, в которой они оказались летом и осенью 1919 г., когда А.И. Деникин начал наступление на Москву, а к Петрограду подходили войска Н.Н. Юденича. Поэтому через партийные недели большевистские лидеры хотели привлечь в РКП(б) значительные силы, которые можно было бы направить на фронт. Для партийных новобранцев максимально упростили условия вступления: отменили обязательные письменные рекомендации от двух членов партии. В сложившейся критической обстановке вступление в партию не давало никаких преимуществ, не являлось ступенькой к карьерному росту или получению привилегий, наоборот, оно означало, по образному выражению Н.И. Бухарина, другую ситуацию, «когда фактически членский билет нашей партии и является штемпелем для кандидата на деникинскую виселицу»[12]. Иными словами, коммунистами, по мнению партийных руководителей, в этот период становились, как правило, не по расчету, а по убеждениям. В.И. Ленин охарактеризовал этих новых коммунистов как «лучшие и надежнейшие кадры руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства»[13].

В то же время подобную мотивацию вступления в ряды РКП(б) в этот период нельзя признать универсальной и единственно возможной для всех регионов страны. Она могла являться доминирующей в локальных условиях, например, конкретной тяжелой военно-политической ситуации в центральной части России. На Урале же летом 1919 г. ситуация для большевиков складывалась

[11] Известия ЦК РКП(б). 1919. № 6.
[12] Восьмая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1961. С. 158.
[13] Ленин В.И. Государство рабочих и партийная неделя // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 231.

более благоприятно. РКП(б) по сути стала на данной территории «партией власти», что неизбежно притягивало к ней всех тех, кто хотел благополучно встроиться в новые условия жизни. Поэтому спектр мотивов вступления в партию мог быть в этом случае достаточно широким: от искреннего желания участвовать в реализации коммунистических идеалов справедливого устройства общества до сугубо прагматических целей — стремления быстро и безболезненно интегрироваться в новую социально-политическую систему (конформизм), желание сделать карьеру в новых властных структурах со всеми вытекающими социальными и материальными выгодами (карьеризм).

В 1920 г. наблюдается заметный спад числа вступивших в коммунистическую партию по Екатеринбургской губернской организации. Доля тех, кто ступил в ряды РКП(б) в этом году оказалась более чем в два раза меньше по сравнению с предшествующим годом, хотя этот год оказался вторым после 1919 г. по интенсивности притока в партию новых членов — 20,2 % от общего числа губернских коммунистов[14]. Такая тенденция к снижению вновь принятых в ряды РКП(б) имела под собой объективное основание: после значительного всплеска предыдущего года, имевшего во многом искусственный характер, людской ресурс желающих вступить в партию был существенно исчерпан.

К тому же был серьезно подорван кредит политического доверия к РКП(б). Уровень доверия населения был достаточно высок в 1919 г., после освобождения Урала от колчаковских войск. Однако в результате начавшейся вскоре после этого реализации экономической политики «военного коммунизма» политический и социальный оптимизм жителей губернии пошел на убыль. Широкая практика реквизиции продовольственных запасов у сельского населения, введение карточной системы распределения продовольствия в городах, произвол властных структур и их неспособность навести элементарный порядок на территории губернии отталкивали от партии большевиков тех, кто ей в принципе сочувствовал. Сокращение числа вступивших в партийную организацию губернии в этот период было обусловлено также

[14] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. С. 7.

организационными мерами ограничительного характера — на уровне центральных партийных органов было принято решение об ужесточении требований к вступающим в партию. В декабре 1919 г. на VIII партконференции был принят новый Устав партии, который официально вводил институт кандидатства. Такая форма проверки принимаемых в партию стала применяться рядом партийных организаций по собственной инициативе начиная с 1918 г.[15]. Институт кандидатства стал выполнять функцию своеобразного фильтра в общепартийном масштабе, который не должен был пропускать в партийные ряды случайных и нежелательных лиц. В соответствии с новым партийным уставом желающие вступить в партию обязаны были предоставить рекомендации от членов партии и пройти сначала кандидатский стаж[16]. Несмотря на эти обстоятельства, коммунисты, вступившие в партию в 1919 и 1920 гг., составляли $^{2}/_{3}$ губернской парторганизации (67,9 %).

Число вступивших в РКП(б) в 1921 г. в губернии снизилось по сравнению с 1920 г. в 2,6 раза и составило всего 7,6 % от общего числа членов губернской организации[17]. Во многом такой существенный спад притока в партию новых членов был вызван усилением недовольства политикой большевиков в различных слоях общества, прежде всего среди рабочих и крестьян. Проявлением недовольства стали забастовки рабочих в городах, Кронштадский мятеж, восстания крестьян в центральной России, на Урале и в Сибири. Уральский регион находился в тисках экономического кризиса, признаками которого стали массовый голод, развал промышленности и, как следствие, безработица среди рабочих. Основная отрасль промышленности Урала — металлургия — находилась в крайне депрессивном состоянии. Металлургические заводы работали неравномерно и нерегулярно, объемы производства были низкими, значительно сократилась выплавка чугуна и стали по сравнению с довоенным периодом. Схожая ситуация упадка наблюдалась и в других отраслях промышленности. Ответственность за свое незавидное положение рабочие возлагали на власть. Руководители

[15] Обичкин О.Г. Краткий очерк истории Устава КПСС. М., 1986. С. 54.
[16] Ленин В.И. КПСС об организационно-партийной работе: в 4 т. М., 1985. Т. 1. С. 80.
[17] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. С. 7.

Екатеринбургского губкома справедливо отмечали: «Само собой понятно, что <...> рабочий, который не получает по два месяца жалованья, ругает Советскую власть во все корки»[18]. Так как советскую власть олицетворяли прежде всего большевики, то недовольство рабочих властью отражалось напрямую на авторитете коммунистической партии.

Крестьянство также выражало недовольство в отношении проводимой большевиками политики продразверстки, в ходе которой экспроприировалась значительная часть хлебных и иных продовольственных запасов крестьян. В связи с неурожаем 1921 г., продразверсткой и иными налогами в пользу государства, фактическое изъятие зерна с валового сбора хлебов составило в Челябинской губернии 61 %, в Уфимской губернии — 37,3 %, Екатеринбургской — 34,2 % и Пермской — 19,5 %[19]. Такие действия пролетарской власти в отношении крестьянства отталкивали от нее многих его представителей и не только из числа среднего крестьянства. Бедные слои деревни также не доверяли органам власти, которые не оказывали им никакой материальной поддержки. Историк И.Н. Нарский отмечает, что поддержка крестьянской бедноты советской властью имела в основном декларативный характер и в практических действиях не выразилась. «После завершения сбора продразверстки 1920 г., зимой 1920–1921 гг., местные власти отпускали хлеб только для сеющего населения <...>. Социально слабая часть деревни была брошена на произвол судьбы»[20]. В результате отношение крестьян к коммунистической партии было «недоброжелательным», так как именно на нее ими возлагалась основная вина за «критическое положение переживаемого момента»[21].

На снижение притока в партию новых членов в этом году наложили свой отпечаток и ответные меры большевистской власти

---

[18] ЦДООСО Ф. 1494. Оп. 1. Д. 93. Л. 94.

[19] Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале. Екатеринбург, 2000. С. 14.

[20] Нарский И.Н. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 293.

[21] Воробьев С.В. Местная власть в глазах населения Урала в первые годы нэпа // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития. Екатеринбург, 2017. С. 204.

на проявления недовольства со стороны общества. Одновременно с началом новой экономической политики партийное руководство предприняло меры по усилению политического контроля в стране, что отразилось и на самой партии. Экономические уступки крестьянству и мелкой буржуазии необходимо было компенсировать усилением «пролетарской» однородности партии, являвшейся ядром политического режима. На X съезде РКП(б), наряду с введением нэпа, было принято решение об «усилении партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов»[22]. На практике это вылилось в дискриминацию крестьянских слоев общества, которая проявилась в повышении для них требований при вступлении в партию. Если до этого их кандидатский стаж равнялся стажу рабочих и составлял 2 месяца, то теперь он увеличивался до 1 года[23]. Этой же цели укрепления партии служила и генеральная чистка, решение о проведении которой также было принято на партийном съезде. Генеральная чистка продолжалась до конца 1921 г. На этот период был приостановлен прием в партию новых членов. «Таким образом, около 9 месяцев из 12-ти приема в партию не было»[24], что существенно повлияло на снижение доли вступивших в РКП(б) в этом году.

На снижение числа желающих вступить в коммунистическую партию в 1921 г. повлияла и сложная продовольственная ситуация на Урале в 1921–1922 гг. В этот период большую часть региона, в том числе и Екатеринбургскую губернию, охватил продовольственный кризис, переросший в голод. К апрелю 1922 г. в губернии голодало 652 896 человек, что составляло более 50 % ее населения[25].

На фоне существенного снижения притока в РКП(б) новых членов намечается обратная тенденция — растет выход из партии. Многие коммунисты покидают ряды партии по экономическим причинам. Самое опасное заключалось в том, что данный процесс

[22] Ленин В.И. КПСС об организационно-партийной работе // Полн. собр. соч. М., 1985. Т. 1. С. 93.
[23] Там же.
[24] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1923. Вып. 4. С. 28.
[25] Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале. С. 15.

захватил жизненно важные для большевистской партии социальные слои и институты — горожан, рабочих, армию. Члены партии в условиях голода и экономического хаоса искали различные способы заработка, чтобы прокормить себя и свою семью. Времени и сил на выполнение партийных обязанностей и поручений, которые никак не оплачивались, у них не оставалось. Ответственные работники губкома отмечали, что «из партии выходит не только наиболее отсталый, стоящий на низком культурном уровне элемент, но и испытанные в гражданской войне товарищи, теперь обзаведшиеся своим хозяйством, а следовательно, и заразившиеся собственнической психологией хозяина, которые... все более и более отходят от тех истин и идей, за которые они в прошлом жертвовали собой»[26]. С другой стороны, из партии начался отток по политическим причинам — в связи с неприятием частью коммунистов новой экономической политики. Один из инструкторов губкома так описывал настроение, царившее в Артинской парторганизации в 1922 г.: «Отношение к нэп в организации отрицательное, и до сих пор партийная публика не может согласиться “с народившимися купцами”»[27].

К тому же часть партийной верхушки оказалась подверженной соблазняющему влиянию нэпа, что на фоне голода и тяжелой экономической ситуации на Урале в начале 1920-х гг. способствовало тому, что между партийными «верхами» и партийными «низами» накапливалась взрывоопасная «разность потенциалов». Рядовые коммунисты обвиняли партийное руководство в неспособности, а в ряде случаев и в нежелании воздействовать на хозяйственников и нэпманов, говорили о классовой ненависти, возникающей у них по отношению к местному партийно-государственному руководству, и в знак протеста против такого бездействия стали выходить из рядов РКП(б)[28].

Таким образом, ситуация с партийным стажем губернских коммунистов во многом совпадала с ситуацией в партии в целом.

---

[26] ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 1.

[27] Там же. Л. 4.

[28] Воробьев С.В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 2 (25). С. 66.

После Октября 1917 г. численный состав губернской парторганизации значительно вырос, в результате в ней возобладали новобранцы. Количественный рост РКП(б) существенно трансформировал ее качественный состав. Старые проверенные члены партии оказались в абсолютном меньшинстве посреди широкого моря партийных неофитов. На динамику роста и изменение социального состава партии оказывали влияние различные факторы: как субъективные — изменение условий приема в партию в зависимости от политической конъюнктуры, так и объективные — социальные и экономические.

Библиографический список

Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997.

Вебер М.И. Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в Гражданской войне // Веси. 2014. Окт. № 8 (104). С. 4–15.

Вебер М.И. Мятеж рабочих Полевского завода против большевистской власти (16–18 июня 1918 года): причины и последствия // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 170–182.

Воробьев С.В. Местная власть в глазах населения Урала в первые годы нэпа // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 197–207.

Воробьев С.В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. // Вестник Пермского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 2 (25). С. 60–71.

Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Кононенко А.А. Эсеры на Урале в 1917–1919 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994.

Нарский И.Н. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Обичкин О.Г. Краткий очерк истории Устава КПСС. М., 1986.

Сергеева Е.Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996.

Vorobyev S.V.

The communists Ekaterinburg province: party oldtimers and neophytes (according to the materials of the party census of 1922)

In paper on the example of Yekaterinburg party organization examines the changing of the quantitative composition of the Communist party according to the party census of 1922 on the different historical stages of its existence: from the beginning to the beginning of the 1920s. Highlighted periods of growth and decline of the influx into the party new members are identified as subjective factors influencing the quantitative dynamics — of organizational measures and objective factors — political, social and economic.

Keywords: *RCP(b), the party census of 1922, the party experience, the Urals, Ekaterinburg province, the revolution of 1917, Civil War*

Гафурова Василя Минсалиховна
к.и.н., доцент кафедры государственного муниципального управления и управления персоналом Института экономики и управления, Магнитогорский государственный технический университет (Магнитогорск, Россия)
E-mail: *gvm_65@mail.ru*

УРАЛПРОМБЮРО КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОИСКА НОВЫХ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ УРАЛА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

УДК 338.244.018:332.122

Статья посвящена проблеме поиска новых эффективных форм управления промышленностью на завершающем этапе гражданской войны. На основе архивных данных рассмотрен процесс создания и функционирования Уралпромбюро как ключевого элемента управления промышленностью Урала в указанный период.

Ключевые слова: *управление промышленностью, Уральский регион, ВСНХ, Уралпромбюро, централизация, главкизм, мобилизационный тип экономики*

Активное использование сверхцентрализованных форм управления промышленностью в период Гражданской войны привели к тяжелейшему кризису и нарушению традиционных экономических связей, в условиях которого центральные органы фактически не имели информации с мест, особенно из отдаленных регионов, о состоянии производства в целом и тем более, о положении на отдельных предприятиях. Завершающаяся гражданская война тем временем ставила новые задачи: во-первых, восстановление промышленно важных и удаленных от центра или обладавших спецификой хозяйственно-политических условий регионов, к которым относился и Урал. Во-вторых, создание эффективной системы управления национализированным производством и в-третьих, установление тесных связей с центром.

В данных условиях организация управления национализированными предприятиями могла пойти по двум направлениям: или

использование старого дореволюционного аппарата управления или поиск новых эффективных форм управления. Наличие такой альтернативы привело к серьезным разногласиям между большевиками по вопросу о принципах управления промышленностью Урала. По их мнению, такая ситуация порождала серьезную проблему — проблему выбора: передать все функции управления предприятиями региона центральным органам и лишиться хозяйственной самостоятельности во всех вопросах с одной стороны, или сохранить все рычаги управления на местах, что привело бы к усилению местничества, с другой стороны. Реализация любого из этих вариантов привела бы к серьезным негативным последствиям для региональной экономики, которая на тот момент испытывала и без того серьезные трудности. В этих условиях единственны выход был в сочетании сложившегося централизма в управлении крупным производством с инициативой и материально-техническими возможностями на местах, не допуская при этом местничества. Таким образом, сложившаяся ситуация заставила вернуться большевиков к идее областного управления хозяйством региона, что подтверждало необходимость существования данных структур в системе советского управления. Последствием этого стало возникновение новой формы управления — Областных производственных комиссий и Промышленных бюро (Промбюро) ВСНХ, на них возлагалась ответственность — налаживание горизонтальных связей в регионе.

Их история на Урале началась летом 1919 г. В условиях начала организационных работ по нормализации хозяйства региона и проведения трудовой мобилизации, после инспекционной поездки Л. Троцкого на Урал, при Первой Совтрудармии была создана Политическая комиссия в составе представителей Совтрудармии и Екатеринбургского губкома — политически объединяющий и руководящий орган, имеющий для различных губернских партийных, хозяйственных и административных структур определенный авторитет[1].

В этот же время Президиумом ВСНХ параллельно организуется Уральская комиссия ВСНХ в составе трех человек:

[1] Кривов Т. Уралпромбюро ЦК РКП(б) // Известия Губкома РКП(б). 1920. № 18. С. 1–2.

В. Чубаря, Г. Гербека и В. Бажанова, которой были переданы ключевые функции по организации управления экономикой региона. Законодательно, по «Положению» Комиссия определялась как контрольно-наблюдающий орган — областная агентура ВСНХ[2]. Кроме Уральской Комиссии ВСНХ также было образовано и Особое бюро по восстановлению Уральской промышленности, на базе которой позднее был создан отдел металла ВСНХ на Урале[3]. Своей деятельностью Уральская комиссия подготовила почву для создания Пермского, Екатеринбургского и Уфимского ГСНХ. Таким образом, создавались важнейшие местные хозяйственно-управленческие структуры, на которых в дальнейшем базировалась практическая деятельность ВСНХ на Урале[4].

После двух месяцев работы Комиссия выехала в Москву с докладом о своей деятельности. На основании этого документа, а также в связи с освобождением Сибири от колчаковских войск Президиум ВСНХ образовал Урало-Сибирскую комиссию ВСНХ с публично фиксируемым «Положением» об ее образовании и четко расписанным реестром значительных полномочий, но при этом, Комиссия не имела аппарата. Этот факт вынуждал ее работать исключительно путем личного объезда местных органов ВСНХ. И после беглого знакомства с местными органами ВСНХ Урала и Сибири, Комиссия явочным порядком занялась созданием своего аппарата, в результате было создано два органа: один для Сибири, другой — для Урала. Этим «Постановлением» было положено начало формированию двух областных хозяйственных органов, но при этом не могло быть и речи о восстановлении сильных областных совнархозов, тяготевших к областничеству и этим напугавших центр в 1918 г.

Данная работа и Уральский опыт были положены в основу резолюции «Об очередных задачах хозяйственного строительства», принятого на IX съезде РКП(б)[5]. Согласно «Резолюции», на окраинах государства создавались Полномочные Бюро ВСНХ — областные

[2] Экономическая жизнь. 1919. 20 нояб.
[3] ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–29.
[4] Гафурова В.М. Создание и совершенствование системы управления Уральской промышленностью в 1920-е годы. Екатеринбург, 2003. С. 240–267.
[5] IX съезд РКП (б). Протоколы. М., 1960. С. 409.

хозяйственные органы, наделенные широкими правами в области непосредственного руководства хозяйственной жизнью на местах. Важнейшее условие — в состав Бюро должны были входить опытные работники, стоящие на «государственной точке зрения» и строящие свою работу на «основе утвержденного центром плана»[6]. В соответствии с этими требованиями Уральская комиссия приобрела санкции Президиума ВСНХ под именем Уралпромбюро Президиума ВСНХ (19 мая 1920 г.) под председательством К.Г. Максимова, уполномоченного ВСНХ при Совтрудармии.

В это же время Президиумом ВСНХ было опубликовано «Положение об областных бюро ВСНХ», в котором правовой статус данных структур оказался недостаточно четко определенным[7]. Эта недоработка объясняется тем фактом, что между ВСНХ (обнаружил в это время вполне определенную тенденцию к превращению в Наркомат промышленности)[8] и председателем СНК возникли разногласия по вопросу подчиненности местных хозяйственных органов. Суть разногласий была в противостоянии СНК и ВСНХ по вопросу о полномочиях и функциях Облпромбюро, которые программировались для руководства всей хозяйственной жизнью региона, но эту же роль примеряла Совтрудармия (подконтрольна СТО) — орган, претендовавший на получение полномочий по координации военной и хозяйственной жизни страны.

В этом противостоянии приоритет был отдан Облпромбюро, так как согласно «Положению» функции, которыми был наделен этот орган, определяли его как орган, который должен помочь местным совнархозам окрепнуть. При этом он имел статус временного органа по управлению промышленностью региона и это не предусматривало первоначально детального разграничения полномочий и компетенций между Главками и Облпромбюро, и создавало иллюзию сосуществования двух этих органов.

Отсутствие четкого правового статуса Облпромбюро стало причиной первых затруднений в работе Уралпромбюро, прежде всего, в его отношениях с многочисленными представительствами

[6] КПСС в решениях и резолюциях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983. Ч. 1. С. 482.

[7] Экономическая жизнь. 1920. № 108.

[8] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1699. Л. 396.

различных Главков, Центров, отделов ВСНХ на Урале, неподотчетных и неподведомственных Уралпромбюро. Смягчающим фактором этих противоречий стала принятая Уралпромбюро твердая линия, в соответствии с которой Уралпромбюро позиционировало себя как правомочный орган ВСНХ со всеми вытекающими отсюда последствиями и в повседневной работе не отступало от этой линии. Более настойчивому проведению намеченной линии мешало отсутствие финансово-хозяйственного и исполнительного аппарата (к этому времени в Бюро было всего три сотрудника)[9].

Затруднения в работе на местах, вызванные несоответствием между компетенций ВСНХ и правовым статусом его территориально-производственных органов, привели к созданию нового «Положения об Областных Промбюро»[10], которое принципиально мало чем отличалось от предыдущего. Основные изменения касались уточнения границ компетенций Облпромбюро и создания типовой структуры по подобию структуры центрального аппарата ВСНХ, также «Положение» четко определило статус Облпромбюро как органа управления промышленностью. Последствием принятия данного документа стало то, что работа Уралпромбюро стала принимать более определенную и ясную форму.

Во-первых, был создан аппарат Уралпромбюро, укомплектованный из сотрудников и специалистов, реэвакуированных из Сибири в количестве 533 человек, без аппарата НТО. Во-вторых, структура аппарата была организована таким образом, что повторяла организационную схему ВСНХ. Основным отделом было Управление делами, который определялся как высший выразитель интересов Бюро ВСНХ[11]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Уралоблпромбюро при создании аппарата исходил из принципа ответственности перед Центром за каждое существующее направление в работе. Это явление было свойственно для периода Гражданской войны, когда создавалась система главкизма, в основе которой лежал принцип «главки по функциям».

---

[9] ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
[10] ГАСО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 315. Л. 41–41об.
[11] ЦДОООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 14. Л. 24об.

В это же время Уралпромбюро пытался выйти на организацию эффективной работы местных хозяйственных органов, делегируя им полномочия и предоставляя им достаточную самостоятельность в решении многих вопросов. Этот процесс свидетельствует о том, что на Урале на завершающем этапе гражданской войны на Урале шел активный поиск оптимального сочетания вертикального и горизонтального принципов управления промышленностью региона, что особенно было актуально в период перехода от войны к мирному строительству. Официально переход этому принципу управления был декларирован только в 1922 г.[12] Этот факт свидетельствует о том, что практическая ситуация на Урале заставляла региональных лидеров работать на опережение.

Ключевым направлением деятельности Уралпромбюро в 1920 г. стала попытка укрепления своего авторитета у нижестоящих органов — ГСНХ волевыми методами. Для работников аппарата Уралпромбюро была поставлена цель: тесное сближение с местными органами через создание системы инструкторских кадров во всех подведомственных учреждениях, но, они, к сожалению, оказались неготовыми к выполнению возложенных на них функций. ГСНХ не понимали задач, поставленных перед ними и в повседневной работе, старались отмежеваться от Уралпромбюро, игнорируя его распоряжения и постановления[13].

В первые месяцы работы Уралоблпромбюро также была заложена негативная тенденция на увеличение численности управленческого аппарата. К лету 1921 г. штат сотрудников с 533 человек увеличился до 1 142 человек и для размещения сотрудников было занято несколько многоэтажных зданий в центре Екатеринбурга[14]. Тогда же был определен и круг основных задач Уралпромбюро. К ним были отнесены следующие задачи: восстановление промышленности региона с использованием местных ресурсов; установле-

---

[12] Орлов И.Б. НЭП: государственное управление и социально-экономические проблемы (1921–1928 годы). М., 2000. С. 68.

[13] Гафурова В.М. Губсовнархозы как элемент системы управления местной промышленностью: закономерности и особенности формирования в условиях Гражданской войны (на примере Челябинского ГСНХ) // Девятые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012.

[14] ГАСО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 501. Л. 81.

ние тесных связей с центральными органами при полном устранении местничества; организация местных органов Уралпромбюро с правильным и эффективным распределением между ними имеющихся ресурсов; учет всех предприятий и оборудования на уральских заводах через четкую постановку отчетности.

Все распоряжения и решения Уралпромбюро в этот период издавались в форме постановлений, обязательных для исполнения. Для органа, осуществляющего функции по восстановлению и мобилизации производства для выхода из кризиса на завершающем этапе войны это необходимое и закономерное явление. Осуществление таких объемных функций при сверхжесткой централизации управления без законодательных полномочий было бы невозможно.

Также в данный период выделяется и развивается тенденция сочетания горизонтальных связей с элементами главкизма, но при еще слабом авторитете Уралпромбюро оптимального решения данной проблемы найти не удалось.

Подводя итог, необходимо отметить, что создание и функционирование Уралпромбюро на завершающем этапе Гражданской войны стала результатом поиска новых форм управления промышленностью. Деятельность Промбюро была выдержана в свете политических и экономических задач, которые стояли перед партийно-хозяйственными органами на данном этапе. Неотъемлемой частью этого периода была тенденция к дальнейшей централизации и бюрократизации, что является важнейшим критерием и характеристикой мобилизационной модели развития экономики, без которой невозможно в кратчайшие сроки завершить мобилизацию экономики.

Библиографический список

Гафурова В.М. Губсовнархозы как элемент системы управления местной промышленностью: закономерности и особенности формирования в условиях Гражданской войны (на примере Челябинского ГСНХ) // Девятые Татищевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. С. 191–195.

Гафурова В.М. Создание и совершенствование системы управления Уральской промышленностью в 1920-е годы: дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Кривов Т. Уралпромбюро ЦК РКП(б) // Известия Губкома РКП(б). 1920. № 18. С. 1–2.

Орлов И.Б. НЭП: государственное управление и социально-экономические проблемы (1921–1928 годы). М., 2000.

Gufarova V.M.

Uralprombureau as the result of searching for new effective forms of Ural industry management at the final stage of the Civil War

The article is devoted to the problem of finding new effective forms of industrial management at the final stage of the Civil War. On the basis of archival data, the process of creating and functioning of the Uralprombureau as a key element in the management of the Urals industry during this period is considered.

Keywords: *management industry, the Ural region, Uralprombureau, The Supreme economic Council, centralization, glaucis, mobilization type of economy*

Демчик Евгения Валентиновна
д.и.н., профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
E-mail: *demtchikev@mail.ru*

Гряникова Галина Андреевна
магистрант исторического факультета, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
E-mail: *galya9309@mail.ru*

«ИНДУСТРИЯ ДЕФИЦИТА» В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ 1960-х — 1980-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

УДК 33:94 (571.150)

Статья посвящена вопросу влияния производства на развитие торговли в рамках конкретного региона — Алтайского края. На основе архивных и статистических источников выделены причины недостаточного количества и ассортимента промышленных товаров при провозглашении совершенствования учета спроса населения и доведения результатов до предприятий легкой промышленности. Сделаны выводы о необходимости установления экономических связей между производством и торговлей с целью более полного удовлетворения спроса жителей края, повышения благосостояния и сближения уровня жизни городского и сельского населения.

Ключевые слова: *советская торговля, дефицит, Алтайский край*

Исследование вопросов истории экономического развития представляет интерес не только в научном, но и практическом плане. Посредством торговли осуществляется продажа населению предметов личного потребления. Представляется актуальным разностороннее изучение уровня производства и качества потребления гражданами промышленных товаров, вопросов товарного снабжения и преодоления дефицита в период 1960-х — 1980-х гг. и освещение развития промышленности и торговли СССР в историческом плане. Кроме того, изучение вопросов экономической истории необходимо для понимания закономерностей исторического

развития на современном этапе и определения степени влияния экономики на выбор путей развития региона и страны в целом.

Традиционно в советской и современной историографии по экономической истории изучаются отдельные аспекты промышленности без рассмотрения влияния организации производства на развитие торговли. Проблемы снабжения населения сводятся к констатированию факта наличия временного товарного дефицита, причины которого объясняются недостатками плановой экономики и системы централизованного распределения. В связи с этим в исследованиях по данному вопросу материальное состояние населения и развитие потребительского рынка находятся в отрыве от производства и сводятся к проблемам торгового обслуживания.

Централизованная система управления народным хозяйством СССР через систему наркоматов позволила решить задачи по развитию важнейших отраслей экономики, дала возможность перебазировать в годы Великой Отечественной войны большое количество предприятий в восточные районы страны и наладить производство в короткие сроки. Пятая пятилетка (1951–1955), по мнению советских экономистов, была признана одной из лучших по экономической эффективности. В середине 1950-х гг. обозначилась проблема совершенствования управления промышленностью, что повлекло за собой замену отраслей системы управления на территориальную. Так, в 1957 г. был создан Советов народного хозяйства Алтайского экономического административного района. Специфика района определяла структуру совнархоза, но сохранялись единые организационные принципы управления через отраслевые управления и функциональные управления и отделы.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. считаются успешным периодом по темпам экономического роста и эффективности производства. Динамично улучшались ключевые макроэкономические показатели: объем национального дохода увеличился в 10,6 раза при росте численности населения в 1,6 раза. Реальные доходы населения, в расчете на душу населения, включающие в себя количество приобретаемых населением материальных благ и услуг с учетом изменения розничных цен и расходов на выплату налогов

и других обязательных платежей, увеличились более чем в 6 раз[1]. Рост национального дохода общества позволял увеличивать объем народного потребления и как следствие требовал количественного повышения производства промышленных товаров.

К началу 1960-х гг. Алтайский край занимал ведущие позиции по производству продовольствия, сельскохозяйственной и машиностроительной продукции[2]. Алтайский край производил более 80 % тракторных плугов, свыше 34 % грузовых вагонов, около одной трети мощностей паровых котлов, выпускавшихся в РСФСР[3]. Тракторы АТЗ, плуги «Алтайсельмаш», энергетические котлы Барнаульского и Бийского котельных заводах, буровые установки Барнаульского геологоразведочного оборудования были известны в 30 странах мира. Рубцовский завод тракторного электрооборудования стал крупнейшим в стране производителем карбюраторов, стартеров и генераторов. Большой объем продукции выпускали Барнаульский меланжевый комбинат и Барнаульский хлопчатобумажный комбинат[4]. Объем производства увеличивался за счет введения в эксплуатацию заводов и фабрик, а не повышения эффективности использования имевшегося потенциала, что подтверждает экстенсивный пусть развития экономики Алтая.

Пытаясь расширить экономические связи предприятий, Совет министров РСФСР 26 декабря 1962 г. принял постановление об укрупнении совнархозов. Вместо 67 совнархозов в РСФСР осталось 24, в т. ч. Кузбасский, объединяющий предприятия Алтайского края и Кемеровской области. Таким образом, начался возврат к централизации. В мае 1963 г. координация совнархозами находилась в ведении плановых комиссий в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском экономическом районах (с центрами соответственно в Новосибирске и Иркутске). Одновременно председатели этих комиссий вместе с руководством исполкомов, совнархозов, крупнейших предприятий и организаций объединились в советы по координации развития народного хозяйства. Территориальная система управления промышленностью, реализованная в форме сов-

[1] Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX в. М., 2006. Кн. 5. С. 12.
[2] Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 387–420.
[3] Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул, 1995. Т. 1. С. 159.
[4] Худяков А.А. История Алтайского края. Барнаул, 1973. С. 158.

нархозов, изначально противоречила жесткому планированию производства[5]. В соответствии с решениями Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования укреплении экономического стимулирования промышленности» (сентябрь 1965 г.) практически была восстановлена централизованная система управления промышленностью, воссозданы министерства, которым стали подчиняться промышленные предприятия. Пленум ЦК КПСС потребовал повышения эффективности общественного производства, совершенствования планирования при одновременном повышении прав и самостоятельности предприятий на основе полного хозрасчета, оценку работы организации по реализации продукции, уровню рентабельности и выполнению планов по поставкам.

В 1970-е гг. Алтайский край состоял из 10 городов, 31 поселка городского типа, 64 сельских районов, 4 городских районов, 3 255 населенных пунктов, 248 колхозов, 470 предприятий, из которых 370 занимались выпуском промышленных товаров[6].

Торговля осуществляла планомерную связь между промышленным производством и народным потреблением. Посредством торговли происходила реализация денежных доходов населения. Развитию торговли во многом способствовало расположение Алтайского края на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков, в непосредственной близости к крупным сырьевым и перерабатывающим регионам. Для торговли был характерен систематический интенсивный рост объема розничного товарооборота[7].

План девятой пятилетки рабочими Алтайского края был выполнен досрочно — 17 декабря 1975 г. Объем производства товаров широкого потребления увеличился на 40 %, производительность труда — на 33 %. Создано 144 образца новых машин и механизмов, освоено 729 видов продукции, 151 изделие выпускалось со Знаком качества[8].

---

[5] Савицкий И.М. Совнархозы Сибири (1957–1965 гг.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 3. С. 59–75.
[6] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 7.
[7] Там же. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 29–30.
[8] Там же. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 24–26.

Важным направлением увеличения товарных ресурсов являлось выполнение комплексной программы сельского хозяйства. В 1975 г. 27 % сельскохозяйственной продукции являлось сырьем для легкой промышленности. Около 80 % товаров народного потребления вырабатывалось с использованием сельскохозяйственного сырья[9]. На XXV съезде КПСС (с 24 февраля по 5 марта 1976 г.) высшей целью партии был объявлен подъем материального и культурного уровня жизни[10]. Работа предприятий Алтайского края велась с целью реализации проекта ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 годы».

В структуре личного потребления первое место занимали пищевые продукты, затем одежда и обувь, и наконец, предметы культурно-бытового назначения[11]. Уровень массового потребления не превышал 60–70 % уровня потребления развитых индустриальных стран, но превосходил страны третьего мира.

В Алтайском крае традиционно сохранялось примерно одинаковое соотношение сельского и городского населения. По данным на 1 января 1974 г. численность населения края составила 1 336,1 тыс. чел. — городского населения и 1 304,7 тыс. чел. — сельского[12]. В связи с этим важным звеном экономической системы общества и народно-хозяйственного комплекса являлась потребительская кооперация. Ее деятельность была направлена на развитие сельскохозяйственного производства, социальное переустройство и комплексное развитие села, сближение условий городской и сельской жизни.

За период с 1965 г. по 1980 г. товарооборот кооперативной торговли увеличился в 2,6 раза[13], характер аграрного труда изменился в сторону индустриального. Уровень реальных доходов колхозников в расчете на одного члена семьи по отношению к доходам городских рабочих повысился с 75 % в 1965 г. до 89 % в 1980 г. В среднем продажи товаров повседневного спроса увеличились на

---

[9] Народное хозяйство СССР в 1975 г.: стат. ежегодник. М., 1976. С. 193.

[10] Материалы XXV съезда КПСС. 1976. С. 166.

[11] Григорьян Г.С. Торговля в развитом социалистическом обществе. М., 1977. С. 52–55.

[12] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 7.

[13] Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов [и др.]. М., 1983. С. 5–7, 96–105.

58,8 %, а обеспеченность сельского населения основными изделиями длительного пользования возросла в 2–3 раза[14]. Результатом этих перемен стало сближение социально-бытовых условий жизни в городе и на селе.

Рост потребления одежды, обуви, бытовых приборов, культтоваров свидетельствовал о значительных достижениях в обеспечении населения всего Алтайского края не только товарами первой необходимости, но и товарами, повышающими культуру быта и улучшающими условия жизни людей. Однако особенностью массового потребления во многих городах края в 1960-х — начале 1980-х гг. являлся дефицит вследствие нарушения рыночных механизмов регулирования, недостаточности выработки предприятий и малых мощностей легкой промышленности. Рост доходов опережал прирост предметов потребления при отсутствии ценового регулирования. Кроме этого, проблемой становилось неудовлетворительное качество изготовляемой продукции, характеристики которой противопоставлялись западным образцам. Основным нерешенным вопросом оставался ассортимент и низкий уровень удовлетворенности населения из-за специфики распределения. Характерными явлениями торговли стали очереди, отсутствие отдельных видов товаров, различные способы их добывания — блат, «черный рынок», перепродажа по свободным ценам[15].

Таким образом, 1960–1980-е гг. назвать периодом застоя представляется неоправданным. Происходил временный отказ от экстенсивного роста производства и внедрение элементов рыночной экономики, что ограничивалось устоявшейся экономической системой. Общественные потребности и спрос населения являлись важным элементом в планировании экономики. Анализ статистических и архивных источников позволили выявить прогрессирующую динамику торговли предметами повседневного спроса, которая выражалась через объемы товарооборота, количество и качество приобретаемых товаров, стабильно высокий спрос на промышленные товары. По мере насыщения рынка отдельными

[14] Кацва Л. Советское общество второй половины 1960-х — начала 1980-х гг. // История. 2001. № 35. URL: https://his.1september.ru/article.php?ID=20010350 (дата обращения: 14.03.2017).

[15] ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 38–39, 288–309.

видами продукции многие товары широкого потребления продолжали оставаться дефицитными, следствием чего в повседневной жизни населения важное место занимала проблема потребления. Несмотря на то, что недостатки организации производства приводили к неполному удовлетворению материальных потребностей населения, в целом стоит отметить повышение уровня жизни городского и сельского населения Алтайского края.

Библиографический список

Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX в. М., 2006.

Григорьян Г.С. Торговля в развитом социалистическом обществе. М., 1977.

Кацва Л. Советское общество второй половины 1960-х — начала 1980-х гг. // История. 2001. №35. URL: https://his.1september.ru/article.php?ID=20010350 (дата обращения: 14.03.2017).

Савицкий И.М. Совнархозы Сибири (1957–1965 гг.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. Барнаул, 2006. Ч. 3. С. 59–75.

Трунов М.П., Абдулин Р.Г., Альтшуль Г.Н., Баев Н.Ф. и др. Социализм и потребительская кооперация в СССР. М., 1983.

Худяков А.А. История Алтайского края. Барнаул, 1973.

Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул, 1995. Т. 1.

Demchik E.V., Gryanikova G.A.

"The industry of the deficit" in the Soviet economy 1960–1980 (on the materials of the Altai territory)

The article is devoted to influence of production on trade development in the Altai Krai. Based on the archive documents and statistical sources causes of scarcity and small assortment of manufactured goods are identified under proclamation of improvement of recording of consumer`s demand and bringing results to consumer goods manufacturing. Conclusions are made about the necessity of economic connection between production and trade aiming to richer supplying the demand of krai residents, raising the well-being and approach living standards urban and rural population.

Keywords: *soviet trade, shortage, Altai Krai*

Запарий Владимир Васильевич
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и социальных технологий Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *vvzap@mail.ru*

Шуняков Дмитрий Викторович
доцент Учебного военного центра, соискатель, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *konigsberg039@mail.ru*

НАГРАДЫ И НАГРАДНАЯ СИСТЕМА: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

УДК 94(470)«19»

В статье рассматриваются и анализируются такие понятия как наградная система, награда, как разновидность и особые виды поощрения в период существования Советского Союза и современной России, приводятся определения этих понятий.

Ключевые слова: *поощрение, награда, наградная система, наградное производство, Советский Союз*

Поощрение, наравне с наказанием, является мерой воздействия и методом управления и ведет свое начало с момента возникновения древних цивилизаций. Поощрение имеет обширную сферу применения и, соответственно, обширную литературу ему посвященную. Однако, до сих пор даже понятие поощрение, как меры воздействия на общество не имеет четкого определения. Еще меньше исследован вопрос о награде как особом виде поощрения. Мало изучена и наградная система как процесс применения наград. Провести анализ этим явлениям, и сформулировать определения этих терминов, и предназначена данная статья.

Наиболее распространенным является определение поощрения как публичного признания заслуг, похвалы, награды, выражения почета лицу или коллективу (воинскому, трудовому или образовательному) за достигнутые успехи, совершение подвига, значимого поступка, побуждение желания сделать что-либо. Поощрение выражает признание высокой эффективности их деятельности, и

обычно сочетают моральную и материальную составляющую[1]. Мы касались этой проблеме в ряде своих публикаций[2].

Так В.М. Баранов в своей монографии указывает, что поощрение не подчиняет, а направляет волю лица (организации) на полезные для коллектива, общества, государства действия[3]. Поощрение взаимовыгодно как для общества, так и для субъекта, его осуществляющего, считает О.Ю. Кокурина. Поощрение является наиболее действенным стимулом[4].

Таким образом, следует согласиться с тем, что поощрением является положительная оценка общественно полезного действия (поведения) и, которая характеризуется следующими факторами. Во-первых, оно производится только после совершенных действий и не осуществляется заранее, «авансом». Во-вторых, поощрение выражает положительную оценку действий лица (организации) со стороны поощряющего. В-третьих, суть поощрения такова, что поощряемый получает блага морального или материального характера, каких он раньше не имел, что улучшает его статус в обществе.

Поскольку поощрение стимулирует к общественно полезной деятельности награжденное лицо, то оно направлено на вознаграждение поощряемого за совершенное действие и стимулирование его социально полезных действий (поведения) и сдерживание (косвенно) от совершения антиобщественных, противозаконных действий.

Награда, как вид поощрения, представляет особый интерес. К сожалению, существу награды как поощрения особого рода в научной литературе уделено недостаточно внимания и, как следствие, нет единого, четкого понимания в данном вопросе.

---

[1] Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 575, 724, 920; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2012. С. 378, 459, 561; Военный энциклопедический словарь. М., 2001. Т. 2. С. 126, 233, 350.

[2] Шуняков Д.В., Запарий В.В. Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 18. № 3. С. 64–71.

[3] Баранов В.М. Правовые формы поощрения в развитом социалистическом обществе: сущность, назначение, эффективность. Саратов, 1975. С. 4.

[4] Кокурина О.Ю. Государственная наградная система современной России // Социология власти. 2012. № 3. С. 147.

Ряд авторов, таких как А.В. Кайшев и И.А. Тарханов, считают, что понятия поощрение и награда тождественны[5]. И.В. Панова полагает, что это раньше награды были одним из видов заслуг, а теперь поощрение выражается в материальной форме (премия), а награда несет только моральный характер. Данное утверждение представляется сомнительным, поскольку ряд государственных и общественных наград подразумевают денежные выплаты награжденному (единовременные или ежемесячные), а также определенные льготы[6].

Таким образом, большинство авторов считают, что награда есть особая разновидность поощрения, хотя им и присущи все признаки поощрений, однако отождествление наград с другими поощрениями на наш взгляд, некорректно.

В Указе Президента РФ в № 1099 от 2010 г. установлено, что государственные награды являются высшей формой поощрения за заслуги (как военные, так и гражданские) перед государством. Наградами могут быть удостоены как отдельные граждане, так и коллективы[7]. Большая Российская энциклопедия толкует награды аналогично Указу Президента РФ № 1099[8].

Исследователи Е.В. Трофимов и О.Ю. Кокурина считают, что государственная награда есть высшая форма поощрения, нормативно установленная или признанная государством и применяемая как официальное признание значительных заслуг лица перед государством и обществом[9]. В.М. Дуэль в дополнение подчеркивает, что государственная награда порождает блага морального

[5] Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения). Казань, 2002. С. 21–22; Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений. Ижевск, 2005. С. 35.

[6] Баранов В.М. Указ. соч. С. 110–111.

[7] Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 20.06.2017) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // Система «Гарант»: URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_ LAW_104589/ (дата обращения: 20.12.2017).

[8] Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004. Т. 21. С. 670, 671; Т. 24. С. 361.

[9] Трофимов Е.В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации. М., 2006. С. 13; Панова И.В. Административно-процессуальное право России. М., 2012. С. 12.

и материального характера[10]. По мнению Н.А. Гусевой, государственная награда — это форма поощрение не только индивида, но и социальной группы, которая влечет за собой изменение социального статуса награжденного/награжденных[11].

Поскольку вышеуказанные описания нечеткие и пространственные необходимо выделить отличия, позволяющие выделить награду из общего числа поощрений. В связи с этим, одним из отличий следует считать редкость награды. Поскольку героические поступки совершаются не часто, а заслуги повседневного характера имеют ярко выраженный длительный фактор, отсюда и редкость применения самих наград. Поэтому награда есть оценка деятельности награжденного лица либо коллектива как за единичный поступок, резко выделяющийся на фоне обычных действий, так и за длительные, социально полезные заслуги. Обладание наградой служит условием карьерного роста, повышения уровня материального дохода, доступа к социальным льготам.

В отличие от большинства поощрений, награда имеет вид отличительного знака, который благодаря своей выразительности и содержательности выделяет награжденного в обществе. Поэтому в качестве наградной регалии выступают предметы, приспособленные для публичной демонстрации (орден, медаль, знак, особое знамя и т. д.).

Особый статус наград среди прочих форм поощрения отражается в процедуре награждения, которая носит многоступенчатый, усложненный характер. Для подчеркивания значимости награждения сам процесс имеет строго определенный церемониал с четко распределенными ролями награжденного/награжденных и награждающего (например, вручение наград Президентом РФ в Кремле, торжественное построение воинской части с выносом знамени, торжественное собрание трудового коллектива и т. п.). Иногда, награжденным оказываются особые почести, например, установка бюста на родине дважды Героя Советского Союза или занесение

[10] Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики. М., 2005. С. 11.

[11] Гусева Н.А. Роль государственных наград в определении социального статуса в современном российском обществе. СПб., 2012. С. 6.

фамилии награжденных орденом Святого Георгия на мраморные доски Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца.

Из предыдущего признака вытекает следующий. Через особый порядок награждения осуществляется публичное управление, сообщая необходимые обществу морально-нравственные идеалы, ценности и убеждения. Награда это реакция официальных органов власти на действие (поведение) индивида, его заслуженное последствие за пользу и заслуги по отношению к обществу.

Поскольку награда применяется высшими органами управления, то процесс учреждения и применения награды есть символ власти, что необходимо для поддержания давления и принуждения к членам общества, вынуждая их принять статус награды и те идеалы, которые им сообщаются. Таким образом, награда становится одним из символов государства наравне с флагом, гербом, гимном, символами власти главы государства и др., что напрямую отождествляет награждение с прерогативой государства.

По этой причине отказ от государственной награды означает неприятие власти, выход из социальной группы (например, А.Г. Тулеев, губернатор Кемеровской области, отказался принять орден «Почета» от Президента Б.Н. Ельцина в 1999 г. сказав, что «Я просто не могу принципиально принять награды от власти, которая ввергла страну в нищету»[12]).

Многообразие заслуг и социальных групп потенциальных награждаемых, порождает разнообразие наград, причем для каждого вида награды определяется заслуга и приобретаемый статус (преимущества и социальная роль). Награда сообщает награжденному статус, который определяет поведение награжденного к социальной группе и, наоборот, отношение группы к награжденному, что его определяет как образец группового поведения. Такая система порождает героев, образцов для последователей, которые передают ценности и идеалы общества.

Соответственно, реализация награждения невозможна без иерархичности наград, где четко определяется вертикальная ранжированность (в зависимости от положения награждающей структуры в вертикали власти), а также горизонтальная иерархичность,

[12] Коммерсантъ. 1999. № 118 (1762). С. 4.

обуславливающая старшинство наград в зависимости от значимости вознаграждаемых заслуг.

На наш взгляд награды классифицируются по целому ряду показателей, таких как: 1) по категориям награждаемых — на награды для физических лиц, для организаций (коллективов), для публичных образований и смешанного типа; 2) по количеству награждаемых — на единоличные и коллективные; 3) по территориальному и отраслевому признаку– на награды общероссийского, межрегионального, отраслевого и ведомственного значения; 4) по степени заслуг — на общесоциальные, отраслевые и ведомственные награды; 5) по сфере заслуг — на универсальные и специальные награды; 6) по характеру заслуг — на награды единовременного массового применения (памятные и юбилейные), награды неограниченного индивидуального применения (ордена) и награды за длительную безупречную службу (выслужные); 7) по признаку квотирования — на награды неограниченного применения и квотируемые награды; 8) по признаку актуальности — на действующие, «спящие», исключенные, упраздненные и неактуальные награды; 9) по признаку срочности — бессрочные и временные награды и, наконец, 10) по форме — награды в вещной, документарной, денежной и устной форме[13].

Все вышеизложенные аргументы позволяют сформулировать определение награды. Таким образом, награда — это особый вид поощрения со стороны государства, его структур или общественных организаций, изменяющий статус награжденного лица в системе общественных отношений, учрежденная и применяемая к определенной социальной группе за значительные заслуги. Награды материализуются в целой системе орденов, медалей и знаков, что требует отдельного изучения и изложения в особой статье.

Наградам сопутствуют наградные документы, подтверждающие факт награждения и воспроизводящие с той или иной точностью письменный акт о награждении. Наградной документ несет функцию открытого изложения заслуг награжденного и смысла награждения, поскольку нередко сама процедура награждения со

[13] Трофимов Е.В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации. С. 12–13.

временем стирается из памяти не причастных к обладателю награды членов общества. Сами наградные документы довольно разнообразны и представляют собой удостоверения, наградные книжки, грамоты, свидетельства.

Определенное многообразие поощрений и наград как особого вида поощрений, позволяет рассматривать их не только как стимулирующее средство, но и представить поощрения в новом качестве — сложного системного объекта, а именно наградной системы.

Понятие «Наградная система» часто встречается в научной литературе, однако, как правило, без содержательного наполнения и без четкого определения. Наиболее часто под наградной системой понимают сам перечень или систему действующих наград.

Государственная наградная система, по мнению Е.В. Трофимова, представляет собой нормативно установленную или признанную государством совокупность государственных наград, применяемую уполномоченными органами в установленном порядке[14]. А.И. Гончаров считает, что наградная система есть законодательно установленный высшими органами власти комплекс наград, связанных между собой иерархическими уровнями и образующих общую структурную целостность[15]. А.Л. Демин, под термином наградная система, понимает политический и социальный институт, обеспечивающий реализацию функций наград, а также совокупность правовых и нормативных документов, обеспечивающих ее существование и функционирование[16]. О.С. Смыслов предлагает определение наградной системы как совокупности государственной политики, законодательных актов и государственных наград[17]. Ряд авторов утверждают, что наградная система состоит из принципов наградной системы, собственно самих наград, наградного производства и субъектов наградного производства[18].

[14] Там же. С. 9.

[15] Гончаров А.И. Наградная система Российской Федерации 1990-х годов. М., 2009. С. 21.

[16] Демин А.Л. Наградная система государства как компонент политической культуры. М., 2003. С. 10.

[17] Смыслов О.С. История советских наград. Во славу отечества. 1918–1991. М., 2007. С. 18.

[18] Белоцеркович Д.В., Полянский И.А. Государственные награды субъектов Российской Федерации (административно-правовое регулирование). Хабаровск, 2007. С. 32.

В целом большинство исследователей предлагает определить наградную систему как особую деятельность уполномоченных органов публичной власти по учреждению и применению наград, установлению гарантий в наградной сфере и регулируемые правовыми нормами. Наградная система включает деятельность по учреждению и применению наград и деятельность по обеспечению гарантий и статуса награжденных лиц.

Таким образом, наградная система содержит материальные и административно-правовые нормы, регулирующие официальные награды и наградной производство, поскольку все официальные награды (награды любых органов публичной власти и публичных образований) выступают средством публичного управления.

Рассматривая наградную систему как целостный упорядоченный объект, сначала необходимо рассмотреть ее структуру, взаимоотношение между частями, уровнями, подсистемами, а также степень их вклада в общую систему. Сама наградная система подразделяется на федеральный и региональный уровень.

Так федеральный уровень включает награды, учреждаемые Президентом РФ и награды министерств и ведомств. Нормативно-правовая база наград в первом случае распространяется на все территорию РФ, льготы и преимущества государственных наград устанавливаются нормативными актами федерального уровня, соответственно действует, и охраняются на всей территории страны. Нормативно-правовая база и преимущества во втором случае устанавливается внутренними министерскими и ведомственными актами, и распространяются только в их рамках их компетенции.

Региональный уровень действует в рамках определенной территории, как правило, территории субъектов РФ за счет местных ресурсов. Особенность регионального уровня заключается в том, что наградой может быть удостоено любое лицо (гражданин РФ, проживающее или не проживающее на территории субъекта РФ, иностранец, лицо без гражданства, в т. ч. и посмертно), но льготами и преимуществами награжденный может пользоваться исключительно на территории субъекта. Например, в соответствии с законом Свердловской области № 91-ОЗ от 15 июля 2005 г. меры социальной поддержки лиц, удостоенных почетного звания «Почетный гражда-

нин Свердловской области» предоставляются только в том случае, если они проживают на территории Свердловской области[19].

Несмотря на то, что федеральные награды относятся к исключительному ведению РФ, а региональные — к ведению субъектов РФ, они являются компонентами, частью единой государственной наградной системы. Это обуславливается тем, что учреждение и правовое регулирование наград относится к компетенции государственных органов (должностных лиц). Деятельность государственных органов, независимо от их уровня, построена на единых принципах и нормах Конституции РФ. Федеральные и региональные уровни наградной системы не дублируют, а дополняют друг друга, осуществляя функции в рамках единого института награждения.

Описанная структура наградной системы применима к нынешнему состоянию РФ, но такое положение дел было не всегда. В СССР с 1924 и вплоть до 1991 гг. не существовало регионального уровня наградной системы. Общесоюзный центр наградной системы находился в Москве, регулировался постановлениями Правительства СССР, союзные республики могли лишь ходатайствовать о награждении. Ситуация изменилась после распада СССР в 1991 г. и образования нового государства — Российской Федерации.

Наградная система сочетает в себе три функции: учредительную, статутную и описательную. Учредительная функция заключается в учреждении наград, их принадлежность к уровню власти (федеральный, региональный), а также старшинство в наградной системе. Задачей статутной функции является определение заслуг к конкретной награде, что служит ориентирующим фактором для награждающего органа.

Описательная функция наградной системы устанавливает перечень и форму наградных символов и документов, а также способы из демонстрации (ношения).

---

[19] Закон Свердловской области от 15 июля 2005 г. № 91-ОЗ «О почетном звании Свердловской области «Почетный гражданин Свердловской области» (редакция 13.04.2017 г.) // Финансово-правовое агентство. URL: http:// fpa.su/regzakon/sverdlovskaya-oblast/zakon-sverdlovskoy-oblasti-ot-15-iiulya-2005-g-n-91-oz-o-pochetnom-zvanii-sverdlovskoy-oblasti-pochetniy-grazhdanin-sverdlovskoy-oblasti/ (дата обращения: 20.12.2017).

Наградной системе сопутствует наградное производство, представляющее собой установленное законодательными актами порядок применения наград различными наградными инстанциями. Наградное делопроизводство имеет ряд признаков: 1) официальная награда применяется как правовое поощрение за значимые заслуги; 2) анонимность награждения, когда награждающий орган власти не находится в правоотношениях с награждаемым лицом/коллективом; 3) публичность, участие общественности; 4) формализм, торжественность и обрядовость церемониала награждения; 5) в наградном производстве исключается возможность обжалования (опротестования).

По типам наградного производства существуют четыре типа: конкурсное, индивидуальное, списочное и заявительное.

В конкурсном наградном производстве представляется несколько кандидатов, из числа которых экспертной комиссией или общественностью выбираются лучшие номинанты по количеству наград. Как правило, конкурсным производством присуждаются премии, стипендии, звание почетного гражданина.

Индивидуальное производство применяется при награждении большинством наград. Особенностями индивидуального производства являются наличие единственной кандидатуры для награждения и индивидуальная оценка заслуг (вместо сравнения на конкурсной основе), возможность изменения типа запрашиваемой награды.

Списочное награждение близко к индивидуальному и имеет следующие особенности: 1) наградному процессу предшествует издание акта о награждении, предполагающего последующее составление списков награжденных; 2) множество кандидатур на награждение без конкуренции (выбора) между ними; 3) упрощенным в отношении награждаемых лиц описанием заслуг, нередко вместо описания заслуг идет ссылка на документ (удостоверение ветерана, орденская книжка и т. д.); 4) возможность коллективного или единоличного выдвижения кандидатур на награждение; 5) утверждение списков и награждение часто производится не самим награждаемым органом, а его представителем. Такая форма награждения характерна для юбилейных, памятных и выслужных наград.

Заявительное наградное производство заключается в самовыдвижении лица на получение награды с предоставлением перечня документов для подтверждения заслуг. Как правило, заявительное производство применяется для присвоения звания ветерана.

Участники наградной системы образуют три группы. Первую составляют награждающий орган и его представители, во вторую группу входят награжденное лицо, его наследники, а также награжденные коллективы и, наконец, третью группу представляют другие участники наградного производства (инициирующая инстанция (инициатор), согласующие инстанции, представляющая и экспертная инстанция, а также ходатайствующие инстанции при передаче наградных символов и документов в музеи или органы государственной власти).

В наградном производстве можно выделить десять стадий по следующим критериям: задачи, решаемые на определенной стадии; состав участников наградного производства; действия, происходящие на определенной стадии и итоговые наградные документы. В полном виде, наградное производство включает следующие стадии: 1) инициирование награждения; 2) согласование ходатайства о награждении; 3) представление к награде; 4) предварительное рассмотрение представления; 5) принятие решения о награждении; 6) сообщение (вручение) награды; 7) решение вопросов о наградных документах; 8) разрешение правопреемства; 9) отмена награждения или лишение награды и 10) восстановление в правах на награду.

Необходимо рассмотреть наравне с награждением и вопрос лишения (отмены) награждения. Это происходит в случае переоценки заслуг награжденного или пересмотра ранее изданного акта о награждении. Основанием для отмены награждения является его необоснованность, вызванная неточными (ложными) данными о заслугах, что и послужило причиной награждения. Лишение награды производится за недостойное поведение, а также за преступления. К примеру, 26 февраля 2015 г., решением Думы лишены звания «Почетный гражданин Великого Новгорода» Т. Мхитарян и В. Фёдоров за совершение особо тяжкого преступления[20].

[20] О лишении звания «Почётный гражданин Великого Новгорода» // Дума Великого Новгорода: URL: http://duma.nov.ru/novost/274/ (дата обращения: 20.12.2017).

Отмена награждения и лишение награды включает следующие стадии: 1) внесение представления о лишении награды; 2) предварительное рассмотрение представления; 3) принятие решения о лишении награды; 4) возвращение ранее врученных наградных регалий и документов награждающему органу. Принятие решения о лишении награды производится правовым актом награждающего органа.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что награда есть особый вид поощрения, с помощью которого органами власти сообщается необходимые обществу морально-нравственные идеалы, ценности и убеждения. Обладание наградой меняет статус награжденного в социальной группе и является мощнейшим стимулом к общественно полезной деятельности, как самого обладателя наградной регалии, так и третьих лиц.

Учреждением наград, выбором кандидатов, производством награждения занимается многоуровневая и законодательно установленная наградная система, являясь инструментом и ресурсом государственной власти. Наградная система выступает как компонент системы ценности государства и общества, выражая признательность по отношению к выдающимся индивидам. Наградная система должна развиваться таким образом, чтобы каждый человек, проявивший себя в ратном или созидательном ключе, был достойно награжден.

Библиографический список

Баранов В.М. Правовые формы поощрения в развитом социалистическом обществе: сущность, назначение, эффективность. Саратов, 1975.

Белоцеркович Д.В., Полянский И.А. Государственные награды субъектов Российской Федерации (административно-правовое регулирование). Хабаровск, 2007.

Гончаров А.И. Наградная система Российской Федерации 1990-х годов: дис. … канд. ист. наук. М., 2009.

Гусева Н.А. Роль государственных наград в определении социального статуса в современном российском обществе: автореф. дис. … канд. соц. наук. СПб., 2012.

Демин А.Л. Наградная система государства как компонент политической культуры: автореф. дис. … канд. философ. наук. М., 2003.

Дуэль В.М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.

Кокурина О.Ю. Государственная наградная система современной России // Социология власти. 2012. № 3. С. 144–149.

Кокурина О.Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

Панова И.В. Административно-процессуальное право России. М., 2012.

Смыслов О.С. История советских наград. Во славу отечества. 1918–1991. М., 2007.

Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (вопросы теории, нормотворчества и правоприменения): дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2002.

Трофимов Е.В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2006.

Шуняков Д.В., Запарий В.В. Награждение граждан иностранных государств советскими орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 18. № 3. С. 64–71.

Zapariy V.V., Shunyakov D.V.

Awards and award system: definitions and characteristics

In the article, such concepts as reward system, award as a variety and a special kind of encouragement in conditions of the existence of the Soviet Union and modern Russia are considered and analyzed, author's definitions of these concepts are given.

Keywords: *promotion, reward, award system, award production, the Soviet Union*

Зипунникова Наталья Николаевна
к.ю.н., доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *zipunnikowa@yandex.ru*

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ НА ПОВОРОТАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: К ПРОБЛЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

УДК 94(470)«19»

Статья посвящена юридическому оформлению образования и науки в России в первые послеоктябрьские месяцы. Помимо узаконений советской власти, на примере постановления об учреждении Иркутского университета (апрель 1919 г.) показана и законодательная деятельность белых правительств. В контексте познания трансформации нормативно-правовых основ образования и науки в переломные моменты истории актуализируется проблема юридической преемственности.

Ключевые слова: *образование, наука, университет, узаконения, юридическая преемственность, нормативные правовые акты советской власти, документы белых правительств*

Категория «преемственность» занимает отнюдь не периферийное место в юридических науках, а для историко-правовой ее значение трудно переоценить. В специальных исследованиях 1970–1980-х гг. (В.К. Бабаева, А.И. Косарева, Т.В. Наконечной, Н. Неновс ки, Е.В. Родиной, В.А. Рыбакова, З.М. Черниловского, Г.В. Швекова и др.), среди прочего, акцентировалось внимание на историчности, универсальности преемственности в праве, ее взаимосвязи с обновлением права как социального явления. Развернув постановку проблемы преемственности весьма широко, В.Н. Карташов в одной из недавних работ отметил, что вывод В.К. Бабаева, сформулированный в конце 1970-х гг., о недостаточной изученности и необходимости глубокой и обстоятельной разработки вопроса о преемственности в сфере государства и права в философских и юридических науках, сохраняет актуальность и по сей день. Этот вывод, по мнению профессора В.Н. Карташова, в полной мере относим не только к право-

вой системе, но и всему гражданскому обществу в целом. Определяя виды юридической преемственности, известный теоретик классифицирует ее, исходя из разных критериев (темпоральный фактор, непрерывность, территориальный принцип, объем заимствования, разновидности «переносимых» компонентов и элементов). При этом автор показывает и характеризует подходы к соотношению преемственности и правового наследия, правопреемства и преемственности в правовой системе, правопреемственности и правовой аккультурации, преемственности и рецепции в правовой системе общества[1].

Проблема преемственности осмысливается и в более конкретном преломлении: например, при рассмотрении функций государства[2] или источников права[3]; как видно, и в таком случае трудно обойти вопросы соотношения преемственности с наследием, заимствованием, рецепцией. Эти вопросы так или иначе сопровождают исследования и компаративистов, и историков права. В качестве вводных настроек к своему большому исследованию Г.Дж. Берман концептуально показывает «право и историю», «право и революцию»[4]. Так называемые переходные периоды[5] и, особенно, революционные сломы являют собой исторические повороты, обостряющие борения старого и нового, своего и чужого; познание идей, логики, механизмов и т. д. подобных переходов и сломов видятся важной задачей.

Одной из возможностей такого познания представляется характеристика законодательства, регулировавшего российскую образовательно-научную сферу в конце 1917–1918 г. В науке и публицистике уже многократно показано, что несмотря на официальную манифестацию разрыва с предшествующей традицией (правовой, образовательно-научной и т. д.), на «очевидную разницу форм и методов организации образования и науки при царских чиновниках

[1] Карташов В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 10–18.

[2] Горалевич Е.А. Категория преемственности в развитии современных функций Российского государства // Евразийская адвокатура. 2017. № 1. С. 133–137.

[3] Реутов В.П. Преемственность в развитии источников и форм права // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 426–431.

[4] Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 28–47.

[5] Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы. Омск, 2009.

и большевистских комиссарах», разными способами обеспечивалась «связь времен». Более того, она представлялась более очевидной современникам, «которые начали 1917 год со славословий правящей династии, а провожали его, всерьез задумываясь о судьбах Учредительного собрания и распадающейся империи»[6].

Оценивая осмысление исследователями советских подходов к юридическому нормированию образования и науки, в том числе узаконений первых послеоктябрьских месяцев, как вполне основательное, разноплановое и понимая, что для работы новых институтов и воплощения в жизнь новых идеологем («формирование нового человека», «школа — орудие коммунистического перерождения общества», др.) требовалось значительное время, лишь кратко обозначим некоторые особенности соответствующего нормативного массива, сложившегося к концу 1918 г. К этому времени были утверждены основные нормативные правовые акты в адрес новой школы, которая должна была стать светской, единой, трудовой, общей для обоих полов. Узаконения в адрес высшей школы и научного сообщества предполагали изменения социального состава студенчества и обновление ученого сообщества.

Новое нормирование образования и науки происходило в условиях политизации и идеологизации права, расширения круга его источников, «распыления», рассредоточения законодательной власти, появления новых форм узаконений и нарушения их иерархии, снижения уровня юридической техники, формирования концепций революционной законности и пролетарского права. Оно было стремительным: издавались десятки узаконений, так или иначе регулировавшие образовательную и научную деятельность; духу времени отвечала и связь с нормативными источниками соответствующих воззваний, обращений и докладов (например, наркома просвещения, Государственной комиссии по просвещению). Задача предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование в целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию конституировалась в Основном

[6] Дмитриев А. Правила реформ (или коллективный «опорный конспект») // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 5.

законе РСФСР, принятом V Всероссийским съездом советов в июле 1918 г.

Важнейшие законы принимали ВЦИК РСФСР (резолюция о деятельности Наркомпроса от 11 апреля 1918 г., декреты, утвердившие положения о Социальной академии общественных наук и о единой трудовой школе, постановление о роспуске учительского союза от 23 декабря 1918 г.) и СНК РСФСР (декреты об отделении церкви от государства и школы от церкви, об организации дела народного образования, о мобилизации грамотных, о передаче в ведение Наркомпроса учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств, о введении новой орфографии, о комиссиях для несовершеннолетних, постановления о назначении правительственными комиссарами при Наркомпросе, об оплате труда школьных работников единой трудовой школы, об охране научных ценностей и др.). Наркомпрос — орган отраслевого управления — издавал акты о передаче ему учебных заведений, о совместном обучении, учете учебников, школах национальных меньшинств. Государственная комиссия по просвещению, которой руководил нарком, издавала постановления о светской школе, принципах единой трудовой школы. Отдельные узаконения издавались и другими ведомствами. Узаконения облекались в форму постановлений, декретов, резолюций, приказов, обращений, инструкций.

Значительно число узаконений было направлено на отмену старых структур и правил — упразднялись учебные округа, попечители и помощники, попечительские советы и канцелярии при округах, должности директоров и инспекторов народных училищ, почетных попечителей, смотрителей, блюстителей в средних учебных заведениях, отменялись денежные отчисления учебными заведениями в управления бывшего МНП, формы и учебные знаки всех учебных заведений, обязательный латинский язык, отметки, государственные экзамены, менялся порядок производства испытаний в вузах, закрывались некоторые научные, образовательные и просветительские учреждения. Другими нормативными правовыми актами этого времени создавались новые управленческие структуры (Научно-технический отдел при ВСНХ и др.), отдельные образовательные

и научные учреждения. Посредством узаконений в той или иной степени обустраивались дошкольное образование, единая трудовая школа с двумя ступенями, внешкольное, вузовское образование[7].

В отношении высшей школы важно заметить, что начало всеобъемлющих ее реформ было отложено на перспективу, а в оперативном порядке были провозглашены новые правила приема в вузы, установлены правила перевода студентов из одного вуза в другой, возможность трудящихся обучаться вечером. Отменялись испытания перед допуском к практическим занятиям для студентов первого семестра, условия и порядок допуска студентов всех семестров к практическим занятиям, а также способы эффективного использования лабораторий должны были разрабатываться студенческими старостами, срок подачи заявлений и зачисления в студенты был продлен до 1 января 1919 г.[8]. Постановлением Наркомпроса от 31 октября 1918 г. было утверждено Положение о Всероссийских конкурсах по замещению кафедр в высших учебных заведениях[9]; декретом СНК от 1 октября 1918 г. отменялась старая система ученых степеней и званий, всем лицам, самостоятельно осуществлявшим преподавание в вузах присваивалось единое звание профессора, предусматривалось переизбрание отработавших более 10 лет профессоров[10]. В конце 1918 г. было опубликовано постановление Наркомпроса об упразднении юридических факультетов и закрытию отпущенных на них кредитов с января следующего года.

---

[7] Зипунникова Н.Н. Российская образовательно-научная сфера и ее правовое регулирование на повороте истории (анализ узаконений 1918 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2013. Вып. 6; Крапивина Н.С., Макеев А.А. Советская система народного просвещения, особенности функционирования, региональная специфика (1917–1936). Исторические и правовые аспекты. СПб., 2006; Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002.

[8] Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения // СУ РСФСР. 1918. № 57. Ст. 632; Постановление НКП РСФСР от 24 сентября 1918 г. «Об условиях приема учащихся в высшие учебные заведения в 1918–1919 учебном году // СУ РСФСР. 1918. № 71. Ст. 771; Постановление НКП РСФСР от 11 октября 1918 г. «О прохождении курсов и практических занятий в высших учебных заведениях» // СУ РСФСР. 1918. № 73. Ст. 800.

[9] СУ РСФСР. 1918. № 80. Ст. 836.

[10] Там же. № 72. Ст. 879.

В то же самое время в большой и сложно менявшейся России происходили «другие» события, в том числе в образовательно-научной сфере. Речь идет, в частности, о малоизученном законодательстве белых правительств. Одним из важнейших сюжетов такой проблемы является открытие Иркутского — второго в Сибири и первого в Восточной Сибири — университета и его юридического факультета. Причин неподдельного интереса к этому сюжету, по меньшей мере, две. Во-первых, именно юридический факультет в Иркутске, впоследствии многократно перестраивавшийся[11], в качестве факультета советского строительства и права в 1931 г. был преобразован в Сибирский (Иркутский) институт советского права. В 1934 г. он был переведен в Свердловск и чуть позднее переименован сначала в Свердловский правовой, а затем Свердловский юридический институт. Во-вторых, к созданию университета в Иркутске, так долго «рождавшегося» в рамках реализации идеи сибирского университета, были причастны самые разные власти и политические режимы — и царское правительство, и правительство Временное, и красные, и белые. Сибирские историки, готовясь к 100-летнему юбилею университета (дата торжественного открытия университета — 27 октября 1918 г.), значительным образом продвинулись в распутывании узлов сложного университетского «первоначала».

«Крестным отцом» университета они называют министра народного просвещения Сибирского правительства профессора В.В. Сапожникова[12], при этом показывая, как в проекте по созданию университета название «Восточно-Сибирский» вытеснялось наименованием «Иркутский» с добавлением «государственный» и настойчиво разыскивая, пока безуспешно, подлинник «Грамоты Сибирского Временного Правительства Иркутскому университету»[13], которая направлялась в университет В. Сапожниковым и университетом

[11] Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск, 2012.

[12] Ануфриев А. «Крестный отец» университета. Идею открытия университета в Иркутске активно лоббировал министр народного просвещения Сибирского правительства Василий Сапожников. URL: http://100.isu.ru/page1181884.html (дата обращения: 25.12.2017).

[13] Он же. Изучая архивы столетней давности. Первый «государственный». URL: http://100.isu.ru/page1126522.html (дата обращения: 25.12.2017); Он же. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива

была получена[14]. Утвердительные грамоты (особый тип узаконения), как известно, давались императорским университетам.

Легитимацию, юридическое подтверждение (но не факт открытия) деятельности университета связывают с именем Верховного правителя Сибири адмирала А.В. Колчака. Фактическое открытие произошло за три недели до переворота в Омске и прихода его к власти. И только 26 апреля 1919 г. Верховный правитель Сибири наложил резолюцию «Утверждаю» на постановление Совета министров об учреждении Иркутского университета[15]. Указанный документ (по крайне мере, копийные экземпляры) отложились в университетском фонде Государственного архива Иркутской области. Текст интересен и с точки зрения реквизитов, и с юридико-технических позиций, и особенно — с точки зрения содержания. Данным актом подтверждалось открытие университета в составе двух — историко-филологического и юридического — факультетов с 15 сентября 1918 г.

Узаконение не так велико по объему, но содержит важнейшие, необходимые для университетского «первоначала» правила. Обратим внимание на норму о распространении на университет действия «Устава и штатов Российских Государственных университетов, с последовавшими к ним дополнениями и изменениями, а также постановления Временного Сибирского Правительства об утверждении расписания должностей и окладов служащих Томского Университета и Томского технологического института и о применении их к прочим высшим учебным заведениям Сибири», терминологические конструкции «министр народного просвещения», «ординарные» и «экстраординарные» профессора, «приват-доценты», «магистры», «плата со студентов и вольнослушателей», ссылки на Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений. Небезынтересно положение о введении акта в действие «до распубликования его Правительствующим Сенатом»[16].

Знакомство с документом позволило в полной мере согласиться с призывом специалистов к более пристальному изучению госу-

Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 166–170.

[14] ГАИО. Ф. Р.-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–103об., 110.

[15] Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Указ. соч. С. 84.

[16] ГАИО. Ф. Р.-71. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–107.

дарственности Белого движения, политических режимов, правительств, их внутреннего управления, законодательства. Несмотря на значительный пласт литературы, посвященной Белому движению, эти вопросы оказались недостаточно осмысленными. Исследователями, например, В.Д. Зиминой обозначенная государственность рассматривается как продолжение государственности имперской[17]. Показанный выше документ во многом подтверждает тезис о такой преемственности.

Завершая, хочется подчеркнуть, что изучение «связи времен» и перспективно, и благодатно. Расширение историко-правовой проблематики, развитие новых сюжетов видится важным условием продвижения в познании преемственности в правовой, образовательно-научной системах. Важным представляется также добавить, что в русле антропологического поворота гуманитаристики неизбежно самое внимательное отношение к обеспечивавшим «связь времен» людям, в частности — университариям, профессорам, преподавателям, ученым…

Библиографический список

Ануфриев А. Изучая архивы столетней давности. Первый «государственный». URL: http://100.isu.ru/page1126522.html (дата обращения: 25.12.2017).

Ануфриев А. «Крестный отец» университета. Идею открытия университета в Иркутске активно лоббировал министр народного просвещения Сибирского правительства Василий Сапожников. URL: http://100.isu.ru/page1181884.html (дата обращения: 25.12.2017).

Ануфриев А.В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 166–170.

Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.

Горалевич Е.А. Категория преемственности в развитии современных функций Российского государства // Евразийская адвокатура. 2017. № 1. С. 133–137.

Дмитриев А. Правила реформ (или коллективный «опорный конспект») // Расписание перемен: Очерки истории образовательной

[17] Карпенко С.В. Государственность Белого движения: из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 67–68.

и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М., 2012. С. 5–8.

Зипунникова Н.Н. Российская образовательно-научная сфера и ее правовое регулирование на повороте истории (анализ узаконений 1918 года) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2013. Вып. 6. URL: http://ipp.kursksu.ru/pdf/004-009.pdf (дата обращения: 25.12.2017).

Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск, 2012.

Карпенко С.В. Государственность Белого движения: из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 36. С. 67–80.

Карташов В.Н. Преемственность в правовой системе общества: методологические основы исследования // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 10–18.

Крапивина Н.С., Макеев А.А. Советская система народного просвещения, особенности функционирования, региональная специфика (1917–1936). Исторические и правовые аспекты. СПб., 2006.

Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002.

Реутов В.П. Преемственность в развитии источников и форм права // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 426–431.

Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2009.

Zipunnikova N.N.

Experience of the legislation on education and science on turns of Russian history: to the problem of legal continuity

The article is devoted to the legal registration of education and science in Russia in the first post-October months. In addition to the legitimacy of Soviet power, the example of the decree establishing the Irkutsk University (April 1919) shows the legislative activity of the White governments. In the context of cognition of the transformation of the legal and regulatory foundations of education and science, the problem of legal continuity is being updated at critical moments in history.

Keywords: *education, science, university, legalization, legal continuity, normative legal acts of the Soviet power, documents of white governments*

Каплюков Владимир Владимирович
к.и.н., доцент, заместитель директора по научно-методической работе, Центр документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *kaplukov@cdooso.ru*

Яркова Елена Ивановна
к.и.н., заместитель директора, главный хранитель фондов, Центр документации общественных организаций Свердловской области (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *yarkova@cdooso.ru*

ЮЖНЫЙ УРАЛ 1920-х годов В ИНФОРМАЦИОННЫХ СВОДКАХ ОГПУ

УДК 94(47).084.5

В статье предпринята попытка исследовать историю социально-политические процессов на Южном Урале во второй половине 1920-х гг., используя информационные сводки региональных органов ОГПУ. По мнению авторов, анализ потенциала информационных сводок ПП ОГПУ позволяет прийти к выводу об их несомненной значимости как практически неисчерпаемого источника по истории социальных процессов на Южном Урале в первые годы Советской власти. Введение данных источников в широкий научный оборот может способствовать утверждению представлений о второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. как о времени сложного и противоречивого становления в советской провинции мобилизационной модели социализма.

Ключевые слова: *Южный Урал, ОГПУ, специальные службы, информационные сводки, партийно-государственная система власти, настроения населения*

Документы специальных служб являются одним из наиболее достоверных источников о событиях советской истории. Сводки информационно-аналитического характера, вышедшие из-под пера или пишущей машинки сотрудников ВЧК-ОГПУ, как нам кажется, наиболее достоверно, ярко и четко отражают историческую картину середины 1920-х гг. в регионах нашей страны. Сбор правдивой информации, выявление проблем и «слабых мест»

формирующейся системы партийно-государственного управления, донесение этой информации до структур власти являлось целями составления информационных сводок ОГПУ.

В процессе работы с фондами ЦДООСО в нашем распоряжении оказались информационные сводки ряда уральских областных (губернских, окружных) органов ОГПУ за вторую половину 1920-х гг. Имея некоторый опыт оценки информационного потенциала источников подобного рода, мы задались целью оценить возможности использования этих сводок в исследовании социально-политических процессов на Южном Урале в первое десятилетие Советской власти.

Информационные сводки составлялись по широчайшему кругу проблем социально-экономической и общественно-политической жизни региона, касались политических настроений трудящихся, злоупотреблений чиновничества, аварийности на предприятиях; борьбы с преступностью, в том числе с бандитизмом; и т. п.

Отложившиеся в нашем архиве сводки представляют собой совокупность материалов окружных отделов ПП ОГПУ по Уралу, направляемых в областной центр, и обобщенных сводок, составляемых на основе информации с мест; естественно, в обобщенные сводки, предназначенные для информирования центрального аппарата ОГПУ, а также областных партийных инстанций и руководства соседних с Уралом регионов, включались наиболее значимые оперативные материалы. К сожалению, информационные сводки как первого, так и второго уровня отложились в фондах архива фрагментарно[1], что предопределяет необходимость их дальнейшего поиска и выявления в других, в том числе чекистских, архивах.

Высокая степень достоверности включаемых в сводки данных подтверждается наличием строгих ограничительных грифов секретности. Поскольку документы имели гриф «Совершенно секретно. Хранить наравне с шифром», можно с большой долей

[1] Косвенным свидетельством лишь фрагментарного наличия в государственных, в том числе бывших партийных, архивах Урала всего комплекса информационных сводок ПП ОГПУ является письмо Свердловского окружного комитета РКП(б) от 26 мая 1925 г. (с приложением соответствующего акта) об уничтожении согласно письму ПП ОГПУ по Уралу от 14 мая 1925 г. свыше 50 информационных материалов. См.: ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 344. Л. 36–39.

вероятности предположить, что их авторы пытались донести до высоких партийных, советских и чекистских инстанций информацию о действительном положении дел в районах оперативного обслуживания.

Аппаратом полпредства ОГПУ обращалось особое внимание на обеспечение конспирации в работе и безопасности оперативных источников. В этом смысле весьма показательна приписка к сводке ПП ОГПУ по Уралу от 4 августа 1924 г. № 22:

«Вниманию т.т., получающих сводку.

1. Сводки в большей своей части составляются по материалам из строго конспиративных источников и лишь отчасти из официальных, поэтому ни в какой своей части огласке не подлежат, хранятся наравне с шифром под личную ответственность получающего сводку.

Примечание:

а) Дабы избежать нежелательных случаев получения сводок неблагонадежными лицами в момент отсутствия адресата, необходимо сообщить нам фамилию заместителя или лица, которому доверяется получение сводок.

б) Получивший сводку лично расписывается на конверте.

2. Делать из сводок выписки, перепечатывать их, ссылаться в официальном порядке на источник сведения, помещаемых в сводках, и т. п. безусловно не может быть допущено.

В целях проверки приводимых в сводке фактов просьба сообщать о всех замеченных вами ненормальностях, как-то неверное освещение, искажение фактов и т. д., и ставить нас в известность о принятых вами мерах по устранению тех или иных ненормальных явлений, отмеченных в сводке»[2].

Обращает на себя внимание относительная отработанность и четкость уже в 1924 г. структуры информационных сводок ПП ОГПУ по Уралу. Сводки состояли, как правило, из двух частей: в первой из них перечислялись наиболее значимые, по оценке полпредства, события в округах области. Вторая часть сводок имела рубрики: «Состояние госпромышленности», «Настроение совслужащих и совстроительство», «Политэкономическое положение крестьян»,

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 169.

«Состояние кооперации и вольного рынка» и др. Сведения в рубриках представлялись — опять же с разбивкой по округам. При этом число адресатов сводок постоянно увеличивалось и к весне 1924 г. достигло 30. Структура исходных сводок с мест практически полностью повторяла структуру второй части общеобластных сводок.

С осени 1925 г. происходит отказ от практики подготовки всеобъемлющих обзорных информационных сводок в пользу тематических, более подробных сводок, в числе которых можно выделить справки о положительных и отрицательных моментах политического состояния в округах, в которые включались сведения и по местностям Южного Урала.

Несмотря на все признаки объективности, присущие информационным сводкам, нельзя все же не отметить очевидной идеологической заданности оценок органами ОГПУ имевших место в регионе социально-политических процессов. Так, в информационной сводке Златоустовского окружного отдела ОГПУ по состоянию на 25 октября 1924 г. отмечалось, что причиной пассивного отношения рабочих Миасского завода к кампании по перевыборам Советов стал тот факт, что «их интересует только шкурный вопрос, поскольку рабочие в большинстве мелкие собственники»[3]. Как крайне негативное явление оценивалось участие коммунистов и комсомольцев Катав-Ивановского района в группах «ходоков», ходатайствовавших перед властными структурами о снижении налогов[4].

Особую ценность изученные нами сводки представляют в том смысле, что в них находили отражение массовые настроения населения уральского региона, в том числе рабочих промышленных предприятий, различных социальных групп крестьянства, советских служащих, интеллигенции. Так, в госполитсводке ПП ОГПУ от 5 декабря 1923 г. № 3 отмечалось, что несвоевременная выдача заработной платы, бесхозяйственность, неудовлетворительная работа фабзавкомов в сочетании с привилегированным положением инженерно-технического персонала спровоцировали в конце 1923 г. «враждебные и бурные выступления рабочих против спецов» на

[3] Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 241.
[4] Там же. Л. 246.

Златоустовском заводе. В сводке цитировалось выступление рабочего Ильина на беспартийной конференции рабочих Златоуста:

«По призыву коммунистической партии мы боролись за права рабочих, а где же эти права? Рабочим нет причитающегося жалования, а служащим дают аванс, дрова, оказывают всевозможную помощь, инженеры раскатываются на рысаках с женами… Неужели нужно создавать новую революцию и идти с оружием в руках против этой сволочи»[5].

Эмоциональность рабочих выступлений имела под собой веские основания. В конце марта 1924 г. по всем заводам Златоустовского округа наблюдались «волнения рабочих по вопросу о заработной плате». К примеру, в Миньярском заводе «в счет зарплаты было выдано листовое железо, чугунная посуда, бракованные валенки и т. д.»[6]. В ночь на 14 января 1924 г. в Челябинске на фоне «скверного» положения безработных (пособия получали лишь 553 человека из 4 292 нуждавшихся) органами ОГПУ был зафиксирован факт появления анонимных «антисоветских» воззваний-листовок, в одной из которых говорилось:

«Граждане. Вы видите, в каком положении находится наша страна. Вы видите, что на шее крестьянина сидят вампиры, впившись своими когтями, и жадно пьют кровь, кровь трудового населения. А вас, рабочие, как негодный элемент они выбрасывают, и вы, подобно голодным собакам, должны скитаться теперь подчас без крова и без хлеба… Пора опомниться, пора организоваться… для того, чтобы в нужный момент дать отпор врагам народа, поработителям , захватчикам, вампирам и тиранам… Организуйтесь, призывайте к сознанию народ, записывайте их в ряды борцов, но бойтесь краснопогонной жандармерии, которая… будет искать повсюду вас, ловить и сажать в тюрьмы, но для блага страны не жалейте свою жизнь»[7].

Весной 1924 г. на Южном Урале отмечалось недовольство беднейшего крестьянства недостаточным количеством выдаваемых семян, несправедливым распределением земли и сложностями с

[5] Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 6.
[6] Там же. Л. 122.
[7] Там же. Л. 16.

приобретением сельскохозяйственного инвентаря. По оценкам чекистов, в Миасском районе из-за недостатка продовольствия 20 % населения питались суррогатами, а 3 % были вынуждены заниматься попрошайничеством[8].

В середине 1920-х гг. чекистами отмечались острые, в том числе межэтнические, противоречия в сфере землепользования. В сводке № 10 ПП ОГПУ по Уралу от 7 августа 1925 г. были приведены подробные сведения об острых конфликтах между русскими и башкирами; последние, жители Аргаяшского кантона Башкирской республики, пользуясь недостатком пахотных земель у соседей, крестьян Кыштымского района Свердловского округа, непомерно взвинчивали арендную плату за пользование наделами, что приводило к «недоразумениям» вплоть до драк, убийств и поджогов[9]. Сдача земли в аренду совхозами Каслинского района, неспособными обработать свои угодья, вызывала серьезное недовольство крестьян, называвших эти совхозы «старыми поместьями, захватившими крестьянскую землю»[10].

Чекистами регулярно фиксировались факты злоупотреблений и бытовой распущенности низовых партийных, советских и хозяйственных руководителей. В сводке ПП ОГПУ по Уралу от 2 сентября 1925 г. были отмечены крупные финансовые злоупотребления директора Каслинского завода и его помощника, регулярные домогательства директора завода и цеховых мастеров в отношении наемных работниц, систематическое пьянство руководителей Верхне-Уфалейского и Каслинского райисполкомов[11]; в сводке от 3 декабря — пьянство и азартные карточные игры коммунистов Кыштымского района и Вехне-Уфалейского завода[12].

На фоне общего послереволюционного неблагополучия население Южного Урала весьма сдержанно реагировало на политические процессы, происходившие в центре России. В февральском 1926 г. информационном бюллетене полпредства о реакции населения Уральской области на решения XIV съезда коммуни-

[8] Там же. Л. 156.
[9] Там же. Д. 344. Л. 84.
[10] Там же. Л. 85.
[11] Там же. Л. 88, 91, 93.
[12] Там же. Л. 153.

стической партии отмечалось, что «крестьянство не вполне в курсе произошедших разногласий»[13], «ячейки ВКП в деревнях бездействуют, и некоторые члены партии не знают даже, что был XIV партсъезд». Рабочие Челябинска, Златоуста, Миасса, Кургана и «сознательная часть учительства», проявившие к дискуссии относительно больший интерес, выступили в целом в поддержку официального курса партийного руководства[14].

Социально-экономические трудности провоцировали эмоциональные реакции в рабочей среде и во второй половине 1920-х гг. Так, в октябрьской 1926 г. информационной сводке ПП ОГПУ по Уралу был зафиксирован решительный протест собрания рабочих Каслинского чугунолитейного завода против попыток секретаря райкома ВКП(б) навязать им решение об отчислении 1 % заработка в пользу бастовавших английских горняков. Под возгласы «мы сами зарплату своевременно не получаем, и отчислять не от чего», «в период нашей голодовки в 22 году нам никто не помогал» и т. п. за предложение партийного руководителя проголосовало лишь 25 участников собрания из 400[15]. 23 сентября 1926 г. «создался крупный конфликт» в связи с перебоями в снабжении мукой жителей Карабашского завода[16]. Обострению противостояния рабочих и администрации способствовал факт получения днем позже представителями последней «неизвестно за что» существенных премиальных сумм[17]. Как не без сарказма замечал начальник 4-го участка тяги курганского депо Рыжков, «Сталин и Бухарин, сидя в кабинетах, не видят, что наши фабрики и заводы являются капиталистическими, потому что эксплуатация рабочих есть в равной мере… и нам, низовым работникам, это положение виднее, чем из московских кабинетов»[18]. Торжественное собрание в клубе металлистов Нижне-Кыштымского завода, посвященное 9-й годовщине Октябрьской революции, не состоялось из-за низкой явки потенциальных участников, а в ходе праздничного

[13] Там же. Д. 835. Л. 30–31.
[14] Там же. Л. 28–29, 42.
[15] Там же. Л. 226.
[16] Там же. Л. 236.
[17] Там же. Л. 245.
[18] Там же. Л. 38.

митинга на слова представителя райкома комсомола о том, что «уже девять лет рабочие сами без царей и буржуев управляют государством» последовала реплика одного из присутствовавших, что «не рабочие правят, а те же буржуи, пролезшие в партию… Если бы Советская власть сочувствовала рабочим и крестьянам, то не отнимала бы у них последнюю корову и лошадь»[19].

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, ничего в отношениях общества и власти не изменилось на Южном Урале и в 1927 г. По крайней мере, на собрание по перевыборам местного совета, назначенное в Кыштыме на 28 ноября, явилось лишь 18 человек из 300 избирателей. Председатель фабзавкома профсоюза деревообделочников член ВКП(б) Ф.В. Устинов с горечью отмечал, что «советы сваливают на профсоюзы всю работу, а сами ничего не делают… Вы нам в наших кампаниях не помогаете, а как чуть у вас, так и мы должны работать»[20].

Уникальная информация, характеризующая сложнейшие процессы в южноуральской деревне на рубеже 1927–1928 гг., содержится в 22-страничной докладной записке «О ненормальностях в работе соваппарата при проведении ударных кампаний и отрицательных моментах в настроении крестьянства и казачества по Челябинскому округу», направленной 26 марта 1928 г. под грифом «совершенно секретно» полномочным представителем ОГПУ по Уралу Г.П. Матсоном на имя секретаря Свердловского окружкома ВКП(б) Шипова.

В документе указывалось, что одновременное проведение кампаний по усилению хлебозаготовок, сбору обязательных платежей, проведению закона о самообложении, распространению займа укрепления сельского хозяйства и борьбе с самогоноварением было воспринято всеми без исключения слоями сельского населения как «резкий нажим соввласти на крестьянство, знаменующий некоторый перелом в ее деревенской политике»[21]. Негативная реакция селян усугублялась случаями «применения таких методов… экономического нажима на крестьян», которые, по оценке чекистов,

[19] Там же. Л. 276.
[20] Там же. Д. 1121. Л. 136.
[21] Там же. Д. 1354. Л. 41.

«являлись фактически возвратом к методам военного коммунизма, а зачастую означали не только явное нарушение революционной законности, но и прямой произвол представителей власти»[22].

Чекистами с тревогой отмечались случаи ночных обысков, угроз репрессиями, конфискаций, непомерных штрафов и т. п., причем в отношении как зажиточных, так и бедняцко-середняцких слоев деревни. Так, в станице Миасской одноименного района начальником районного отдела милиции, заинтересованным в получении 20 % штрафа, наложенного на отца красноармейца Жукова, имущество последнего, в нарушение решения окружного суда, было выставлено на торги и «спущено за бесценок»; в результате хозяйство было разорено, а его хозяина — главу семьи из 12 человек — разбил паралич[23]. Установление местными властями предвесенних сроков уплаты средств в рамках самообложения вынудило часть крестьян к распродаже своих хозяйств и их фактической ликвидации; при этом, как отмечалось в записке, «в числе обложенных хозяйств имеются маломощные, а в числе освобожденных — зажиточные»[24]. Подписка на заем развития сельского хозяйства производилась зачастую «в ударном нажимном порядке», в том числе под угрозой оружия[25]. В рамках принявшей «уродливые формы» борьбы с самогоноварением имели место случаи несоразмерных репрессий. Так, обнаруженное во время свадьбы в семье зажиточного крестьянина Челябинского района «самодельное пиво — настойка на смородине» стоило хозяину «конфискации 1 600 пудов пшеницы и овса» и «отсидки в Исправдоме». Другой участник той же свадьбы «отделался» условным годичным сроком заключения, штрафом в 1 700 пудов хлеба и 150 рублей[26].

Справедливо оценивая запугивания крестьянства, в том числе середняков и бедняков, как «явное извращение классовой линии» и отмечая «упаднические настроения и резкие нарекания на Советскую власть», ПП ОГПУ по Уралу фиксировало наиболее острые оценки начальственного произвола. В записке были

[22] Там же. Л. 41–42.
[23] Там же. Л. 43.
[24] Там же. Л. 45.
[25] Там же. Л. 51–52.
[26] Там же. Л. 47.

приведены слова зажиточного крестьянина из Варламовского района по поводу навязывания ему подписки на заем развития сельского хозяйства: «Почему в насильственной форме? Если так, то вы не Советская власть и грабители»[27]. В поселке Копытовском Еткульского района казак-бедняк говорил: «Я ярый защитник кулачества, потому что меня всегда богатый мужик выручит, а Советская власть плохо выручает. Двуличная она, обманывает часто…»[28]. «Сильное недовольство» крестьян, заявлявших, что «и при царском режиме не было таких случаев, чтобы не давали жениться», вызвало решение уполномоченного в поселке Кременкуль Челябинского района обусловить проведение двух казачьих свадеб покупкой облигаций займа развития сельского хозяйства на сумму 800 рублей[29].

Жесткие меры властей по изъятию хлеба обусловили повсеместное сокращение посевных площадей и свертывание крестьянских хозяйств — от бедняцких до кулацких. В деревне Кузнецовке Щучанского района было зафиксировано высказывание зажиточного крестьянина: «При Советской власти теперь придется дохнуть с голоду из-за собственного хлеба. Все задарма отбирают. Шалишь, больше мы дураками не будем, с этого года уменьшаю посев, сею лишь только для себя на еду, а одежды у меня хватит». Зажиточный казак из поселка Кременкуль Челябинского района заявил: «Каждый год с нами поступают и разговаривают по-жандармски. Решают все дела с разночинцами да с голью, нас налогами задавили. Так какой нам интерес работать на чужого барина — свернем посев до минимума и делу конец»[30]. В записке отмечались «панические настроения» в кулацкой среде, было приведено 8 эпизодов суицидальных попыток, суицидов и даже смертей «от разрыва сердца» задавленных непомерными налогами зажиточных крестьян[31]. «Более серьезного внимания» заслуживали, по оценкам чекистов, аналогичные заявления середня-

[27] Там же. Л. 50.
[28] Там же. Л. 53.
[29] Там же. Л. 53.
[30] Там же. Л. 54.
[31] Там же. Л. 56.

ков и крестьянской бедноты, коих в анализируемой нами записке было приведено не менее десяти[32].

Как «интересные» оценивались чекистами попытки зажиточных крестьян «опротестовать деятельность местных властей по проведению ударных кампаний перед Москвой». Было зафиксировано, по крайней мере, четыре случая агитации в пользу направления в столицу ходоков «с целью доложить тов. Калинину о незаконных действиях местных властей, взявших ставку на разорение крестьянства»[33]. При этом попытки легального противодействия крестьянства «ударным кампаниям» были скорее «исключением» на фоне «некоторого роста антисоветских настроений» и «угроз восстанием и расправой над коммунистами»[34]. Как отмечалось в докладной записке, «…разговоры о восстании отмечаются повсеместно по всем районам округа, особенно в казачьих районах»[35].

Позволим себе привести наиболее характерные из более чем тридцати приведенных в записке высказываний крестьян южноуральской деревни.

«Крестьяне плачут от самообложения. Это не власть, а кучка бандитов. Скоро ее не будет, весь народ поднимается войной на власть, она нам вредна…» (зажиточный казак, Усть-Уйский район);

«Нужен, нужен переворот. Соввласть кричит о свободе. А у нас в тюрьмах томится народу больше, чем в старое время…» (сын бывшего кулака, Миасский район);

«Скоро настанет время — резать вас, коммунистов, будут. Прежде из тела будем вырезать лампасы, а потом насмерть убивать. Довольно вам на нас ездить и обдирать нас, да набивать себе карманы!» (зажиточный казак, Еткульский район);

«…надо брать дубину да бить коммунистов — вот наше оружие!» (крестьяне-середняки, Шумихинский район)[36].

Сотрудниками ОГПУ отмечались также в этот период многочисленные случаи угроз расправами и прямых расправ над сельскими активистами. Так, в поселке Кузнецовском Еткульского

[32] Там же. Л. 55.
[33] Там же. Л. 57.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 57–60.

района уполномоченный сельсовета был вынужден спасаться от избиения бегством; в поселке Кукушкинском Варламовского района были убиты советские активисты Чесноков и Романов[37].

В материалах о политических настроениях южноуральского крестьянства в качестве одной из его основных претензий к Советской власти постоянно фигурировало его «рабское» положение на фоне якобы вполне благополучного существования рабочих промышленных предприятий региона. Между тем, документы свидетельствуют о серьезнейших проблемах, с которыми сталкивалось в конце 1920-х гг. фабрично-заводское население Южного Урала. Так, в весьма путаной докладной записке ПП ОГПУ в Свердловский окружком ВКП(б) о состоянии Каслинского чугунолитейного завода весной-летом 1928 г. отмечались, с одной стороны, в целом положительное отношение работников к мероприятиям Советской власти и коммунистической партии (без подкрепления, впрочем, этой оценки какими бы то ни было аргументами); с другой стороны, наличие насущных вопросов, провоцировавших крайнее недовольство администрацией и даже антисоветские проявления, к числу которых были отнесены повышение норм выработки и соответствующие снижения расценок, крайне неудовлетворительные условия труда, произвол и грубость технического персонала, перебои в снабжении населения продуктами и товарами первой необходимости и т. п.

Своеобразной квинтэссенцией внутренне противоречивой записки явился ее заключительный сюжет, в котором чекистами был приведен факт неприятия рабочими завода (негодовавшими, между прочим, по поводу сложностей повседневной жизни) высказываний торговца Григория Баранова и других «бывших» о том, что «Советская власть это то же самое, что царизм, нет никакой свободы, жмет всех», и «их (т. е. коммунистов) надо всех перерезать»[38]. Об обоснованности наших сомнений в наличии «в целом положительного» отношения рабочих завода к Советской власти свидетельствуют, в частности, факт забастовки в начале октября 1928 г. смены рабочих-формовщиков литейного цеха предприятия,

[37] Там же. Л. 60.
[38] Там же. Л. 235.

протестовавших против «чрезвычайно бюрократического отношения администрации и профсоюза к запросам рабочих» и недовольных затягиванием сроков пересмотра в пользу работников во исполнение их требований производственных норм и расценок, а также приведенные в сводках ПП ОГПУ многочисленные свидетельства устного социального протеста[39]. К слову сказать, снижение на 30–40 % расценок на все вспомогательные работы породило в этот же период забастовочные настроения в прокатном цехе Златоустовского металлургического завода и на Челябинской чаеразвесочной фабрике[40]; попытка закрытия церкви в Карабашском заводе спровоцировала массовый протест верующих, локализованный лишь вмешательством взвода красноармейцев[41].

Наличие протестных настроений среди трудящихся Южного Урала отмечалось в справке ПП ОГПУ от 1 декабря 1928 г. об отношении населения к празднованию 11-й годовщины Октябрьской революции. В Златоустовском районе были зафиксированы негативные высказывания рабочих по поводу снижения реальной заработной платы в связи с ростом цен на продукты, в зажиточной крестьянской среде — недовольство дефицитом товаров первой необходимости и их дороговизной[42]. Косвенными свидетельствами неудовлетворенности населения политикой властей стали «вялость» проведения и многочисленные срывы собраний граждан, посвященных советской отчетно-выборной кампании[43]. Что интересно, отражение в чекистских документах настроений населения регулярно сопровождалось оговорками относительно единичности негативных проявлений[44].

Наступление «года великого перелома» отмечено, по нашим наблюдениям, смещением акцента сводок ПП ОГПУ от более или менее беспристрастной оценки общественных настроений в сторону выраженной «антикулацкой» направленности. Так, в информационной сводке ПП ОГПУ по Уралу «О ходе предвыборной

[39] Там же. Л. 260, 269, 273; и др.
[40] Там же. Л. 281–283.
[41] Там же. Л. 308–310.
[42] Там же. Л. 319, 322.
[43] Там же. Л. 355, 358.
[44] Там же. Л. 320.

кампании Советов в деревне по Уральской области (по состоянию на 9 января 1929 года)» рефреном проводилась мысль об «усиленном проведении подготовительной антисоветской работы» со стороны «кулацко-зажиточных и антисоветских элементов». Отдельными рубриками в сводке впервые были выделены «Активность кулацкого элемента», «Антисоветские группировки», «Попытки кулаков проникнуть на середняцкие собрания», «Спаивание кулаками местных работников и крестьян», «Связь членов ВКП(б) с кулацко-зажиточным элементом» и т. п. Если в сводке на 18 декабря 1928 г. по Уралу было отмечено лишь четыре группировки «кулацкого и антисоветского элемента», то в аналогичной сводке на 9 января 1929 г. фигурировала уже 21 подобная группировка, в том числе четыре — по Златоустовскому, Курганскому и Челябинскому округам[45]. В сводке отмечалось, что «эти группировки антисоветского элемента пытались сорвать перевыборную кампанию путем явки в организованном виде на бедняцкие собрания с целью их срыва, созыва самостоятельных своих нелегальных собраний и бесед с обсуждением кандидатов в советы и выдвижением в них «своих» людей»[46].

5 февраля 1930 г. бюро Уралобкома ВКП(б) было принято постановление о ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией. Этим документом, принятым по докладам секретаря обкома Зубарева и начальника ПП ОГПУ по Уралу Г.П. Матсона, определялась численность подлежавших ликвидации кулацких хозяйств по первой (до 5 000 с разверсткой по округам полпредством ОГПУ) и по второй (до 15 000) категориям. Предполагалось выселить по второй категории в малонаселенные и необжитые районы северных округов области из Челябинского и Троицкого округов по 2 250, из Курганского — 1 800, из Шадринского — 1 300, из Златоустовского — 200 семей[47]. Однако уже через месяц-полтора, после опубликования в центральной печати статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» и выхода постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» в

[45] Там же. Д. 1651. Л. 33.
[46] Там же. Л. 33–34.
[47] Там же. Д. 1892. Л. 7.

окружные партийные комитеты был направлен ряд директивных писем с требованиями «немедленно прекратить административный произвол, обыски, безобразия и под личную ответственность секретарей окружных и районных комитетов партии… обеспечить быстрое и решительное проведение в жизнь постановления ЦК»[48].

Даже беглый анализ потенциала информационных сводок ПП ОГПУ позволяет прийти к выводу об их несомненной значимости как практически неисчерпаемого источника по истории социальных процессов на Южном Урале в первые годы Советской власти. Введение этих сводок в широкий научный оборот может способствовать, по нашему мнению, утверждению представлений о второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. как о времени сложного и противоречивого становления в советской провинции мобилизационной модели социализма.

Kaplukov V.V., Yarkova E.I.

The South Urals of the 1920s in information summaries of the United State political administration

The article attempts to study the history of socio-political processes in the South Urals in the second half of the 1920s, using information from the regional bodies of the United State Political Administration. The authors believe that the analysis of the potential of information reports of the plenipotentiary representation of the United State Political Administration allows us to conclude that they are undoubtedly important as an almost inexhaustible source on the history of social processes in the Southern Urals in the early years of Soviet power. The introduction of these sources into a broad scientific circulation can contribute to the establishment of ideas about the second half of the 1920s and the beginning of the 1930s as a time of a complex and contradictory development in the Soviet province of the mobilization model of socialism.

Keywords: *South Urals, the United State Political Administration, special services, information summaries, the party-state system of power, the mood of the population*

[48] Там же. Л. 22об.

Клинова Марина Александровна
к.и.н., доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *klinowa.m@yandex.ru*

БОРЬБА С ХИЩЕНИЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-е — 1970-е гг.

УДК 93/94.351:336.1(470.54)

Статья посвящена рассмотрению практик хищений социалистической собственности в Свердловской области в период 1960–1970-х гг. На основе анализа архивных данных приведена статистика распространения данного явления в регионе, выявлены механизмы борьбы с хищениями, рассмотрены экономические и административные санкции, применяемые к нарушителям. Автором сделаны выводы относительно экономической обусловленности распространения хищений в советском социуме 1960–1970-х гг.

Ключевые слова: *хищение социалистической собственности, растраты, преступность, Свердловская область, 1960-е — 1970-е гг.*

В современном гуманитарном дискурсе проблематика хищений социалистической собственности, а также борьбы правоохранительных органов с данным явлением является актуальным направлением исследовательского поиска. Означенная девиация рассматривается в русле исследований правоведов, акцентирующих внимание на специфике реализации советских законодательных практик[1]. В исторических разработках обращение к данной проблематике реализуется в двух направлениях: изучение государственной политики и деятельности правоохранительных органов

[1] Анисимов В.Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному кодексу // Вестник Югорского государственного университета. 2008. № 4. С. 5–8; Герасимова А.А. Хищения с использованием служебного положения в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов // Вестник Науки и Творчества. 2017. № 9 (21). С. 5–9; Хачатрян Д.С. Ответственность за хищения по советскому законодательству 30–60-х годов прошлого века // Государство и регионы. 2012. № 1. С. 66–69.

по борьбе с хищениями[2], а также в контексте исследования экономических практик населения[3]. На региональном материале к теме хищений социалистической собственности обращаются в своих работах С.М. Емелин, В.Н. Мамяченков, А.В. Сушков[4], рассматривая означенную проблематику в координатах послевоенного периода. В данной работе мы обратимся к проблеме борьбы с хищениями социалистической собственности в Свердловской области в период 1960-х — 1970-х гг.

Проблема борьбы с экономической преступностью постоянно находилась в центре внимания партийно-государственного руководства СССР. На протяжении всего периода существования советского государства практика хищений социалистической собственности была уголовно наказуемой, являясь объектом пристального внимания внутренних органов. Тем не менее, масштабность распространения в советском социуме означенных девиаций, заставляла законодателя и в период 1960-х — 1970-х гг. обращаться к коррективам данного явления, посредством издания постановлений и указов: «Об усилении работы парторганизаций по обеспечению сохранности социалистической собственности и искоренению растрат и хищений» (Постановление ЦК КПСС от 18 марта 1968 г.); «О мерах по усилению охраны социалистической собственности и устранению

[2] Богданов С.В. Из истории борьбы с организованной преступностью в экономической сфере СССР в 1930–50-х годах // Современное право. 2011. № 1. С. 163–168; Котова М.С. Разработка мер борьбы с экономической преступностью в СССР в 1953–1964 гг. // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. пятой Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2016. С. 113–116; и др.

[3] Клинова М.А. Девиантные экономические практики городского населения Свердловской области в 1960 — начале 1970-х гг. // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург: 2015. С. 361–367; Реут Е.В. Социальное явление «несуны» на заводе 820 в первые послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Балтийского федерального университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 12. С. 77–83.

[4] Емелин С.М. Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на Южном Урале во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 17 (308). С. 85–89; Мамяченков В.Н. Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–2 (62). С. 136–141; Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016.

причин и условий, порождающих хищения и бесхозяйственность» (Постановление Совета Министров СССР от 20 февраля 1975 г. № 153); «Об административной ответственности за мелкое хищение государственного или общественного имущества» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1977 г.) и т. п.

О распространенности различных форм хищений в Свердловской области, а также о динамике данного явления красноречиво свидетельствуют данные регионального Статуправления. В аналитической записке Статуправления «О недостачах, хищениях и порче товарно-материальных ценностей в Свердловской области в 1969 г.» заместитель начальника Статуправления Свердловской области А.И. Гуселетов сообщает: «За 1969 год установлено 240 случаев хищений»[5]. Уже через год в аналогичном отчете по факту выявленных хищений государственного имущества в Свердловской области фигурирует значительно более существенная цифра — 5 075 случаев[6]. Практики хищений были распространены фактически во всех отраслях народного хозяйства, но наибольшее количество случаев фиксировалось в торговле и промышленности. Данные по этим отраслям в большей степени фигурировали в отчетах Статуправления Свердловской области, а также в аналитических отчетах контрольных комиссий (см. табл. 1). (Суммарно около 90 % случаев всех хищений фиксировалось на предприятиях торговли, промышленности и сельского хозяйства, ущерб от которых составлял 93 % от общей суммы ущерба от растрат и хищений по Свердловской области)[7].

Таблица 1

Растраты и хищения на предприятиях Свердловской области в 1960–1970-е гг.[8]

Год	Вид деятельности	Отрасль, организация	Кол-во случаев	Сумма
1961	Растр. и хищ.	Свердлгорпромторг	18	10 155
		Свердл. гор. управление торговли	105	50 000

[5] ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 26. Д. 29. Л. 1.
[6] Там же. Оп. 3. Д. 272. Л. 6.
[7] Там же. Оп. 26. Д. 29. Л. 4.
[8] Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 17, 20; Оп. 9. Д. 8. Л. 82; Оп. 26. Д. 29. Л. 4, 7; Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 35. Л. 16.

Год	Вид деятельности	Отрасль, организация	Кол-во случаев	Сумма
1962 (за 4 мес.)	Растр. и хищ.	Свердл. Облпостребсоюз	82 (чел. передано суду)	44 835
1962	Растр. и хищ.	Свердл. гор. управление торговли	125	72 000
		Свердлгорпромторг	21	11 898
1963 (за 4 мес.)	Растр. и хищ.	Свердл. Облпостребсоюз	106 (чел. передано суду)	82 882
1969	Хищ.	Торговые организации	80	130 000
		Промышл. предприятия	121	48 000
1970	Растр. и хищ.	Торговые организации	838	848 000
		Промышл. предприятия	3 541	436 000
		Подряд. и строит.-монтажные организ.	204	52 000
		Предприятия связи	553	22 000

В большинстве документов периода фигурируют описания случаев хищений и растрат совершаемых в сфере торговли. Хищения в торговле осуществлялись разными способами: путем прибыльной пересортицы, завышения списаний овощей и фруктов на естественную порчу, завышения цен на товары (переклеивания этикеток), через торговую сеть сбывались товары, похищенные с промышленных предприятий[9]. По результатам проверок, проводимых в 1970-е гг. в Свердловске комиссиями по контролю за соблюдением цен и правил торговли были выявлены грубые нарушения государственной дисциплины цен на предприятиях общественного питания и бытового обслуживания. В отчете о работе комиссии отмечено: «нарушения государственной дисциплины цен приняло массовый характер и особенно на предприятиях общественного питания. Из 847 проверенных предприятий этой отрасли 351 или 42 % обнаружены факты грубого нарушения. В четвертом квартале 1970 г. число предприятий, допустивших нарушения 37 %, то за 2,5 мес. 1971 г. 53,8 %… Руководители предприятий вместо принятия мер по увеличению выпуска продукции, повышения ее качества… встают на путь прямого обмана государства и потребителя, самовольно повышают цены на обеды и продукцию, нарушают утвержденные нормы закладки, обвес, обсчет»[10].

[9] ГАСО. Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 34. Л. 67.
[10] Там же. Ф. Р-1128. Оп. 1. Д. 107. Л. 119–120.

В зависимости от способов хищений существенно отличались друг от друга и суммы похищенных государственных средств: от 204 руб. за полгода[11], до 1,5 тыс. руб. за два месяца[12]. В то же время данные, содержащиеся в региональных архивах, позволяют утверждать, что верхний предел сумм хищений был гораздо выше. Так, например, в справке о недостачах, растратах и хищениях в торгах и трестах столовых Свердловского городского управления торговли за 1962 г. отмечен случай раскрытия в Нижнетагильском Горпромторге преступной группы во главе с директором магазина, совершившей хищение в размере 47 тыс. руб.[13]

Вскрытие фактов хищений не всегда заканчивалось возбуждением уголовного дела. В качестве наказания сотрудника могли уволить или лишить премиальных выплат. В справке о текучести кадров в Савердлгорпромторге отмечается, что за растраты и хищения было уволено в 1962 г. всего 8 чел., а общее количество выявленных случаев данных преступлений — 21[14].

Во второй половине 1960-х гг. усиливается борьба с хищениями социалистической собственности на предприятиях региона. В результате во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. возросло общее число уголовных дел, возбужденных по оперативным данным ОБХСС в том числе и по хищениям социалистической собственности (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество уголовных дел, возбужденных по данным ОБХСС в Свердловской области[15]

Годы	Всего возбуждено дел	В том числе по хищениям
1968	977	620
1969	1 037	636
1970	1 052	668
1971	1 234	752
1972	1 317	776

[11] Там же. Л. 68.
[12] Там же. Л. 121.
[13] Там же. Ф. Р-2097. Оп. 1. Д. 34. Л. 58.
[14] Там же. Л. 17, 18.
[15] Там же. Д. 573. Л. 1–7.

В отчете внештатных инспекторов областного комитета народного контроля Л. Драпкина, А. Онучина, В. Комарова по результатам проверки работы ОБХСС Управления внутренних дел Свердловского облисполкома (1973 г.) отмечается: «Всего в прошедшем году (1972) по сравнению с 1971 г. выявлено преступлений больше на 10 %, в том числе с возбуждением уголовных дел больше на 6,6 %, количество разоблаченных преступных групп увеличилось на 10,9 %. В 2,7 раза увеличилось количество выявленных хищений в крупных и особо крупных размерах. В ходе расследования у преступников изъято денег и других ценностей на сумму свыше 300 тыс. руб., что позволило сразу же возместить более 55 % причиненного ущерба. Кроме того описано имущество на общую сумму 176 тыс. руб., что позволит довести общее возмещение до 86,7 % от суммы всего материального вреда, причиненного преступлениями»[16]. Из текста вышеприведенного документа следует, что раскрытие факта хищения не ограничивалось наказанием виновных. Немаловажную роль играл процесс возмещения государству ущерба, причиненного преступлением, по средствам взыскания задолженности с виновных.

Процесс взыскания задолженности с виновных лиц, как правило, затягивался не на один год, проходя с существенными трудностями. В отчетах Свердловского Статуправления приводятся данные, отражающие финансовую сторону процесса взыскания задолженности с лиц, виновных в растратах и хищениях в 1970-е гг. (см. табл. 3).

Таблица 3

Задолженность за виновными лицами по недостачам, хищениям и порче материальных ценностей[17]

Годы	**Сумма, *руб.***
1970	2 610 000
1971	2 734 000
1972	2 743 000
1973	2 626 000
1974	2 597 000
1975	2 693 000

[16] Там же.

[17] Там же. Ф. Р-1813. Оп. 3. Д. 272. Л. 7; Оп. 26. Д. 131. Л. 3–9.

Помимо того, что выявление фактов хищений не всегда заканчивалось уголовным наказанием виновных лиц, а взыскание ущерба растягивалось на неопределенный срок, вскрытие фактов хищений не отвечало интересам предприятий. Своеобразным способом замалчивания данной девиантной экономической деятельности было списание недостач от хищений на издержки. По расчетам Статуправления Свердловской области средний объем списаний задолженности по растратам и хищениям на издержки производства составлял от 3 до 10 %[18]. Хотя в отчете Статуправления Свердловской области (1975 г.) отмечены факты и значительно больших объемов списания потерь от растрат и хищений на счет производства: «в строительно-монтажном управлении… № 613… 77 % всей задолженности за виновными лицами списано на затраты производства, на Сухоложской бумажной фабрике (100 %), Свердловском пивообъединении (25 %), в управлении лесного хозяйства (14 %)[19].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о широком распространении в Свердловской области 1960–1970-х гг. практик хищений социалистической собственности, количественно более выраженных в сфере советской торговли, находящейся, по замечанию С.В. Богданова и В.Н. Орлова, «на переднем крае распределительной системы».[20] Усиление контроля за ценовой дисциплиной на предприятиях торговли и общественного питания, привлечения виновных к ответственности, а также взыскание материального ущерба с виновных, несомненно, принесло определенные положительные результаты. По данным С.В. Тишкова, Р.Р. Алабердеева, Ю.В. Латова «за годы девятой пятилетки благодаря борьбе с экономической преступностью было сохранено от разворовывания и оприходовано неучтенных товарно-материальных ценностей на сумму более 450 млн руб.»[21]. С другой стороны, ста-

[18] ГАСО. Р-1813. Оп. 26. Д. 131. Л. 9.

[19] Там же. Л. 3–9.

[20] Богданов С.В., Орлов В.Н. Совершенствование законодательства о борьбе с экономической преступностью СССР (1964–1984 гг.): тенденции, итоги, противоречия // Современное право. 2012. № 11. С. 163–166.

[21] Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 70.

тистика хищений неуклонно росла, как в региональном измерении, так и по стране в целом. Рассуждая о причинах широкого распространения данной экономической девиации, советские чиновники указывали на «недостаточную работу по подбору кадров на материальной ответственные должности и отсутствие должного контроля за их работой»[22]. Хотя на наш взгляд, причины хищений не ограничиваются проблемами этики и контроля, а лежат, в том числе, вы экономической сфере. Одним из мотивов, толкающим население к данному виду деятельности, являлся товарный дефицит, усиливающийся в указанный период времени. Вследствие кризиса товарного обеспечения граждан и невозможности беспрепятственного приобретения товаров в торговой сети, на первый план выходили личные связи «блат», в результате чего доступ человека к фактически любому виду товарной продукции (как на этапе ее производства, так и распределения), позволял занять место в цепочке «товарообмена», способствуя укреплению его материального положения и статуса в советском социуме. Помимо этого, не способствовала снижению хищений и незаинтересованность предприятий в увольнении сотрудников и обнародовании фактов нарушений, в результате чего недостачи покрывались за счет издержек производства.

Библиографический список

Анисимов В.Ф. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному кодексу // Вестник Югорского государственного университета. 2008. № 4. С. 5–8.

Богданов С.В. Из истории борьбы с организованной преступностью в экономической сфере СССР в 1930–50-х годах // Современное право. 2011. № 1. С. 163–168.

Богданов С.В., Орлов В.Н. Совершенствование законодательства о борьбе с экономической преступностью СССР (1964–1984 гг.): тенденции, итоги, противоречия // Современное право. 2012. № 11. С. 163–166.

Герасимова А.А. Хищения с использованием служебного положения в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов // Вестник Науки и Творчества. 2017. № 9 (21). С. 5–9.

Емелин С.М. Основные направления противодействия общеуголовной и экономической преступности на Южном Урале во второй половине

[22] ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 26. Д. 29. Л. 2.

1940-х — начале 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2013. № 17 (308). С. 85–89.

Клинова М.А. Девиантные экономические практики городского населения Свердловской области в 1960 — начале 1970-х гг. // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 361–367.

Котова М.С. Разработка мер борьбы с экономической преступностью в СССР в 1953–1964 гг. // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. пятой Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 2016. С. 113–116.

Мамяченков В.Н. Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946–1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–2 (62). С. 136–141.

Реут Е.В. Социальное явление «несуны» на заводе 820 в первые послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Балтийского федерального университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 12. С. 77–83.

Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016.

Тишков С.В., Алабердеев Р.Р., Латов Ю.В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 51–80.

Хачатрян Д.С. Ответственность за хищения по советскому законодательству 30–60-х годов прошлого века // Государство и регионы. 2012. № 1. С. 66–69.

Klinova M.A.

The fight against theft of socialist property in the Sverdlovsk region in the 1960s–1970s

The article is devoted to practices of theft of socialist property in the Sverdlovsk region in the period 1960s–1970s, based On the analysis of archival data provides statistics on the prevalence of this phenomenon in the region, the mechanisms to combat theft, considered by the economic and administrative sanctions applied to violators. The author has made conclusions on the economic conditionality of distribution of theft in the Soviet society of the 1960s–1970s

Keywords: *theft of socialist property, embezzlement, crime, Sverdlovsk region, 1960s–1970s*

Корнилов Геннадий Егорович
д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *genakorn@mail.ru*

«ВРЕДИТЕЛИ» В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В 1930-е гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЫЙ АСПЕКТЫ[1]

УДК 94(470)«19»

Исследование темы вредительства в СССР не имеет длительной традиции. В статье анализируются работы российских и зарубежных историков, в которых она затрагивается. Сдерживающим фактором остается недостаточная источниковая база исследования. Наибольшую ценность в этом смысле имеют документы Архива Президента РФ, которые позволяют глубже понять механизм функционирования сталинского режима в переломный для страны период его утверждения, борьбу за экономическую безопасность, реализацию на практике предложенного варианта ускоренной индустриализации СССР и роль политических репрессий в этом процессе, воплощенной в частности в борьбу с «вредителями».

Ключевые слова: *экономическая безопасность, промышленность, вредительство, исторические источники, историография*

Эпоха конца 1920-х — 1930-х гг. в СССР полна самыми разными процессами и явлениями, приоритетное положение оставалось за промышленной модернизацией. Советская историография показывала только великие достижения и успехи в создании советской экономики, основу которой составляла социалистическая промышленность. В работах советских историков проблема создания и развития военно-оборонной промышленности изучалась в контексте первых пятилетних планов, причем преимущественно в историко-партийном контексте[2].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-01-00308а.

[2] Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984; История социалистической экономики СССР. М., 1977. Т. 3. Создание фундамента

В постсоветское время ракурс исследований расширился. Однако и сегодня можно констатировать, что имеющаяся литература не дает полного представления о политике сталинизма в военной промышленности, в каких формах она была облечена, как она трансформировались во времени, чем это было вызвано, какие средства и механизмы использовались для ее реализации, какое место она занимала в экономической стратегии страны. Нет и развернутого сопоставления декларируемых целей и достигнутых результатов.

В свете распада Советского Союза и кардинальных перемен в условиях жизни многие прежние объяснения исторического процесса стали выглядеть по меньшей мере неубедительно. В результате произошло заметное смещение в ракурсе исторического научного поиска. Активно стали использоваться новые методологические подходы. В концептуальном отношении, в постановке конкретных задач российские исследователи начали опираться и на зарубежную историографию. Это положительно сказалось на результативности работы. Появились крупные исследования, позволявшие более реалистично представить экономическое развитие страны, особенности советской экономической стратегии, цену, которую пришлось заплатить за ее реализацию[3]. Основные этапы становления и развития военно-промышленного комплекса СССР представлены в монографии Н.С. Симонова[4]. Исследования О.Н. Кена раскрыли эволюцию мобилизационного строительства: путь от замыслов военного руководства до составления докладных записок руководству СССР; от вариантов программ вооружений до их реализации[5].

социалистической экономики в СССР, 1926–1932 гг.; М., 1978. Т. 4. Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР: 1933–1937 гг.; Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968; Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994.

[3] Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М., 1997; Он же. Национальная экономика России. М., 2008; Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

[4] Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

[5] Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х годов. М., 2010.

Выработка военной доктрины советского государства, военно-промышленная политика, организация производства для нужд армии и флота, управление военной промышленностью, финансирование военных расходов раскрыты в монографии А.К. Соколова[6].

Достаточно высок интерес к проблемам социально-экономического развития страны в зарубежной литературе. Историки П. Грегори, Ш. Фитцпатрик, Х. Куромии исследовали вопросы социальной эволюции в российском обществе в результате индустриализации[7]. В книге Ст. Коткина «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация» проанализированы социально-экономические процессы 1920–1930-х гг. на примере города Магнитогорска. Автор стремился показать, как в годы первых пятилеток в СССР происходило формирование новой социалистической цивилизации. Ст. Коткин подчеркнул влияние на большевистскую идеологию утопических элементов марксизма, восходящих к эпохе Просвещения, охарактеризовал сталинский режим как «теократию», а коммунистическую идеологию как форму религии, партийные чистки — как разновидность инквизиции[8]. Исследования шведского историка Л. Самуэльсона посвящены вопросам влияния военных интересов на оборонную ориентацию советской индустриализации. Раскрыт один из важнейших секретов советского военного планирования: взаимосвязь между военными планами Красной армии и ориентированной на оборону индустриализации СССР 1920–1930-х гг., а также методы, с помощью которых военные соображения интегрировались в единую систему планирования[9].

По мнению английского историка Н. Барона стратегия сталинского режима, сознательно допускавшего повальные дефициты,

---

[6] Соколов А.К. От военпрома к ВПК. Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М., 2012.

[7] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008; Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008; Kuromia H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1990.

[8] Kotkin St. Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; Коткин С. Сталинизм как цивилизация (перевод Н.А. Михалева) // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 77–81

[9] Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001.

узкие места, дисбалансы в распределении ресурсов и систематическое невыполнение плана, состояла в том, чтобы генерировать «зоны неопределенности», порождаемые «исходящими “сверху” несовместимыми сигналами, противоречивыми требованиями и изменчивой двусмысленной фразеологией». Это, разумеется дестабилизировало ситуацию на местах, внушало страх непосредственным исполнителям, создавало иллюзию ослабления повседневного контроля, однако так власть платила за сохранение и укрепление правящего режима. Историк представляет «вредительство» как определенную стратегию, «социальный проект», клише, рожденное в недрах пропагандистской машины и предназначенное для генерации «зон неопределенности». Другими словами, власть вольно или невольно создавала условия, неизбежно провоцировавшие исполнителей на нарушение законодательства, а затем маркировала подобные инициативы вредительством и подрывной деятельностью. В этом случае формировалась ситуация заведомой виновности всех исполнителей на местах, а состояние «на крючке» становилось мотивом выполнения решений центра «любой ценой». Кроме того, советское планирование, как считает автор, носило хаотичный характер, обусловленный политическим противоборством и конфликтами в высшей партийной элите[10].

В исследованиях последних лет в общем дискурсе проблемы сталинских репрессий появилось понимание того факта, что в самом процессе становления гражданского общества заложено мощное репрессивное начало (как стихийное, так и государственно-организованное насилие), необходимое для смены социокультурных ориентиров[11].

Наибольший вклад в изучении деятельности органов государственной безопасности по защите экономики страны в 1917–1941 гг. вносят работы О.Б. Мозохина[12].

---

[10] Барон Н. Экономическое планирование и государственное насилие накануне Большого террора, 1935–1936 гг. // Советская власть — народная власть? Очерки народного восприятия советской власти в СССР. СПб., 2003. С. 202–204.

[11] Захарченко Г.В. Социально-политическая природа массовых репрессий в СССР // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 6. С. 32–39.

[12] Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ — карающий меч диктатуры пролетариата (ВЧК–ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом).

Таким образом, тема затрагивалась российскими и зарубежными исследователями фрагментарно, специальных исторических работ практически нет. Следовательно, историографическая ситуация показывает, что проблема экономической безопасности в промышленности нуждается в глубоком ретроспективном изучении на основе современных методологических подходов. Решение этой задачи возможно лишь при условии тщательной проработки исторических документов, введения в научный оборот новых исторических источников. Лишь исторические источники помогут понять историческое прошлое. Безусловно, главную роль в становление исследования темы вносят опубликованные тематические сборники документов о становлении и развитии оборонно-промышленного комплекса СССР[13].

В постсоветской историографии, как уже упоминалось, появились новые сюжеты и темы, большое внимание стало уделяться вопросам политических репрессий, стал обсуждаться вопрос цены индустриализации, коллективизации, голода 1932–1933 гг., демографических потерь населения. Новой стала и тема борьбы «с вредительством» в промышленности СССР. Ее трактовка с самого начала стала проводиться в контексте изучения политических репрессий. Человеческая жизнь бесценна. Убийство невинных людей нельзя оправдать — будь то один человек или миллионы. Но исследователь не может ограничиваться нравственной оценкой исторических событий и явлений. Его долг — воскрешение подлинного облика нашего прошлого. Тем более, когда те или иные аспекты темы стали объектом политических спекуляций. В первую очередь это относится к проблеме статистики (масштаба) политических репрессий в СССР. Этому посвящена огромная историография. К настоящему времени мы имеем четыре точки зрения на масштабы политического террора и репрессий в СССР:

М., 2004; Он же. Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности Советского государства. М., 2009; Он же. ВЧК–ОГПУ–НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2016.

[13] Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937): сб. документов. М., 2011 Т. 3. Ч. 2 (1933–1937); Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 — июнь 1941 г.): сб. документов. М., 2015. Т. 4.

110 млн (А.И. Солженицын)[14]; 50–60 млн (западная советология в период «холодной войны»); 20 млн (западная советология в постсоветский период)[15]; 2,6 млн (основанные на документах расчеты В.Н. Земскова)[16].

Исследования кампаний по борьбе с вредительством в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях экономики в 1930-е гг. позволит частично прояснить этот вопрос, выяснить количество жертв политических репрессий.

Первая задача в достижении поставленной цели — выявление новых документов в федеральных и региональных архивах. Особое значение имеют секретные папки Политбюро ЦК ВКП(б). Они дают наиболее полное представление о политике сталинизма в военной промышленности, в каких формах она была облечена, как трансформировалась во времени, каковы были средства и механизмы реализации. Это хорошо представлено в опубликованных сборниках документов «Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности»[17]. Составители сосредоточились на деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) и органов государственной безопасности (ОГПУ) по борьбе с так называемым вредительством в народном хозяйстве СССР в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг.

Они документально обосновывают тезис о том, что для наведения порядка было принято решение о применении репрессий к инженерно-техническому персоналу предприятий с помощью организации показательных процессов и их широкого освещения в средствах массовой информации. Первый такой процесс, получивший название «шахтинского», прошел в каменноугольной промышленности Донбасса[18]. Одновременно появилось решение и о «вредительстве» на железнодорожном транспорте и в золотопла-

[14] Солженицын А.И. Интервью испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

[15] Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии. М., 2001.

[16] Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории. М., 2012. Вып. 10. С. 303–318.

[17] Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности: сб. документов М., 2014. Кн. 1–2.

[18] Политбюро и «вредители». Кн. 1. С. 38–133.

тиновой промышленности[19]. Коллегия ОГПУ приняла постановление расстрелять участников контрреволюционных организаций на железнодорожном транспорте (Н.К. фон Манна и А.Ф. Величко) и в золотоплатиновой промышленности (П.А. Палынского). В сборнике впервые обнародованы материалы организованного в начале 1930-х гг. показательного процесса над представителями английской фирмы «Метрополитен-Виккерс». Им вменялись в вину шпионаж, диверсии, вредительство и другие деяния. Вместе с шестью англичанами по процессу прошли и двенадцать советских граждан[20].

Таким образом, кампании по борьбе с вредительством в СССР, начавшаяся в 1928 г. с Шахтинского дела и продолжавшиеся все 1930-е гг., имели целью добиться исполнения принятых планов форсированной индустриализации. В условиях нехватки специалистов, квалифицированных кадров массовых рабочих профессий требовалась железная дисциплина на производстве, выполнение всех технологических норм. В конце 2000 г. Генпрокуратура России реабилитировала всех осужденных по Шахтинскому делу: поскольку аварии и затопления на шахтах были следствием послереволюционного упадка промышленности Донбасса[21].

Тем не менее, именно Шахтинский процесс сформировал стандарты уголовного преследования «вредителей». Обвинения во вредительстве в 1930-е гг. были в СССР широко распространены. В то же время они показывают, что были случаи вполне доказанных фактов вредительства, справедливого осуждения виновных, но и случаи фабрикации уголовных дел и вынесения неправосудных судебных решений по политическим статьям. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. в редакции 1934 г. термин «вредительство» не употреблялся, но ряд действий подпал под статью 58 пункты 7, 9, 14. В 1938 г. в УК РСФСР впервые появился термин «вредительство». ВЦИК и СНК РСФСР в постановлении от 20 мая 1938 г. изменили статью 28, устанавливавшую возможные сроки лишения свободы. Нижнюю планку тогда повысили до года; верхнюю оставили прежней — десять лет. Однако «по делам о шпионаже,

[19] Политбюро и «вредители». Кн. 2. С. 175.
[20] Там же. С. 398–533.
[21] Шахтинское дело // Великий СССР. URL: http://back-in-ussr.info/2012/11/shaxtinskoe-delo/ (дата обращения: 25.12.2017).

вредительстве и диверсионных актах (ст. 58.1а, 58.6, 58.7 и 58.9 УК)» поправка позволила назначать более длительные сроки: максимальный — 25 лет[22].

Слово «вредитель», которое в СССР служило обиходным синонимом «врага народа», вошло в обличительный лексикон власти в конце 1920-х гг. Как заметил П.П. Червинский, борьба с «вредителями» служила «средством создания и поддержки постоянного напряжения и неуверенности каждого, делая из него послушный объект манипулирования». Дела против «вредителей» помогали властям объяснять «постоянные и слишком наглядные срывы, кризисы и неудачи» в экономике и, натравливая друг на друга рабочих и специалистов, не допускать появления независимых объединений на производстве[23].

Февральско-мартовский (1937) Пленум ЦК ВКП(б) обосновал дальнейшее разворачивание массовых репрессий в стране. Репрессии и фальсификация обвинительных материалов против бывших оппозиционеров и инакомыслящих начались задолго до февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б). Массовый характер они приняли уже со второй половины 1936 г. Начались аресты никогда не примыкавших к так называемым антипартийным течениям коммунистов и беспартийных из числа руководящих работников, инженеров, техников, рабочих и служащих почти во всех отраслях народного хозяйства. Арестованных искусственно связывали с оппозиционерами, а имевшиеся в их работе недостатки и упущения объявлялись саботажем, вредительством и представлялись как результат вражеской деятельности оппозиции. С докладом по вопросу «Об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» по Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР на пленуме выступил председатель СНК СССР. В.М. Молотов обвинил партийных и хозяйственных руководителей в политической близорукости, делячестве, обывательской беспечности и утверждал, что

[22] ВЦИК СНК. Постановление от 20 мая 1938 года об изменении ст. 23 Уголовного кодекса РСФСР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4142.htm (дата обращения: 25.12.2017).

[23] Червинский П.П. Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц. Томск, 2011. С. 9–101.

вредители имеются во всех отраслях народного хозяйства, во всех государственных организациях. Молотов заявил: «Надо посерьезнее покопаться в вопросах, которые связаны с вредительством»[24].

В принятой резолюции по докладам В.М. Молотова и Л.М. Кагановича говорилось о широком размахе вредительства во всех отраслях народного хозяйства, советские и хозяйственные кадры обвинялись в политической близорукости, отсутствии бдительности, самоуспокоенности и обывательском благодушии[25]. В резолюции по докладу Н.И. Ежова задача разоблачить и разгромить «врагов народа» возлагалась на органы НКВД[26].

С докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на пленуме выступил И.В. Сталин. Чтобы обосновать и оправдать массовые репрессии, он развил выдвинутый им еще в 1933 г. тезис о том, что в период завершения строительства социализма классовая борьба должна все более и более обостряться. «Необходимо, — говорил Сталин, — разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с советской властью. Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»[27]. В докладе Сталина содержались прямые указания карательным органам направить репрессии против партийных кадров.

---

[24] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 18.
[25] Там же. 1994. № 10. С. 3–27.
[26] Там же. 1995. № 2. С. 22–26.
[27] Там же. № 3. С. 11.

После пленума репрессии в стране приняли особенно широкий размах и фактически были направлены не против остатков разбитых эксплуататорских классов и бывших оппозиционеров, а против партийно-советских кадров. Количество арестованных по политическим обвинениям в 1937 г. по сравнению с 1936 г. увеличилось в семь раз[28]. Как никогда широкое распространение получила внесудебная расправа. Для этого в центре и на местах были созданы так называемые тройки и особые комиссии, по решению которых были лишены свободы и расстреляны сотни тысяч невинных людей.

Факты бесхозяйственности, нарушений техники безопасности, преступной халатности и другие подобные явления стали квалифицироваться как вредительство, диверсии или саботаж. В служебной записке И.В. Сталину от наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова 17 ноября 1936 г. сообщалось о вредительской организации на снарядном заводе № 65 в Таганроге. В результате вредительства в производстве снарядов за 9 месяцев 1936 г. брак дошел до 55 %. Вредительство заключалось в расстройстве станочного парка завода, выводе из стоя оборудования, нарушении технологического процесса, неправильной механической обработке корпусов снарядов и применении негодного контрольно-измерительного инструмента. Материальные убытки от брака в 1936 г. составили свыше 2-х млн руб.[29].

В ноябре 1936 г. была вскрыта вредительская организация на заводе «Большевик» в Ленинграде. Нарком Н.И. Ежов сообщал И.В. Сталину 25 января 1937 г., что вредительская организация на заводе является «одним из звеньев контрреволюционных организаций в военной промышленности Ленинграда, руководимых троцкистско-зиновьевским центром… Разрушительная вредительская работа была направлена на срыв мобилизационной готовности завода, на выпуск заведомо недоброкачественной продукции и умышленно тормозилось и срывалось конструирование новых образцов артиллерии»[30].

[28] Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М., 2016. С. 157–166.
[29] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 342. Л. 1, 2.
[30] Там же. Л. 8–38.

Выявленные документы о проблемах серийного производства советского танкостроения в 1934–1937 гг. показывают, что не выполнялся план выпуска продукции, брак порой доходил до 60 %. Практически все проблемы организации танкового производства «списывались» на вредителей в промышленности и управленческих структурах. Исследование исторических документов показало, что оправдывать вредительством неудовлетворительную работу танкостроения было невозможно. И уже к концу 1930-х гг. термины «вредители», «вредительство» исчезают из документации[31].

Материалы Архива Президента РФ содержат значительную часть документов по обозначенной теме. Они показывают, что судебные процессы о вредительстве прошли почти во всех отраслях народного хозяйства. Борьба с вредительством посредством фабрикуемых показательных судебных процессов преследовала главную цель: через страх отмобилизовать усилия других и таким методом стимулировать развитие экономики СССР и в частности военной промышленности. Отчасти это удалось. Предпринятые меры способствовали повышению дисциплины и ответственности работников военной промышленности. К началу Великой Отечественной войны экономические показатели по военной промышленности значительно выросли[32]. Органы ОГПУ–НКВД смогли улучшить состояние охраны предприятий военной промышленности путем удаления из них политически и социально неблагонадежных лиц. Контроль, организованный органами безопасности за объектами военной промышленности, способствовал повышению эффективности контрразведывательной работы на этих объектах.

Вместе с тем, как свидетельствуют выявленные документы, масштабы вредительства и диверсий были не столь значительны. Количество обвиняемых, привлеченных по следственным делам за вредительство по СССР, в 1933 г. составило 38 692 чел., в 1934 г. — 14 864, в 1935 г. — 6 320, в 1936 г. — 2 269, в 1937 г. — 67 710,

[31] Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Советское танкостроение в 1930-х гг.: проблемы становления серийного производства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 40–51.

[32] Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Реализация танковой программы СССР в условиях борьбы с «вредительством» в 1930-е гг. // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 47–61.

в 1938 г. — 44 564, в 1939 г. — 1 445, в 1940 г. — 1 581 чел.[33]. Как правило, на нее сваливали обычную небрежность, халатность, недостаточно квалифицированную работу в управлении военной промышленностью и предприятиями Наркомата оборонной промышленности СССР. Совершенно очевидно, что репрессивная политика, проводимая руководством партии и правительства в военной промышленности, была излишней, так как большинство репрессированных специалистов честно работало на своих постах. Компания, организованная ЦК ВКП(б) по борьбе с «вредителями» в военной промышленности, привела к тому, что многие специалисты были безосновательно привлечены к уголовной ответственности.

Исследование этой темы только начинает изучение кто и за что был осужден, каково количество политических репрессирован, сколько попало в статистику «уголовной примеси», то есть осужденных за хищение государственного имущества, ответственных за аварии с человеческими жертвами, за экономические преступления, которые получили политические статьи и вошли в состав «политических преступников».

Библиографический список

Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968.

Барон Н. Экономическое планирование и государственное насилие накануне Большого террора, 1935–36 гг. // Советская власть — народная власть? Очерки народного восприятия советской власти в СССР. СПб., 2003. С. 202–231.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

Захарченко Г.В. Социально-политическая природа массовых репрессий в СССР // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 6. С. 32–39.

Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории. М., 2012. Вып. 10. С. 303–318.

[33] Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов. С. 137, 143, 148, 155, 161, 166, 170, 175, 182.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 — середина 1930-х годов. М., 2010.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Реализация танковой программы СССР в условиях борьбы с «вредительством» в 1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4. С. 47–61.

Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е., Мельников Н.Н., Мозохин О.Б. Советское танкостроение в 1930-х гг.: проблемы становления серийного производства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 40–51.

Коткин С. Сталинизм как цивилизация (перевод Н.А. Михалева) // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 77–81.

Кудров В.М. Национальная экономика России. М., 2008.

Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе. Опыт переосмысления. М., 1997.

Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии. М., 2001.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ — карающий меч диктатуры пролетариата (ВЧК–ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом). М., 2004.

Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2016.

Мозохин О.Б. Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности Советского государства. М., 2009.

Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М., 2016.

Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК. Советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М., 2012.

Солженицын А.И. Интервью испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: Город. М., 2008.

Червинский П.П. Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц. Томск, 2011.

Kotkin St. Magnetic mountain: Stalinism as a Civilization, Berkeley, 1995.

Kuromia H. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1990.

Kornilov G.E.

"Vrediteli" in the military industry of the USSR in the 1930s: historiographic and source aspects

The study of the topic of sabotage in the USSR does not have a long tradition. The article analyzes the work of Russian and foreign historians, in which it is affected. The insufficient source of research remains a deterrent. The documents of the Archive of the President of the Russian Federation, which allow the deeper understanding of the mechanism of the functioning of the Stalinist regime during the period of its approval, the struggle for economic security, the practical implementation of the proposed variant of accelerated industrialization of the USSR and the role of political repression in this process embodied in the particular in the fight against "pests".

Keywords: *economic security, industry, wrecking, historical sources, historiography*

Личман Борис Васильевич
д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *lichman.bor@yandex.ru*

ПЛАНИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ НА УРАЛЕ (1965–1980 гг.)

УДК 94(470.5)«19»

Планирование отраслевое и территориальное. Роль местных органов власти в территориальном планировании. Централизация планирования и управления предприятиями. Комплексные планы развития Урала, областей, районов.

Ключевые слова: *управление, планирование, совнархоз, партийные органы*

На Урале проблемы планирования развития индустрии проявлялись ярче, чем в других районах страны. Обусловливалось это местной спецификой: высокой насыщенностью предприятий различных отраслей промышленности (в 1970-е гг. на Среднем Урале находились предприятия, подчиненные более 250 министерствам и ведомствам). После ликвидации Уралплана и руководимых им совнархозов: Западноуральского, Среднеуральского и Южноуральского, задача, поставленная директивами XXI–XXVI съездов КПСС о дальнейшем развитии территориально-промышленного комплекса Уральского региона как единого целого, была невыполнима. Централизация управления стала тормозом пропорционального развития Урала.

Ликвидация Уралплана и совнархозов заставило местным органам власти взять на себя их функции и прежде всего обкомов КПСС. Выступая в 1981 г. на XXVII съезде КПСС, секретарь ЦК Б.Н. Ельцин, указывая на ненормальность данного обстоятельства, отметил: «...сила, которая не дает «растащить» общее дело по своим ведомственным квартирам — это партийные органы»[1].

[1] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. — 6 марта 1986 г.: стенограф. отчет. М., 1986. С. 142.

Замечание Б.Н. Ельцина (секретарь Свердловского обкома КПСС во второй половине 1980-х гг.) справедливо, так как структура партийных органов, формировалась со второй половины 1960-х гг. по отраслевому принципу. После ликвидации совнархозов со второй половины 1860-х гг. к местным партийным и советским органам Урала перешла часть их управленческих функций. А это интегрировало партию в экономику, сводило ее политическую роль в отношении промышленных предприятий к усилению командного и хозяйственного регулирования.

Решающее влияние на территориальную систему планирования,управления и организацию индустрии стали оказывать первые секретари обкомов партии:

Курганского — Ф.К. Князев;

Оренбургского — А.В. Коваленко, А.Н. Баландин;

Пермского — Б.Ф. Коротков, Б.В. Коноплев;

Свердловского — К.К. Николаев, Я.П. Рябов, Б.Н. Ельцин;

Челябинского — Н.Н. Родионов, М.Г. Воропаев;

Удмуртского — В.К. Марисов.

Отсутствие государственной организации управления в регионе, каким ранее был Урал план, компенсировалось возрастанием влияния партийных комитетов, встроенных в командно-административную систему. Местные партийные органы после ликвидации совнархозов в 1965 г. стали единственным проводником региональной политики. В литературе распространено мнение Г.Н. Харина и В.В. Сартакова: территориальное планирование после сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС осуществлялось не сверху от Госплана, а снизу. Историки считают, что территориальное планирование прошло несколько этапов: 1) 1966–1968 гг. — перспективные комплексные планы предприятий; 2) 1968–1971 гг. — сведение их в районные и городские; 3) с 1972 г. — сведение всех планов в один[2].

[2] Харин Г.Н. Деятельность партийных организаций Урала по реконструкции тяжелой промышленности в годы восьмой пятилетки, 1966–1970 гг. (на материалах парторганизаций Свердловской и Челябинской областей). Свердловск, 1981; Сартаков В.В. Партийное руководство внедрением научной организации труда, производства и управления в машиностроении Урала 1966–1978 гг. (на материалах партийных организаций Пермской, Свердловской, Челябинской областей). Свердловск, 1988.

Данное положение спорно. Анализ уральского материала приводит к противоположным выводам. Со второй половины 1960-х гг. планирование осуществлялось централизованно. Госплан на словах признавал местную инициативу по развитию территории, а на практике отвергал ее.

Печальна судьба первого на Урале и в стране межведомственного перспективного комплексного плана развития народного хозяйства Свердловской области.

На Среднем Урале высокая концентрация промышленности различной ведомственной подчиненности заставила местные органы власти составить план комплексного развития промышленности города Свердловска на 1971–1975 гг. Основные показатели плана были увязаны с 23 союзными и 92 союзно-республиканскими планами министерств и ведомств и в марте 1971 г. были одобрены Госпланом СССР. Одновременно изменяется законодательство в стране и повышается роль и ответственность местных Советов народных депутатов в решении хозяйственных проблем. Советы получили право координировать (в пределах своей компетенции) работу предприятий, расположенных на подчиненных им территориях. Принятый в 1972 г. «Закон о статусе депутатов», предоставил право депутатам ставить вопрос в Совете и его органах вопрос о проверке работы предприятий расположенных на территории Советов.

В мае 1972 г. бюро Свердловского обкома КПСС и облисполкома приняли решение о подготовке комплексного плана развития всего народного хозяйства Свердловской области на 1976–1980 гг. Решением бюро обкома КПСС был образован Координационный совет по разработке проекта плана. В Координационный совет наряду с областными руководителями вошли ученые и специалисты. Совет имел постоянную рабочую группу. Подобные советы (комитеты) действовали при городских и районных комитетах партии. Всего к разработке комплексного плана развития области (а в резерве области — городских и районных планов) было привлечено свыше 300 организаций, в том числе 140 территориальных и областных хозяйственных организаций.

ЦК КПСС в 1973 г. одобрил работу Свердловского обкома партии и предложил всем плановым и хозяйственным органам

учесть его предложения при разработке планов развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. На Урале были приняты комплексные планы развития в Пермской, Курганской, Челябинской, Оренбургской областях и Удмуртской АССР. В планах была осуществлена увязка деятельности различных министерств и ведомств на территории района, предусмотрено развитие всех отраслей народного хозяйства — транспорта, науки, культуры, производственной и социальной инфраструктуры.

В соответствии с постановлениями XXIV и XXV съездов КПСС партийные и советские органы Урала во второй половине 1970-х гг. начали работу по составлению межотраслевых целевых программ. Были составлены программы: сокращение применения ручного труда, экономия и рациональное использование черных металлов, оптимизация топливно-энергетического баланса, реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий, увеличение производства, расширение ассортимента и улучшение качества товаров народного потребления и др.

В июне 1980 г. Сессия Верховного Совета СССР одобрила и рекомендовала к распространению опыт Советов депутатов трудящихся ряда областей страны, в том числе и Свердловской, по управлению социально-экономическим развитием на основе комплексного долгосрочного плана развития народного хозяйства района[3].

Время показало, что комплексные перспективные планы развития хозяйства отдельных областей нежизненны. Министерства, исходя из своих узковедомственных интересов, выдавая их за общенациональные, нарушали комплексность развития региона. Разработанные планы оставались нереализованными. Требовалось дать реальную власть территориальным органам планирования и управления.

В стране в последней четверти 1970-х гг. силами Академии наук СССР стала проводиться работа по составлению крупнейших региональных комплексных программ: «Урал», «Сибирь», «Океан», «Развитие БАМА» и др., определяющих ускоренное развитие страны на далекую перспективу. Президиум АН СССР в июне 1978 г. рассмотрел узловые вопросы развития произво-

[3] Правда. 1980. 26 июня.

дительных сил Урала. В работе Президиума приняли участие руководители Урала: секретари обкомов КПСС и председатели облисполкомов областей и автономных республик. Президиум АН СССР принял решение о разработке целевых программ по проблемам Урала: «Недра Урала», «Биосфера Урала», «Воды Урала», «Черная металлургия», «Комплексные проблемы машиностроения», «Поверхность Урала», «Химия твердого тела».

Проблемы развития индустрии Урала были обоснованы Уральским научных центром АН СССР и Советом по развитию производительных сил при Госплане РСФСР в программе «Урал» или «Развитие производительных сил Уральского экономического района на период до 1990–2000 гг.».

В мае 1980 г. программа «Урал» была одобрена в Госплане СССР, который признал необходимым разработать комплексную программу «Интенсификация промышленного производства Урала». Жизнь показала, что и эта программа, несмотря на солидное научное обоснование, в условиях отраслевого принципа управления нежизнеспособна. Она разделила участь остальных программ (перспективные комплексные планы народного хозяйства отдельных областей, целевые комплексные программы и др.) — осталась на бумаге.

Таким образом, ликвидация в середине 1960-х гг. Урал плана и совнархозов похоронило территориальное планирование региона. Централизация власти в руках министерств и ведомств и полная зависимость от них местных органов власти свело на нет территориальное планирование и управление производством. Министерства взяли на себя решение всех вопросов планирования и управления, использования доходов своих предприятий, их хозяйственных взаимоотношений.

Библиографический список

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. — 6 марта 1986 г.: стенограф. отчет. М., 1986.

Харин Г.Н. Деятельность партийных организаций Урала по реконструкции тяжелой промышленности в годы восьмой пятилетки, 1966–1970 гг. (на материалах парторганизаций Свердловской и Челябинской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1981.

Сартаков В.В. Партийное руководство внедрением научной организации труда, производства и управления в машиностроении Урала 1966–1978 гг. (на материалах партийных организаций Пермской, Свердловской, Челябинской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988.

Lichman B.V.

Planning of industry development in Urals (1965–1980)

Sectoral and territorial planning. The role of local authorities in spatial planning. Centralization of planning and management of enterprises. Complex plans for the development of the Urals, regions, districts.

Keywords: *Management, planning, economic council, party bodies*

Макарова Надежда Николаевна
к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет (Магнитогорск, Россия)
E-mail: *makarovanadia@mail.ru*

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАГНИТОГОРСКА: ЧИСЛЕННОСТЬ И КАДРОВЫЙ СОСТАВ В 1930-е гг.

УДК 94(470)«19»

В статье рассматриваются становление и развитие ВКП(б) на территории нового индустриального центра в период форсированной индустриализации. Автор предлагает статистический анализ количественного и качественного состава партийной организации города Магнитогорска, а также анализирует социальное происхождение членов ВКП(б), половозрастной состав, национальный состав, уровень образования и партийный стаж. В статье уделяется внимание структуре парторганизации города. Роль крупного промышленного центра диктовала наличие в структуре партийной организации города строительных, городских и военных партийных ячеек. В большинстве населенных пунктов СССР к началу 1930-х гг. на смену «старым партийцам» пришли новые кадры, представлявшие собой либо воспитанную новой властью молодежь, либо уже взрослых людей, вступивших в РКП(б) с целью получения соответствующих привилегий. В Магнитогорске «старые партийцы» изначально не составляли большинства в партии, а молодежь, оторванная от привычного социального окружения и заброшенная в круговорот официального дискурса выступала актором в формировании социалистической идентичности. Но в обоих случаях члены партии города Магнитогорска были максимально апологетичны формирующемуся режиму, что обеспечивало надежную поддержку линии Центрального Комитета ВКП(б).

Ключевые слова: *коммунистическая партия, Магнитогорск, партийное руководство, индустриализация, Урал*

Заявление И.В. Сталина о том, что «кадры решают все» перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. и иные высказывания вождя о кадрах продолжали тенденции в кадровой политике, заложенные В.И. Лениным. По мнению Т.И. Морозовой «подбор и расстановка кадров являлись альфой и омегой организацион-

ных принципов, на которых В.И. Ленин построил партию нового типа, благодаря которым он привел большевиков к власти и, используя которые, учил их управлять советским государством». Действительно с момента создания партии внимание к ее составу было значительным. Однако в историографии внимание этому вопросу стали уделять относительно недавно. В советское время исследователи изучали вопросы подготовки и выдвиженчества, прежде всего, низовых партийных работников. Началу активного исследования руководящего состава большевистской партии и политических процессов, происходивших на высшем и региональном уровнях партийной власти, способствовали события рубежа 1980–1990-х гг. В постсоветской историографии появился ряд публикаций, посвященных партийно советской бюрократии, номенклатуре и элите всего Советского Союза[1] и отдельных его регионов[2]. Внимание к партийным организациям конкретных городов демонстрируют отдельные исследования локального характера. Однако внимание к региональным и местным особенностям создания и работы партийных организаций позволяет воссоздать целостную картину функционирования партии. Магнитогорск как первенец советских пятилеток и образец социалистического образа жизни должен был демонстрировать эталонные показатели партийной работы. Данная статья ставит своей целью изучение количественного и качественного состава партийной организации города, что позволит определить компетентность членов партии и соответствие партийного состава города идеи «новый город — новый человек».

В первые дни строительства Магнитогорского металлургического завода на территории будущего города начала формиро-

[1] Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998; Саранцев Н.В. Большевистская властвующая элита: возникновение, становление и трансформация, 1900–1939. Саратов, 2001; Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011.

[2] Павлова И.В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 70–88; Паско М.Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) во второй половине 1920-х годов: численность и состав // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории. Новосибирск, 2000. С. 120–131; Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

ваться партийная организация. Первым секретарем партячейки стал Бризгалов. Официальной датой создания парторганизации Магнитогорска принято считать 1 июля 1929 г., когда 49 членов и кандидатов в члены ВКП(б) создали местную партийную структуру. Возглавил ее И. Власов. В мае 1930 г. на партийной конференции Магнитного РК ВКП(б) секретарем был избран И.И. Хвастунов. Уже в июле этого же года состоялась первая партийная конференция Магнитогорска, в ходе которой делегаты обсудили итоги XVI съезда ВКП(б) и была принята резолюцию «О состоянии партийной работы на Магнитострое». Секретарем парторганизации города был Румянцев. На третьей партконференции в мае 1931 г. секретарем горкома ВКП(б) был избран Ф.И. Каркалин (21 мая 1931 — 15 января 1934). С января 1934 г. по 29 декабря 1936 г. этот пост занимал В.В. Ломинадзе; в период с 29 декабря 1936 г. по 8 июня 1938 г. — Р.М. Хитаров, затем А.М. Семенов (8 июня 1938 г. — 9 марта 1940 г.) и с 9 марта 1940 г. П.В. Корнилов.

Партийная организации Магнитогорска росла интенсивно. Так, если на 1 января 1930 г. ее рядах значилось 240 чел., то уже через год 2 624 чел. По данным на 1 октября 1931 г. партийная сеть Магнитогорской партийной организации состояла из 7 парткомов на строительстве, имеющих 47 уставных ячеек, которые объединяют 20 звенячеек и 157 партгрупп (из них 30 сменных); 30 рабочих ячеек, имеющих 28 неуставных звеньевых ячеек и 33 партгруппы; 13 партгрупп, а также учрежденческих ячеек, которые объединили 12 звенячеек (неуставных) и 71 партгруппа. В числе их 2 партколлектива. ЦРК объединил 7 цеховых, 1 звеньевую ячейку и 57 партгрупп, а также Заводоуправление, которое объединяет 1 звенячейку и 11 партгрупп. Кроме того, на территории города действовали два военных партколлектива (ВОКР и ВПО), которые объединяли — первый 4 ротных ячейки; второй 5 участковых ячеек. В районе действовал 1 партком Магнитного зерносовхоза, имеющий 10 уставных ячеек и 7 партгрупп, а также 1 сельская (Магнитная) ячейка и 1 колхозная (Агаповская) ячейка. Всего по парторганизации числилось 8 парткомов, имеющих 57 уставных ячеек и 184 партгруппы; 30 рабочих ячеек, 28 неуставных

и 33 партгруппы; 13 учрежденческих, 12 неуставных и 71 партгруппа; 2 военных, 9 неуставных; 3 учрежденческих групп[3].

Поступательный рост рядов парторганизации наблюдался в период с 1929 по 1 сентября 1932 г., когда в рядах парторганизации города числилось 8 597 чел. В последующие годы численность рядов организации постоянно менялась, преимущественно в сторону сокращения. Объяснить подобное движение численного состава парторганизации Магнитогорска можно несколькими моментами. Во-первых, в 1929–1930 гг. перед местным партийным руководством стояла первоочередная задача создания парторганизации как таковой, следовательно, было необходимо привлекать в ее ряды как можно большее число горожан. Во-вторых, в конце 1920 — начале 1930-х гг. численность ВКП(б) продолжала быстро увеличиваться в СССР за счет массовых наборов рабочих от станка и благодаря тем привилегиям, которые были им созданы при приеме в партию. На основании устава ВКП(б), принятого XIV съездом, число необходимых рекомендаций для промышленных рабочих сокращалось с трех до двух, а стаж рекомендующих — с трех до одного года. Вступающие в партию по второй категории (трудящиеся крестьяне) должны были представить при приеме в партию три рекомендации коммунистов с двухлетним (вместо трехлетнего) стажем. Для интеллигенции, служащих и выходцев из других партий условия приема, напротив, усложнялись.

При этом качественный состав коммунистов отражал социальный и культурный уровень рабочего класса того времени. Статистика свидетельствует, что с 1920 по 1929 г. численность рабочего класса увеличилась в пять раз. Преимущественно новые рабочие рекрутировались из числа крестьянской молодежи. Эта же тенденция характерна для Магнитогорска, где весомую долю от строителей и жителей города составляли недавние крестьяне. Наличие крупной железорудной базы определило стратегию развития Магнитогорска, однако станица Магнитная и другие близлежащие деревни и села не обладали достаточным демографическим ресурсом для интенсивного развития города и освое-

[3] ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 53. Л. 43.

ния природных богатств (в 1929 г. здесь проживало 18 816 чел.)[4]. Поэтому важнейшим источником формирования демографической базы Магнитогорска стали миграции. Крупномасштабные перемещения населения получили распространение по всему Советскому Союзу. Среди источников пополнения рабочей силой Магнитостроя стоит отметить движение добровольцев, ехавших по зову сердца на ударную стройку страны; организованные наборы из Уральского региона и из Европейской части СССР[5]. Важным каналом пополнения трудовых ресурсов стал организованный набор рабочих по договорам с колхозами. Подобная практика получила в масштабах СССР широкое распространение.

Уровень общей грамотности, не говоря уже о политической подготовленности среди членов и кандидатов в члены партии был крайне низким. Образование секретарей парткомов, партколлективов и их заместителей, а также секретарей партячеек, т. е. руководящего состава парторганизации Магнитогорска оставляло желать лучшего. Так, по данным на 1932 г. высшее образование имели лишь 1,4 % партийных руководителей; среднее — 4,4 %; домашнее образование получили 2,9 % человек, а остальные (91 %) имели низшее образование, что означало фактически минимальные навыки чтения и письма. Если рассматривать политическое образование магнитогорских партработников, то показатели готовности к работе были чуть лучше: низшие политшколы окончили 42,6 % руководителей, средние — 23,5 %, высшие — 13,2 %. Без какого-либо политобразования работало 20,5 % руководящих сотрудников парторганизации Магнитогорска. Таким образом, необходимыми минимальными политическими знаниями обладали в магнитогорской парторганизации практически 80 % сотрудников[6]. Однако среди парторгов Магнитогорска уровень грамотности был еще ниже, в том числе и политической грамотности. Так, в

---

[4] Кучер В.Н. Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. С. 43.

[5] Сержантов В.Г. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки (Из истории борьбы советского народа за строительство Магнитогорского металлургического комбината) // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск, 1969. С. 102.

[6] Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 90. Л. 117.

1932 г. среди парторгов города высшее образование имели лишь 0,18 %, среднее — 0,56 %, низшее — 99,2 %[7]. Статистика в отношении политобразования выглядела незначительно лучше. Высшие политшколы окончили 0,18 % парторгов города, средние — 5,4 %. Остальная масса парторгов получила политические основы знаний в низших партийных школах города[8]. Интересен тот факт, что получение образования в Комвузе Магнитогорска было в принципе доступно даже для иностранцев, работавших в городе в 1930-е гг.

Социальное положение названных выше категории партийных руководителей должно было хотя бы формально соответствовать стандарту, заявленному государством. В результате статистические отчеты разных лет дают среднюю цифру по социальному происхождению: около 70–75 % рабочие, 22–25 % — крестьяне, остальные — служащие[9]. Статистика показывает, что директива партии о приеме 90 % рабочих от станка в промышленных районах в парторганизацию Магнитогорска не была выполнена. «Улучшение социального лица парторганизации идет чрезвычайно медленно». Так, на 1 апреля 1931 г. в составе партийной организации Магнитогорска числилось 77,2 % служащих и 20,8 % прочих, а в Березниках рабочие от станка, принятые в партию составляли 94,3 %, служащие и прочие — 2 %.

Основным недостатком наполнения партии в городе, сама парторгнизация называла «компанейщину в деле вербовочной работы». Большая часть принятых в партию была завербована преимущественно в результате массовых кампаний, таких как Ленинские дни, первомайские и октябрьские праздники. Руководство магнитогорской парторганизацией требовало «планомерной, систематической, повседневной работы». Еще один недостаток, который называли в официальных документах относительно пополнения партийных рядов, это «механический прием в партию, погоня за количеством, а не за качеством»[10]. Механизм приема в партию являлся предметом пристального внимания партийных структур. В ходе партийных чисток неоднократно «выявляли» «искажения директив» ВКП(б).

[7] Рассчитано по: Там же. Л. 118.
[8] Рассчитано по: Там же.
[9] Рассчитано по: Там же.
[10] Там же. Д. 53. Л. 84.

В частности, на деревообрабатывающем комбинате города, в партию приняли нормировщика, который в автобиографии писал о том, что он «обыватель, не имеющий никакой цели, что он от партии рабочего класса отгорожен какой-то стеной и, чтобы эта стена рухнула, он просил принять его в партию»[11]. На доменном производстве в партию приняли 25 человек по первой категории, тогда как они совсем недавно пришли работать на производство из деревни.

Национальный состав Магнитогорской партийной организации соответствовал пестрому этническому составу города. Статистические отчеты о движении парторганизации Магнитогорска свидетельствуют о том, что при приеме в парию новых членов строго выдерживался этнический состав. Иначе говоря, каждый набор в партию включал около 75–80 % русских по этнической принадлежности, а оставшиеся 20–25 % распределялись между украинцами (12–17 %), белорусами (3–4 %), татарами (2–4 %), башкирами (1–3 %), чувашами, мордвой, поляками, прибалтами, немцами и евреями (не более 2 %)[12].

Аналогичная политика проводилась в отношении полового состава партийной организации города. В разное время в партийной организации Магнитогорска доля представительниц слабого пола составляла от 7 до 15 % от общего числа членов организации[13]. Так, по данным на 1 июля 1930 г. в парторганизации города женщины составляли 9,5 %; 1 октября 1930 г. — 9,6 %; 1 января 1931 г. — 8,7 %; 1 апреля 1931 г. — 8,2 %; 1 июля 1931 г. — 8,5 %; 1 октября 1931 г. — 8,7 %[14].

Новобранцы городской парторганизации преимущественно были молоды. В возрасте до 35 лет в парторганизации Магнитогорска числилось в разные годы от 76,47 % до 86,76 % человек. Если же говорить о парторгах, то здесь процент молодежи был еще выше. Так, в 1932 г. из 536 парторгов Магнитогорска 3,73 % составляли люди в возрасте до 20 лет; 21 % — от 21 до 25 лет; 35,8 % — от

[11] Там же. Л. 86.

[12] Рассчитано по: ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 25–393.

[13] Рассчитано по: Там же.

[14] Рассчитано по: Там же. Д. 53. Л. 11, 34, 36, 38–42, 58, 64; Д. 60. Л. 21, 26; Д. 61; Д. 89; Д. 90. Л. 15, 74, 117, 118, 215, 216; Д. 101; Д. 103. Л. 10; Д. 107; Д. 113; Д. 143. Л. 89, 100; Д. 347. Л. 6–9; Д. 393.

26 до 30 лет; 21,2 % — от 31 до 35 лет; 9,7 % от 36 до 40 лет; и 4,1 % — старше 40 лет[15]. Таким образом, более 50 % партогов были представителями молодого поколения в возрасте до 30 лет, чье становление как личности и второй этап социализации пришелся на постреволюционные годы. Не удивительно, что и партийный стаж лишь у небольшого числа коммунистов Магнитогорска начался до 1917 г. или в первые годы существования Советской власти. В 1932 г. дореволюционным партийным стажем обладали лишь 2,9 % партийных организаторов в Магнитогорске. В период с 1917 по 1920 г. в партию вступили 23,5 % будущих парторга Магнитки. Основная доля членов партии пополняли ряды ВКП(б) в течение 1920-х гг. (66,1 %)[16]. Если рассматривать аналогичную статистику среди рядовых членов партии, а не офицерского состава, как любил говорить И.В. Сталин, имея ввиду руководящие кадры, то стоит отметить, что дореволюционным стажем среди членов партии Магнитогорска в 1932 г. никто не обладал. В 1920-е гг. в партию вступили 41,4 % будущих магнитогорцев. Основная доля членов партии магнитогорской парторганизации пополнили ряды ВКП(б) в 1931–1932 гг. (55,2 %)[17].

Большая часть принятых в партию магнитогорцев имели незначительный стаж работы (от года до трех лет). Следовательно это были недавние крестьяне, попавшие в новый индустриальный центр в поисках лучшей доли. Трудовым стажем от трех до пяти лет также обладал невысокий процент магнитогорцев. Преимущественно это были рабочие, набранные организованным порядком на строительство металлургического гиганта. Стаж более 15 лет в Магнитогорске был большой редкостью. Приняв за точку отсчета 1931 г. легко можно понять, что 4,5 % членов партии начали свой трудовой путь еще до революции, что в условиях будущих партийных чисток, несомненно, являлось «пятном в биографии».

В целях повышения партийной грамотности в Магнитогорске, как и по стране в целом, крайне интенсивно проводилось партийное просвещение. Использовались самые разнообразные формы работы,

[15] Рассчитано по: Там же. Д. 25–393.
[16] Рассчитано по: Там же. Д. 90. Л. 117.
[17] Рассчитано по: Там же. Л. 118.

одной из основных форм при этом оставались партийные школы. Партшколы были разных видов: начальные, школы-бригады, сменные, нацменовские и женские. Типология школ ясно дает понять, что партийные структуры стремились охватить как можно большее число слушателей с разным уровнем подготовки, знания языка и занятости. Параллельно со школами в Магнитогорске действовали кружки по изучению истории партии и марксизма-ленинизма.

Официальный дискурс практически регулярно отмечал перевыполнение программ партшколами. Так, в 1931 г. перевыполнение программ составило 8 % в январе, 17 % в феврале, 29 % в марте[18]. При этом прогулы в партшколах были делом привычным. Хотя официальная статистика демонстрирует незначительные процент пропусков занятий, но можно предположить, что он был выше, а официальные структуры его намеренно занижали. Так, в январе, феврале, марте и апреле 1931 г. процент прогулов партшколах Магнитогорска составлял 1,4; 0,86; 0,76; 0 % соответственно[19].

Агитационно-массовый отдел ГК ВКП(б) настаивал на создании агитколлективов, которые должны были не реже одного раза в пять дней проводить агитационные занятия. В результате 7 июня было организовано 87 агитколлективов при 18 партийных организациях Магнитогорска. В их рядах состояло 1 670 человек[20]. Среди проведения значительно числа партийных мероприятий, важнейшей задачей агитколлективов в частности и агитмассового отдела ВКП(б) в целом, было проведение демонстраций и митингов. Поводом к проведению последних служили не только важные советские праздники (первомайские, октябрьские), трудовые достижения строителей и металлургов города (пуск домны; выплавка очередной крупной партии металла), но и такие события как второй тираж займа третьего решающего года пятилетки, смотр сил ударников и прочее[21].

Партийная чистка в Магнитогорске представляла собой практически не прекращающийся процесс, хотя в памяти магнитогорцев, да и в большинстве исследований остался печальный 1937 г.

[18] Там же. Д. 60. Л. 28.
[19] Там же.
[20] Там же. Д. 103. Л. 10.
[21] Там же. Л. 11.

Хочется отметить серию публикаций А.Г. Дорожкина, посвященные партийной чистке в Магнитогорске в 1933 г. по материалам периодической печати. Ранее такой аспект не рассматривался исследователями. Однако чистки в Магнитогорске были и в более ранний период, в частности в 1930 г. В это время партия Магнитогорска находилась на стадии активного роста. Так, 1 января 1930 г. в ВКП(б) Магнитогорска состояло 240 чел., а через год — 1 января 1931 г. — численность парторганизации города составила 2 624 чел., то есть число членов партии по отношению к населению города составляло 3,7 %. Среди поводов для исключения из партии выступали преимущественно «пьянство, халатное отношение к работе, грубое отношение к персоналу...», а также социальное происхождение. Последнее при этом оценивалось не слишком категорично. Так, в отношении дочери священника члены магнитогорской парторганизации говорили о том, что «надо судить их по теперешней работе. Разве она виновата в том, что родилась дочерью священника. Если б это от нее зависело, она бы, наверное, не родилась (sic!). Кроме того, никто не обратил внимание на то, что когда ее отец умер, ей было два года. Нужно судить по ее работе»[22].

В целом можно отметить, что большинство членов и кандидатов в члены партии в Магнитогорске были молодыми людьми, не обладавшими серьезным партийным и трудовым стажем, которые вступили в партию в результате массовых наборов начала 1930-х гг., когда одной из задач руководителей города, да и страны в целом, было необходимо создать очередной миф о Магнитке, о ее энтузиастах строителях — комсомольцах и членах ВКП(б)[23]. Партийная чистка 1933 г. показала, что среди исключенных оказалось много горожан, обвиненных в пассивности. Низкий образовательный уровень в целом был типичен парторганизации города. Структура самой партии по социальному, национальному и половозрастному составу в основном соответствовала критериям, спускаемым сверху, и способствовала поддержанию идеи о новом городе и новом человеке в Магнитогорске.

[22] Там же. Д. 23. Л. 149об.
[23] Там же. Д. 393. Л. 1.

Библиографический список

Кислицын С.А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011.

Кучер В.Н. Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003.

Павлова И.В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 70–88.

Паско М.Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) во второй половине 1920-х годов: численность и состав // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000. Новосибирск, 2002. С. 120–131.

Пашин В.П., Свириденко Ю.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998.

Саранцев Н.В. Большевистская властвующая элита: возникновение, становление и трансформация, 1900–1939. Саратов, 2001.

Сержантов В.Г. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки (Из истории борьбы советского народа за строительство Магнитогорского металлургического комбината) // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск, 1969. С. 99–149.

Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

Makarova N.N.

Party organization of Magnitogorsk: number and staff in the 1930s

The article discusses the formation and development of the CPSU(b) on the territory of the new industrial center in the period of accelerated industrialization. The author provides a statistical analysis of the quantitative and qualitative composition of the party organization of the city of Magnitogorsk, and also analyzes the social origins of members of the CPSU(b), age-sex composition, ethnic composition, education level and party experience. The article focuses on the structure of the party organization of the city. The role major industrial center dictated the presence in the structure of the party organizations of the city construction, municipal and military party cells. In the majority of settlements USSR in the 1930s. To replace the “old party members” came with the new frames, representing either a new power-mannered young people, or adults who joined the RKP(b) to obtain the corresponding privileges.

In Magnitogorsk the “old party” did not initially accounted for most in the party, and the youth, cut off from familiar social surroundings and thrown into a cycle of the official discourse was the actor in the shaping of the socialist identity. But in both cases, the members of the party of the city of Magnitogorsk was the most apologetic emerging regime that provides reliable support line of the Central Committee of the CPSU(b).

Keywords: *Communist party, Magnitogorsk, the party leadership, the industrialization of the Urals*

Мамяченков Владимир Николаевич
д.и.н., профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Института государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет; профессор кафедры государственного и муниципального управления Института экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *mamyachenkov@mail.ru*

…И ВСЕ-ТАКИ ЗАСТОЙ БЫЛ!

УДК 94(47).084.9+338.124.4:31

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, касающиеся «застойного» периода истории СССР. Утверждается, что анализ динамики уровня потребления населением продуктов питания дает возможность оценить и состояние экономики в целом. Делается вывод, что стагнация экономики СССР в 1970-х — 1980-х гг. имела место.

Ключевые слова: *Советский Союз, Свердловская область, стагнация, продукты питания, потребление*

Двадцатилетний период истории Советского Союза (1964–1984), когда во главе страны стоял Л.И. Брежнев и ненадолго его сменившие Ю.В. Андропов и К.У. Черненко в научной литературе (а в ненаучной — в особенности) нередко именуют «застойным». Применительно к упомянутым годам этот термин подразумевает, прежде всего, замедление темпов экономического роста и хроническую стагнацию всех сфер жизни громадной страны, считавшейся в то время одной из двух сверхдержав. За этим «застойным» периодом, как известно, последовал беспрецедентный социально-экономический кризис, приведший в декабре 1991 г. к самоликвидации СССР.

Как нам представляется, одной из главных причин упомянутых выше событий было то обстоятельство, что руководство страны слишком поздно решилось на проведение рыночных реформ. Что же касается проблемы органической ущербности командно-административной модели экономики, функционировавшей в Советском Союзе, то ей посвящен весьма обширный пласт отечественной и зарубежной литературы. При этом многочисленные

авторы этих трудов подробно проанализировали и многочисленные недостатки, и очень немногие (притом — довольно сомнительные) достоинства данного типа экономического устройства общества. Да и сам факт того, что современная Россия позиционирует себя как страну с рыночной структурой экономики, казалось бы, говорит сам за себя.

Но, несмотря на все это, в последние годы в нашей стране растет количество изданных статей и монографий, авторы которых не только упорно продолжают отстаивать тезис об отсутствии стагнации экономики СССР в указанные «застойные» годы, но и пытаются доказать наличие у нее неких блестящих перспектив дальнейшего развития. Примером тому может служить изданная в 2015 г. под весьма претенциозным названием монография Д.О. Чуракова[1]. В данном труде, подводя итоги правления Брежнева, автор, ничтоже сумняшеся, сделал такой вывод: «<...> Советский Союз вовсе не переживал время упадка, застоя, кризиса или осени <...> Наоборот, СССР уверенно вступал в полосу своего рассвета? [знак наш. — *В. М.*], своего высшего могущества». Что же касается последующих крайне печальных для страны событий, то Чураков всю вину за них возлагает (что абсолютно предсказуемо для «исследований» такого рода) на «<...> внутренние и внешние силы зла: от голливудского монстра Рейгана до местной карикатурной Новодворской»[2].

В настоящей статье мы попытались на материалах Свердловской области доказать наличие стагнационных явлений в экономике СССР в 1970-х — 1980-х гг., использовав для этого цифровые данные бюджетных обследований населения, ежегодно проводимых на Среднем Урале еще с 1920-х гг. Именно архивные материалы указанных обследований, хранящиеся в текущем архиве Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (ТОФСГССО) и послужили источниковой базой нашего небольшого исследования.

Из обширного массива данных бюджетных обследований мы ограничились выборкой цифр, характеризующих уровень потре-

---

[1] Чураков Д.О. СССР при Брежневе: Правда великой эпохи. М., 2015.
[2] Там же. С. 292–293.

бления населением Среднего Урала продуктов питания. При этом логика наших суждений сводится к тому, что любые стагнационные явления неизбежно (и прежде всего) отражаются на уровне потребления продовольствия. Таким образом, оценивая динамику уровня этого вида потребления и сравнивая при этом характеризующие его данные с рекомендуемыми рациональными нормами, можно, по нашему мнению, в известной мере оценить и экономическое состояние страны в целом. Что же касается названных рациональных норм, то, насколько нам известно, они впервые появились в СССР в виде рекомендаций в 1960-х гг. и служили ориентирами для диетологов вплоть до опубликования приказа Минздравсоцразвития РФ № 593Н от 2 августа 2010 г., который их оптимизировал (табл. 1).

Как нетрудно заметить по таблице, «оптимизация» норм питания выразилась, прежде всего, в снижении объемов потребления почти всех видов продуктов. В 2016 г. эти нормы почти в точности были подтверждены приказом Минздравоохранения РФ, по поводу чего бывший начальник департамента развития агропромышленного комплекса правительства РФ доктор экономических наук Л. Холод не без сарказма заметил: «Создается впечатление, что новые нормативы установлены, чтобы привести их в соответствие с реальным производством»[3]. Думается, что такое конспирологическое по сути предположение может быть недалеко от истины.

Для анализа уровня потребления продуктов питания мы выбрали семьи рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области, и сделали это по двум причинам. Первая — это то, что указанные две категории населения были наиболее многочисленными в исследуемый нами период: например, в 1990 г. их численность составила примерно 1 007 тыс. человек, что составило около 22 % всего населения области и 44 % всех работающих в ее экономике[4]. Вторая же причина — это, что в 1970-х — 1980-х гг. только эти две категории достаточно подробно и репрезентативно обследовались статистическими органами.

---

[3] Российская газета. 2016. 25 авг.

[4] Свердловская область в цифрах. 1981–1985. Свердловск, 1987. С. 3; Свердловская область в цифрах. 1986–1990. Екатеринбург, 1991. С. 21 (расчеты автора).

Таблица 1

Динамика изменений рациональных норм среднедушевого потребления основных продуктов питания населением СССР*, *кг/год*

Наименование продуктов	Годы и нормы потребления		
	1960-е — 1990-е гг.	2010 г.	2016 г.
Хлеб, крупа и макаронные изделия	120	95–105	96
Картофель	95	95–100	90
Овощи и бахчевые	164	120–140	140
Фрукты и ягоды свежие	110	90–100	100
Сахар	40–44	24–28	24
Мясо и мясопродукты	90–100	70–75	73
Рыба и рыбопродукты	16	18–22	22
Молоко и молочные продукты	481	320–340	325
Масло растительное и другие жиры	10	10–12	12
Яйца, шт.	365	260	260
Соль поваренная	—	—	4

* Составлено по: Гарант.ру: Информационно-правовой портал. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 02.08.2010 г. № 593Н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания»; Приказ Минздравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания». URL: http://garant.ru (дата обращения: 02.01.2018); Матюха И.Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967. С. 129.

В таблице 2 представлены данные среднедушевого потребления основных продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области в 1969–1991 гг. Для наглядности мы представили данные таблицы еще и в графическом виде (графики 1 и 2).

По таблицам 1, 2 и графикам хорошо видно, что имел место явный застой и даже деградация в потреблении продуктов питания населением, начавшиеся примерно с середины 1970-х гг. (именно к этому сроку полностью угасли последние импульсы «косыгинских» реформ). Можно констатировать, что уже в конце 1960-х гг. на Среднем Урале прекратился рост потребления рыбопродуктов и сахара — до конца исследуемого периода на-

блюдалось только постепенное снижение этого потребления. А в середине 1970-х — начале 1980-х гг. аналогичный процесс стал происходить с потреблением и большинства других продуктов (прежде всего — мясомолочных).

Таблица 2

Среднедушевое потребление основных продуктов питания в семьях рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области в 1969–1991 гг.*, *кг*

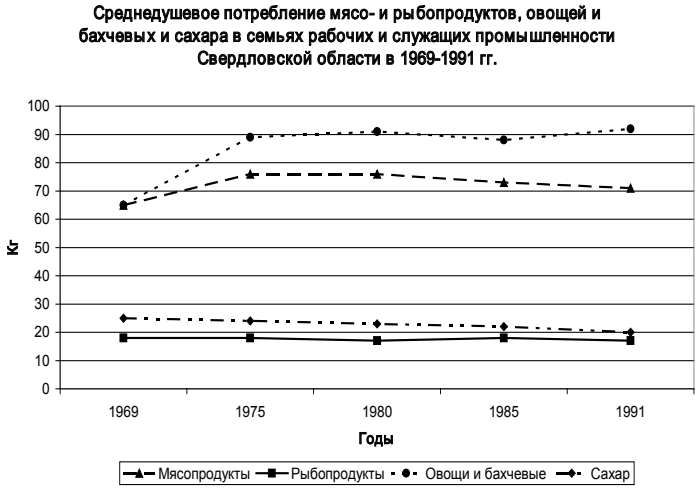
Годы	Наименование продуктов										
	мука и хлеб (в пересчете на муку)	картофель	овощи и бахчевые	фрукты, ягоды и цитрусовые свежие (кроме винограда и консервов)	фрукты и ягоды сушеные	сахар	кондитерские изделия (включая мед)	мясопродукты	рыбопродукты	молокопродукты	яйца, *шт.*
1969	117	111	65	22	1,9	25	17	65	18	369	160
1975	102	101	89	27	1,5	24	22	76	18	432	306
1980	100	97	91	21	1,4	23	26	76	17	397	278
1985	88	87	88	27	1,4	22	24	73	18	386	246
1991	94	90	92	24	1,1	20	28	71	17	337	253
1993**	221	132	113	24	2,6	52	27	88	27	423	357

* Составлено по: Текущий архив ТОФСГССО. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969–1978 гг. Табл. 7; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979–1993 гг. Табл. 21 (расчеты автора).
** Для справки.

Правда, если посмотреть на представленные данные с позиций рациональных норм потребления нашего времени (см. табл. 1), то все вышесказанное вроде бы предстает совсем в другом свете. Но здесь надо учесть два принципиальных момента. Первый — это то, что показатели уровня потребления рабочих и служащих промышленно развитой Свердловской области превышали (порой значительно) аналогичные показатели ряда других категорий населения, прежде всего — сельских жителей, а также младшего и среднего медперсонала, учителей и других. Второй же момент — это многочисленные свидетельства современников о

наличии явного дефицита большинства товаров, что во многом противоречит благополучным данным официальной статистики.

График 1



Составлено по: Текущий архив ТОФСГССО. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969–1978 гг. Табл. 7; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979–1993 гг. Табл. 21 (расчеты автора).

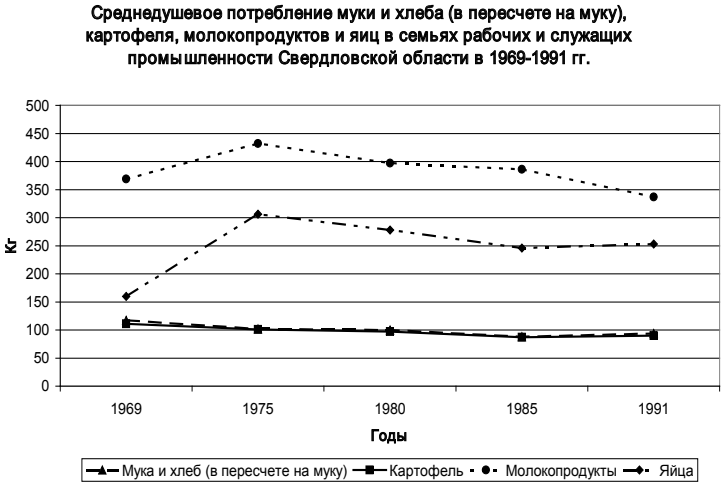
Так, в 1973 г. работник ЦК КПСС А.С. Черняев (в дальнейшем — помощник Президента СССР М.С. Горбачева) так охарактеризовал продовольственную ситуацию на Урале: «В Перми… мясо дают по талонам один раз в неделю — в пятницу, и уже не в магазинах, а распределяют по предприятиям». А подводя итоги года, он сделал следующую запись: «Экономика — в состоянии депрессии. Но не той, которая свойственна обновляющей ее цикличности капиталистической экономики. Это было начало стагнации и необратимого упадка»[5].

Более подробно об этом времени написал Л.М. Млечин: «В стране нарастало глухое раздражение, в первую очередь из-за

[5] Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2010. С. 80, 125.

отсутствия продуктов и элементарных товаров. Снижалось качество жизни. Во многих областях прошли настоящие забастовки, о которых говорилось только в закрытых партийных документах. Купить было почти ничего невозможно. Все стало дефицитом, и все приходилось доставать через знакомых или переплачивая сверх меры. Дефицит уходил на черный рынок. Деньги сами по себе теряли смысл. Экономика возвращалась к средневековому обмену товарами и услугами. Теневая экономика процветала. В крупных учреждениях кое-что распределяли через систему так называемых заказов. Некоторые продукты исчезли вовсе. В городах вводили талоны на мясо и масло. Народ устремился в Москву за продуктами»[6].

График 2



Составлено по: Текущий архив ТОФСГССО. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969–1978 гг. Табл. 7; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979–1993 гг. Табл. 21 (расчеты автора).

Об обеспеченности Свердловской области продуктами питания в одном из секретных документов обкома КПСС от 1978 г. говорилось следующее: «**Торговля мясом в области не производится**

[6] Млечин Л.М. Брежнев. СПб., 2016. С. 512.

[выделено нами. — *В. М.*]. В продаже имеются [только] колбасные изделия, ассортимент которых ограничен. В отдельных городах Свердловской области торговля ими производится с перебоями <...> Торговля молоком и маслом во многих городах области производится с перебоями, их не хватает на полный день. Практически отсутствует творог, крайне недостаточно молочно-кислых продуктов <...>»[7].

В то же время из-за несбалансированного питания значительная часть населения страны страдала различными формами ожирения. В связи с этим 14 апреля 1982 г. председатель Совета министров Н.А. Тихонов объявил на совещании в ЦК КПСС, что «Наш народ по калорийности питается свыше нормы»[8]. Но данное утверждение опровергается опять-таки цифрами бюджетной статистики: если в 1975 г. среднедушевая энергетическая ценность продуктов, потребленных в семьях рабочих и служащих промышленности Свердловской области составила около 3 000 ккал, то в 1991-м — всего лишь около 2 600 (см. табл. 3).

Таблица 3

Химический состав и энергетическая ценность продуктов питания, потребленных семьями рабочих и служащих промышленных предприятий Свердловской области в 1969–1991 гг.*, *г/сут./душу*

Годы	Всего потреблено			Энергетическая ценность потребленных продуктов, *ккал*
	белков	жиров	углеводов	
1969	107	102	521	2 932
1975	93	98	413	3 013
1980	85	102	381	2 873
1985	75	98	342	2 565
1991	74	97	361	2 606
1993**	118	168	704	4 786

* Составлено по: Текущий архив ТОФСГССО. Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1969-1978 гг. Табл. 16; Динамические ряды по рабочим и служащим промышленности 1979–1993 гг. Табл. 22.

** Для справки.

[7] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 212. Л. 81–82.

[8] Млечин Л.М. Указ. соч. С. 478.

Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что стагнация (или «застой», как часто именуют это явление) действительно имела место уже с конца 1960-х гг. При этом снижение потребления продуктов питания происходило до начала 1990-х гг., когда благодаря «шоковой» терапии (многократно критикуемой в научной и популярной литературе), тем не менее, произошел всплеск потребления продовольствия (см. табл. 3).

Нашу статью мы завершим словами известного военного деятеля СССР, генерал-майора ракетно-космических войск Г.И. Казыдуба: «Видно, долго еще будут слышны ностальгические вздохи по тому времени, живет мнение, что никакого застоя не было, что люди трудились, жили, рожали. Всем было с покойно, сытно и даже радостно. Что получили взамен? Нищету, криминал, развал всего, вплоть до государства»[9].

Библиографический список

Казыдуб Г.И. Семь главкомов. М., 2004.

Матюха И.Я. Статистика бюджетов населения. М., 1967.

Млечин Л.М. Брежнев. СПб., 2016.

Черняев А.С. Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2010.

Чураков Д.О. СССР при Брежневе: Правда великой эпохи. М., 2015.

Mamyachenkov V.N.

...And yet it was stagnant!

The article discusses debatable questions concerning the “stagnant” period of the history of the USSR. It is alleged that the analysis of the dynamics of the level of consumption of food by the population makes it possible to assess the state of the economy as a whole. It is concluded that the stagnation of the Soviet economy in the 1970s and 1980s took place.

Keywords: *Soviet Union, Sverdlovsk Region, stagnation, food products, consumption*

[9] Казыдуб Г.И. Семь главкомов. М., 2004. С. 290.

Мельников Никита Николаевич
к.и.н., доцент, с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *meln2011kit@gmail.com*

«ВРЕДИТЕЛИ» В ВОЕНПРОМЕ: РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР НА ФОНЕ БОРЬБЫ С «ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ» В КОНЦЕ 1920-х гг.[1]

УДК 94(470.5)«1922/1937»

В статье представлен анализ процесса развития отечественной военной промышленности на фоне борьбы с «вредительством» в конце 1920-х гг. Все попытки развить военной производство в Советском Союзе оказались не состоятельными, что послужило поводом для начала кампании по борьбе с вредительство. Однако те люди, которые стояли у истоков этого процесса, в итоге сами оказались репрессированы.

Ключевые слова: *военная промышленность, заводы, военпром, «вредители», Павлуновский, Толоконцев*

Все советские годы тема военной промышленности и история «борьбы с вредительством» в значительной мере были закрыты для исследователей. Поэтому история военпрома в целом, и роль «вредительства» в его развитии в частности, остались не изучены историками на должном уровне. Ситуация начала меняться в 1990-е гг., когда архивы стали доступны для широкого круга исследователей. В последние годы широкое распространение получило издание сборников документов по различной тематике, в том числе и по истории военной промышленности[2]. Доступность архивных материалов с одной стороны и появление сборников

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 16-01-00308а «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

[2] Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности. М., 2016; Советское военно-промышленное производство. 1918–1926. М., 2005; Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). М., 2008. Ч. 1. (1927–1932).

документов с другой — позволяют вывести исследования по истории военной промышленности на качественно иной уровень.

В 1920-х гг. перед советским руководством регулярно вставал вопрос о причинах постоянного невыполнения промышленностью планов по производству военных заказов. По следственному делу «О контрреволюционной организации в военной промышленности» 15 мая 1928 г. было арестовано множество специалистов, начавших свою карьеру еще в царской России. Предполагаемым главой организации был помощник начальника Главного военно-промышленного управления (ГВПУ) В.С. Михайлов (до революции генерал-майор). Он попал в поле зрения ОГПУ еще в 1926 г., когда первый заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода высказал свои первые подозрения на его счет. По мнению Г.Г. Ягоды и начальника Экономического управления ОГПУ Г.Е. Прокофьева, озвученному в 1928 г., «группа бывших генералов и полковников царской армии в составе Михайлова, Дыммана, Высочанского и Кургуева» основала контрреволюционную организацию в 1922 г., деятельность которой «была направлена к срыву обороноспособности страны путем вредительства в военной промышленности и подготовке таким путем успеха будущей интервенции». В результате саботажной работы организации было «заторможено на несколько лет или сорвано совершенно производство» значительной части продукции военных заводов[3].

Именно деятельностью вредительской контрреволюционной организации новый начальник ГВПУ М.Е. Урываев и заведующий военно-морской инспекцией Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) И.П. Павлуновский объясняли провал развертывания производства танков на Мотовилихинском заводе в 1928–1929 гг. «Вредители» военпрома при передаче на завод производство 48-линейных пушек из Ленинграда, поставили этот процесс так, что с одной стороны Мотовилихинский завод не справил с этим заданием, а с другой — сорвал производство 3-дюймовых пушек, которые традиционно выпускал еще с дореволюционных времен[4]. Необходимо

[3] Советское военно-промышленное производство. С. 605–607; Становление оборонно-промышленного комплекса… С. 284–292.
[4] Политбюро и «вредители»… С. 75–78.

отметить, что персона И.П. Павлуновского на этом этапе стала одной из центральных в процессе поиска «вредителей». Он лично неоднократно допрашивал предполагаемого главу «вредительской» организации — В.С. Михайлова[5].

С И.П. Павлуновским был не согласен А.Ф. Толоконцев, который с 1926 по 1929 г. возглавлял ГВПУ. То есть, в эти годы он был непосредственным руководителем основных фигурантов дела, в том числе В.С. Михайлова. В начале февраля 1929 г. А.Ф. Толоконцев еще оставался главой ГВПУ. В своем обращении к Сталину он ставил под сомнение, как факт вредительства, так и существование самой контрреволюционной организации. А.Ф. Толоконцев прямо указывал на то, что бывший царский генерал и арестованные вместе с ним специалисты в системе ГВПУ не имели реальной власти, а все важнейшие решения он принимал сам как глава военно-промышленного управления[6].

Уже к середине весны 1929 г. А.Ф. Толоконцев сменил пост руководителя ГВПУ на начальника Главного управления машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности ВСНХ. Должность тоже важная, но уже не дающая такого влияния. Параллельно бывший глава военпрома стал менять свою позицию в отношении дела военных инженеров. Он больше не сомневался в факте существования «вредительской» организации и роли В.С. Михайлова в ней, но продолжал утверждать, что «ни РКИ (в лице т. Павлуновского), ни другие органы (ОГПУ), обнаружившие вредительскую организацию, не указали фактов неправильного направления средств»[7]. Другими словами, бывший начальник ГВПУ не считал ущерб, нанесенный «контрреволюционерами», существенным.

Однако сталинское руководство вынесло из этой ситуации свои решения. Уже в середине июля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о военной промышленности. Вся тяжесть вины за провалы в военно-промышленном строительстве СССР была возложена, с одной стороны, на членов мнимой «вре-

[5] Там же. С. 67–70.
[6] Там же. С. 15–19.
[7] Становление оборонно-промышленного комплекса… С. 319–320.

дительской» организации, которая состояла из дореволюционных специалистов и длительное время разрушала советскую военную промышленность. А, с другой стороны, Политбюро считало виноватым руководящий состав военной промышленности и отдельных заводов (конкретные фамилии названы не были, но по тексту очень хорошо видно, что эти претензии направлены и к А.Ф. Толоконцеву), которые были виновны «в недостаточной бдительности к многолетнему и явному вредительству и упущениям в военной промышленности» и должны были понести наказания.

Для исправления ситуации создавалась специальная комиссия во главе с тем же И.П. Павлуновским, которая должна была «в кратчайший срок произвести чистку всего личного состава военной промышленности до заводов включительно». Такая чистка неизбежно увеличивала и без того серьезный кадровый дефицит в военпроме, поэтому Политбюро решило реализовать два параллельных мероприятия. Во-первых, Оргбюро ЦК ВКП(б) обязывалось «в месячный срок мобилизовать для военной промышленности не менее 100 чел., преимущественно членов партии, опытных производственников и молодых инженеров». Во-вторых, Высшему совету народного хозяйства следовало «рядом срочных и конкретных мероприятий немедленно разрешить вопрос об усилении технических кадров военной промышленности (путем переподготовки, устройства краткосрочных курсов и т. д.) и одновременно разработать план систематической подготовки для нее технического персонала»[8]. Однако успешно решить проблему кадрового голода так и не удалось.

В октябре 1929 г. дело о «вредителях» в военпроме было закончено. Всего по нему проходил 91 человек. По мнению ОГПУ, «организация ставила перед собой задачи — путем вредительства и шпионажа ослабление обороноспособности страны и содействие иностранным интервентам». В подавляющем большинстве это были выходцы из дворянского сословия и имевшие инженерную специальность. Решение по этому делу выносило Политбюро ЦК ВКП(б). Пятеро из обвиняемых (все бывшие генералы) во главе с В.С. Михайловым были приговорены к высшей мере — расстрелу,

[8] Там же. С. 331–337.

все остальные — приговаривались «на разные сроки заключения в концентрационные лагеря»[9].

Так с конца 1920-х гг. борьба с «вредительством» стала одним из факторов развития советского военпрома. Соблазн обвинить в неудачах военного строительства конкретных «стрелочников» был столь велик, что очень быстро «вредители» стали обнаруживаться повсеместно. В результативной части обвинительного дела о вредителях в военной промышленности было сказано: «Ввиду того, что в процессе следствия установлен, помимо привлеченных к ответственности и арестованных, еще ряд лиц, входящих в к[онтр]-р[еволюционную]. Организацию в военной промышленности, находящихся на свободе, материалы следственного производства в части таковых направлены к доследованию»[10].

Дело инженеров-«вредителей» сильно повлияло не только на развитие советского военного производства. В результате активной деятельности И.П. Павлуновский резко изменил свою карьерную судьбу. Фактически именно он вместо А.Ф. Толоконцева стал управлять военпромом. С июля 1931 г. И.П. Павлуновский находился в должности заместителя Председателя ВСНХ (то есть, заместитель Г.К. Орджоникидзе) по военной промышленности. В 1932 г. ВСНХ и его управленческие структуры были расформированы. Управление военпромом было сосредоточено в системе Главного военно-мобилизационного управления (ГВМУ) в рамках вновь созданного Наркомата тяжелой промышленности СССР под руководством Г.К. Орджоникидзе. Возглавил ГВМУ и стал фактически правой рукой наркома тяжпрома именно И.П. Павлуновский. А в 1934 г. он стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Тогда как судьба А.Ф. Толоконцева стала медленно, но стремится в противоположном направлении. В 1933 г. он с управления машиностроения и металлообработки перешел на должность начальника Главточмаша Наркомата тяжпрома, а в 1934 г. был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). Однако итог обоих оказался одинаковым: в 1937 г. они были арестованы и впоследствии расстреляны[11].

---

[9] Там же. С. 377.

[10] Политбюро и «вредители»… С. 333.

[11] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. 747, 756.

Библиографический список

Политбюро и «вредители»: Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности. М., 2016.

Советское военно-промышленное производство. 1918–1926: сб. документов М., 2005.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937): сб. документов М., 2008. Ч. 1. (1927–1932).

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

Melnikov N.N.

"Saboteurs" in military production: the development of military industry of the USSR and the suppression of "sabotage" at the end of the 1920s

The article presents the analysis of the development of domestic military industry against the background of the suppression of "sabotage" at the end of the 1920s. All attempts to develop military production in the Soviet Union failed. This was the trigger for the start of the campaign against sabotage. The people who stood at the origins of this process, were themselves arrested.

Keywords: *military industry, factories, voenprom, "sabotage", Pawluenowski, Tolokontsev*

Сильченко Иван Сергеевич
аспирант кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
E-mail: *89022777814@yandex.ru*

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРНО-ПРИИСКОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ МИЛИЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

УДК 94(470)«19»

Статья посвящена проблемам становления промышленной милиции Екатеринбургской губернии в 1920-е гг. Рассматривается процесс формирования органов охраны промышленных предприятий отдельно выделяя не только функции, но и спектр основных проблем, сопутствовавших процессу их создания. По причине тяжелого экономического положения на всем протяжении существования горно-промышленной милиции не удалось наладить снабжение ее сотрудников униформой, снаряжением и вооружением, недостаток опытного кадрового состава привело к отсутствию дисциплины и низкому уровню эффективности.

Ключевые слова: *промышленная милиция, Гражданская война, Екатеринбургская губерния, охрана предприятий*

Добыча золота, платины и других полезных ископаемых, являющихся основой экономики любого государства, всегда была предметом пристального внимания властей. Главными задачами государственных структур являлись сохранение своей монополии на добычу золота и платины, а также охрана добытых полезных ископаемых и контроль их сбыта. Именно для выполнения этих функций в конце XIX — начале XX в. были сформированы различные типы государственных силовых структур.

Официальное появление полицейских формирований, в задачи которых входила охрана порядка и безопасности на золотых и платиновых приисках произошло 8 мая 1900 г.[1] С этого момен-

[1] Рукосуев Е.Ю. Горнополицейская стража на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX — начале XX в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 248.

та начала функционировать горнополицейская стража, контролировавшая районы добычи благородных металлов в Пермской и Оренбургской губерниях. К 1917 г. число личного состава горнополицейской стражи достигло 150 человек[2]. В ходе Февральской революции 1917 г. вся полиция была расформирована и заменена народной милицией. В составе народной милиции Временного правительства был выделен аналог горнополицейской стражи — горноприисковая милиция, основные направления деятельности которой также сводились к охране мест добычи полезных ископаемых и контроле за их оборотом.

Изменения государственного строя, произошедшие после октябрьских событий 1917 г., привели к полному расформированию старой системы охраны правопорядка. На первоначальном этапе советская милиция не предусматривала наличия подразделений специализированной направленности, а лишь ограничивалась «общей милицией», контролировавшей все сферы социальной деятельности.

В связи с тем, что территория Екатеринбургской губернии была занята войсками А.В. Колчака, формирование административно-политических структур на данной территории началось в середине лета 1919 г. Для восстановления институтов Советской власти на территории губернии была создана система Военно-революционных комитетов (Ревкомов), выполнявших роль временных органов управления. В задачи Ревкомов входила организация всех сфер жизни губернии до момента запуска деятельности Советов.

По инициативе Екатеринбургского ревкома 17 июля 1919 г была сформирована милиция, начальником которой был назначен Ушаков[3]. Штат составляли 200 сотрудников, из которых почти половина ранее служила в царской полиции, или милиции правительства А.В. Колчака[4]. Милиция была разделена на отделы: общий, паспортный, отдел регистрации актов гражданского состояния,

---

[2] Там же.

[3] Шведов В.В. Формирование структур управления органов милиции на Среднем Урале (1919–1924 гг.) // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2004. Вып. 8. С. 256.

[4] ГАСО. Ф. 708. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

канцелярия. 31 июля 1919 г. при Военно-революционном комитете Екатеринбургской губернии были выделены отделы общегубернской и железнодорожной милиции. Основной задачей общегубернской милиции являлась охрана общественного порядка в городах и уездах, тогда как железнодорожная должна была блюсти революционный порядок на станциях Пермской железной дороги.

Создание железнодорожной милиции явилось первым случаем формирования советских органов охраны правопорядка узкой направленности. Сужение спектра ответственности не только способствовало применению милиции в качестве инструмента восстановления порядка, но и могло положительно сказаться на формировании кадрового ядра, обладавшего специфичным опытом. Однако, для контроля за выполнением всех декретов и распоряжений власти требовалось внедрение политико-административных органов во все стратегические сферы, функционирование которых было необходимым для дальнейшей жизнедеятельности государства.

Одной из таких сфер являлась добыча и сбыт драгоценных металлов и полезных ископаемых. Процесс формирования промышленной милиции был запущен в соответствии с приказом по милиции Екатеринбургской губернии от 9 февраля 1920 г.[5] Документ закреплял изменение структуры губернской милиции, в составе которой были созданы инспекторский, культурно-просветительский отделы, отдел общей милиции, снабжения и промышленной милиции. В это же время были выделены основные функции промышленной милиции, которые сводились к охране заводов и фабрик, борьбе с хищениями на предприятиях, проверке законности скупки драгоценных металлов, а также пресечению незаконной добычи полезных ископаемых, являвшихся государственной монополией. В штате промышленной милиции к 1 апреля 1920 г. числилось 666 чел.[6] Начальником промышленной милиции был назначен Коновалов[7]. Интересной особенностью является то, что в Екатеринбургской губернии промышленная милиция появилась раньше, чем ее существование было официально закреплено в

[5] Там же. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 180. Л. 39.
[6] Там же. Л. 90.
[7] Там же.

общегосударственных нормативных актах. Связано это было с полным отсутствием контроля в сфере добычи и сбыта драгоценных металлов, а также с необходимостью расширения географии районов, контролируемых властью. В соответствии с приказом по губернской милиции от 5 марта 1920 г. № 769 и приказом от 15 апреля 1920 г. № 1250[8] в пределах Верхотурского уезда началось создание горной милиции. Фактически горная милиция являлась частью промышленной и выполняла лишь часть функций, касающихся охраны платиново-золотых приисков.

10 июня 1920 г. декретом ВЦИК было утверждено новое «Положение о рабоче-крестьянской милиции»[9]. Документ основывался на многочисленных нормативных актах 1919–1920 гг. и закреплял юридический статус милиции. В Положении указывалось, что милиция подчиняется органам НКВД на местах, а в ее составе наравне с другими подразделениями впервые официально выделялась промышленная милиция.

Промышленная и горная милиция, формировавшаяся в условиях тяжелейшего экономического положения, испытывала острый недостаток в снаряжении, обмундировании и вооружении, а ее снабжение было организовано по остаточному принципу. Большая часть милиционеров не имела вооружения, или была вооружена устаревшими типами винтовок. Так, к осени 1920 г. в промышленной милиции Екатеринбургской губернии числилось 14 сотрудников командного состава, 8 канцелярских служащих, 42 старших и 529 младших милиционера[10]. При этом на вооружении стояла 41 русская винтовка, 33 винтовки «Бердана», один карабин, 42 винтовки «Гра» и 14 револьверов системы «Наган»[11]. Если предположить, что все образцы оружия были исправны, то вооружено было лишь 22 % всех милиционеров губернской промышленной милиции.

Единая униформа также отсутствовала. Часто милиционеры использовали гражданскую одежду, смешанную с элементами военного снаряжения. Еще одной важной проблемой являлся дефицит опытных кадров, даже руководящие должности занимали

[8] Там же.
[9] Щеткин С.В. Милиция на южном Урале в 1921–1928 гг. Челябинск, 2002. С. 56.
[10] ГАСО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 198. Л. 28.
[11] Там же.

лица, не знакомые с работой правоохранительных органов и обладающие низким уровнем образования. К тому же фактическое количество старших и младших милиционеров было значительно меньше штатного. Сравнение количественных показателей промышленной милиции Екатеринбургской губернии по состоянию на 27 октября 1920 г.[12] и штатных ставок представлено в таблице:

Таблица

Район	**Штаточное количество личного состава**							**Фактическое количество личного состава**						
	Начальников районов	Помощников начальников	Канцелярских работников	Ст. пеших милиционеров	Мл. пеших милиционеров	Ст. конных милиционеров	Мл. конных милиционеров	Начальников районов	Помощников начальников	Канцелярских работников	Ст. пеших милиционеров	Мл. пеших милиционеров	Ст. конных милиционеров	Мл. конных милиционеров
Екатеринбургский	1	1	1	38	388	—	—	1	1	2	20	206	—	—
Камышловский	1	1	1	12	126	—	—	1	1	1	10	112	—	—
Шадринский	1	1	1	5	51	—	—	1	1	1	4	32	—	—
Красноуфимский	1	1	1	18	180	—	—	1	1	2	4	55	—	—
Верхотурский	1	1	1	3	24	2	18	1	1	1	1	46	1	—
Надеждинский	1	1	1	4	43	1	11	1	1	1	2	56	—	—
Нижне-Тагильский	1	1	1	8	75	3	35	1	1	1	3	74	2	13
Алапаевский	1	1	1	5	52	—	—	1	1	1	3	53	—	—
Ирбитский	1	1	1	8	81	—	—	1	1	—	1	34	—	—

[12] Там же. Л. 79.

Спектр проблем не позволил поднять эффективность данных подразделений на должный уровень, и 10 февраля 1921 г.[13] в соответствии с приказом по милиции губернии был запущен процесс расформирования промышленной и горной милиции. В дополнение к приказу во все уездно-городские управления были разослан «порядок упразднения промышленной милиции»[14]. В соответствии с документом охрана промышленных предприятий передавалась в ведение начальника губернской милиции, а весь личный состав расформированных подразделений включался в местные органы охраны правопорядка.

В марте 1921 г. открыто проявилась неспособность общегражданской милиции осуществлять дополнительные задачи по охране мест производства. И функции промышленной милиции были переданы вольнонаемной частной вооруженной охране, контролируемой заинтересованными трестами, синдикатами и прочими государственными учреждениями.

К началу 1923 г. органы местного самоуправления Екатеринбургской губернии пришли к осознанию необходимости отказа от услуг частной вооруженной охраны на объектах промышленного производства. Во-первых, наличие большого количества охранных структур создавало проблемы с ведением документооборота, учета, а также не позволяло всесторонне оценивать эффективность работы. Во-вторых, отсутствие прямого контроля сказалось на уровне коррумпированности частной охраны. Зачастую хищения драгоценных металлов осуществлялись с прямым участием охранников.

20 апреля 1923 г. на заседании Екатеринбургского губернского Исполнительного комитета было решено: «впредь и до разработки и введения в жизнь ВЦИКом и СНК положения о приисковой промышленной охране, в пределах Екатеринбургской губернии учреждается горно-приисковая промышленная милиция»[15]. Вся вольнонаемная вооруженная охрана, состоявшая на службе в момент формирования горно-приисково-промышленной милиции (горно-промышленная милиция), вливалась в аппарат губернской

[13] Там же. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 396. Л. 40.
[14] Там же.
[15] Там же. Ф. Р-511. Оп. 1 Д. 474. Л. 3.

милиции на правах филиала последней. Функции начальника горно-промышленной милиции выполнял начальник милиции Екатеринбургской губернии. Также были выделены ставки помощника начальника, начальника канцелярии, старшего делопроизводителя, младшего делопроизводителя и машинистки. На должность помощника начальника губернской горно-приисково-промышленной милиции был назначен П.З. Ермаков, места старшего и младшего делопроизводителей заняли А.Н. Столяров и В.В. Арефьева[16].

В начале мая 1923 г. начальником милиции, совместно с правлениями горнопромышленных объединений, были установлены границы районов деятельности горно-приисково-промышленной милиции. Было выделено пять округов: Невьянский, Косьвинский, Заозерский, Нижне-Тагильский, Исовский. Особое внимание обращалось на возможность выделения дополнительных округов в случае необходимости. Интересной особенностью являлось то, что все расходы, связанные с организацией горно-промышленной милиции и ее функционированием возлагались на заинтересованные промышленные организации. В то же время, сотрудники горно-промышленной милиции являлись вооруженным органом, входящим в состав губмилиции и выполняющим помимо специальных все функции обычной милиции. Фактически создание новой узкоспециализированной горно-промышленной милиции было связано с возможностью укрепления общегубернской милиции и расширения районов ее охвата без материальных затрат со стороны государства.

В этот же период были определены основные направления деятельности горно-промышленной милиции, в которые входила:

1. Охрана, как добываемых, так и уже добытых из недр земли богатств, в виде благородных металлов, драгоценных камней, всякого рода руд и т. п. от индивидуального и группового хищничества.

2. Недопущение незаконной разработки ископаемых.

3. Борьба с незаконной скупкой и продажей благородных металлов и других ископаемых, являющихся монопольными продуктами РСФСР[17].

---

[16] Там же. Л. 10.

[17] Там же.

4. В пределах приисковых сооружений контроль всех законных скупщиков Уралплатины, как в отношении их полномочий, так и в отношении правильности сдачи ими скупленного металла.

За раскрытие случаев скупки, продажи и незаконной добычи благородных металлов сотрудники горно-промышленной милиции получали премиальное вознаграждение на основании правил, существовавших для бывшей охраны. Удовлетворение новых подразделений денежным довольствием, обмундированием, продовольствием, снаряжением, конским составом и фуражом производилось силами заинтересованных промышленных организаций. Ставки для сотрудников горно-промышленной милиции устанавливались начальником милиции совместно с правлением заинтересованных учреждений.

В мае 1923 г. начальником милиции Екатеринбургской губернии была подписана «Инструкция о правах и обязанностях горно-приисково-промышленной милиции». Согласно инструкции, на горно-промышленную милицию возлагались дополнительные функции по наблюдению за личной и имущественной безопасностью граждан, а также производство дознаний, связанных с нарушением общественной безопасности и порядка. В случаях регистрации преступлений, имевших в себе признаки уголовно-наказуемых деяний, промышленные милиционеры должны были немедленно сообщить об этом органам уголовного розыска и до прибытия его представителей принять все необходимые меры для предупреждения скрытия и уничтожения следов преступления[18].

В мае-июле 1923 г. было опубликовано большое количество приказов и распоряжений, регулировавших деятельность гор. пром. милиции. Данные приказы в основной массе представляли собою незначительно скорректированные для применения в новых реалиях документы, регулировавшие деятельность общей милиции. Так, в 27 июня 1923 г. были изданы «Правила хранения оружия и огнестрельных припасов» и «Инструкция для чистки и смазки винтовок подручными средствами», 28 июня внедрены «Требования для поступающих на службу» и «Обязательство милиционера»[19].

---

[18] Там же. Л. 2.

[19] Там же. Л. 45–45об., 17, 24, 26.

Процесс формирования горно-приисково-промышленной милиции, как последнего вида узкоспециализированных органов охраны правопорядка, характеризуется наличием большого количества документации инструкционного характера. Опыт развития системы рабоче-крестьянской красной милиции в Екатеринбургской губернии позволил использовать прочную документационную основу в целях создания горно-приисково-промышленной милиции

Осенью 1923 г. в губернии был запущен процесс инспектирования округов промышленной милиции. По результатам инспекции был сформирован отчет, в котором указывалось, что дисциплина во всех округах отсутствовала, а постановка следственных мероприятий была на низком уровне по причинам отсутствия опыта у руководящего состава. Общее количество сотрудников горно-приисково-промышленной милиции составляло 131 человек, из которых 42 человека несли службу в Нижне-Тагильском округе, и 50 в Исовском[20]. Проверка профессиональной пригодности личного состава привела к увольнению 32 сотрудников по причинам пьянства, халатного отношения и «тесной связи с приискателями»[21]. Особое внимание уделялось тому, что во всех округах горно-промышленная милиция была вооружена оружием старого образца. Вооружение милиционеров составляли винтовки «Бердана», «Гра», «Винчестеры», которые к тому моменту были морально устаревшими и требовали замены 3-х линейными винтовками образца 1891 г. Командный состав был вооружен револьверами «Бульдог», для которых практически не имелось патронов. Отмечалось, что: «при сопровождении металла, на охрану из 4–5 человек могут напасть хорошо вооруженные 2–3 человека и отобрать все»[22]. Проблемы также наблюдались в снабжении милиционеров униформой, снаряжением, в выплатах заработных плат. «Во всех округах сводится к одному. Жалование получается с большими задержками почти на два месяца. Спецодежда получается не полностью»[23].

С апреля 1923 г. в Екатеринбургской губернии и на смежных ей территориях была запущена процедура районирования, направлен-

[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Там же. Л. 36.
[23] Там же.

ная на формирование Уральской области. 9 декабря 1923 г. был созван Уральский областной съезд Советов, а 15 декабря исполкомы Екатеринбургской, Пермской, Челябинской и Тюменской губернии прекратили свое существование и были заменены единым Уральским областным исполнительным комитетом[24]. Вместе с территориальными изменениями произошли перемены и в структуре милиции. Необходимость укрупнения привела к расформированию горно-приисково-промышленной милиции, а ее личный состав и материальное имущество было передано в новую ведомственную милицию.

Горно-приисково-промышленная милиция, просуществовавшая менее года, стала примером формирования административно-политических органов локального характера. Созданное по инициативе местного губисполкома подразделение, не только должно было стать инструментом контроля за исполнением распоряжений Советской власти, но и способствовать сохранению драгоценных металлов, являвшихся основой экономической системы. Однако, по причине тяжелого экономического положения губернии на всем протяжении существования горно-промышленной милиции не удалось наладить снабжение ее сотрудников униформой, снаряжением и вооружением, а недостаток опытного кадрового состава привело к отсутствию дисциплины и низкому уровню эффективности. Горно-приисково-промышленная милиция не являлась органом, способным осуществлять охрану промышленных предприятий и контроль за сбытом драгоценных металлов, однако опыт, приобретенный в процессе ее формирования, лег в основу нового структурного подразделения — ведомственной милиции.

Библиографический список

Рукосуев Е.Ю. Горнополицейская стража на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX — начале XX в. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 244–253.

Шведов В.В. Формирование структур управления органов милиции на Среднем Урале (1919–1924 гг.) // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2004. Вып. 8. С. 225–230.

[24] Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния в 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие. Челябинск, 2008. С. 38.

Щеткин С.В. Милиция на Южном Урале в 1921–1928 гг.: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2002.

Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие: дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2008.

Silchenko I.S.

From the history of formation of the mountain-priyskovo-industrial police of the Ekaterinburg gubernia

The article is devoted to the problems of the formation of the industrial militia of the Ekaterinburg province in the 1920s. The process of forming the protection bodies of industrial enterprises is considered separately, singling out not only the functions, but also the spectrum of the main problems that accompanied the process of their creation. Due to the difficult economic situation, throughout the existence of the mining and industrial militia, it was not possible to arrange the supply of uniforms, equipment and weapons to its employees, and the lack of experienced personnel led to a lack of discipline and a low level of efficiency.

Keywords: *industrial militia, Civil War, Ekaterinburg province, protection of enterprises*

Сушков Андрей Валерьевич
к.и.н., с.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *suschkow@mail.ru*

«ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ЭТО — ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ГРАНИЧАЩЕЕ С ПРОВОКАЦИЕЙ?» О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

УДК 94(470).084.8

В статье говорится о фальсификации итогов тайного голосования на ленинградской партийной конференции в 1948 г. Среди историков бытует мнение, что подобные практики были широко распространены в партийном аппарате страны, а резкая реакция со стороны верховной власти на нарушения в Ленинграде была обусловлена стремлением уничтожить «ленинградскую группу» руководителей. Однако эта точка зрения ничем не обоснована и не находит подтверждения в архивных документах. Угроза для сталинской системы власти заключалась в том, что «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях, которая была введена Сталиным в 1937 г.

Ключевые слова: *«ленинградское дело», партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», управленческие практики*

Начиная с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», наибольшим влиянием среди которых обладали А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский и А.А. Кузнецов, с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова, под различными надуманными предлогами (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего

руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, — физического. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве, и, в конечном счете, озабоченный укреплением личной власти.

Среди обвинений, предъявленных ленинградскому руководству, была фальсификация результатов тайного голосования на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции, состоявшейся в декабре 1948 г. Об этом инциденте стало известно из поступившего в ЦК ВКП(б) анонимного письма, автор которого назвал себя одним из членов счетной комиссии. В письме говорилось, что все участвовавшие в подсчете голосов видели, как во многих бюллетенях были вычеркнуты фамилии первого секретаря обкома и горкома П.С. Попкова, второго секретаря горкома Я.Ф. Капустина и второго секретаря обкома Г.Ф. Бадаева. Тем не менее, председатель счетной комиссии, завотделом горкома А.Я. Тихонов объявил на конференции, что все они были избраны единогласно. «Неужели это с ведома Центрального комитета, как пытался дать нам понять тов. Тихонов, — возмущался член счетной комиссии. — Как это стало возможным в Ленинско-Сталинской большевистской партии? Боясь репрессии — не подписываюсь»[1].

К содержанию письма в ЦК отнеслись весьма серьезно. Согласно воспоминаниям работавшего на тот момент заместителем заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинградского горкома ВКП(б) В.В. Садовина, в начале февраля 1949 г. заведующий отделом тяжелой промышленности горкома Александр Яковлевич Тихонов был вызван для объяснений на Старую площадь к Г.М. Маленкову. Следом в ЦК был вызван приятель Тихонова, первый секретарь Смольнинского райкома ВКП(б) г. Ленинграда В.В. Никитин. Коллеги Тихонова и

[1] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 8.

Никитина для себя решили, что те были вызваны на предмет повышения по службе как наиболее молодые и перспективные партработники. И были крайне удивлены их состоянием по возвращении из Москвы. «Это были совершенно другие люди, — вспоминал Садовин. — Всегда жизнерадостные и веселые, они стали как осенняя ночь мрачными, неразговорчивыми, до неузнаваемости изменившимися в лице, буквально поседевшими за два-три дня пребывания в Москве. <…> Когда они зашли ко мне, то рассказали только, что Маленков оскорблял их самым непозволительным образом, стучал кулаками по столу, топал ногами, то есть обращался с ними как с особо опасными преступниками». Оказалось, что Тихонова вызывали к Маленкову как председателя счетной комиссии на конференции, а Никитина — как его лучшего друга, который должен был знать о фальсификациях при подсчете голосов[2].

Членов счетной комиссии тоже вызвали для объяснений в ЦК, после чего их детально опрашивали в Ленинграде, устраивали очные ставки. Как выяснилось в ходе учиненной проверки, сведения, содержащиеся в анонимном письме, действительно имели место. Против П.С. Попкова было подано четыре голоса, Г.Ф. Бадаева — два, Я.Ф. Капустина — 15, председателя Ленинградского горисполкома П.Г. Лазутина — два голоса. Главное, что пытались установить проверяющие, — кто дал санкцию на подделку результатов голосования. П.С. Попков в Секретариате ЦК и потом на пленуме обкома и горкома отрицал свою осведомленность и какую бы то ни было причастность. По его словам, впервые об этом он услышал от самого А.Я. Тихонова, когда они сидели в приемной Маленкова, и был возмущен произошедшим: «Как вы могли это сделать? Вы знаете, что это — преступление, граничащее с провокацией?» Попков стал выяснять подробности, самостоятельно он это сделал или кто-то на него воздействовал, но тот ответил, что самостоятельно, никто ему не подсказывал. «Я со своей стороны и пленуму говорю, и в ЦК говорил, что моя совесть как коммуниста совершенно чиста», — уверял П.С. Попков. Я.Ф. Капустин, продвигавший Тихонова по властной лестнице, зная о его «темных делах» в годы блокады — присвоении

[2] Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 263–264.

продуктовых карточек, которые затем жена Тихонова обменивала на различные вещи — тоже не признавал, что давал своему протеже либо кому-то еще указания о подделке протоколов голосования. «Я не думал, что такое холуйство со стороны Тихонова», — заявил он с трибуны пленума[3].

Обращает на себя внимание отношение профессиональных историков к фальсификации результатов тайного голосования. Известный ленинградский историк, доктор исторических наук В.А. Кутузов в своих первых работах, посвященных «ленинградскому делу», рассматривал поступление в ЦК ВКП(б) анонимного письма как начало политической дискредитации ленинградских руководителей, и отправной точкой для открытого наступления на «ленинградскую группу»[4]. В статье, опубликованной в 1987 г., историк дал однозначно негативную оценку действиям Тихонова: «Несколько лет назад А.Я. Тихонов ушел из жизни. Уже невозможно из первых уст узнать, что заставило его пойти на явный подлог, за который, кстати сказать, он жестоко поплатился. Этот беспринципный поступок А.Я. Тихонова не делал ему чести»[5]. В вышедшем спустя три года сборнике «Ленинградское дело» историк, хотя и назвал действия Тихонова нелепой авантюрой, вместе с тем существенно сменил оценку факта фальсификации, подставив под сомнение его значимость: «Но ведь это же — более чем из тысячи делегатов. Мизер. И так ли уж виноваты в этом сами руководители?»[6]. В увидевшей свет 20 лет спустя статье «“Ленинградское дело”: мифы и реалии» В.А. Кутузов признает, что из всех предъявленных «ленинградцам» обвинений лишь одно имело под собой реальную почву — это подтасовка результатов голосования на конференции. Но в оценках произошедшего его точка зрения не изменилась: «Напомним, что речь идет буквально о нескольких голосах, поданных против П.С. Попкова, Я.Ф. Капустина, Г.Ф. Бадаева

[3] ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 3. Л. 9–10, 51–53, 122–124.

[4] Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Нояб. С. 15–16; Он же. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Дек. С. 23; Он же. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 55–56.

[5] Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Нояб. С. 16.

[6] Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 65–66.

и П.Г. Лазутина». Тем более, что Тихонов всю вину взял на себя, «…объяснив это не столько желанием сделать приятное ленинградским руководителям, сколько продемонстрировать в духе тех лет железное единство тысячи с лишним делегатов»[7].

Как правило, другие профессиональные историки тоже не придают фальсификациям особого значения: если не игнорируют их, то в лучшем случае просто констатируют произошедшее[8]. Некоторые петербургские историки утверждают, что в Ленинграде ничего особенного не случилось, что фальсификации итогов тайного голосования при проведении выборов партийных комитетов в сталинском СССР были вполне обычным явлением. Так, доктор исторических наук А.З. Ваксер, говоря о допущенных нарушениях при подсчете голосов, приходит к выводу: «Это лишний раз свидетельствует, что антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ему вторит другой петербургский историк, кандидат исторических наук А.А. Амосова: «По всей видимости, объявлять победу на выборах партийных функционеров единогласной было не такой уж редкой практикой, даже если она таковой не являлась»[9]. Позже А.А. Амосова и ее соавтор доктор наук, американский профессор Д. Бранденбергер делают еще более категоричное заявление: «Отметим, что объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов»[10]. Но можно ли признать эти утверждения научно аргументированными? Тем более, что историки не подкрепляют их ссылками на какие-либо

---

[7] Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 48.

[8] Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 65–69; Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 250–254; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 99.

[9] Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005. С. 125; Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014. С. 179.

[10] Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 97.

архивные документы либо на результаты проведенных научных исследований. А.А. Амосова и Д. Бранденбергер ссылаются на сборник «Ленинградское дело», где речь действительно идет про «мухлеж» с итогами голосования на ленинградской конференции, однако там ни слова не говорится об этой «распространенной партийной практике в сталинское время»[11].

Воздержимся от заявлений, что подобных прецедентов в региональных парторганизациях не было, и ленинградский случай был уникальным в своем роде: для любых подобных утверждений необходимо иметь на руках результаты тайного голосования абсолютно по всем областным и краевым партийным организациям СССР. Сразу отметим лишь следующее. Учитывая, что постоянные призывы советской пропаганды к «большевистской бдительности» и «большевистской принципиальности» находили непосредственный отклик среди коммунистов и беспартийных, и те активно отправляли «сигналы» о различных нарушениях и недостатках «наверх» (чтобы убедиться в этом, достаточно открыть в РГАСПИ перечни вопросов, рассмотренных Секретариатом ЦК ВКП(б) в конце 1940-х гг.), то сохранение в секрете манипуляций с результатами тайного голосования при «позднем Сталине» становилось весьма проблематичным. Тем более, круг «посвященных» оказывался достаточно широким, что неизбежно повышало риск утечки информации. Ведь в том же Ленинграде о подтасовках в ходе голосования сообщил один из членов счетной комиссии, а мог это сделать любой из делегатов конференции, кто проголосовал против кого-то из ленинградского начальства, а потом при объявлении результатов узнал, что тот не получил ни одного голоса «против». Сам факт фальсификации, который автоматически квалифицировался как грубое нарушение «внутрипартийной демократии», вполне мог представлять в то время гораздо более серьезную опасность для карьеры того или иного чиновника, пожелавшего получить «красивые цифры» на тайном голосовании, нежели реальные результаты пусть даже с высоким процентом «черных шаров». Сомнительно, чтобы цель в данном случае оправдывала средства.

[11] Демидов В., Кутузов В. Указ. соч. С. 65.

Результаты голосования по выборам членов обкомов (крайкомов) партии не составляют ни государственную, ни персональную тайну, и, как правило, для исследователей доступны без каких-либо ограничений (если, конечно, архивисты прилагали усилия, стремились к рассекречиванию документов, чего, к примеру, нельзя сказать о бывшем московском партархиве). Сложность заключается лишь в получении этих документов для научного анализа, т. к. находятся они на хранении в региональных архивных учреждениях.

Рассмотрим итоги работы счетных комиссий по выборам региональных партийных комитетов (членов обкомов и крайкомов ВКП(б)) на некоторых областных и краевых партконференциях, проходивших в РСФСР. Выберем лишь те конференции второй половины 1940-х гг., которые состоялись до того, как фальсификация итогов тайного голосования на ленинградской конференции стала одним из пунктов обвинений против ленинградских руководителей, то есть до 1948 г. включительно. Дело в том, что мы не можем полностью исключить вероятность распространения информации о произошедшем в Ленинграде, гарантировать, что печальный опыт ленинградцев не стал достоянием областных и краевых первых секретарей. Последние, в свою очередь, имели возможность предпринять конкретные шаги, чтобы не допустить нулевое голосование и тем самым избежать каких-либо подозрений в свой адрес по поводу подсчета голосов. Тем более, что это не составляло особого труда, в отличие от сокрытия полученных результатов.

Прежде всего, нас интересуют результаты голосования по главным лицам регионального руководства: первый секретарь обкома (крайкома) и горкома ВКП(б), второй секретарь обкома (крайкома) ВКП(б), председатель облисполкома (крайисполкома). Рассмотрим также результаты по второму секретарю горкома ВКП(б) областного (краевого) центра, хотя следует признать, эта должность не имела столь же высокий вес в системе региональной власти, как это было в Ленинграде второй половины 1940-х гг.

Начнем с Дальнего Востока. На III Хабаровской краевой партийной конференции, состоявшейся в апреле 1948 г., в ходе тай-

ного голосования по выборам членов крайкома ВКП(б) первый секретарь крайкома и горкома Р.К. Назаров получил 70 голосов «против», второй секретарь крайкома Т.Г. Калинников — 10, председатель крайисполкома Ф.А. Мамонов — 56 голосов, второй секретарь Хабаровского горкома ВКП(б) П.В. Решетников — 14. Всего в голосовании приняли участие 465 делегатов. Назаров и Мамонов стали абсолютными рекордсменами по числу голосов «против» на этой конференции. Особенно их «достижения» бросались в глаза на фоне показателей остальных претендентов на места в крайкоме, среди которых самое большое количество «черных шаров» — 15, набрал главнокомандующий войсками Дальнего Востока, маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский — будущий министр обороны СССР[12].

В Сибири делегаты конференций, прошедших в марте 1948 г., по-разному оценивали руководителей «своих» регионов. Наиболее лояльными оказались делегаты VI Красноярской краевой партийной конференции. В голосовании приняли участие 392 делегата, из которых лишь трое проголосовали против первого секретаря крайкома и горкома А.Б. Аристова — будущего секретаря ЦК и члена Президиума ЦК КПСС, семеро – против второго секретаря крайкома С.М. Бутузова, восемь голосов «против» получил председатель крайисполкома Е.П. Колущинский, и только один делегат проголосовал против второго секретаря Красноярского горкома ВКП(б) А.П. Глазкова. Нужно особо отметить, что делегаты проявили лояльность ко всем кандидатам в члены крайкома, а не исключительно к первым лицам. Самый большой результат был у заведующего краевым отделом торговли Е.Н. Лотошникова — 26 «черных шаров», подавляющее большинство остальных получили один-два голоса «против», а три десятка человек были избраны единогласно. Но среди этих трех десятков не было главных лиц края: секретарь крайкома по пропаганде и агитации В.Л. Черненко получил два голоса «против», секретарь крайкома по кадрам Н.Г. Фалалеев — пять, первый заместитель председателя крайисполкома М.И. Генер — 10 голосов[13].

[12] ГАХК. Ф. П-35. Оп. 22. Д. 16. Л. 3–6.
[13] Там же. Ф. П-26. Оп. 20. Д. 20. Л. 354–356.

Еще один будущий член Президиума ЦК КПСС Н.И. Беляев, в то время возглавлявший Алтайский крайком и Барнаульский горком, авторитету соседнего секретаря Аристова мог только позавидовать. На IV Алтайской краевой партийной конференции из 395 делегатов его фамилию в ходе голосования вычеркнули 23 человека. Против второго секретаря Алтайского крайкома И.П. Скулкова проголосовали два делегата, против председателя крайисполкома А.М. Батамирова — 16, против второго секретаря Барнаульского горкома ВКП(б) Н.О. Игнатика — пятеро. Отметим, что первого секретаря значительно опередили два других секретаря крайкома ВКП(б): секретарь по пропаганде и агитации М.Д. Корабельников (30 голосов «против») и третий секретарь В.В. Митюшкин (36 голосов «против»). Результаты голосования у главных краевых начальников резко контрастировали с показателями у остальных кандидатов в члены крайкома, набравших по нескольку голосов «против» или вообще ни одного[14].

Н.И. Беляев еще неплохо смотрелся на фоне своего северного соседа, первого секретаря Новосибирского обкома и Новосибирского горкома М.В. Кулагина. На IV Новосибирской областной партийной конференции фамилию М.В. Кулагина вычеркнули 42 делегата из 481 принявшего участие в голосовании. Второй секретарь обкома В.В. Косов набрал еще больше — 57 голосов «против», а вот председатель Новосибирского облисполкома Л.И. Соколов напротив — всего 10. Против второго секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) М.Н. Никитина проголосовали 35 делегатов. Однако рекордсменом стал не Косов, а председатель Новосибирского горисполкома В.И. Благирев, которого не захотели видеть в составе членов обкома ВКП(б) 83 делегата конференции[15].

Все отрицательные результаты у А.Б. Аристова, Н.И. Беляева и М.В. Кулагина меркли на фоне показателей омского секретаря С.С. Румянцева. 102 делегата V Омской областной партийной конференции из 396 принявших участие в голосовании вычеркнули фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б). Румянцев лидировал с огромным отрывом от других кандидатов на места в об-

[14] ГААК. Ф. П-1. Оп. 80. Д. 2. Л. 287–288.
[15] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1046. Л. 107–110.

коме партии. Кандидатура второго секретаря обкома П.П. Елисеева вызывала значительно больше симпатий: лишь 18 делегатов не захотели видеть его в новом составе обкома. Против председателя облисполкома Л.И. Кузика проголосовали 32 делегата. Только что назначенный вторым секретарем Омского горкома ВКП(б) Д.Ф. Ситнянский получил 11 голосов «против», но он для омичей был человеком совершенно новым. Поэтому обратим внимание на результаты, полученные другими секретарями обкома ВКП(б). У третьего секретаря Я.Н. Заробяна они были такими же, как и у второго секретаря — 18 голосов «против», у секретаря по кадрам С.И. Циркина они совпали с количеством голосов, поданных против председателя облисполкома — 32. А секретарь по пропаганде и агитации П.А. Шуркин получил только семь «черных шаров»[16]. Как показало время, в ЦК партии учли итоги голосования в Омске и отреагировали кадровыми перестановками.

На Урале делегаты областных конференций ВКП(б), состоявшихся в том же марте 1948 г., в ходе голосования весьма критически подошли к оценке местного начальства. На VI Челябинской областной партконференции первый секретарь обкома и горкома А.А. Белобородов получил 24 голоса «против» из 563 проголосовавших. Его, на первый взгляд, немалые показатели стали незаметны на фоне результатов у остальных первых лиц области. Второй секретарь Челябинского обкома Ф.Н. Дадонов получил 85 голосов «против», а председатель облисполкома И.В. Заикин — 131. И только ко второму секретарю Челябинского горкома А.В. Лескову делегаты были более лояльны — против него было подано лишь 12 голосов. Остальным секретарям обкома ВКП(б), а не только вышеупомянутым, уйти «чистыми» с конференции тоже не удалось: третьего секретаря Г.А. Бездомова из списка вычеркнули 22 делегата, секретаря по кадрам П.И. Матвейцева — 57, секретаря по пропаганде и агитации А.Г. Лашина — 93 делегата. По нескольку десятков «черных шаров» получили и другие руководящие работники областного масштаба, но ни они, ни другие претенденты на членство в обкоме партии превзойти председателя облисполкома не смогли[17].

---

[16] ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5017. Л. 151–153.
[17] ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 1. Л. 121–124.

У северных соседей челябинцев — свердловчан, эти показатели тоже были немалыми. На VI Свердловской областной партконференции, где в тайном голосовании приняли участие 647 делегатов, первый секретарь обкома и горкома В.И. Недосекин получил 42 голоса «против», председатель облисполкома Г.С. Ситников — 57, второй секретарь Свердловского горкома П.А. Жуков — 34 голоса. Второго секретаря обкома А.П. Панина во время конференции отозвали на работу в ЦК ВКП(б), поэтому его кандидатура на выборах в новый состав обкома не выдвигалась. Взамен можно привести результаты голосования по остальным секретарям обкома: против третьего секретаря обкома И.С. Цыганова проголосовали 25 делегатов, секретаря по пропаганде и агитации И.С. Пустовалова — восемь, секретаря по кадрам Н.М. Кокосова — 102 делегата. Последний стал рекордсменом: у его ближайшего «преследователя» — заведующего организационно-инструкторским отделом Свердловского обкома ВКП(б) П.Е. Бармасова было 63 голоса «против»[18].

В голосовании на III Молотовской областной партийной конференции приняли участие 649 делегатов. Фамилию первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) К.М. Хмелевского вычеркнули 34 делегата, против второго секретаря обкома П.Ф. Пигалёва было подано 6 голосов, против председателя облисполкома К.Г. Пысина — 16, второй секретарь Молотовского горкома П.А. Лошкарёв получил 23 голоса. Цифры показывают, что молотовская партноменклатура куда лояльнее относилась к своему начальству, нежели свердловская и челябинская. Больше всех голосов «против» набрал прокурор Молотовской области Д.Н. Куляпин — его фамилию вычеркнули 54 делегата[19].

Благожелательно была настроена ростовская партноменклатура по отношению к главным лицам области. IV Ростовская областная партийная конференция прошла за несколько месяцев до окончания войны, в январе 1945 г. В тайном голосовании приняли участие 456 делегатов, из них только семеро проголосовали против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) П.И. Александрюка, на два голоса больше получил второй секретарь обкома ВКП(б)

[18] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 1. Л. 58–59.
[19] ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 4. Л. 185–186.

О.С. Шпаков. Против председателя облисполкома И.П. Кипаренко проголосовали 12 делегатов, а второй секретарь Ростовского горкома ВКП(б) П.Н. Пастушенко получил лишь три голоса «против». Итоги голосования по первым лицам области не вызывают особых подозрений, так как своими низкими цифрами они не выделялись на общем фоне. Только шесть претендентов на места в обкоме партии набрали более десятка голосов «против», а многие вообще не получили ни одного, поэтому показатель председателя Ростовского облисполкома И.П. Кипаренко можно даже рассматривать как достаточно высокий[20].

Совершенно иная картина складывалась у их северо-восточных соседей. В тайном голосовании на VI Сталинградской областной партийной конференции, состоявшейся тремя годами позднее, в марте 1948 г., приняли участие 438 делегатов с правом решающего голоса. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) В.Т. Прохватилова проголосовали 46 делегатов — это был второй результат по итогам голосования. Самое же большое количество голосов «против» оказалось у председателя облисполкома Я.В. Ларина — 104 делегата вычеркнули его фамилию из бюллетеней. Второй секретарь Сталинградского горкома ВКП(б) А.А. Вдовин получил 27 голосов. Второго секретаря обкома партии сменили во время конференции: на эту должность из Москвы был командирован И.Т. Гришин — бывший слушатель Высшей партийной школы при ЦК партии, ранее занимавший руководящие посты в Новосибирске. Поэтому рассмотрим результаты голосования по остальным секретарям обкома ВКП(б), хорошо знакомым сталинградской номенклатуре. Третий секретарь М.И. Сухов получил 36 голосов «против», секретарь по пропаганде и агитации М.А. Водолагин — 16, секретарь по кадрам М.Н. Сомова — 32. Все действовавшие руководители Сталинградской области вошли в десятку самых непопулярных кандидатов в члены обкома партии (всего кандидатов было 75 человек). Притом, что 46 кандидатов не набрали более десяти голосов «против», а еще 16 — не получили ни одного (в их числе были И.В. Сталин, А.А. Жданов и

[20] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 547. Л. 270–271.

Г.М. Маленков)[21]. Иначе говоря, свое руководство сталинградский управленческий корпус оценивал весьма критически.

IX Куйбышевская областная партийная конференция проходила почти одновременно со сталинградской. В тайном голосовании на конференции приняли участие 610 делегатов. Против первого секретаря обкома и горкома ВКП(б) А.М. Пузанова проголосовал 21 делегат, против второго секретаря обкома Ф.Р. Козлова — 33, председатель облисполкома А.П. Бочкарёв получил лишь четыре голоса «против». Фамилию второго секретаря Куйбышевского горкома Л.Н. Ефремова из бюллетеней для голосования вычеркнули восемь делегатов. Данные по остальным секретарям обкома ВКП(б) весьма разнились между собой. Если третий секретарь Г.А. Малёхоньков получил чуть не самый высокий результат на конференции — 54 голоса «против», то у секретаря по пропаганде и агитации А.Я. Буровиной было 24, а у секретаря по кадрам Г.Ф. Худобина — всего лишь пять. Следует сказать, что делегаты не проявили лояльности к областному руководству: большинство, а именно более полусотни кандидатов либо не получили ни одного, либо — от одного до пяти голосов «против», а тех, у кого этот показатель был выше, насчитывалось всего 18 человек. В числе этих 18-ти оказались все указанные выше областные начальники, за исключением секретаря обкома по кадрам[22].

В том же марте 1948 г. состоялась IX Горьковская областная партийная конференция, где в тайном голосовании приняли участие 422 делегата. Первый секретарь обкома и горкома С.Я. Киреев, второй секретарь обкома В.В. Тихомиров и председатель облисполкома Н.В. Жильцов набрали одинаковое количество голосов «против» — по 20. Второй секретарь Горьковского горкома ВКП(б) А.Н. Курятников получил значительно больше — 41 голос. Но не ему, а третьему секретарю обкома А.П. Смолину довелось набрать самое большое количество голосов «против» — его фамилию вычеркнули 76 делегатов. Секретарь обкома по кадрам А.Д. Проскурин получил только 12 голосов (секретаря обкома по пропаганде и агитации на конференции сменили на другого).

[21] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 25. Д. 1. Л. 99–105.
[22] СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 13. Д. 154. Л. 1–6.

Эти цифры выглядели достаточно внушительными на фоне общего благосклонного отношения делегатов к кандидатам. Главным горьковским начальникам — первому, второму и третьему секретарям обкома ВКП(б), второму секретарю горкома и председателю облисполкома — довелось собрать наибольшее количество голосов «против»[23].

Таким образом, для анализа мы отобрали достаточно крупные региональные партийные организации РСФСР и не выявили ни одного результата тайного голосования, подобного тому, что был получен на X Ленинградской областной и VIII Ленинградской городской объединенной партийной конференции касательно первых лиц областного руководства. Повторим: вполне возможно, что ленинградский инцидент не был уникальным, и где-то на территории СССР подобное вполне могло иметь место. Тем не менее, проведенное исследование показывает отсутствие каких-либо оснований для утверждений, что «…объявление результатов выборов единогласными было распространенной партийной практикой в сталинское время, даже когда кандидаты избирались всего лишь подавляющим большинством голосов». Нет никаких оснований рассматривать фальсификации на ленинградской конференции как вполне обыденный случай и типичный пример тому, что «…антидемократические порядки, сложившиеся в партии, в полной мере действовали и в Ленинграде». Ученые делают столь однозначные, категоричные заявления о «распространенных партийных практиках», «антидемократических порядках», не располагая при этом ни одним доказательством, что подобное имело место где-то за пределами Ленинграда. Симпатии к погибшим в ходе «ленинградского дела» руководителям и стремление продемонстрировать негативные стороны действовавшей в то время системы власти не дает профессиональным историкам права прибегать к домыслам и фальсификациям. На то, чтобы сочинить миф, достаточно нескольких минут. Чтобы разоблачить этот миф, требуются немалые усилия на сбор доказательной базы.

Систему тайного голосования для выборов партийных комитетов и делегатов на вышестоящие партийные конференции

[23] ГОПАНО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6491. Л. 234–237.

И.В. Сталин ввел в управленческую практику в 1937 г. На региональном уровне она показывала, насколько тот или иной руководящий работник пользуется поддержкой местного управленческого корпуса. Сталин полагал, что тайное голосование является своеобразной проверкой руководящих кадров, осуществляемой «снизу»[24]. Действительно, крайне непопулярный работник мог «завалиться» на выборах. Но даже в случае, если кандидат проходил и при том набирал высокий процент голосов «против», это обстоятельство учитывалось в ходе проверки на предмет его соответствия занимаемой должности. Если к этому работнику имелись какие-либо иные крупные претензии, шансы потерять должность существенно возрастали.

В подтверждение, что эта система не являлась ширмой, прикрывавшей «антидемократические порядки», а реально функционировала, можно привести случай на Свердловской областной партийной конференции, состоявшейся в марте 1940 г. В ходе тайного голосования в состав членов обкома действующий секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам, андриановский выдвиженец Г.Г. Попов получил критическое количество голосов «против» — 108 из 380 делегатов вычеркнули его фамилию (претендентов было чуть больше, чем мест). Вместе со статусом члена обкома ВКП(б) он автоматически потерял рабочее место — кресло секретаря обкома по кадрам и заведующего отделом кадров. Для первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова такой исход тайного голосования явился полной неожиданностью, и ему в экстренном порядке пришлось подбирать новую кандидатуру. А для Г.Г. Попова пришлось подыскивать новую работу: сначала его пристроили заместителем начальника политотдела железной дороги по кадрам, затем назначили первым секретарем Камышловского райкома ВКП(б) Свердловской области[25].

В ходе разделения постов первых секретарей обкомов и горкомов ВКП(б) в 1950 г. второй секретарь горкома в Свердловске так и не

---

[24] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 15.

[25] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 5. Л. 62, 67–72; Оп. 66. Д. 2847. Л. 24–24об.

стал первым. Можно сказать, что работавший до того момента вторым секретарем Свердловского горкома ВКП(б) И.Ф. Красножёнов пал жертвой «внутрипартийной демократии». Всего за год работы в этой должности он успел настроить против себя свердловский управленческий корпус. На состоявшейся в феврале 1950 г. IX Свердловской городской партконференции делегаты подвергли его резкой критике за слабое руководство и грубость, а при тайном голосовании по выборам нового состава горкома 204 делегата из 593-х проголосовали против его кандидатуры. Руководство области такой результат голосования не предвидело, так как, судя по всему, именно Красножёнова готовили на место первого секретаря горкома. И хотя он прошел в состав горкома, как набравший больше половины «за», бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло решение не только не выдвигать его первым секретарем горкома, но и не оставлять вторым. Исходя из сложившейся ситуации, когда иной готовой, согласованной с ЦК кандидатуры не было, представитель обкома партии обратился к членам пленума горкома с просьбой воздержаться от избрания первого секретаря, и следующие полтора месяца кресло руководителя горкома оставалось вакантным. Самого И.Ф. Красножёнова через полгода вынужденного отдыха трудоустроили в облисполком заведовать отделом местной промышленности[26].

Касалось это не только исключительно партийных начальников. Когда в середине 1949 г. в Москве решалась судьба директора Челябинского Кировского завода, Героя соцтруда, генерал-майора, депутата Верховного совета СССР И.М. Зальцмана (обвиняемого в коррупции, растратах государственных средств, недостатках в руководстве предприятием, хамстве и расправе над теми заводскими коммунистами, кто смел его критиковать, то есть в «зажиме критики», нарушении «внутрипартийной демократии»), специально созданная межведомственная комиссия докладывала Г.М. Маленкову о результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана в составы парткома завода и Челябинского обкома

[26] Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950). Екатеринбург, 2007. С. 19–20, 116–117.

ВКП(б). Комиссия использовала эти результаты для оценки деловых и личных качеств директора[27].

Ленинградскому начальству на партконференции 1948 г. было далеко небезразлично, какие цифры они получат по результатам тайного голосования. «Я позволю напомнить товарищам следующее, — говорил на пленуме обкома и горкома в феврале 1949 г. первый секретарь Смольнинского райкома В.В. Никитин. — Известно, что на конференции из секретарей городского комитета партии больше всех голосов «против» получил Николаев и Левин. Товарищи помнят, как волновались эти товарищи. Видимо, это волнение было тоже не случайно. Видимо, товарищи предполагали, что полученное количество голосов против них могло сказаться на окончательном решении — избрании их как секретарей». На вопрос Г.М. Маленкова — если бы Капустин по полученным голосам «против» прошел бы в члены пленума последним или предпоследним, могло ли это обстоятельство отразиться на его избрании секретарем горкома — Никитин отвечал: «Если бы товарищ Капустин получил большое количество голосов “против” — этот вопрос мог быть поставлен»[28]. Отсюда понятно, почему результаты тайного голосования были столь болезненны для ленинградского начальства: это был вопрос их авторитета, престижа и карьерных перспектив. Неслучайно секретарь горкома Н.А. Николаев, услышав высокую цифру голосов «против», залился краской, что не осталось незамеченным среди участников конференции[29]. Секретарю горкома было от чего краснеть, ведь его показатели бросались в глаза на фоне нулей, полученных первыми лицами города и области.

«Свои нули» ленинградские вожди восприняли как должное[30]. Председатель счетной комиссии Тихонов сделал все от него зависящее, чтобы им не пришлось краснеть перед делегатами.

В независимости от того, как оценивать фигуру И.В. Сталина, — считать его жестоким тираном, с прогрессирующей подозрительностью на фоне естественных возрастных изменений в психике,

[27] Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016. С. 162–191; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 168.
[28] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 45–46.
[29] Демидов В., Кутузов В. Указ. соч. С. 60.
[30] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 10. Л. 5–6, 123–124.

озабоченным исключительно упрочнением личной власти, или выдающимся государственным деятелем, все усилия которого были направлены на укрепление могущества государства, — нетрудно догадаться, как воспринял он информацию о том, что внедренную им систему тайного голосования — неотъемлемую составляющую всех проходящих в стране партийных отчетно-выборных кампаний, оказывается можно без особого труда свести на нет, что с успехом продемонстрировали на ленинградской партийной конференции. Не будет удивительным, если в последующем, после рассекречивания всего комплекса документов по «делу», выяснится, что реакция вождя была чрезмерно острой, и даже болезненной.

Не столь важно, что счетная комиссия обнулила лишь по нескольку голосов «против», которые набрали ленинградские начальники, и что ей не пришлось скрывать десятки и сотни голосов. Главное здесь — сам факт фальсификации. И то, что этот факт имел место в Ленинграде, в независимости от того, получил ли Тихонов указания свыше, или это была его собственная инициатива, сам этот свершившийся факт свидетельствует о склонности ленинградской партноменклатуры к различным фальсификациям и иным нарушениям законности, о нарастающей атмосфере парадности в ущерб деловитости, и о самовозвеличивании ленинградского начальства.

Дополнительные тому подтверждения прозвучали в докладе первого секретаря горкома Ф.Р. Козлова на IX Ленинградской городской партийной конференции в 1950 г. Когда докладчик стал говорить о том, что «пробравшаяся к руководству ленинградской партийной организации антипартийная группа Кузнецова, Попкова и других причинила большой вред Ленинграду», первое, на чем он конкретно остановился, были не пьянство, растраты партийных и государственных средств и самоснабжение, а все та же фальсификация протокола счетной комиссии на областной и городской партконференции. Что лишний раз подчеркивает тяжесть содеянного ленинградским начальством по действовавшей в то время оценочной шкале партийных проступков. К тому же, как стало известно из доклада Ф.Р. Козлова, этот случай с фальсификацией был далеко не единичным, подобное имело место в нижестоя-

щих ленинградских властных структурах. Как показала проверка, результаты голосования были нужным образом «исправлены» на Ленинской и Фрунзенской районных партконференциях, в некоторых первичных парторганизациях Василеостровского района и даже на комсомольских собраниях. На IX Ленинской районной партконференции по указанию секретаря райкома Л.С. Ананьева были скрыты голоса против избрания П.С. Попкова делегатом на городскую партконференцию[31]. Иначе говоря, Тихонов не совершил революции в технологии подсчета голосов, а это уже была исподволь складывающаяся практика в функционировании ленинградских властных структур.

Подтасовка результатов тайного голосования на партийной конференции таила в себе реальную угрозу для сталинской власти, так как «ленинградцы» продемонстрировали способ свести на нет систему тайного голосования в партийных организациях. Потому фальсификации стали предметом тщательных разбирательств, получили резкую оценку со стороны высшего руководства и вполне могли повлиять на решение Сталина подвергнуть основных фигурантов «ленинградского дела» жесткому наказанию.

Библиографический список

Амосова А.А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937–1950. СПб., 2014.

Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х — начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 94–112.

Ваксер А.З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005.

Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 5–174.

Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 18. Нояб. С. 15–21.

Кутузов В. «Ленинградское дело» // Диалог. 1987. № 19. Дек. С. 15–23.

Кутузов В.А. «Ленинградское дело»: мифы и реалии // Судьбы людей. «Ленинградское дело». СПб., 2009. С. 43–49.

Кутузов В.А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.

[31] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50. Д. 1360. Л. 62, 223.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 3–23.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998.

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002.

Садовин В.В. Испытал на себе // «Ленинградское дело». Л., 1990. С. 263–272.

Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург, 2016.

Сушков А.В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вт орые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург, 2007.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

Sushkov A.V.

"Do you know that this is a crime verging on provocation?" Some aspects of the "Leningrad affair"

The article deals with falsification of the results of secret voting at the Leningrad party conference in 1948. There is an disseminate opinion among historians that such practices were widespread in the party apparatus of the country, and the sharp reaction from the supreme authority to violations in Leningrad was due to the desire to destroy the "Leningrad group" of leaders. However, this point of view is groundless and is not confirmed in archival documents. The threat to the Stalinist system of power was that the "Leningraders" demonstrated a way to nullify the system of secret voting in party organizations, which was introduced by Stalin in 1937.

Keywords: *"Leningrad affair", party and state system of the power, "late Stalinism" period, administrative practices*

Тарасова Нина Анатольевна
к.и.н., доцент кафедры управления, социальной работы и права,
Нижнетагильский государственный социально-педагогический
институт (филиал РГППУ) (Нижний Тагил, Россия)
E-mail: Nintarasova@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ МОТИВАЦИЕЙ ТРУДА ПЕРСОНАЛА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В 1956–1986 гг.

УДК 930.22

В статье рассматриваются основные мотивы персонала промышленных предприятий и возможности их удовлетворения в условиях советского общества. Основными удовлетворявшимися потребностями работников в советское время были потребности в безопасности и защищенности, социальные потребности и потребности в самоуважении.

Ключевые слова: *мотивация, потребности, профессиональная, инструментальная мотивация, ценности*

Мотивация — это процесс побуждения человека к деятельности для достижения целей. Изучая мотивацию необходимо сосредоточиться на факторах, которые побуждают действия и усиливают их. Это мотивы, потребности и стимулы.

Разнообразие теорий показывает, что отсутствует какое — либо общее учение, объясняющее, что лежит в основе мотивации человека и чем мотивация определяется. Содержательные теории базируются на изучении потребностей человека, которые и являются основными мотивами их поведения, а, следовательно, и деятельности. Процессуальные теории рассматривают потребности как один из элементов поведенческого процесса, связанного с конкретной ситуацией. Здесь говорится о распределении усилий личности и выборе определенного вида поведения для достижения конкретных целей. Процессуальные теории свидетельствуют о том, что устойчивая мотивация порождается содержательной работой. Следовательно, на первый план выступает роль труда в процессе мотивации.

Роль труда в развитии человека и общества проявляется в том, что в процессе труда создаются не только материальные и духовные ценности, предназначенные для удовлетворения потребностей людей, но и развиваются сами работники, которые приобретают навыки, раскрывают свои способности, пополняют и обогащают знания. Творческий характер труда находит свое выражение в появлении новых идей, прогрессивных технологиях, более совершенных и высокопроизводительных орудиях труда, новых видах продукции, материалах, энергии, которые, в свою очередь, ведут к развитию потребностей. Таким образом, в процессе трудовой деятельности не только производятся товары, оказываются услуги, создаются культурные ценности и т. д., но появляются новые потребности с требованиями их последующего удовлетворения[1].

Труд как общественное явление нуждается в организации на уровне отдельного предприятия, отраслей народного хозяйства и общества в целом. Применительно к предприятию мотивация может выражаться:

— в повышении производительности труда;

— в применении более эффективных средств и технологий для проведения производственных операций;

— в оптимальном использовании имеющихся человеческих и материальных ресурсов;

— в совершенствовании организации труда и подготовки кадров;

— в разработке и внедрении новых видов продуктов предприятия.

Управленческое воздействие на трудовое поведение работников, а через него на трудовую мотивацию может осуществляться через систему мер организационного, экономического и нравственно-психологического воздействия по следующим направлениям:

— установления обязательных для выполнения норм, требований, регламентирующих трудовую деятельность;

— стимулирование необходимого поведения, направленного на реализацию целей и задач органов управления предприятием;

[1] Адамчук В.В. Экономика и социология труда. М., 2000. С. 4–7.

— формирования определенных ценностей, норм и правил трудовой этики, эталона личности, следование которому означает получение общественного признания.

Первое направление реализуется в основном организационными, административными методами, второе — через стимулирование и третье — на основе мотивирования работников. Соотношение отдельных направлений воздействия на трудовое поведение зависит от того, в какой ситуации и с какой целью они применяются, в какой степени цели органов управления соответствуют интересам работников[2].

Мотивирующие факторы индивидуальны для каждой организации, каждой эпохи, каждого поколения.

Рассмотрим подробно стимулы, которые оказали влияние на мотивы трудовой деятельности в рассматриваемый период времени.

Для периода 1956–1986 гг. была характерна социалистическая идеология, которая являлась основой скрепляющей ценности социалистического общества. Вера в справедливое общество пошатнулась в 1956 г., когда на XX съезде КПСС, Н.С. Хрущев произнес свой доклад «О культе личности и его последствиях». С этого момента начинается трансформация системы ценностей советского общества.

Одновременно произошло смещение акцента из идеологической области в область хозяйственной деятельности. Декларируемое коммунистическое общество (как официальная ценность и конечная цель развития) стало рассматриваться как общество «с высоким уровнем жизни» и «материальным благосостоянием». Таким образом, акценты из идеологической сферы были перенесены в область хозяйственной деятельности. Это выразилось в стремлении к материальному благополучию, что превратилось из негативной в позитивную ценность.

Начался длительный процесс размывания моральных ценностей эпохи социализма. Особенно сильное влияние данный процесс оказал на мотивацию труда.

---

[2] Аллин О.Н. Кадры для эффективного бизнеса. Подбор и мотивация персонала. М., 2005. С. 140–144.

Для периода 1940–1955 гг. эффективно работали такие мотивы, как «патриотизм», построенный на преданности работника своему делу, коллективу, стране, «народному хозяйству». Этот тип мотивации с конца 1950-х гг. стал дополняться «профессиональной мотивацией» — труд стал рассматриваться, как возможность для работника реализовывать свои знания, умения, интересы. Государство на этом этапе вкладывало значительные средства в поиск и развитие способностей и потенциальных возможностей каждого человека.

С кризисом системы ценностей, возникает необходимость в сочетании идеологических и экономических методов мотивации труда. Все большее значение приобретает «инструментальная» мотивация — труд начинает рассматриваться как источник различного рода благ (зарплаты, жилья, мест в детских садах, дачных участков, дефицитных товаров и прочих благ, которые выступают в качестве вознаграждения за труд). Инструментально ориентированного работника интересует в большинстве своем цена, которую можно получить за ту или иную работу.

В период 1956–1986 гг. для повышения благосостояния трудящихся и улучшения условий жизни были проведены преобразования в социальной сфере, удовлетворяя тем самым потребности в безопасности и защищенности.

Принятие закона о сокращении рабочей недели было осуществлено в 1956 г., то есть произошло снижение с 48 до 46 часов, суббота стала коротким рабочим днем. В период семилетки эта неделя снизилась в среднем до 40 часов, что стало следствием работы служащих и рабочих 5 дней в неделю по 7 часов. К концу 1960 г. субботние часы распределили между другими рабочими днями, и в результате стало два выходных дня: суббота и воскресенье. Было принято решение об увеличении оплачиваемого отпуска по беременности и родам: 56 рабочих дней до родов и 56 дней после родов[3].

Одним из основных преобразований явился закон о пенсионном обеспечении, который был введен в июле 1956 г., затронувший интересы многих граждан страны. На размер пенсии оказывал влия-

[3] Закон СССР от 07.05.1950 г. О завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семичасовой рабочий день // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm (дата обращения: 25.12.2017).

ние возраст и стаж работы, так мужчины имели право уйти на пенсию, если их трудовой стаж был равен 25 годам в 60 лет, женщины при 20-летнем стаже в 55 лет. Люди, работавшие во вредных условиях труда, уходили на пенсию по льготному стажу[4].

Согласно Положению о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию, утвержденному постановлением Президиума ВЦСПС от 5 февраля 1955 г.[5] пособие по временной нетрудоспособности стало выдаваться независимо от продолжительности непрерывного стажа работы. Был повышен нижний предел пособия по временной нетрудоспособности с 50 % до 60 % заработка, что соответствовало требованиям Конвенции МОТ. Также были сняты противоречащие страховым принципам и международной практике ограничения при назначении пособий работникам, не состоящим членами профсоюза.

Для обеспечения социальной защищенности работников оплата труда, опиралась на тарифные ставки и разряды. На протяжении 1956–1966 гг. были разработаны новые условия организации заработной платы, предусматривающие решение двух основных задач: повышение заработной платы низко- и среднеоплачиваемых работников и устранение неоправданных различий в оплате труда; введения единых для каждой отрасли тарифных условий, улучшения нормирования труда[6].

Удовлетворению социальных потребностей способствовала бригадная форма организации труда. Это выражалось в стремлении к участию в совместных действиях. Работник ощущал принадлежать к коллективу и имел возможность установить хорошие отношения со своими коллегами. В результате это способствовало сплочению коллектива, высокой стабильности его состава,

---

[4] Постановление Совмина СССР от 22.08.1956 г. № 1173 «Об утверждении производств… работа в которых дает права на льготную пенсию» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4612.htm (дата обращения: 25.12.2017).

[5] Положение о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию утверждено Постановлением Президиума ВЦСПС от 5 февраля 1955 года в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1955 г. № 113 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4997.htm (дата обращения: 25.12.2017).

[6] Экономика и финансы предприятий. М., 1976. С. 97–98.

снижению текучести кадров и нарушений трудовой дисциплины. В промышленном производстве техническое и организационное совершенствование привело к увеличению удельного веса работ, на которых бригадная форма являлась единственно возможной. Численность занятого персонала в бригадной форме организации труда[7] представлена на рисунке 1.

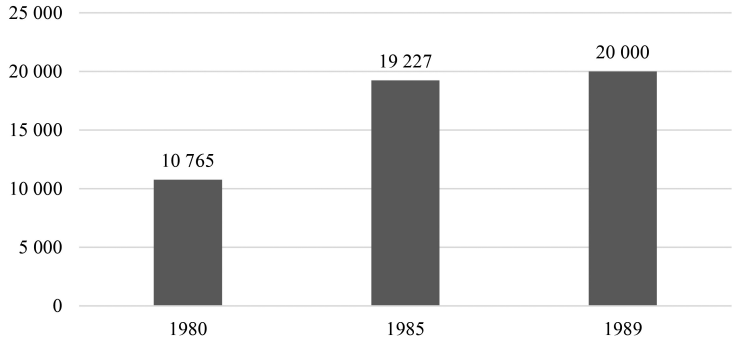


Рис. 1. Численность персонала, занятых в бригадной форме организации труда, *тыс. чел.*

Главным показателем эффективности бригадной формы организации и стимулирования труда являлся рост его производительности.

Также широкое распространение в промышленности получила сдельно — премиальная система оплаты. Сдельно — премиальная система представляет собой сочетание сдельной системы оплаты с премированием рабочих за улучшение определенных показателей[8].

В 1965 г. была проведена экономическая реформа управления народным хозяйством и планирования, осуществленная в 1965–1970 гг. Она характеризовалась внедрением экономических методов управления, расширением хозяйственной самостоятельности

[7] Статистический ежегодник. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991 // Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/433 (дата обращения: 25.12.2017).

[8] Экономика и финансы предприятий. С. 97–98.

предприятий, объединений и организаций, широким использованием приемов материального стимулирования. Связывалась с именем председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. Реформа привела к экономическому подъему, что отразилось в росте производительности труда.

В качестве важнейшего был введен показатель полученной прибыли. Полученная прибыль формировалась в фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Первый использовался для премирования работников предприятия. За счет второго осуществлялись строительство и ремонт жилья, детских садиков, столовых, клубов, домов отдыха, санаториев, пионерских лагерей, спортивных баз. Оба фонда шли на улучшение материального положения работников данного предприятия, и они были заинтересованы в росте этих фондов[9]. С начала 1960-х гг. наблюдался быстрый рост прибыли предприятий и организаций.

Меняется и сам характер труда на предприятиях. Некоторые отрасли и предприятия (прежде оборонные, машиностроительные) оказывались в более привилегированном положении. Материальное положение человека в значительной степени зависело от того, на каком предприятии он работал. Это неравенство постепенно оказывало влияние на систему ценностей и увеличение значения инструментальной мотивации.

В период с 1956–1985 гг. численность промышленно-производственного персонала интенсивно увеличивалась (см. рис. 2). Если в 1955 г. численность составляла 17 362 тыс. человек, то в 1985 г. — 38 103 тыс. человек, то есть увеличилась на 54 %[10].

Однако с 1985 г. наблюдается уменьшение численности промышленно-производственного персонала, если в 1985 г. численность персонала составляла 38 103 тыс. чел., то в 1989 г. — 35 286 тыс. чел. (см. рис. 2). Это связано с сокращением производства в это период.

---

[9] Экономическая реформа 1965 года // Энциклопедия России. URL: http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=290 (дата обращения: 25.12.2017).

[10] Статистический ежегодник. Народное хозяйство СССР в 1990 г.; Статистический ежегодник. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981 // Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/17071 (дата обращения: 25.12.2017).

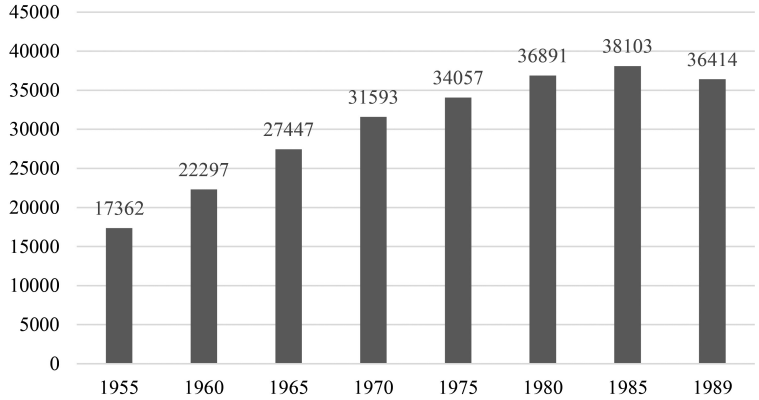


Рис. 2. Динамика численности персонала в промышленности, *тыс. чел.*

В стране появлялись новые отрасли и производства, в связи с этим, увеличивался и удельный вес рабочих в промышленно-производственном персонале, а также доля ИТР в общей численности промышленно — производственного персонала, с 9 % в 1955 г. до 18 % в 1985 г. (см. рис. 3).

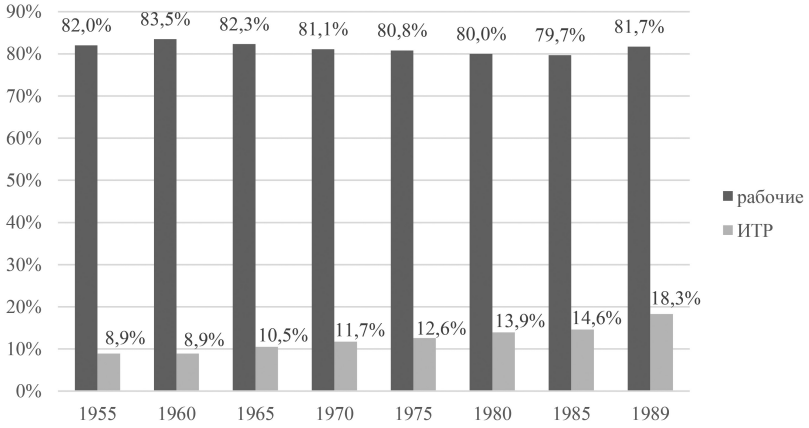


Рис. 3. Удельный вес рабочих,
ИТР в промышленно–производственном персонале, *%*[11]

[11] Статистический ежегодник. Народное хозяйство СССР в 1990 г.

Особенно это заметно в период с 1975–1980 гг. Во многом росту численности ИТР способствовала система распределения молодых специалистов.

Научно-технический прогресс сопровождался появлением многих новых профессий, требующих высокой квалификации, большого объема научных знаний, широкого технического и экономического кругозора, одновременно сокращалась доля неквалифицированного, малоквалифицированного и тяжелого ручного труда. В связи с этим в период 1965–1985 гг. резко возросла численность персонала, повысившая квалификацию, увеличившись в 1985 г. по сравнению с 1965 г. на 47 % (см. рис. 4).

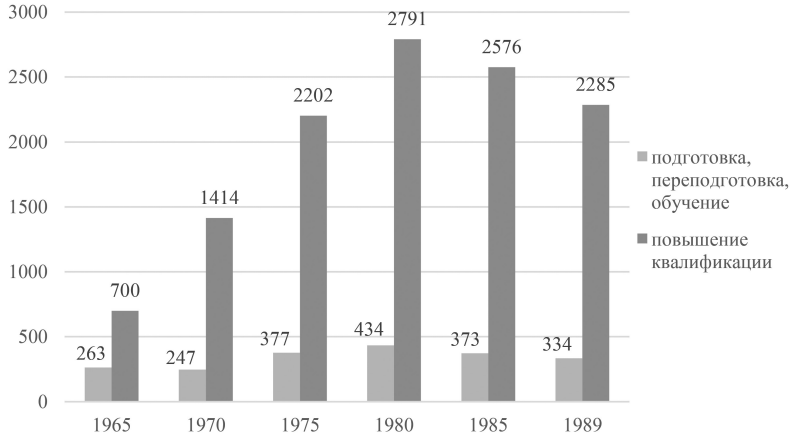


Рис. 4. Динамика численности подготовки, переподготовки и обучения новых работников и повышения квалификации в промышленности, *тыс. чел.*[12]

Производительность труда в промышленности в период 1956–1989 гг. также изменялась. На рубеже 1950–1960-х гг. происходит заметное изменение показателей производительности труда (см. рис. 5). Если в пятилетку 1950–1954 гг. она соответствовала 100 %, то в дальнейшем прослеживается тенденция к снижению производительности труда.

[12] Статистический ежегодник. Народное хозяйство СССР в 1990 г.

Экономическая реформа 1965 г. наиболее успешно проявила себя в годы восьмой пятилетки (1966–1970). Объем промышленного производства вырос на 50 %. Было построено около 1 900 крупных предприятий. Однако в 1970-е гг. вновь начался спад темпов развития народного хозяйства. Реформа 1965 г. «ушла в песок», хотя ее никто никогда не отменял. Рыночные механизмы управления производством были задавлены командно-административной системой. За 15 лет (1970–1985) темпы роста упали до уровня экономической стагнации (застоя), противоречия приобрели предкризисные формы.

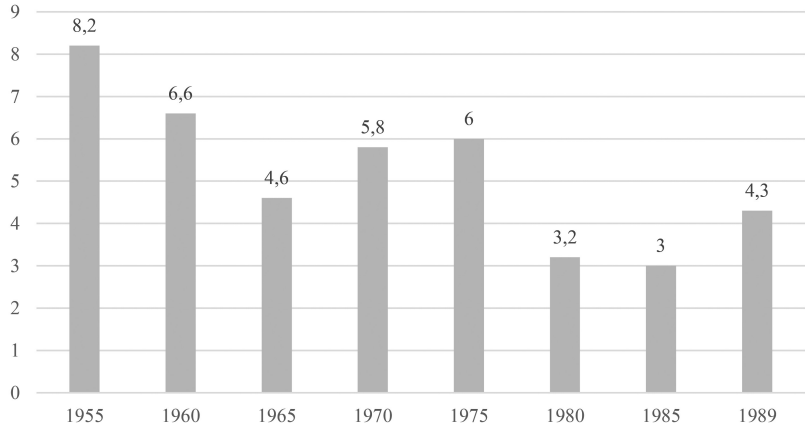


Рис. 5. Темпы прироста производительности труда в промышленности (на одного работающего по пятилеткам), *%* [13]

В то же время в СССР проводилась широкомасштабная социальная политика. Отсутствие безработицы, бесплатное образование и здравоохранение, гарантированное пенсионное обеспечение, высокие расходы государства на науку, культуру, спорт требовали крупных бюджетных средств, которые все с большим трудом доставляла экстенсивная экономика. Кроме того, огромных затрат стоило содержание раздутого государственного аппарата, прежде всего, вооруженных сил.

[13] Там же; Труд. Большая советская энциклопедия СССР // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129098/СССР (дата обращения: 25.12.2017).

Но, несмотря на это, в системе продолжали эффективно работать такие мотивы, как «патриотизм». В 1960-е гг. по всей стране получило широкое распространение новое патриотическое движение — соревнование за коммунистический труд. Большую роль в организации и развитии соревнования играла сила примера, стремление овладеть методами и приемами труда передовых рабочих. Формами и методами распространения передового опыта были: лекции по обмену опытом и лекции-показы, «дни новаторов» и т. п. Таким образом, соревнование за коммунистический труд укрепляло товарищескую взаимопомощь и способствовало росту всех рабочих участка, цеха до уровня передовых. Очень важным условием организации соревнования явилась систематическая проверка хода соревнования и показ его результатов. Для этого использовались Доски соревнования, цеховые и общезаводские Доски почета, Книга почета предприятия, куда заносились победители. Подведение итогов соревнования обычно проводилось на собраниях соревнующихся коллективов.

Среди других социальных мероприятий имели место коммунистические субботники, еженедельные политинформации, помощь подшефным колхозам и совхозам в уборке урожая, походы на овощные базы с отрывом от производства, участие в народных дружинах, патрулировавших вместе с милицией темные дворы и улицы, первомайские и ноябрьские демонстрации и некоторые другие.

Несмотря на государственную направленность этих мероприятий, они, тем не менее, действительно сплачивали работников в единый трудовой коллектив, имели место дружеские и товарищеские отношения между коллегами по работе.

На протяжении 1950-х — 1980-х гг. на предприятиях продолжали действовать партийные ячейки. Численность членов партии с каждым годом возрастала.

Что касается карьеры работников, то политический статус рабочего класса был достаточно высок в соответствии с идеологией СССР. Эта идеология помогала подняться наверх тем, кто начал свою карьеру с рабочей специальности или, по крайней мере, вышел из рабочей семьи. На протяжении всего периода времени партией и правительством пропагандировался престиж рабочей

профессии. Советский рабочий класс был аналогом «среднего класса». Рабочие прославлялись в газетах, на телевидении, как носители подлинной мудрости, духовности, морали и патриотизма.

По мере роста материального благосостояния и культурного уровня трудящихся, возрастали их потребности в обеспечении на производстве благоприятных условий труда и должного бытового обслуживания. Там, где этим вопросам уделялась мало внимания, отмечалась повышенная текучесть кадров по причине неудовлетворенности условиями труда. Также устранение различных факторов, неблагоприятно воздействующих на организм работника, приводила к ликвидации профессиональных и производственно-обусловленных заболеваний и сокращению потерь рабочего времени из-за временной нетрудоспособности, что являлось существенным резервом роста производительности труда.

Улучшение условий труда осуществлялось в результате внедрения комплекса мероприятий, связанных с объективной оценкой существующих условий труда, эргономикой, внедрением нормативов, стандартов, требований и рекомендаций, разрабатываемых Институтом гигиены труда и профзаболеваний Свердловской области.

К середине 1980-х гг. СССР оказался в состоянии глубокого экономического, политического и социального кризиса системы. Это повлияло на промышленность в части технического оснащения, условий труда, заработной платы, а также на отношение персонала к работе.

С середины 1980-х гг. люди стали оставлять те профессии, которые любили и в которых могли добиться значимых результатов, и стали уходить на так называемые «доходные места», чтобы иметь возможность жить богаче. Соответственно для людей поменялись стимулы к работе и уже тогда некоторые выбирали работу, позволяющую им обеспечить доступ к хорошей должности.

Подводя итог, следует отметить, что в период 1956–1986 гг. постепенно менялись нормы и правила поведения, а с ними и мотивы трудовой деятельности. В этот период изменился характер труда. Из общественного труда, он превращался в рыночный. Основными удовлетворявшимися потребностями работников в советское время были потребности в безопасности и защищен-

ности, социальные потребности и потребности в самоуважении. Все большее приобретать значение «инструментальная» мотивация — труд рассматриваться работниками как источник различного рода благ.

Самыми сильными сторонами сложившейся системы на этот период были: бесплатное здравоохранение; гарантированная занятость; пенсионное обеспечение; бесплатное жилье.

Библиографический список

Адамчук В.В., Ромашов О.В., Сорокина М.Е. Экономика и социология труда. М., 2000.

Аллин О.Н., Сальникова Н.И. Кадры для эффективного бизнеса. Подбор и мотивация персонала. СПб., 2005.

Tarasova N.A.

Management of the motivation of the labor of personnel of industrial enterprises in 1956–1986

In the article the basic motives of the personnel of industrial enterprises and opportunities to meet them in the conditions of Soviet society. Satisfy the basic needs of workers in the Soviet period were the needs in safety and security, social needs and needs for self-esteem.

Keywords: *motivation, needs, instrumental motivation, values*

Урожаева Татьяна Петровна
к.и.н., Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)
E-mail: *olgoy@ya.ru*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОБЛЕМЫ ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.

УДК 908.623.6

В первой половине 1990-х гг., в условиях начавшегося радикального реформирования экономики страны, промышленность Иркутской области оказалась в чрезвычайно сложных условиях. Промышленность не могла компенсировать даже амортизационных расходов. К 1996 г. объем инвестиций в промышленность сократился в три раза по сравнению с 1991 г., а уровень физического и морального износа основного капитала оказался беспрецедентным.

Ключевые слова: *реформирование экономики, приватизация, банкротство, монопрофильные предприятия*

В 1990-е гг. в России произошли глобальные изменения. Их основным итогом стал переход от планово-административной модели экономики к либерально-рыночной, возникновение хронического экономического и социального кризиса. Промышленность также оказалась в кризисном положении, она стала глубоко деформированной и в значительной степени неконкурентоспособной.

В первой половине 1990-х гг., в условиях начавшегося радикального реформирования экономики страны, промышленность Иркутской области оказалась в чрезвычайно сложных условиях. Промышленность не могла компенсировать даже амортизационных расходов. К 1996 г. объем инвестиций в промышленность сократился в три раза по сравнению с 1991 г., а уровень физически и морального износа основного капитала оказался беспрецедентным. Показатель спада промышленного производства уже за 1992 г. вырос до 18 %[1].

Системный кризис 1991–2000 гг. привел к обвалу индустриального сектора и кардинальному изменению его отраслевой

[1] Кулешов В.В. Хроника времен переходного периода // ЭКО. 1992. № 8. С. 4.

структуры под влиянием изменившейся формы собственности. В данный период падение производства было самым масштабным в XX столетии. В 1998 г. в низшей точке промышленного спада ВВП России составлял чуть более половины от предкризисного максимума 1989 г. Иркутская область не осталась в стороне от разрушительных процессов. К 1996 г. в Приангарье ВВП в индустриальной сфере составил всего 49 % от уровня 1989 г.[2]

Вдвое, по сравнению с 1989 г., уменьшились объемы выпуска продукции градообразующими предприятиями. В 1993 г. значительно снизились темпы прироста производства, особенно в Бодайбо (47,6 %), Усть-Илимске (36 %), Свирске (34,5 %). Из 1 744 предприятий области 313 получили убытки.[3]

В Приангарье был создан прецедент применения Закона о банкротстве: в мае 1993 г. областной арбитражный суд начал рассмотрение дела о признании несостоятельности (банкротстве) Коршуновского ГОКа по заявлению АО «Иркутскэнерго». По словам главного инженера АО «Иркутскэнерго» С.В. Куимова, долг Коршуновского ГОКа на май 1993 г. составил около 500 млн руб.[4]

В октябре 1990 г. по решению трудовых коллективов лесопромышленного комплекса, была образована хозяйственная ассоциация смежных предприятий «Илимсклес». Причиной выхода из объединения Усть-Илимского ЛПК послужило положение о лесозаготовительных предприятиях в качестве «сырьевого придатка» комплекса и установление монополии лесопереработчиков над лесозаготовителями, грубое администрирование и ущемление прав самостоятельности лесозаготовительных предприятий со стороны руководства ТПО «УИ ЛПК».

Предприятие единого производственного объединения «Усть-Илимский ЛПК» в 1993 г. переродилось в 40 самостоятельных акционерных обществ. Еще недавно связанные общей технологией,

---

[2] Ножиков Ю.А. «Без жесткого курса не выправить ситуацию»: О социально-экономическом положении области: Беседа с главой Администрации Иркут, обл. Ю.А. Ножиковым // Гудок. 1996. 16 мая. С. 2.

[3] Показатели социально-экономического развития Иркутской области в 1993 г. Иркутск, 1994. С. 95–134.

[4] Куимов С.В. Энергия Ангары вдохнет жизнь в экономику региона // Восточно-Сибирская правда. 1998. 28 марта. С. 2.

инженерными коммуникациями, подразделения вдруг разбежались и вскоре обанкротились. Вместо обещанных прибылей, дивидендов, зарплаты в валюте началось обвальное крушение производства и связанные с ним трудностей сбыта продукции, неплатежи друг другу и в бюджет города, района.

Крутой спад производства Усть-Илимского целлюлозного завода начался со второго полугодия 1993 г. По словам генерального директора целлюлозного завода А.В. Шевелева, «Над нами будто сгустились тучи: рост цен на энергоносители, ж/д тарифов, таможенных пошлин, вздорожало сырье, химикаты — и при этих огромных затратах наша целлюлоза стала дорогой, неконкурентоспособной. К тому же резко упал спрос на нее в РФ и в странах СНГ до 40 тыс. т, тогда как в 1990 г. он составлял более 370 тыс. т. Цена упала — с 310 до 240–260 долл. за тонну, что пагубно отразилось на финансовом состоянии коллектива». Из 330 рабочих дней в 1993 г. только 53 дня Усть-Илимский целлюлозный завод действовал тремя потоками, в остальное время работал один, да и то по укороченной неделе. Четверть годового времени работники находились в вынужденных административных отпусках. В целом, лесохимики сработали в 1993 г. с убытком в 564 млн руб.[5]

С начала 1995 г., когда окончательно сформировался концерн «Усть-Илимский лесопромышленный комплекс», происходило наращивание объемов выпускаемой продукции. За полгода по сообщению пресс-службы, было сварено целлюлозы на 216 % больше, чем за аналогичный период 1994 г. (215 тыс. т). По ДСП объем продукции вырос в 3,5 раза и составил 60 тыс. м куб. Лесной комплекс стал действовать в едином технологическом ритме. 21 трудовой коллектив добровольно объединился в концерн[6].

Затяжка с перепрофилированием другого гиганта лесохимии — Байкальского ЦБК, исковое заявление в арбитражный суд госкомитета по вредной деятельности целлюлозно-бумажного комбината подвигли исполнительную власть вновь вернуться

[5] Калинкин В. Ультиматум не накормит: о деятельности Усть-Илимского целлюлозного завода // Лесная газета. 1994. 30 марта. С. 9.

[6] Концерн набирает мощь (о ситуации на УИ ЛПК) // Лесохимик Усть-Илима. 1995. 16 авг. С. 1.

к проблемам города Байкальска. Как заметил заместитель главы администрации Н.В. Мельник, остановка производственной деятельности комбината, привела бы к социальной и экологической катастрофе в городе. Аналогичные последствия, по его словам, ожидали Байкальск и в случае отмены льгот комбинату по платежам за загрязнение окружающей среды. Генеральный директор БЦБК В.В. Глазырин считал, что в первую очередь надо разрабатывать концепцию социально-экономического развития города и как часть ее — перепрофилирование комбината, за счет которого на 90 % формировался городской и на 80 % районный бюджеты[7].

Как оценивали жители г. Байкальска перспективы решения проблемы целлюлозно-бумажного комбината? По данным выборочных социологических опросов, проведенных в Байкальске сотрудниками Иркутской государственной экономической академии в 1988 и 1993 г., в период «перестройки» (1988) за закрытие и перепрофилирование БЦБК высказывалось большинство респондентов (60 %). В 1993 г. эту идею одобряло всего лишь 25 % жителей города. Одновременно увеличилось число сторонников усовершенствования технологии производства (с 30 до 56 %)[8].

На примере АО «Саянскхимпром» можно анализировать не только широко распространенное в индустрии Приангарья «заболевание», но и его основные причины. У саянских химиков на 1995 г. было учтено переписью различного оборудования, подлежащего установке на 494 млн руб.[9]. Это было вызвано недостатком средств на запланированные объемы капитального строительства, отставанием строительно-монтажных работ на пусковых объектах из-за нехватки рабочей силы и нужных материалов, что в свою очередь, отодвигало сроки ввода производственных мощностей. В «Саянскхимпроме» с 1990 г. так и не

---

[7] Богачев Е. Областной административный комитет одобрил проект постановления главы областной администрации «О социально-экономическом развитии города Байкальска» // Восточно-Сибирская правда. 1998. 25 нояб. С. 1.

[8] Сайков В. Кто же хозяин на Байкале?: О рабочем совещании экспертной группы правительственной комиссии по перепрофилированию БЦБК в г. Байкальске // Восточно-Сибирская правда. 1996. 27 авг. С. 2–3.

[9] Тараканов М.А. Химический комплекс Иркутской области в годы российских экономических реформ (1991–2005 гг.). Иркутск, 2006. С. 52.

пустили в строй кислородные установки, а с 1993 г. — паровой котел[10].

Производственное объединение «Саянскхимпром» в первой половине 1990-х гг. удавалось «держаться на плаву» за счет отсутствия платежей за основные фонды и высокой рентабельности от экспорта, доходившей до 43 %. Мировые цены на поливинилхлорид тогда достигли 1 тыс. долл. за тонну, в то время как внутри страны цены на сырье оставались стабильными. Серьезные убытки, по словам гендиректора «Саянскхимпрома» В.М. Емельянова, начались с 1994 г., когда выпустили продукции меньше половины от проектной мощности, тогда как согласно проекту при такой загрузке производство было экономически неэффективно. Потеряв терпение, кредиторы выставили ПО «Саянскхимпром» счет, и в 1995 г. возникло беспрецедентное по тем временам дело о банкротстве, которое рассматривал Иркутский областной арбитражный суд[11].

В период экономического спада 1990-х гг., вследствие невостребованности металла в собственной стране, алюминиевые комбинаты были вынуждены начать широкую реализацию своей продукции на международном рынке, что позволило сохранить созданный потенциал отрасли, продолжить ее развитие и тем самым обеспечить сравнительно высокий уровень жизни населения Шелехова[12].

Руководство Сибирско-Уральской алюминиевой компании, в которую вошел Иркутский алюминиевый завод, проводило политику, направленную на развитие самостоятельности структурных подразделений. Начавшаяся с осени 1998 г. структурная перестройка на Иркутском алюминиевом заводе была вызвана, в частности, необходимостью повысить экономическую эффективность при производстве кремния. С 1996 г. цех кристаллического кремния работал с убытком, который сказывался на электролизном производстве. Снижение внутреннего потребления кремния

[10] Смолин А. Трудные дни саянских химиков: о проблемах АО «Саянскхимпром» // Народная газета. 1993. 27 нояб. С. 2–3.

[11] Соловьев Ю. Саянский тупик: Об АО «Саянскхимпром» // Гудок. 1996. 7 фев. С. 4–5.

[12] Ластовский Э. Город смотрит в будущее // Шелеховский вестник. 2000. 8 дек. С. 2.

привело к тому, что в цехе работали лишь две печи. Было принято решение о выделении этого подразделения из состава компании.[13]

Нестабильной оставалась ситуация на градообразующем предприятии г. Свирска ПО «Востсибэлемент». Осенью 1991 г. отставание предприятия по выпуску плановой продукции составило 2,6 млн руб. В среднем за месяц «Востсибэлемент» изготавливал своих изделий на 15–18 млн руб. Госзаказ у завода составлял 95 %. Значительная доля продукции изготавливалась по заказу Министерства обороны. Кроме того, здесь выпускались гальванические элементы различного назначения, в том числе аккумуляторы нескольких модификаций.

Между тем концерн «Минэлектротехприборстрой», созданный на базе Министерства электротехнической промышленности и приборостроения, как и прочие столичные инстанции, в 1991 г. далеко не полностью обеспечили всем необходимым цеха завода. Например, моноблоками из Красноярска только на 50 %. Из-за хронической нехватки цинковой рондоли, использующейся для изготовления отрицательных электродов, в октябре 1991 г. на грани остановки оказался весь завод. На предприятии начались простои из-за срыва поставок сырья. Электроды, приготовленные для сборки в блоки, стали храниться в складских помещениях много больше разрешенного ГОСТом срока, и в результате утрачивалась их эксплуатационная годность[14].

В июне 1993 г. директор завода М.П. Прохоров, в соответствии с программой, издал приказ о временном изменении режима работы в сторону сокращения рабочей недели на один рабочий день. Результат — сокращение расходов на повременную оплату труда и накопление материальных ресурсов за счет меньшей интенсивности выпуска изделий[15]. Маломощное предприятие было обречено

---

[13] Структурная перестройка на ИркАЗе // Шелеховский вестник. 1998. 29 дек. С. 2; Волков Н. Иркутский кремний не выдержал демпинга: О закрытии электротермического цеха на Иркутском алюминиевом заводе // Восточно-Сибирская правда. 1998. 7 фев. С. 3.

[14] «Свирское зазеркалье» (о проблемах в работе ПО «Востсибэлемент») // Советская молодежь. 1991. 21 нояб. С. 3.

[15] Ковальская Т. Стеной встали против банкротства на Свирском заводе «Востсибэлемент» // Восточно-Сибирская правда. 1993. № 123. 7 июня. С. 1.

на банкротство, поскольку прибыльность его не только не обеспечивала пополнение оборотных средств для развития, внедрения новых технологий, но даже не позволяла выплачивать зарплату работникам.

После масштабной приватизации перестали существовать единые хозяйственные комплексы региона. Все это сопровождалось системным кризисом, который поставил экономику на грань выживания. К 1997 г. объем промышленного производства Иркутской области упал до 47 % от уровня 1990 г. Две трети действующих предприятий Приангарья стали убыточными. Останавливали работу градообразующие предприятия «Усть-Илимский ЛПК», «Саянскхимпром»; испытывали большие трудности ИркАЗ и Коршуновский ГОК[16].

На каждом третьем предприятии производственный потенциал был задействован не более чем на 30 %. Таким образом, была возможность расширения производства продукции. Однако сильнейшим сдерживающим фактором являлся, как и прежде, дефицит денежных средств (на приобретение сырья, материалов, оплату топливно-энергетических ресурсов). «Тормозом» служил также недостаточный спрос на продукцию (таковым его считали 42 % опрошенных руководителей предприятий). Наряду с этими причинами большинство руководителей в процессе анкетирования называли неопределенность экономической обстановки. Большая часть опрошенных «командиров производства» существенных изменений в результатах деятельности вверенных им предприятий в ближайшее время не предполагало[17].

Сложившаяся в течение десятилетий административная модель освоения и развития восточносибирского региона привела к возникновению специфической формы организации производства — формированию региональных монопрофильных производственных комплексов, неотъемлемым элементом их экономики выступали сфера жизнеобеспечения населения (создание, эксплуатация и развитие расположенной на его территории регио-

[16] Иркутская область в 1997–2001 гг. (Отчет губернатора Иркутской области Б.А. Говорина). Иркутск, 2001. С. 14.

[17] Каждый четвертый — пессимист // СМ-номер один. 2000. 26 янв. С. 2.

нально-неэффективной жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры). Это существенно ограничило конкурентные возможности названных комплексов. Утрата региональных конкурентных преимуществ на монопрофильных предприятиях и в моногородах напрямую усилили социальную и экономическую напряженность в регионе. К тому же численное возрастание категорий социально-незащищенного населения (пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, безработных) негативно отражалось на состоянии инфраструктуры монопоселений, поскольку их содержание в силу специфических условий Восточной Сибири требовали дополнительных финансовых затрат.

Библиографический список

Кулешов В.В. Хроника времен переходного периода // ЭКО. 1992. № 8. С. 2–10.

Тараканов М.А. Химический комплекс Иркутской области в годы российских экономических реформ (1991–2005 гг.). Иркутск, 2006.

Urozhayeva T.P.

Reforming the economy of the Irkutsk region and the problems of city-forming enterprises in the first half of the 1990s

In the first half of the 1990s, in the context of the radical reform of the economy, the industry of the Irkutsk region were in extremely difficult conditions. The industry could not even compensate for depreciation expense. By 1996 the volume of investment in industry has decreased three times compared to 1991 and the level of physically and obsolescence of fixed capital was unprecedented.

Keywords: *economic reform, privatization, bankruptcy, non-diversified company*

Шишкин Александр Александрович
аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН
(Екатеринбург, Россия)
E-mail: *sanya123410@yandex.ru*

ТЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА В ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНИКОВ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ МОЛОТОВ И СВЕРДЛОВСК)

УДК 94(470)03.23.55

В статье уделяется внимание понятию «социалистический труд», анализируется его влияние на организацию и проведение праздников. Последовательно описываются 3 вида праздников: общегосударственные (со статусом выходного дня), ежегодные рабочие праздники и единовременные праздники. В статье показано, что основной формой подготовки рабочих к празднику являлись социалистические соревнования. Вместе с тем, тяжелые послевоенные условия быта приводили к тому, что при подготовке к празднику также решались задачи улучшения быта рабочих и инфраструктуры городов и рабочих поселков.

Ключевые слова: *сталинизм, труд, праздники, праздничная политика, Урал*

В советском обществе логичным завершением трудовых будней являлся праздник. Соревновательность как принцип трудовых будней имела завершение в праздничных мероприятиях. К праздничным датам подводили итоги социалистических соревнований, трудовой деятельности, чествовали ударников труда. Таким образом, праздник становился кульминационным событием в системе трудового воспитания.

Послевоенный период в истории СССР отмечается как время восстановления страны от последствий войны. Урал в этот период стал одним из центров эвакуации и претерпел значительные процессы урбанизации. В годы войны в Молотовскую область было эвакуировано 124 предприятия, прибыло около 315 тыс. эвакуированных, не считая производственного персонала, приехавшего

вместе со своими предприятиями[1], а в сам Молотов было эвакуировано 64 предприятия, благодаря чему население города выросло в полтора-два раза. Свердловск также являлся крупнейшим центром эвакуации: всего на его территорию было эвакуировано от 212[2] до 473[3] предприятия, а число эвакуированных в область людей составляло до 700 тыс. человек. Это расширило административную черту Молотова и Свердловска, вытянув их в «ленточную» застройку на десятки километров[4]. В итоге, основными структурными единицами городского пространства стали рабочие поселки, концентрировавшиеся вокруг промышленных предприятий и превращая тем самым Молотов и Свердловск в агломерацию рабочих поселков[5]. Все это не могло не создавать проблемы с жилищным фондом. Жилищное строительство не поспевало за ростом населения, и рабочие жили в бараках. Порой, в качестве жилой площади приспосабливали подвалы, ванные комнаты, производственные помещения, ветхие каркасно–засыпные бараки, построенные в 1932–1935 гг., которые находились в неудовлетворительном состоянии[6]. В Свердловской области площадь «временного» жилья составляла примерно 980 тыс. кв. м, а местное руководство не стеснялось признавать ситуацию с жильем «катастрофической»[7]. Люди жили в тесноте: жилая площадь на одного человека не превышала 3,5 кв. м. Все коммунальные сети были дореволюционными и находились в критическом состоянии, в некоторых районах Молотова отсутствовал водопровод и канализация[8]. В Свердловской области эта цифра доходила до 2,1 кв. м,

[1] Личман Б.В. История Урала. Екатеринбург, 1998. Кн. 2. С. 168.
[2] Мотревич В.П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2005. С. 404.
[3] Мы приближали Победу. Екатеринбург, 2000. С. 480.
[4] Киселёв А.Б. Архитектурный облик города // Пермь от основания до наших дней. Пермь, 2000. С. 294.
[5] Чащухин А.В. Власть и социальное пространство формирующегося города // Повседневность индустриального города. Пермь, 2011. С. 26.
[6] Кимерлинг А.С. Маленькие и большие индустриальные города в послевоенные годы // Повседневность индустриального города. Пермь, 2011. С. 23.
[7] Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.). Екатеринбург, 2009. С. 164–165.
[8] Лейбович О.Л. В городе М.: очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008. С. 32.

а стандартный тип проживания представлял собой двухъярусные нары[9]. В таких непростых условиях, тема «рабочих праздников» и труда в целом, становилась ключевой в праздничной политике.

В послевоенный период наблюдается тенденция к сокращению праздничных выходных дней. К 7 августа 1951 г., когда статуса выходного дня лишился день памяти В.И. Ленина (22 января), официальное число выходных праздничных дней равнялось шести: 1 января (Новый год), 1 и 2 мая (дни Интернационала), 7 и 8 ноября (Дни годовщины Октябрьской революции) и 5 декабря (День Конституции СССР). В средствах массовой информации при подготовке и во время проведения праздников, широко освещалась тема социалистического труда, главным образом — через темы «социалистического соревнования» и выполнения трудовых планов. Также существовали ежегодные рабочие праздники (например, день Шахтера) и единовременные праздники, посвященные трудовой тематике. В статье дается характеристика каждого из типа праздничных мероприятий.

Одной из форм стимулирования трудящихся являлись социалистические соревнования. В послевоенный период подобная форма стимулирования активно применялась в промышленных предприятиях в предвверии крупных праздников. Так, в феврале 1947 г. перед трудовым коллективом Уралмашзавода города Свердловск, Правительством СССР была поставлена задача увеличить объем продукции в 2 раза, активизировать добычу нефти, угля, руды, стали, оказать помощь сельскому хозяйству района[10]. Подобный рост связан с юбилейной датой — 30-летием Октябрьской революции. Однако поставленные задачи выполнялись с трудом, ведь увеличение количества рабочих на заводе равнялось примерно 3–5 % от общего числа в сравнении с 1946 г.[11] Поэтому на заводе было объявлено всеобщее социалистическое соревнование, целью которого стало увеличение производительности труда. Это соревнование затронуло каждое из подразделений завода. Примечательно, что поводом для начала соревнования стало об-

[9] Мамяченков В.Н. Указ. соч. С. 164.
[10] ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 12. Д. 120. Л. 20.
[11] Там же. Л. 21.

ращение ленинградских рабочих[12], но впоследствии это переросло в соревнование между рабочими заводов Молотова, Свердловска и Челябинска[13]. Во время социалистического соревнования практиковалось 3 метода повышения производительности труда: внедрение стахановских методов труда в коллективы «отстающих» цехов, организационно-технические мероприятия-отчеты между всеми коллективами рабочих внутри Уралмашзавода и активное внедрение рационализаторских предложений[14]. Контроль за выполнением планов фактически брала на себя партийная организация цехов, которая не только стимулировала рабочих, но и поощряла как особо отличившихся в ходе текущих работ, так и подвергала публичной критике отстающие цехи[15]. Заметим, что подобные мероприятия также организовывались и к другим значительным событиям праздничного календаря на всех заводах Урала.

Помимо официальных и самых важных в советском календаре праздников, традиционно являвшихся общесоюзными выходными днями, существовали периодические ежегодные праздники. Наиболее заметным для Урала в послевоенные годы стал праздник «День Шахтера». Утвержденный 10 сентября 1947 г.[16], праздник впервые отмечался 29 августа 1948 г.[17] Для Молотовской области праздник становился особым событием — не в последнюю очередь из-за находившегося на территории области Кизеловского угольного бассейна[18]. В газете «Звезда», органе Молотовского обкома и горкома ВКП(б), публиковались приветствия и поздравления шахтерам как от местных властей, так и от Правительства СССР[19]. Важность праздника для Молотовской области можно

[12] Там же. Л. 20.
[13] Там же. Л. 25.
[14] Там же. Л. 23–24.
[15] Там же. Л. 24–26.
[16] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года «Об установлении ежегодного праздника «Дня шахтера»» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 378.
[17] День шахтера // Правда. 1948. 29 авг.
[18] Праздник доблестной армии шахтеров // Звезда. 1948. 29 авг.
[19] Приветствия и поздравления шахтерам // Звезда. 1948. 29 авг.

подчеркнуть тем фактом, что следующий выпуск газеты «Звезда», с описанием проведенных в области мероприятий, был опубликован только 31 августа. В последующие годы, празднование дня Шахтера воспринималось на уровне руководителей местных угольных трестов как «смотр трудовых достижений шахтеров в социалистическом соревновании за пятилетку»[20]. В городах, непосредственно связанных с угольной промышленностью (таких как Углеуральск), проведение праздника было сопряжено, в том числе, с проведением в городе ремонтных работ, освещения улиц, побелки фасадов домов, и даже улучшению питания в рабочих столовых[21]. Таким образом, несмотря на официальную и праздничную атмосферу, проведение праздников в рабочей среде часто сталкивалось с бытовыми проблемами.

Наряду с ранее описанными мероприятиями, проводившимися систематически, устраивались и единовременные массовые праздники. Среди таких праздников, сохранявших высокое значение для Урала, можно отметить 150-летний юбилей Кизеловского угольного бассейна, отмечавшийся в конце сентября 1947 г. Этот праздник был настолько значим, что для его освещения была создана выездная газета «Звезда в Кизеловском угольном бассейне», действовавшая с 15 сентября по 7 ноября 1947 г.[22] В задачи выездной газеты входило систематическое освещение хода социалистического соревнования[23] и помощь в обмене опытом работы[24].

Так как добыча угля из Кизеловского бассейна производилась в четырех городах Молотовской области (Гремячинск, Губаха, Кизел и Половинка), это усложняло план организации всего празднования. Помимо проблемы удаленности городов как друг от друга, так и от Молотова, на месте проведения будущего праздника возникли организационные проблемы. Объявленное в честь юбилея социалистическое соревнование организационно было провалено: к

[20] ГАПК. Ф. Р-790. Оп. 13. Д. 94. Л. 1.
[21] Там же. Ф. Р-1350. Оп. 1. Д. 229. Л. 51–53.
[22] Там же. Ф. Р-1351. Оп. 2. Д. 55. Л. 3.
[23] Шахтеры бассейна! Становитесь на стахановскую вахту в честь праздника Великого Октября! // Звезда в Кизеловском угольном бассейне. 1947. 15 окт.
[24] Коллективная стахановская победа горняков шахты № 39 // Звезда в Кизеловском угольном бассейне. 1947. 29 окт.

концу десятых чисел сентября не были подсчитаны показатели добычи угля за июль 1947 г.[25] Все это срывало, в том числе, и отчетную часть праздника, поэтому к финальной подготовке празднования были подключены представители общесоюзных министерств. Сам праздник длился два дня (27 и 28 сентября), одновременно на всей территории Кизеловского угольного бассейна. Итоговый план празднования включал в себя множество пунктов, связанных, в том числе, с прибытием и размещением как гостей и партийных деятелей, так и артистов театров Москвы и Молотова[26]. За время праздника над городами и рабочими поселками бассейна было сброшено до 40 тыс. листовок[27], а также использовано около 4 тыс. пиротехнических зарядов[28]. В самом Кизеле как центральном промышленном городе района, было организовано торжественное собрание[29], на котором вручались правительственные награды[30]. Фактически, празднование юбилея помогло создать инфраструктуру г. Кизел. Так, в городе были открыты Горно-исторический музей, рабочий клуб, Дом инженера и техника, создано управление кинофикации. В остальных городах и рабочих поселках бассейна чинились или создавались клубы, дома и дворцы культуры, улицы, по которым должна была проходить торжественная демонстрация[31]. Кроме того, в рабочих поселках осуществлялась электрификация и радиофикация, в местные библиотеки закупались книги, местные школы и детские сады подготавливались к зиме, и также интенсивно строились новые дома для рабочих[32]. Наконец, благодаря юбилею, местные больницы были полностью укомплектованы необходимым медицинским оборудованием, расширялся персонал больниц. В конце III квартала 1948 г. в Кизел была проведена железная дорога[33].

Таким образом, тема труда занимала важное место в организации и проведении праздников, отвечая насущной общественной

[25] ГАПК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 1451. Л. 78.
[26] Там же. Л. 40–41.
[27] Там же. Л. 42, 121, 124.
[28] Там же. Л. 120.
[29] Там же. Л. 129.
[30] Там же. Л. 124.
[31] Там же. Ф. Р-1351. Оп. 2. Д. 55. Л. 2.
[32] Там же. Л. 3–5.
[33] Там же. Л. 7.

потребности — активизации трудового энтузиазма, привлечению советского народа к деятельности по восстановлению страны в послевоенные годы. В тематике и образном строе данных праздников находили отражение текущие вопросы советской действительности: высокие показатели в работе и выполнение трудового плана. Все это находило отражение в такой форме мероприятий как социалистическое соревнование, которое представлялось как борьба за профессиональное лидерство. Трудовые праздники выполняли воспитательную функцию формирования четких идеологических критериев и ценностей (труд, гражданственность, общественный и личный долг и т. п.), вырабатывали чувство социального единства, особенно усиливающегося в послевоенный период. В целом, трудовые праздники отвечали задаче советской агитации и пропаганды социалистического строя. Вместе с тем, организация праздников неизбежно демонстрировала проблемы быта простых рабочих. В зависимости от статуса праздника, эти проблемы частично решались (торговля особо ценными продуктами, ускоренный текущий ремонт зданий и т. д.). Ярким примером является празднование юбилея Кизеловского угольного бассейна, во время подготовки к которому была существенно улучшена инфраструктура рабочих поселков и городов бассейна.

Библиографический список

Кимерлинг А.С. Маленькие и большие индустриальные города в послевоенные годы // Повседневность индустриального города. Пермь, 2011. С. 19–23.

Киселёв А.Б. Архитектурный облик города // Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000. С. 294–300.

Лейбович О.Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008.

Личман Б.В. История Урала. Екатеринбург, 1998. Кн. 2.

Мамяченков В.Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих и колхозного крестьянства Свердловской области в период послевоенного восстановления (1946–1953 гг.): историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2009.

Мотревич В.П. Экономическая история России. Екатеринбург, 2005.

Мы приближали Победу. Екатеринбург, 2000.

Чащухин А.В. Власть и социальное пространство формирующегося города // Повседневность индустриального города. Пермь, 2011. С. 24–31.

Shishkin A.A.

The theme of socialist work in the organization of holidays in the Urals in the period of later Stalinism (on the example of the Molotov and the Sverdlovsk)

In the article attention is paid to the notion of "socialist labor", its influence on the organization and holding of celebration is analyzed. Consistently described are 3 types of celebration: nationwide (with the status of the day off), annual working holidays and one-time holidays. The article shows that the main form of training the workers for the holiday was socialist competition. At the same time, the difficult post-war conditions of life led to the fact that in preparing for the celebration, the tasks of improving the everyday life of workers and the infrastructure of cities and workers' settlements were also solved.

Keywords: *late Stalinism, work, holidays, festive politics*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖК РК — Архив Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан (Архив Верховного Совета Республики Каракалпакстан)
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации
Архив ЗГО — Архив Златоустовского городского округа
АЧОСПС — Архив Челябинского областного совета профессиональных союзов
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАКК — Государственный архив Красноярского края
ГАМ — Городской архив г. Магнитогорска
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГАОПДКО — Государственный архив общественно-политической документации Курганской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
ГОПАНО — Государственный общественно-политический архив Нижегородской области
ИАОО — Исторический архив Омской области
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
ОГАЧО — Объединённый государственный архив Челябинской области
ПермГАНИ — Пермский государственный архив новейшей истории
ПермГАСПИ — Пермский государственный архив социально-политической истории
ПСЗРИ —Полное собрание законов Российской Империи, собрание
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
СОГАСПИ — Самарский областной государственный архив социально-политической истории
ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАОО РБ — Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан
ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области
ЦДНИВО — Центр документации новейшей истории Волгоградской области
ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области
ЦДНИУР — Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

Научное издание

УРАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ. БАКУНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ.
ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII–XXI вв.

Материалы XIII Всероссийской научной конференции
Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.

Том 1

Рекомендовано к изданию решением Объединенного ученого совета
УрО РАН по гуманитарным наукам и Уральским отделением РАН

Ответственный редактор
Е.Ю. Рукосуев
Компьютерная верстка
Н.А. Бабенкова

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60x84/16
Печать офсетная. Бумага ВХИ 80 г/м. Гарнитура Times New Roman
Уч. изд. л. 43,5. Усл. печ. л. 40,5
Тираж 300 экз. Заказ № 8424 от 24.09.2018

ISBN 978-5-7691-2504-1

9 785769 125041

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Альфа-Принт»
620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж